BLOGS

Григорий Спичак

SHOUT
SHARE
IT

- ○ ОДНАЖДЫ В ПОЕЗДЕ
  - ○ НЕИМОВЕРНОЕ
  - ○ ПОРТРЕТ МУЖЧИНЫ С ИКОНОЙ И ЗЕРКАЛОМ
  - ○ АГНЦЫ
  - ○ ОДНОЙ ЦЕПЬЮ
  - ○ ВЫСТРЕЛЫ НАД СТАРИЦЕЙ
- ОХОТА НА ТЁМНЫХ ПТИЦ
- ВНУКИ
  - ○ ПЯТОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ
  - ○ МОНПАСЬЕ
  - ○ ИНОЗЕМЦЕВА
  - ○ ЧЁРНЫЕ ТУМАНЫ
  - ○ ТРИНАДЦАТЫЙ ВАГОН
  - ○ БЕЛЫЙ ВСАДНИК
  - ○ МЕТЕЛЬ
  - ○ ЛАЙКА
  - ○ МИНИАТЮРЫ И АФОРИЗМЫ
  - ○ УСИНСК
  - ○ УСИНСК.ПРО ЭТО
- УСИНСК.СМЫСЛЫ
  - ○ ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ
  - ○ МЫ НЕ КРУТЫЕ, МЫ ПОЧТИ ЛОХИ
  - ○ ФУГАС
  - ○ САПЕР
  - ○ ЖЕЛТЫЙ МИР
  - ○ ТАНЕЦ
  - ○ ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ
  - ○ ВОЙНА ГЛАЗАМИ ОТЦА
  - ○ МОГИЛА НЕИЗВЕСТНОГО МАТРОСА
  - ○ ОДНАЖДЫ В РОССИИ
  - ○ ЧТО ТАКОЕ ОБЫСК?
  - ○ РОССЫПИ-МИНИАТЮРЫ
  - ○ МИР НА ТРОИХ
  - ○ МАЛЕНЬКАЯ МИСТЕРИЯ
  - ○ ТЕНИ БОЛЬНИЧНЫХ КОРИДОРОВ
  - ○ СВЯТАЯ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦА ВАРВАРА ЗАЩИТНИЦА ОТ ЗЛЫХ СЛУЧАЙНОСТЕЙ
- ДВЕРИ ИЗ ЕГИПТА
  - ○ Египет. Древнейшие монастыри
- ЦАРЬ ТИШИНЫ
- ОТКУДА КНЯЗЬЯ ПРИШЛИ НА ВЫМЬ?
  - ○ ИЗБУШКИ И ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ
  - ○ ПРОСТРАНСТВО ПРАЗДНИКА

    - УЛЕТНОЕ ВРЕМЯ
- КИЛЬДИМ
    - МЕРА ХРИСТОВА
    - ХЛЕБ

ОДНАЖДЫ В ПОЕЗДЕ

В поезде соседи по купе знакомятся обычно очень быстро. Особенно если едут далеко. С присутствием друг друга день да ночь нужно как-то считаться, а потому всем хочется знать, кто ты такой, далеко ли едешь, да и вообще, если не общаться, то время тянется медленнее.

В одной такой поездке в плацкартном вагоне на вопрос соседей, вы откуда и далеко ли едете, молодая женщина ответила нам монологом, который я не могу забыть уже двадцать лет. Хотя это была всего лишь история, как распалась семья, зацепило по-настоящему.

Голос женщины дрожал, но она не плакала. Громкий голос, открытый и недоуменный взгляд, будто женщина всю свою жизнь увидела впервые. Она говорила, говорила, говорила. Её ответ как-то сразу услышало не только наше купе: люди слушали, переживали, сочувствовали, смущались от неожиданных интимных подробностей (о таких обычно дамы говорят только с лучшими подругами, да и то шёпотом). А здесь всё это волей-неволей минут двадцать слушали полвагона.

Она рассказывала о том, что уезжает на родину - в Белоруссию, что жили они с родителями мужа в двухкомнатной квартире и что не было ни хороших заработков, ни личной жизни, и даже рождение детей из-за этого всё откладывалось. Потом муж уехал на заработки на Север. Она отправилась к нему через полгода и обнаружила, что муж сильно пьёт, что у него появились женщины и что самое главное - нет больше любви, и он хочет развестись.

Что в этой истории необычного? Ничего. Но та женщина в том вагоне не просто отвечала на вопрос соседей по купе -куда едешь? Она будто держала ответ перед Богом, и весь её монолог был исповедью, криком души - пронзительным, искренним - о любви, которая ушла. Так искренне редко разговаривают даже двое. А здесь... рядом была не община, не церковь, а вагон случайных людей. И милостью Божьей, наверное, не нашлось ни одного грубияна и хама. Что тоже чудо. Даже двоих подвыпивших мужиков, картёжников и матерщинников, пронзительная исповедальность женщины ввела в ступор - они как-то внутренне запереживали и ушли курить.

Смущались от бьющей наповал открытости той женщины две девочки-подростка. Но они не хихикали, не переглядывались между собой, как это обычно бывает у девчонок, а уткнулись в

окно и растерянно молчали. Им казалось, что попутчица говорит не только о себе, открывая им, что значит быть женщиной.

Пожилая южного типа пассажирка на боковом сидении в панике смотрела на реакцию мужчин. Она словно была готова броситься и прекратить это душевное раздевание, но что её останавливало: мужчины реагировали как братья. Может быть, тем и запомнился мне монолог, что на двадцать минут напомнил всем нам, ехавшим в советском вагоне, что мы - братья и сёстры. Что, кроме временных социальных отношений, есть служение души для любви, что гибель любви - это страшнее, чем пишут в романах.

Пара средних лет, проходившая через наш вагон, тоже невольно услышала часть монолога. Его искренность даже в малой услышанной части была, видимо, настолько режущей, что пара воскликнула: «О Боже!» - и, испугавшись, быстробыстро поспешила проскочить странный вагон.

Рассказ закончился. Женщина и все мы сидели в некоторой тишине. Лицо её было бледным и неожиданно умиротворённым. Кажется, она через несколько минут уснула. Мы смотрели на неё, спящую, с жалостью и благодарностью. Как будто она напомнила нам какой-то долг, о котором мы бессовестно забыли. Может быть, не персонально я забыл, или забыла та южанка, или другие мужики. Забыли люди вообще. О том, что, где двое-трое во имя Любви, там и она с нами.

2003 год

НЕИМОВЕРНОЕ

Идём с дочерью по холодной серой улице. Ветер и мороз. Идём из поликлиники, где нам продлили больничный...

- Пап, а у тебя была когда-нибудь в жизни неимоверная радость? - спрашивает у меня Мария.

- Неимоверная? А это какая?

- Ну, вот неимоверная... Говорят же - «была неимоверная радость»... какая это радость?

Я задумываюсь и рассуждаю вслух. «Наверно, слово произошло от нескольких слов - «не имать веры». То есть радость такая, что даже не верят, что это возможно. Была ли у меня?.. Была, наверно... Была. Когда из армии возвращался в свой дом, всё казалось, что я его уже никогда не увижу. Но даже если доберусь, там всё будет по-другому, будто это вовсе и не мой дом. Мне повезло. И радость была неимоверная...

А ещё, знаешь, в том поезде, в котором я возвращался из

армии, было много солдат, но ехали и гражданские. Мне запомнилась одна пара. Их заветность друг другу была какая-то... неимоверная. Дедушка с бабушкой ехали к сыну-офицеру, служившему где-то в наших краях - на Севере. Бабушка была совсем слепая, и дед от неё почти не отходил, потому что она очень боялась - вдруг с ним что-нибудь случится. Солдат вон сколько - толкнут нечаянно, упадёшь и убьёшься... или выйдешь за пирожками, а проводница молодая, не заметит, что дед отстал, так и сгинет он в тапочках на босу ногу.

Мы улыбались, посмеивались... И вот дед ушёл в туалет и всё почему-то не возвращался. Мы сидим - выпиваем, песни под гитару поём и не заметили, как бабушка слепая встала и пошла за дедом... Искать отправилась. Слава Богу, кто-то из наших ребят её перехватил. Как раз поезд тряхнуло на перегоне...

- Бабуся, ты куда?

- В туалет.

- Так давай провожу... Шлёпнешься ведь.

- А ты деда мово не видал? - бабка спрашивала так, будто солдат пешком с Ташкента шёл и где-то под Казанью мог с дедом свидеться.

- Нет, не видал... Счас придёт твой дед.

- Ой, не придёт! Ой, лихо, наверно, случилось...

А тут дед. Может, очередь была большая или словом с кем перекинулся, не знаю, что его задержало. Увидел бабку свою, одной рукой намертво вцепившуюся в поручень, другой за рукав

дембеля-танкиста, и прямо в лице переменился от тревоги за жену: «Ты что ж, милая? Куда ж... Я ж тут...»

А бабушка как заплачет от счастья! Тихо так, но радостнорадостно и непрерывно. И руками лицо деда щупает и плечи -точно, мой дед! И живой, главное... Вот, Маруся, у бабушки той точно неимоверная радость была... Ага. Как вспомню, так и улыбаюсь каждый раз. А они - старички - сидели потом долго, всё за руки держались и шептали друг другу радостно что-то»...

Неимоверная радость. Она, наверно, от того, что всё никак не может поверить душа в событие, в радость встречи, в счастье даже простое и обычное.

А оно раз - и случается. Неимоверное.

2012 год

ПОРТРЕТ МУЖЧИНЫ С ИКОНОЙ И ЗЕРКАЛОМ

- Я мужчин сразу вижу. Мужчину сразу видно. Даже только по одному его взгляду на себя... В зеркало... - Эльдар Нурид-жанов бубнит мне в макушку, щёлкает ножницами и джигитует блестящей расчёской с длинной узкой ручкой. Эльдар - парикмахер, научившийся колдовать над человеческими головами ещё в детстве, в своём родном Дагестане. Движения его рук неуловимы, угловаты и резки. Кажется, что даже татуировка на руке Нуриджанова - закольцевавшаяся вокруг кинжала змея - даже она угловата, хищна и бесконечно неуловимо танцует своими кольцами.

- Мужчина - если он мужчина - всегда дисциплинирован. Он посмотрит на себя в зеркало и убирает взгляд... Только женщина бегает в зеркале своими глазами туда-сюда. Или не мужчина - мальчик... Он тогда ищет в зеркале - чего же ему не хватает до мужчины? Взгляда не хватает. Мужского и короткого...

- Вы философ, Эльдар, - говорю я ему, при этом мне сразу хочется добавить - «и психолог», но я не добавляю. Потому что было бы правильнее сказать наоборот: «Психолог вы, Эльдар. И ещё, кажется, философ...»

- Э-э! - взмахивает ладошкой Эльдар. - Какой философ, э? -

Ему понравилось, что его так назвали. - Столько людей ходят туда-сюда, столько людей смотрят в это зеркало, столько седых волос я здесь настриг, что вся мудрость у меня в пальцах осела. Ты вот в зеркало на мои руки смотришь. Почему? А потому, что я не головой, а руками думаю...

Эльдар явно засмущался от слова «философ». Его, наверное, никто так не называл. Он чуть-чуть стал суетливей и в руках, и в словах, проявился акцент.

Нуриджанов «отсидел» в коми лагерях восемнадцать лет. Сначала он получил от прокурора Махачкалы «червонец» за убийство двух человек в уличной драке, потом три года ему добавили за глупый и безнадёжный побег из синдорского лагеря, а последнюю «пятилетку» режимный прокурор «выписал» ему за поножовщину в зоне уже в Княжпогосте, где Нуриджа-нов освободился в 1990 году, вышел за забор лагеря, пошёл на железнодорожный вокзал, но на остановке соседней автостанции увидел пьяненькую женщину. Он пошёл за ней, сел в автобус и уехал в деревню. А через полгода с трезвой молодой женщиной

переехал из деревни в город.

«Я ей сказал: будешь пить - убью! Теперь не пьёт. И я не пью, - рассказал Эльдар. - Женщину воспитать надо. Если мама не воспитала, то, кроме мужа, никто этого не сделает. Конечно, бывает и муж как мальчик. Надо воспитывать...»

А про далёкое своё преступление он вспомнил при мне лишь однажды, да и то - скороговоркой. «Мне не стыдно. Я был прав. Повторись всё сначала, я бы всё равно их порезал. Может быть, с той лишь разницей, что сейчас порезал бы не до смерти...»

Сапожник-инвалид, семидесятилетний дед Семён Трах-Кувырочек (получивший прозвище за свою присказку «трах-кувырочек» по любому поводу) ещё из лагерных «вестей» рассказывал, что Нуриджанов в молодости заступился за сестру и мать, которых оскорбляли и лапали два проходимца. Молодой Эльдар, как это и положено на Кавказе, схватился за кинжал.

Танцуют ножницы Нуриджанова над моей головой, мелькает, как сабля, длинная блестящая расчёска. Философствует Эльдар. Мимо рук глядят его глаза, мимо металла в зеркале - в мою голову. Его глаза не карие, как это бывает у большинства кавказцев, а стальные, с зелёным блеском внутреннего южного характера, которого за двадцать с лишним лет жизни на Севере осталось в сердце Эльдара, наверное, совсем немного. Он носит это тепло в себе, кутая где-то за сердцем, как пиалу в своих душевных ладонях, боясь расплескать, боясь показать дурному смешливому глазу, боясь ненароком пролить в пустоту.

- Настоящий мужчина в зеркале видит ошибку. Мальчик видит победу. Или играет в мужчину... Женщина... Э-э! Женщина - это другой разговор. Она видит в зеркале не себя...

Что видит в зеркале женщина, Нуриджанов не рассказывает. Наверное, он не считает это важным для нашего разговора. Темп его речи начинает замедляться, и вот он становится уже медленнее движений рук.

Я однажды стоял на автобусной остановке и видел, как по другой стороне улицы медленно, чуть насупившись, шёл с женой Эльдар. Она - невысокая, рыженькая женщина - что-то говорила, говорила ему, он кивал головой медленно, казалось, что он следит за траекторией слов женщины и хочет понять: зачем эти слова летят в ту сторону? Зачем они вообще куда-то летят? Но потом меня осенило - да ведь Эльдар её вообще не слушает! Он слушал и внимательно следил за собранной своей душой, за пиалой, спрятанной за сердцем. Он нёс её - нёс себя, как дисциплинированный, стянутый кожаными ремнями кулак бойца-рукопашника. Опрокинутый, раздавленный жизнью и рассыпанный человек, он сумел снова собраться в человека. И он

знал цену этому собиранию.

Может быть, поэтому он сейчас философствовал, сверяя в разговоре со мной свои наблюдения, сомнения, и сбрасывал раздражение, накопившееся по тысячам разных мелочей. Да, он говорил со мной. Ведь в очереди к нему, к парикмахеру Нуриджанову, я переждал четверых. Ни с кем из них он не говорил. Хотя все четверо знали его, и он знал их.

- Почему в трудовых книжках пишут место, где сидел человеческий зад? Почему не пишут о том, что делали человеческие руки? Что держали они? Мужчина должен носить в руках воду, женщину и автомат. Когда мужчина портится, он начинает держать рюмку, женскую грудь и ключи от чужой квартиры...

- Ну, Эльдар, насчёт ключей не знаю, а как же мужчина без рюмки и без женской груди? Ты же из Дагестана. Там же вино и...

- Э-э! - Нуриджанов взмахивает рукой и уже всерьёз кипятится. - Я сейчас одну ягоду укушу и сорт скажу. У меня отец по прошлогодней листве сорт винограда мог сказать... Там каждый мальчик умеет воду носить... Нет. Сейчас обманываю - сейчас уже и там мужчины испортились... Но всё равно: судьба человека - это судьба человеческих рук. Вот смотри...

И тут мне Эльдар показывает на маленькую икону Николая Чудотворца, которая на его парикмахерском столике, заставленная и незаметная, стоит между створками зеркал.

- ...Видишь, что показывает Николай? Он руки показывает. Языком можно обмануть. Руками не обманешь. О Боге сейчас много говорят, а лбы крестят совсем мало. Мужчина лоб крестит, когда он, наконец, набрался мужества узнать мужество.

Я вижу в зеркале, как в коридорчике крупный седовласый мужчина кивает головой на слова парикмахера. А глаза его становятся библейски печальными, глубокими и опрокидываются куда-то за окружающее нас скудное пространство парикмахерской.

- Вы же мусульманин, Эльдар. Или нет? - спрашиваю я Нуриджанова, но спрашиваю не потому, что меня интересует, какому богу он поклоняется. Спрашиваю потому, что я поражён неожиданным поворотом рассуждений и неожиданным вниманием к вещам, казалось бы, привычным, к образам, которые давно запали в душу и в сознание как что-то целое. Забытая детская тщательность и вглядывание в жизнь были в словах азербайджанца Нуриджанова. (Впрочем, с чего это я решил, что он азербайджанец?) Там, в Дагестане, сто двадцать народов живёт. Кто он, парикмахер Эльдар?

- У вас в Дагестане, наверное, все народы мусульмане? Я,

кажется, бессознательно стал извиняться за свои неумные вопросы.

- Все, кроме русских... Зачем так спрашиваешь? Человек в Бога верит не так, как ты говоришь: эти мусульмане, а эти немусульмане. Человек в Бога верит и исповедует его! Зачем сравнивать, как ты думаешь?.. Я не знаю, я запутался, как правильно Бога называть, но я люблю Его слушать.

Эльдар зыркнул на меня через зеркало и нахмурился. Он не хотел говорить последние свои слова, они сами выскочили, и теперь он, кажется, немного расстроился. Хорошо хоть, что стрижку мою уже закончил. А то руки его прямо на глазах становились неловкими, будто парикмахер спешил их спрятать.

Может быть, я был свидетелем того редкого случая, когда в монологе человек обнажил внутренний бесконечный спор с самим собой о том, что Бог, если он даже один, почему-то по-разному учит жить разные народы. Спор о том, что молодость в Дагестане и зрелость в Коми никак не могут принять друг друга в одной душе, терзая мысли, которые никогда не уложить в общую причёску. Только бесконечно ошибаясь и набираясь сил, чтобы застолбить и признать ошибку, можно строить душу в самых безнадёжных вариантах её существования. Чувство всегда зыбко. Мысль всегда хрупка. Даже если ты мужчина и мужественный человек.

Наверное, поэтому речь и мысль, и чувство человека отражаются в руках. Они тогда говорят о многом. И не только, ЧТО сделано, но и КАК это сделано и прожито.

Сидя перед одним и тем же зеркалом, на одном и том же кресле и в одной и той же комнате, люди видят в нём слишком разные отражения. Или правильнее было бы сказать - слишком по-разному их не видят...

- Спасибо, Эльдар, за работу, - сказал я ему, ещё сидя в кресле. Я хотел сказать ему спасибо за беседу о мужестве, но это «спасибо» услышали бы в коридоре. Я не хотел этого. Как Эльдар не хотел сказать последние свои слова. Впрочем, мы встретились с ним быстрым взглядом и, кажется, поняли друг друга.

1994 год

АГНЦЫ

Матери моей посвящается

Тепло в избе. По-домашнему, хоть и не дома. Интернат уснул. Здесь не надо успокаивать шумливых непосед. После голодного ужина, вылизав тарелки и печально вздохнув, ребята раздеваются и без всяких «пока», без всяких «спокойной ночи», подтянув коленки к животу - так во сне меньше есть хочется - засыпают. Спит интернат: девчонки все вместе на полатях и на печке, мальчишки - на трёх кроватях, поставленных рядышком, двое самых старших - на телогрейках и шубах на полу.

Воспитательница интерната, она же и кухарка, Елизавета, пожилая дебелая женщина с грубым не по-женски лицом,

которое от скудного света керосиновой лампы кажется ещё грубее, прислонилась устало к стене. Взгляд невидяще упёрся в карту, приклеенную к боковой стенке печи. Какой-то лиходей успел уголок оборвать, на цигарку, небось. Оборвал, паразит, а флажки, фронт на карте обозначающие, на пол, эво-на, рассыпались! Шевеля губами, ругаясь про себя, Елизавета поднимает их, а куда втыкать, не знает - по карте не понимает ничего. Положила перед дедом Захаром на стол. Захар детские валенки чинит.

- На. Повтыкай туда же... или вперёд... На карте-то места чуток осталось... Война кончается, что ль?

- Дура, - дед жуёт откушенную дратву. - Впереди вся Европа.

«Вся Европа впереди... Сколько ещё там поляжет мужиков-то наших?.. Ладно, сын хоть в родную землю зарыт». Тлеет цигарка, обжигая губы деду Захару. Горький дым от дерьмового табака щекочет нос. Морщится дед как от боли. В душе темень, горько - горше, чем от табака.

- Перловки осталось обеда на три, ячменя на раз, муки... разве что на голову посыпать. Обещал, правда, председатель завтра подвезти... муки-то. Но это ить всё.

Елизавета таращит усталые, в сонной поволоке, глаза. Не садится Елизавета специально, разговаривает стоя: домой идти надо, а сядешь - уснёшь.

- Продать... обменять что, аль? - А Захар молчит. Только катанки пищат под шилом-иглой.

- За-ахар! Думаешь, чё-ля? У старших девок ноги ж пухнуть стали.

- Отвяжись. Не слепой. - Он елозит окурком по совку на полу у ног. - Я-то вижу. Только Федька, козёл, ни хрена не видит...

Уродилось же... Выродок, таких в роду у нас ещё не было...

Федька, Фёдор Егорович - племяш деда Захара. Он же - председатель. «Драли мало этого председателя, когда ещё под стол пешком ходил и с голой ж... бегал». Захар клянёт его последними словами - не за себя клянёт, за людей - забывает стервец Федька о людях: «Сам чёрный от недосыпу да недое-ду». Чёрный - копалка тебе в нос, на то и председатель. А детей забывать не моги! Это будущее... А чего ради деревенские мужики от Дона до Немана в землю зарыты...

Как на уборку картофеля иль коноводить - давай-давай. Выкатит свои зенки пустоплошные: хоть плюй в глаза - всё божья роса.

Елизавета ушла, а дед бока на лавече отлежал, глазами темень в избе тискает. Не спится. Ухает только старая изба, ещё его дедом строенная. Для этих пострелят - прапрадедом. Прапрадеды...

«Подожди, Фёдор, придут мужики с фронта - обязательно кто-нибудь придёт, не могут не прийти - намнут тебе бока, спросят, чем же ты, сукин сын, детей наших и баб кормил. Не спрячешься тогда за свои лозунги-словесы: время, мол, такое было... Мужики ерунду эту и слушать не будут, потому как время это горбом своим делали. Юшкой, вона, вся Россия умылась, а вытирать эту юшку кровавую не кому-нибудь, а этим вон, что сопят на полатях да на кроватях».

Дед Захар экономно курит цигарку, прикуривает от зажигалки - покойный сосед ещё с финской привёз, пригодилась. На финской не погиб, так на этой, в Мурманске где-то лёг.

В глазах от яркого света зажигалки долго потом прыгают голубоватые зайчики - листопад перед глазами.

Старик протирает запотевшее окно, вглядывается в шелестящую снегом апрельскую ночь - не горит ли огонь на скотном дворе за оврагом. Горит. Значит, ещё двух часов нет... Скотницы навоз носят, чистят, а может, смена дежурная не подошла.

«Комиссия какая-нибудь на Федьку нагрянула бы, что ли... Там, может, умный один найдётся, едрёна корень! Нагрянет... На-ко-ся!»

Но что делать-то? Дед скрипит половицами, подходит снова к окну. Тухнет фонарь на скотном дворе. Гаснет, как леший подмигнул.

А дед Захар уже благодарен этому «лешему». Как же он раньше не догадался? Захар грустно улыбнулся - с этим «лешим» перед Богом чистый и перед людьми...

Он тихонько будит самую старшую из девчонок. Ничего не

говорит. Девчонка спросонья даже не спрашивает, куда и зачем: если дедушка зовёт, значит, надо... На улице под зябким, пронизывающим ветерком просыпается, наконец.

- Деда, куда мы?

- Тут, маленькая моя, дело такое... В случае чего - я виноват.

Бывшая конюшня, сейчас колхозная овчарня, выходит торцом на самый краешек обрыва. Охраны отдельной на овчарне нет. Дежурные в основном посматривают на коровник, который здесь же, с другого конца конюшни, торец в торец.

- Главное - тише. Не взбаламуть отару, - хрипит Захар, подсаживая девочку к заткнутому мешковиной окну наверху.

Через минуту дед уже и сам спрыгивает прямо на шею Нинке.

Овцы-таки шарахнулись. У воров похолодело сердце.

- Тише, миленькие... Сволочи, мать вашу так-перетак... Голубушки, чтобы вы опухли.

Отара угомонилась. Дед приказал девочке сесть. Сам садится рядышком. Задержал дыхание, прислушался. За стенами лишь шелест леденистого снега и далече, над въездом на скотный двор, скрипит от ветра жестянка фонаря.

- Ба-але, ба-але, - шепчет дед, протягивая прихваченный загодя кусочек хлеба. Овечек зовёт. А у девчонки от этого шёпота слёзы из глаз. Без звука. Жутко.

В руку деда ткнулась добрая мордочка. Тёплая, губы мягкие. Дед цепко, за короткую шёрстку, выворачивает животное, полоснул нож - хрип... И только дробь копыт шарахнувшихся снова овец.

Обратно путь уже легче. Дед снова поднимает на плечи Нину, подаёт ей тяжеловатую, пуда на полтора, овцу. Девочка в первый раз не удержала, упала вместе с тушкой, во второй раз получилось - оглянувшись, столкнула в окно. Тушка юзом скатилась по склону оврага, зацепилась за кусты внизу.

В овраге от колкого ветерка и снежной крупки она стыла быстро, но дед успел разделать её ещё тёплой. Липкая чёрная кровь вмёрзла в кожу, в грубые, шероховатые, все в цыпках руки. Свернул шкуру в плотный рулон, сложил ещё вдвое, зарыл в настовый снег у еле приметного куста шиповника, в стороне.

- У Людки на ноги обуть нет ни шиша... Перепрячешь, а к осени сошьёте. Ефиму из Жигановки отдашь, он не проболтается...

А Нинку колотило крупной дрожью, она бы, наверное, упала в изнеможении. «Ы-ы-ы», - не хватало воздуха в груди, но дед снова свистящим шёпотом и тяжёлым табачным духом цыкнул ей в лицо:

- Смотри ж, перепрячь скоренько - завтра же... Поди, глянь по

следу. Кровь запинай.

Секла, секла лицо колкая снежная крупа.

Интернатовская столовая - это летняя половина избы, светлая, окнами к реке. Даже серый и густой утренний дождь, сменивший ночной снежок, не делает свет из окон сумеречным.

Елизавета хмуро, быстро раздаёт добавку. Освободила чан - как груз тяжёлый долой. Тихий сегодня завтрак. Необычно тихий. Молотят только ложки о тарелки, у Нинки суп пополам с молчаливо скрытыми слезами.

Один дед Захар сидит у входа и весело болтает:

- Давай-давай... На уроках, чур, не спать. Училка пожалется на кого, тому воду сёдни носить. Уговор. - Он щурится, глаза внимательно бегут по челюстям, по ушам, что ходуном ходят. На Нинке остановились. - Давай-давай, робяты... Вот придут батьки с войны, а вы уже во-он какие - грамотные, здоровые мужики-помощники... А как же, работы о-ой скока будет... Нужны будете - отцам помогать, стране нужны... А как же...

Взгляд Елизаветы нечаянно падает на окно. Председатель с милиционером, прикрывшись от дождя мешком, идут рядышком к интернату. Снег пополам с грязью месят, о чем-то переговариваются.

Елизавета побледнела, еле слышно охнула и села на лавку у печи, на деда вопрошаючи глядя.

А дед... Дед закрутил цигарку в палец толщиной.

Один из малышей, Василёк, круглый сирота, встав из-за стола, заученно-невыразительно сказал громкое «спасибо». Дед, улыбнувшись, кивнул.

В дверях мальчишка столкнулся с председателем и милиционером.

- А у нас суп с мясом был! Во! - и показал большим пальцем вверх.

Днём он получит от плачущей Нины затрещину, не особо задумается, за что, через пять минут забудет и никогда больше в жизни не вспомнит.

А из мужиков в деревню никто не вернулся, дед Захар тоже.

1986 год

ОДНОЙ ЦЕПЬЮ

Малюсенькое окошечко чёрной бани. Сумеречный свет в окошке. Влажным холодом вползает туман, стёкол нет, и жёлтый прямоугольник, величиной в два хороших мужицких кулака, вбирает густой, наполненный звенящей тишиной воздух.

Роман выглянул в оконце - не видно ничего: ни свинцовотяжёлого течения осенней реки, ни противоположного берега с чистым бором корабельных сосен - туман. Он осторожно потянул в себя воздух и натужно закашлял, марая борты телогрейки кровью отбитых лёгких.

«Всё». Он заплакал, давясь кашлем, опрокинулся на спину и засучил ногами по невидимому в темноте и потерянному в сознании полу.

Его бил поздним вечером комендант «общежития» - удивительным смыслом оборачиваются знакомые слова - сначала кулаками поддых (это чтобы фингалов не было), потом комендант всё чаще и чаще запихивал руку в дыхало, как в мешок. Он бил и распалял себя.

- Хад!.. Экономическая вражина... Приписал Снегирёвой... Сне-ги-рё-вой, - так на каждый слог по удару, - нор-моч-ку. А мне значит - срок! Курва. А мне по лагерям?!.. Да я тя, вошь интелли... - и не было края ненависти и слюням, как не было сочувствия хотя бы во взгляде писаря у дверей.

Не пристало ждать сочувствия, пора было бы отвыкнуть - поселенец Устьвымьлага, в далёком прошлом литературный сотрудник театра, в прошлом недалёком - № 20116 того же изуродованного в собачий лай названия - Усть-Вымь-лаг, он, Роман, подыхал сейчас, как собака, успевшая увидеть смерть раньше смерти и напрягшая всё своё существо для схватки с нею.

Комендант кричал тогда ещё о том, что он, Роман Гудов, -«осёл», что Снегирёва переспала со всеми, кроме медведя в тайге, что за приписки его, коменданта, по головке не погладят, а пошлют туда, где и медведей-то нет, не то что ослов таких, как Гудов, и «проституток», как Снегирёва.

Потом комендант, крепкий коренастый мужик с по-крестьянски широко посаженным носом и не к месту добрыми пухлыми губами на озверевшей физиономии, бил упавшего Романа ногами. Тело, как мячик, меняло форму от тупых проникающих ударов, и Роман дёргался и поворачивался так, будто боялся, что какой-нибудь удар достигнет глубиной сердца. Он только чавкал под ударами, а когда потерял сознание, от

очередного удара вырвался стон, неожиданно громкий, как крик.

Осатаневший комендант остановился, с любопытством, как на рожающую суку, взглянул в лицо Роману и на его истыканную носком сапога телогрейку. Почесал затылок, испуганно оглянулся и, лязгнув зубами, проглотил порцию мата для писаря. Он закурил, дрожащими руками свернул цигарку и мелко, как телок-однодневок в вымя, потыкался в уголёк, который выгреб из печи.

- Слышь, - обратился он к писарю, - снеси-ка его в изолятор... в баньку, то есть.

А когда отнесли, и он запер баньку на засов, а засов замкнул сооружением, кованым ещё в начале века, тогда Егор Пантелеевич уже чуть успокоенным тоном попросил непроницаемого писаря с вечным выражением козьего равнодушия на лице:

- Ты того... Заглянь к нему поутру... Август, не замёрзнет, но... ты глянь. Хлипкий какой - тиллигент... Понял?

Когда-то красивая, а сейчас иссушенная, почерневшая поселенка Снегирёва не была проституткой. Она была сумасшедшей, тихо тронутой от пришедшей стадом беды: смерти трёхлетнего сына, двух подряд изнасилований конвоем на пересылках, голода и издевательств матёрых подруг по несчастью. Она была тихая, вечно голодная и легко, за хлеб, покупаемая мужчинами, потому что не понимала того, что продаётся. Работала она, как нормальная, - с топором ни на кого не бросалась. Её выработанные кубы, которые вечером обращались в полновесную пайку, подруги укорачивали, а то и вовсе отбирали. Она кротко смотрела на мир полуослепшими от слёз глазами, высмотревшими в этой жизни уже всё.

Роман вернул ей на бумажке учёта те кубы, приписал «сверх» - всё-таки дополнительный паёк. Думал - государство не обеднеет. Четыре раза этот номер прошёл, на пятый его избил комендант. То ли за то, что считал - государство обеднеет, то ли за то, что считал только себя полномочным решать, кто стоит приписок на доппаёк, а кто нет.

Роман затылком чувствовал песок на грязном, затоптанном полу давно не топленой баньки. С тех пор как банька стала изолятором, она не знала ни берёзового морёного духа ошпаренных веников, ни густого жара полатей, ни тепла, вообще какого бы то ни было. Банька стала камерой, а после случая, когда на дверном косяке удавился цыган-поселенец Шурка Мамутов, оторвали и косяки, выдернув с широкополыми гвоздями, с «мясом» успевшего почернеть до сердцевины дерева.

«Отбитые лёгкие - это смерть». Она так скорбно заждалась Ромушку, дистрофика и язвенника, мыслителя, не дописавшего

детской пьесы литсотрудника.

Пять лет назад, в 1940-ом, когда он перед следователем невнятно, через свои дурацкие «так сказать», «поскольку» и «безусловно» объяснил, что он не «перевалочная точка подрывной литературы немецкой разведки», тогда он случайно увидел на захлопнутом «деле»: «ГУДОВ Роман Сергеевич. Год рождения 1914. Драматург». Знал бы следователь, как это «драматург» сделало Романа счастливейшим человеком на свете, несмотря на то, что отделяла его от света кованая дверь, несмотря на то, что на ужин дали солёную до горечи селёдку и забыли дать воды. «Драматург» - и Роман по-щенячьи доверился человеку, как казалось, удивительно высоко поставившему его. Ему, однако, так же вежливо пришлось и дальше доказывать, что он не верблюд, а следователь, так высоко его поставивший, его и посадил.

Сейчас ему хотелось пить, как тогда, после селёдки, но пить хотелось от солёной вязкой крови во рту, от начавшегося жара. Горело внутри - в груди, в животе, в голове. И только потому, что в изоляторе была почти кромешная темень, он ещё легко отделял сон и бред от чёрной и простой, как могила, яви.

Дышалось с трудом. Грудная клетка не могла вобрать воздух, то ли сдавленная поломанными рёбрами, то ли это запёкшаяся кровь в лёгких не пропускала по тысячам своих сосудов кислород.

Зря комендант Егор Пантелеевич боялся, что интеллигент замёрзнет. Воздух был тёплым и плотным, как в протопленной бане. Он душил, этот воздух.

На Романа тяжело, как когда-то в детстве, наволакивалась в полузабытьи куча-мала. Пацаны его деревянной двухэтажной улицы собирались в широком переулке, где с одной стороны за кованым фигурным забором был заброшенный сад бывшего купца, а с другой - здание конторы, вечно тёмное по вечерам и потому равнодушное к футбольному гвалту, дракам и прочим деталям мальчишеского существования.

Ожидали кого-то из пацанов, убежавшего за мячом. Тот задерживался, начали скучать. И тогда от скуки на Ромку, вечного раззяву, налетел сзади его дружок Миша, крикнув в момент нападения:

- Ур-ра! Куча-мала!

Ромка весело гикнул, принимая игру, поваленный Мишкой, крепко прижимавшим его всем телом к земле. И посыпалась в кучу-малу пацанва. Хрустнуло неловко оттопыренное плечо Романа. Охнул, хотел крикнуть, но не дали. Для крика не хватило в груди, придавленной к земле, воздуха. Он понял, что сейчас задохнётся, а его душители и не понимают этого, выпучил глаза в ужасе, кося ими в оказавшееся рядом лицо Мишки. Но Мишка от

этого только захохотал, видно, смешной ему показалась рожица Ромки с будто дурашливо вытаращенными глазами. Мишка давил телом и смеялся.

А потом захлебнулся его смех, и полезли из орбит глаза - теперь задыхался он, а тот, кто был над ним, хохотал, глядя в Мишкино лицо. Но через секунду захлебнулся и тот, навер^{x}у...

Комендант Егор Пантелеевич в тот вечер на поселенцев больше не шумел. Умеренно гаркнул пару раз по пустякам, да ещё, правда, проходя мимо сушилки женского барака и столкнувшись со Снегирёвой в нижнем белье, чешущейся от щекотавшего ветерка, со стоном вытянул её кнутом через грудь и живот. Дома раздражённо, тяжело шлёпнул по затылку младшего четырёхлетнего сына, тот просил, по-детски шепеляво, распахивая в ожидании глазёнки, сделать свистульку из стручка акации, но какая тут, к чёрту, свистулька...

У Егора ёкнуло сердце, когда заплакавший босоногий сын горько ткнулся мордашкой в тряпьё, спрятавшись на печи. Егор всё больше раздражался на себя, не доужинал, бросил в сердцах ложку на стол, психанул и ушёл спать...

Уснул он сразу, усталость в старых больных ногах, накопленная за день, валила с ног и сушила голову сном.

Ноги, что ли, быстро отошли, но около трёх часов ночи Егор проснулся и испуганно, будто что-то проспал, подскочил на кровати. Нечаянно зацепил разомлевшую во сне жену локтем. Та шумнула было:

- Сдурел?! Чтоб те попрыгунчик плешь оммерял...

- Иди ты!..

Показалось ему - беду проспал. Он уже догадался, где его беда. Заталкивая жёлтые, кручёные ревматизмом ноги в штанины, суетил руками по ширинке и готов быть завыть.

«Убил ведь. Дохлый этот... Ну, чересчур же... Ой, сволота, сволота! Не в мои годы по лагерям-то мотаться».

Роман приходил в сознание уже только на короткие паузы. Вталкивал в себя воздух, пока не начинал пузыриться на губах кровавый кашель. Он не слышал, как лязгнул замком и запором комендант, как тот со смертельной тоской, чуть не плача, выругался и шептал: «К доктору, в Заречье... Дык за тебя вить... Сукин ты сы-ы-ын, ваша ить братия на «столыпинке» суд наведёть - кровопи-и-ивцы... А дети-и?» Комендант и сам с каждой секундой всё больше понимал размер катастрофы, и это его «а дети?» развернуло перед ним весь мрак надвигающегося несчастья.

На своей телогрейке волоком тащил он Романа к реке. В лодку занёс на руках. Сел за вёсла, в густом тумане отчалил от

берега и зачапал скрипящими в уключинах вёслами.

Роман очнулся, наверное, от холодной сырости тумана, почувствовал, что его качает, увидел светлый воздух перед лицом.

Егор бросил вёсла.

- Парень, - он наклонился к Роману. - Парень, ты того... потерпи. Мы дело исправим, - не те слова лезли на язык, но Егор не мог сразу найти другие слова, какие сейчас нужны.

Этого бессловесного, вчера одного из многих, а сегодня единственного, главного, как наследник, ему страшно захотелось назвать сыном, но он боялся этого слова, потому что это была страшная ложь в его чувствах и страшная правда по сути, потому что он убил сына по положению, в котором оказался, -убил завтрашнего себя.

Это ли он понял, или кошмар опустил его на дно лодки, заставил обхватить голову руками, и, раскачиваясь всем телом, он горько-горько заскулил. Роман, приподняв голову на плач, в который уж раз закашлял кровью, размазав ладонью липкую чёрную слюну, посмотрел на ладонь и заклекотал:

- Эк, беда какая... Плачешь, старик?.. Беда наша... - и опрокинулся, задавленный бредовой кучей-малой.

Хрипы в груди сливались со стонами коменданта. Тот будто лежал на Романе и смеялся смехом дружка Мишки; странный смех этот был всхлипывающим и журчащим, как мощное, но плавное течение за бортом.

Лодку в кромешном молоке тумана несло на голый, без единого кустика, песчаный остров. Только обоим в той лодке это было уже неважно.

1988 год

ВЫСТРЕЛЫ НАД СТАРИЦЕЙ

Ружьё мне отец подарил в первом классе. При этом он строго наказал, чтобы я каждый раз, когда беру его, иду в лес или ещё куда, предупреждал его об этом. У меня сейчас трое сыновей, но я не смог бы доверить ружьё ни одному из них даже в пятнадцать лет. Может быть, и они вполне разумно пользовались бы оружием, но у меня не хватает духу: мир другой, ответственность другая, тревожность, и нет у моих мальчишек простой крестьянской основательности.

Впрочем, наверное, это наши отцы проще относились к оружию, к возможной смерти, и сама тревога о детях была у них какая-то другая.

А когда мне не было ещё пятнадцати, в конце восьмого класса, майским вечером мы с одноклассниками Витькой

Кудиновым и Геной Вахрамеевым решили уйти в ночь на открывшиеся ото льда старицы. Летела утка, и молва по нашему лесному посёлку шла уже вовсю: и что дядька Иван Ковальчук на прошлой заре двенадцать штук набил, и что братья Козловы два рюкзака утей нагрохали, мать их отгулы взяла - весь день ощипывает... Азарт поднимал и мужиков, и пацанов. Впереди были выходные дни - День Победы и с ним суббота с воскресеньем.

У Виталия с Геной ружья были получше моей берданки: «ИЖ» шестнадцатого калибра у Генки и «Зауэр» двенадцатого -у Витька.

У Витьки вообще вся амуниция была основательная. Нож, выточенный из тракторной рессоры, больше похожий на спартанский меч, рюкзак с шестью карманами; картонные литые и цветные гильзы патронов - всё было редким, каким-то боевым - настоящим!

Взрослая жизнь пахла для нас тогда папиросами «Север» и сигаретами без фильтра «Шипка», порохом и оружейным маслом, кожей патронташей и дымом костров. Попивали мы на рыбалках и охотах и водочку. А как же - мужики ведь прихватывали с собой чекушечки, прихватывали и мы...

Витька - крепыш, взбитый молодой казачок. Его мать приехала в наш посёлок беременная Витькой, когда его отец сидел в лагере Княжпогоста за убийство милиционера. Случилось это на далёком Дону, и неродившийся Витька поехал к отцу на Север.

У Генки, наоборот, отец был милиционером. Правда, тихим и унылым. Дядя Толя казался нам всегда молодым стариком. Он

был начальником районного вытрезвителя, молчун, небрежно и неизвестно зачем одетый в форму. Майор Вахрамеев имел привычку сосредоточенно смотреть под ноги, будто что-то ищет, печалится или таким образом прячет от людей глаза.

Гена - прямая противоположность отцу. «Пустосмех» - звала его моя бабушка, потому что хохотал он по любому поводу. В спорте он всегда пытался быть первым. Гена и вправду очень хорошо бегал, занимался гимнастикой, а на охоте всё время дразнил нас курильщиками и чахоточниками. Сам не курил.

От старицы, берега которой с одной стороны были густо заболочены, а с другой неровно заросли ивняком, мы отошли не слишком далеко - метров на триста. Нас от неё отгораживал ещё и молодой ельник, и поэтому мы надеялись, что перелётная птица - гусь или утка, заходя на старицу со стороны реки, нас не увидит. С другой стороны от нашего костерка был высокий и довольно крутой склон, который когда-то, вероятно, был берегом. Может, лет триста назад, а может, и всего-то пятьдесят-шестьдесят, но русло реки ушло на полкилометра западнее, оставило старицу-озеро, заливаемое вешними водами, и этот берег-террасу высотой метров в двадцать.

В мае ночь темна всего-то два-три часа. Ещё недельки три -и совсем белые будут стоять ночи, благодатные для мошки и овода, позволяющие птице высидеть яйца и вскормить молодняк до первого пера.

Костёр горел. Домашние бутерброды были съедены нами уже к полуночи - и съедены с таким неистовством, будто мы на свежем воздухе весь день валили лес без обеда. Чекушеч-ку мы тоже выпили. Рассказывали друг другу байки - больше из охотничьих былей отцов и соседей: своих-то было ещё немного...

Уже и темно стало, а всё не спится. Сидим тихо. Пьём крепкий чай. Мечтаем об утренней удаче. Вот бабахнуть бы штучки по три утки, а? Если ж гусь подвернётся - совсем здорово!

Два самых тёмных часа прошли быстро, за высокой террасой на востоке стало сереть. А вместе со светом накатил клочковатый туман и какой-то колючий, едва слышимый, лай собак. Напряглись мы уже через несколько минут: лай стал громче, злее и жёстче. Это не ленивый лай собак где-то на ближних дворах посёлка. Это не растерянный лай потерявшейся лайки -нет, этот был густой, хрипящий в три глотки. Ближе, ближе, ближе...

И тут мы увидели его. И тут мы вспомнили утреннее объявление по районному радио: «Из исправительно-трудовой колонии посёлка Синдор бежал особо опасный заключённый (далее шли особые приметы), осуждённый за убийство, предположительно вооружённый охотничьим обрезом».

И он увидел нас. Ружья у него не было. Он несколько секунд смотрел на нас, стоя, согнувшись, как обезьяна, на самой кромке берега. Витька рванул на себя ружьё. Зэк то ли погрозил пальцем, то ли так отчаянно затряс рукой - дескать, не балуй! Прошу - не балуй!

Витька кивнул и очевидным жестом показал, что откладывает ружьё. Зэк исчез.

Лай прогремел прямо над нашими головами. Собаки шли по следу, не отвлекаясь на дым нашего костра: дрессированным, им не помешали даже аппетитные запахи картошки с сыром. А ещё через минуту мы поняли, что тот отчаянный дядька, похожий на обезьяну в куцей телогрейке, кажется, попался. Нет, на самом деле он ещё не попался, но он не знал, что перед ним старица, а не река. И вплавь - глупо, и в обход уже опоздал...

Южнее нашего костра метров за триста собачий лай скатился по склону и застрял где-то между ельником и ивняком. Клоками летящий над ивами туман казался лохмотьями того самого лая. «С пригорка!.. Выше поднимись, Андреев, выше... -услышали мы солдатские голоса. - Видишь его?!»

- Ага! Вот он!.. Стой!

Траийх! Грохнул выстрел, и эхо прошелестело: «... ийх -ийх - ийх!!!»

«Видишь б... гу? Где он? Дай направление!» А сверху кричал удачливый загонщик Андреев: «У самой воды! Возьми чуть правее... Выходи, гад!» «ТРАИйХ!!!» - ударило совсем близко; «ийх-ийх-ийх!» - хохотнуло эхо.

Громко плеснулась вода. «Пошёл! Уходит! В два ствола. Очередями, Андреев!!!» Загрохотало, и сквозь разорванную тишину, скулёж овчарки и возмущённое эхо мы слышали: «Ушёл ведь! Ушёл!» Тявкнула ещё пару раз собака. Наверное, с минуту было тихо. Мы стояли и молча смотрели друг на друга. Казалось, что всё удаляется, почти исчезло, что мы их больше не услышим. Но одиночный выстрел с верхней террасы грохнул, как точка. Всё-таки выстрел выстрелу рознь. Мальчишечье чуткое сердце услышало в самом выстреле эту разницу.

Неведомый Андреев, видно, хорошо целился. «Есть! - рявкнул он с берега. - Есть... Есть... Вон плавает. Щас зацепим с того берега!» - крикнул он своему напарнику.

Убитого зэка мы не видели. По заболоченному берегу старицы бродили и чавкали сапогами солдаты. Появились ещё двое. Когда мы поднялись на террасу, прямо на нас выскочила овчарка. Гавкнула беззлобно - и убежала.

Домой мы уходили не по берегу и не с уточками, как мечтали (какие тут нафиг уточки!), а лесом - по просеке высоковольтной

линии. Брели, почти не разговаривая. «У каждого своя охота, - пытался умничать Витька. - А на нас хоть бы рябчик для души вылетел».

- Да ну, - буркнул Гена, - тошно что-то. Для души-и... - гнусавя, передразнил он Витьку. И попросил закурить наш некурящий Гена.

Согласный с ним, сел на соседний пенёк, курил и сопел обиженный на солдат Витёк. Дым сигареток не растворялся, а будто висел космами. Как туман над старицей. Тогда, когда расстреляли человека и тишину...

2010 год

ОХОТА НА ТЁМНЫХ ПТИЦ

Василию было почему-то легче от того, что шофёр фургона и женщина-экспедитор его не испугались. Как-то слишком уж просто, как просто было всё до сих пор в его искорёженной жизни: он вышел на просёлок из кустов можжевельника, поднял автомат, устало лязгнул затвором.

Женщина и шофёр собирали в фургоне, по собственным карманам, в бардачке кабины всё то, что нужно было взять с собой этому человеку с автоматом, в тёмной одежде. Чтобы этот человек мог есть, курить... Деньги для того, чтобы - чем чёрт не шутит! - ехать.

Наверно, ещё позавчера рецидивист Василий Балабаев - кличка Ломоть, для своих Лом - откровенно радовался бы, если б под его автоматом эти двое прыгали на цырлах. Сегодня, на четвёртый день побега, это почему-то показалось ему дешёвым... не только с их стороны.

Шофёр - рыжий мужик чуть постарше Василия, свежий, здоровый - смотрел на дуло автомата как-то дурашливо, будто хотел сказать: экая нелепость! Ломоть про себя, разглядывая обоих, бессильно ухмылялся: «Куда ж ты, лопух, так далеко эту гладенькую везёшь? Симпатичная крыса... Ворует, небось, у себя на базе. Не боится... Точно ведь ворует. Где ж, бланманже, мои семнадцать лет?..»

- Меня не видели! - ощерился на прощанье Василий, взваливая на спину жёсткий тяжёлый узел. Знал заведомо: эти продадут. Он из горлышка допил бутылку кефира, что держал в руке, зашвырнул её в лес. Вытер рукавом губы. Сонливо, на всякий случай, ещё раз повёл стволом автомата перед физиономиями.

- Продадите - я вас, козлячьи рожи, под землёй найду, и вы... Ясно?

Конечно, им было ясно.

То ли эти двое слишком быстро его «сдали», то ли собаки вышли на его след, но поздно вечером Василий, лёжа на краю пойменного луга в высокой сухой траве, кожей почувствовал: погоня рядом. В человеке ещё жив волк - это истина, как истинным было и то, что здесь, в сухой траве, открывшейся весной после глубоких снегов, жизни не будет. Василий вдруг обидно и жёстко понял: свобода, к которой он, оглушив до полусмерти конвоира, рванулся с лесной делянки, была не в этом небе и не на этой земле. Свобода оказалась маленьким и

уродливым по своему предназначению куском металла в руках, лязгающим послушным затвором.

Василий нехотя поднялся, ещё почти спокойно просчитал про себя варианты погони. Не столько разумом, сколько чутьём. Показалось ему, что погоня, скорее всего, не по реке, хотя логика подсказывала именно этот ход. Погоня должна быть где-то наверху, где-то на этой высокой береговой террасе.

Еле-еле и всего на одно мгновение почуял он собаку. Как зверь... То ли лай почудился, то ли в ноздри ударил ветерок, разорванный запахом псины, то ли это уже нервы жили колебаниями нечеловеческой реакции. «Волки поганые», - плюнул Василий и побежал с места, выбирая ровный завод сил. Так, чтобы хватило надолго. До упаду. Только так.

Спасли сумерки. Василий шёл сначала отмелью вверх по реке, потом по ручью тоже вверх. Долго чапал по сырой ложбине, рыжей от прошлогоднего папоротника и иван-чая.

Издалека увидел огни деревушки, но её он для себя зло отрезал: «Ни хрена, Вася! Там тебя ждут! Ждите. Я лучше подохну здесь где-нибудь, в болоте... У вас там то же болото».

Он повернул опять в лес. Шёл недолго. Тяжело идти почти в полной темноте. Вышел на лёгкое пространство бора-беломошника, решил залечь здесь - утром легко просматривается пространство.

Откуда-то из глубины бора наползал сырой туман. Наверное, где-то там болото. По туману шорох. По шороху дробь копыт, хруст ветки. Неожиданно, как из стены, вышел громадный, но тощий лось.

Человек и животное под чёрным беззвёздным небом стояли друг против друга, и будто не было им дорог разминуться между вековых сосен.

- Здорово... бламанже... Тоже, что ль, загоняют? Нам бы крылышки... Ну, ты здо-ро-вый бык, я б тебя... Вали отсюда, - Василий махнул автоматом, но сохатый набычился, опустив против человека рога. У него тоже, наверно, хорошее чутьё - понимал, что этот двуногий стрелять не будет.

- Пшёл, говорю!.. Твоя фатера, что ль? У-у, фраер!

«Фраер» ушёл гордо, только пописал на прощанье.

В третий раз Васю Балабаева замели «не по делу». Разнимал он драку в ресторане - за чужие красивые глазки получил фингал, дал сдачи; для получившего сдача закончилась реанимацией: Вася сел. Допустимые пределы самообороны на суде, естественно, не сработали. «Бандюга. Фашист», - шипели в зале суда бабки. «Третья ходка - всё за помидоры», - подкалывали мужики в камере. Вася дивился на свои кулачищи, одинаково выручающие

в жизни и показывающие дулю судьбе. В третий раз они срабатывают аккурат на статью 206 Уголовного Кодекса России.

Сидеть не хотелось всегда, все три раза. Оно, конечно, понятно - кому эдак сидеть хочется? Васе не хотелось до смерти. В этот раз он и посчитал: лучше пусть смерть, чем сидеть «ни за что». Так решил, и когда выдался случай...

А тут ещё весна, и ветер такой - с запахами. Заплакал бы, да - чёрт подери! - разучился.

Во сне Василий дёргал ногами, не открывая глаз, поднимал голову, будто прислушивался, и опять ронял её, очугуненную усталостью.

Звёзды скучно, как на разводе, смотрели на человечка, обнявшего автомат. Сверху он, наверно, был похож на вывернутый из земли могучий корень.

Ещё через сутки, в это же самое время, Василий, спрятавшись на окраине какой-то деревни в сухой и плотной баньке, облегчённо вздохнул: наконец, кажется, по-настоящему оторвался.

Он перед этим долго лежал в кустарнике на краю сырого и скользкого оврага, вслушивался в близкие звуки деревни, в брёх собак, в далёкое и приглушённое стенами хлевов мычание зорек и бурёнок.

Пахло весенней землёй: навозом, прелыми листьями; пахло покоем деревни и, кажется, даже какой-то правдой, которую Васька думал найти в своей жизни. Знал - её должно попробовать на зуб, эту правду. Если говорят о ней, значит, бывает. Хотелось здесь жить, и, может, поэтому Василий сделал ещё одно открытие: да, свобода, оказывается, может быть куском вот этого металла, а правда... правда-то, оказывается, может быть только в себе. Не там её ищут братаны-фраера! И неправду говорят эти граждане начальники, что в себе надо разобраться и вину осознать. Не то... Надо просто лечь между небом и землёй. Живым. И понять, что ты есть. «Сесть бы поутру вот здесь, на обрыве и смотреть, как лошади пасутся...

На дудке играть, как дурачок... - скрипнул зубами. - На рёбрах поиграют. Угу». Он дрогнул и до белых костяшек сжал свою «свободу».

В баньке долго ворочался. Неизвестна эта деревенская жизнь: кто-нибудь припрётся на ночь глядя, мыться, например... А что? Или какой-нибудь сопляк подружку зажимать притащит. А что? Здесь любовью заниматься можно. Угу. Вкалывают, как лошади, а потом моются по ночам... Мужичьё... Казалось, что глаза сомкнул на минуту. Проснулся от шуршания за дверью. «Убью!» - кинжалом сверкнула мысль. Кто-то топтался и шмыгал носом.

Василий глянул на оконце - оно было серым, уже светало.

- Мый эн?.. Мо-орт... Жиган, - старушечий голос был ти-хим-тихим. Увидела. Когда? - Мо-орт...

За дверью был слышен ещё и дробненький стук овечьих копыт. Наверно, штуки четыре топталось около бабки. Она же тихо отмахивалась от них. Василий различил шёпот:

- Мун!.. Иди! Гэгэрвоаныд... Йой али мый?

Василий прислонился спиной к двери, слушал, как молотит сердце, и казалось ему, что его слышит даже старуха за дверью. А она шептала уже ему:

- Ты меня не убивай!.. Сэйян... Босьт. Но открой-да.

Василий всем телом почувствовал то неслышное мгновение, когда замок затвора зацепил патрон и потащил его в ствол...

Бабка назойливо стучала. «Куда ж ты, комячка, прёшься?..» - Василий сбросил щеколду.

Старуха, схваченная цепкой ладонью за затылок, пролетела через всё небольшое пространство бани, гулко стукнулась головой о противоположную стену, хрустнула каким-то надрывным звуком и рухнула на пол. Овцы на дворе шарахнулись врассыпную.

Васька ел подобранный черинянь и лук, вытряхивал из пол-литровой банки слизкие грибы на ладонь и забрасывал жменей в рот. Бабка, наверно, еду собирала слишком быстро - забыла про ложку. Она лежала и теперь тихо-тихо постанывала и охала. Василий в её сторону даже не смотрел.

- ...бена-мать-то!.. Свин-ня. Порсь детина... Помоги-да.

Она, дрожащими руками уцепившись за порожек парилки, пыталась встать. Не получалось.

Василий понял, что «порсь детина» - это он; секунду помедлил и поставил бабку на ноги. Она попыталась распрямиться, ойкнула и заплакала:

- Зачем бил? Сивэлон... Лешак кага.

- Я тебя звал?! Ворона... - кулак Василия, величиной со старушечью голову, лёг ей на плечо. - Пока не уйду - сидеть и не цыцкать! Ферштеен?

Глаза старухи, мутные от слёз, в то же время смотрели на Ваську с такой чистой и по-детски открытой обидой, что он убрал кулак не от отталкивающей его руки, а от этих глаз.

Где-то в глубине деревни натужено заныла бензопила. Время от времени долетал мужской голос. Что говорил - не разобрать, но по голосу понятно, что мужик по-деловому чем-то недоволен. Еле-еле слышно пробился в баньку запах отработанных газов бензина, смешался с духмяным запахом веников и берёзовой коры, которая лежала у каменки, готовая, видимо, к будущей

бане.

Василий, конечно, сомневался. К старухе могут прийти соседи: нет дома - начнут искать и придут в баню. Он начал злиться заново, ходил взад-вперёд - тусовался по баньке.

- Ну, какого... тебя носит по баням? Падло. Удавлю щас, как курицу.

- Но и мёд...

- Чё?

- Пу-ускай... йой. Дурак.

- Ёйкаешь... Ты бы по-русски что-нибудь. Умная.

- Бежал куда-но? Кытчэ-н? йэзсыс пышьян? Зверэ пыран, Этнад колян да. - Куда от людей убежишь? Зверем станешь, один с собой останешься.

- Затарахтела!..

Час спустя, собирая лоб в гармошку морщин и приглаживая чёрную поросль на шишковатой голове, Василий решился -пусть бабка идёт. Была-не была. Тем более она ненароком, через пень-колоду, сказала, что дед у неё такой же верзила был, как Василий. «Значит, и одежда может быть», - смекнул Ломоть.

Старуха собирала вещи недолго. «Не пожалела, старая», - искренне удивился беглец, но тут же подозрение выплеснулось злостью:

- Ты телефон на хате имеешь? - зыркнул на старуху Василий.

- Ог-ог... - она махнула рукой. - Ме ог висьтав. Ин пов. Сы ыджа, а нач ыж кодь - ачыд асьт? полан. Кытче сэмын дзеб-сян? - Я не продам. Не бойся. Такой здоровый, а как баран -сам себя боишься. Только куда от себя спрячешься?

На улице затихла пила, лаяли собаки. Где-то там, в центре деревни, трещали доски: то ли отдирали их от чего-то, то ли перебрасывали с места на место.

Василий взглянул на свой тощий узел у печи. Здорово его обманул шофёр с той гладенькой экспедиторшей: только сверху было несколько банок консервов и две палки колбасы. Всё остальное, снизу - пачковый суп и кисель. Колбасу он, конечно, сжевал быстро - до тошнотиков. Консервов осталась пара банок.

- Слышь, старая? Ты того... не серчай... гм-да, - и удивлялся себе, и презирал себя одновременно. - Короче, пожрать бы с собой чего-нибудь.

Старуха кивнула и вышла. Ломоть забросил за ней щеколду и сел у окошка, вглядываясь через мутные стёкла в дом, но старуха... исчезла. Она даже не подошла к дому. «Курва! - заметался по бане Василий. - Курва!» В который уж раз за четверо с половиной суток загнал патрон в патронник, поставил на автоматическую стрельбу предохранитель... «Ну, Лом, ты и дура-

ак!!! Нужно было тогда, чуть свет уходить... А ты держал эту...»

Но на улице, казалось, ничего особенного не происходило. Выскочит с автоматом - кто посягнёт на него? Мужики с ружьями? Вряд ли. Хотя тоже могут зацепить пулей...

Василий тихо-тихо вышел в предбанник. Выглянул в выбитый сучок на углу дощатой стены и всё понял: за изгородью и углом амбара крутнулась на повороте овчарка.

.. .Через сорок минут Василий добил эту овчарку выстрелом, разорвавшим ей шейные позвонки.

Ему, почти не отвечая выстрелами на пальбу, несколько раз предлагали выйти и сдаться. Дважды говорили, что предупреждение последнее.

- Сожжём, Балабаев!

- Это не я, жиган, не я... - кричала ему бабка, но Василий и сам понял, что вынюхали его овчарки, как, впрочем, понял и другое - никто его поджигать не будет. «Не имеют права!» - в этом Василий был спокоен. Теперь, конечно, было понятно, почему умолкла пила и лаяли собаки. Но что поделаешь: если бы Бог дал сначала ума, а потом жизнь... Мир был бы другим.

- Осуждённый Балабаев! Перестаньте заниматься ...ней. Закидаем гранатами. Имею право! - самому себе не веря, кричал светловолосый капитан за углом амбара.

«Молодой ещё», - отметил про себя Лом, поймав капитана на секунду в прорезь прицела. - Как и я». Почему-то именно это - «как и я» - помешало ему выстрелить, и он крикнул:

- Дайте пятнадцать минут подумать!

Деревня глазела на происходящее издалека. Детей попрятали в голбцы; кто посмелее - смотрел прямо из окон; кто боялся, но любопытство подхлёстывало - выглядывал в щели сараев, даже с бревенчатых крепких чердаков. Меж собой судили да рядили - бабка-то какова! Сиволона прятала!

А старушка металась, не пугаясь ничего, между солдатами в овраге и амбаром, где был офицер и с ним ещё солдаты.

- Мый-нин тиянкод лоома? Мый-эн т каранныд? - Что с вами случилось? Что же вы делаете?

Задыхались от лая собаки. А она одна в этом тихом и светлом утре, неожиданно лопнувшем под грохотом пальбы и запахами горячего металла и горького жжёного пороха, металась как над каким-то вселенским горем: что же вы, люди, делаете? Мый-н тсянкод лоома?

Балабанов дунул в ствол. «Хорошая ты штучка... свобода. Только у тебя, сука, тоже свои затворы, предохранители и собачки...»

Через пятнадцать минут в баньке раздался выстрел.

В солнечный дверной проём, не пугаясь густого запаха пороха, на сизый клубок мозга в луже крови зажужжали голодные весенние мухи. Они, сволочи, и на мозг летят, как на дерьмо...

За углом баньки, обблевавшись, утирал непонятные слёзы молодой солдатик. Двое хоронили овчарку. Под ногами звенели гильзы.

«Мый нин ˆянкод лоома?!» - голосила сумасшедшая старуха.

1989 год

ВНУКИ

Живут они на одной лестничной площадке, двое зеленоглазых первоклашек. Школа рядышком, в трёхстах метрах от дома. И для них огромный шик зимой по утрам, когда родители уже ушли на работу, прибегать в школу раздетыми, вызывая зависть одноклассников.

Они очень дружны между собой, хотя, конечно, ссорятся каждый день «на всю жизнь». Одним словом, они не успели обзавестись кандалами комплексов, всё у них запросто. Выёживаются друг перед другом запросто и завидуют открыто, честно, что ли...

Ни Эдик, ни Алёшка не знают о том, что на первом родительском собрании их успели уже разделить на «математические способности» и «тонкую поэтическую натуру». В шахматы счёт у них примерно равный. О фильмах про индейцев говорят - «наши победили»; одинаково бескорыстно дружат они с тётей Катей, билетёршей из кинотеатра, которая пускает их играть на автоматах. Она живёт на первом этаже их подъезда, и они знакомы с ней «давно-предавно».

Вот такие ребята. Их папы с мамами просто здороваются, столкнувшись на лестничной площадке, а они ещё и в гости друг к другу ходят.

Они доигрывали в гостях у Эдика шахматную партию. По телевизору через полчаса мультики, но папа Эдика запрещает в отсутствие взрослых включать телевизор. Мало ли, несчастный случай какой произойдёт, пояснил он. Они вот доиграют сейчас и к Алёшке пойдут.

Алёшка проигрывает третий раз подряд. Морщит свой конопатенький блестящий носик, обиженно кусает нижнюю губу - отыграться не успеет.

Эдик нетерпеливо стучит кулачком по коленке, часто поднимает голову, смотрит на часы. Тут-то он и вспомнил про свою давнишнюю гордость, да и не только свою - реликвию всей семьи.

- Сейчас, - он побежал в спальню, долго шуршал там, что-то громко шептал. Нашёл ключик от ящика трюмо, в котором хранились грамоты родителей и эта вот штучка - дедовское удостоверение личности офицера. Реликвией вообще-то было, наверное, не само удостоверение, а скользящая размашистая строчка на нём, написанная почему-то зелёными чернилами. «В штаб армии допустить. 12.11.42. Будённый».

Вот это да! Такую бы штучку, такого бы деда Алёшке! Он оглох от близости истории. «Эту книжку держал Будённый... Будённый». А теперь я держу. Бу-дён-ный... С какой же тоскливой завистью смотрел Алёшка на друга.

- А кем был твой дед?

- Самым главным по самым секретным поручениям, -скромно важничал Эдик.

...Эдик ушёл после мультиков к себе, а Алёшка, оглушённый, сидел и смотрел на мерцающую безмолвную таблицу телевизора. Дедов своих вспомнил, ничего особенного: один в войну с голоду помер, а другой хоть и воевал и награды были, но всё равно. ... Если есть на свете счастье, так вот так - с Будённым знаком. Самый главный по самым секретным...

С тяжёлым, набрякшим болью сердцем Алёшка перерыл чемоданы и шкафы, нашёл фотографии одного из дедов, фотография второго деда была единственная и хранилась, видимо, родителями где-то глубоко.

Дед молодой - морская пехота, шрам через лоб на виске кончается, на груди две медали. Дед старый - сутулый, орденские планки в два ряда, зелёные петлицы лесничего на кителе.

Жалко, что дед незнаменито воевал. Алёшкины глаза блестели, припухшими губами чмокнул он деда, вытер фотографию и положил на место. Шмыгнул холодным носиком и, одуревший от съедающей тоски, оделся и поплёлся на улицу, куда-нибудь.

Мама пришла вечером с работы уставшая, как всегда нервная. Отец задержался, у него стендовые испытания. Алёшка с Эдиком были как-то в этом сверкающем грохоте.

- Каша не тронута. Ел что-нибудь? Уроки все уже? - Мама «заряжала» холодильник продуктами из сумки.

- Угу.

- Двойку что ли схватил? Что скукоженный? - мама спрашивала резко и сердито. Посмотрела на пришибленного Алёшку. -Ну-к иди-к сюда. Глаза покажи... Больной видок, - холодной рукой потрогала лоб Алёшки.

- Нет, всё нормально, - неожиданно тихо и сипло выдавил сын.

Он сидел на кухне, следил за тем, как энергично снуёт по квартире мама. Переоделась, поставила чайник, спросила что-то, Алёшка ответил... Ковыряя пальцем штукатурку у розетки, собрался с духом, тихо и тяжело спросил:

- Мам...

- А?

- Мам... А у деда нашего... большие, - он подбирал, но так и

не подобрал такого нужного и точного слова, так и сказал -«большие», - ордена были?

Мама наводила порядок на трюмо. В зеркало она долгим взглядом посмотрела на оцепеневшего в ожидании Алёшку.

Будто кто-то невидимый выключил ту энергичную нервную скорость, с которой она только что двигалась, выключились заодно её раздражённые усталые мысли, которые она даже не пыталась собрать. Серьёзно и так же, как Алёшка, она ответила:

- Да, были. Большие, - светло улыбнулась про себя. - А что?

Как силился Алёшка, если б кто знал! Нахмурил до боли в голове брови, куснул губу, а она, проклятая, все равно предательски дрогнула.

- У Эдика... у деда... короче, у них подпись Будённого есть, - он повернулся спиной к маме, обидно было за неожиданно пискляво получившееся последнее слово. А мама прекрасно знала своего сильного сына. Между прочим добавила:

- Один орден деду сам товарищ Сталин вручал, в Кремле, а другой маршал Жуков на Красной площади перед строем. Оркестр даже играл...

Алёшка откашлялся как ни в чём ни бывало и, не поднимая головы, ушёл в спальню. Взорвалось облегчённое сердце. Он тихо заплакал и выстраданно счастливый неожиданно уснул.

Это ничего, что мама соврала Алёшке? Деду Алёшкиному ордена вручали в окопах.

1987 год

ПЯТОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ

Слово «одеколон», говорят, произошло от слова «Кёльн» - немецкий город такой. Там аптекарь придумал воду душистую для протирания пахучих мест тела, а так и закрепилось во французском, кажется, - «о де Колон».

Из детства в памяти остался «Шипр». Самый массовый, наверное, одеколон СССР в 60-е. Запах «Шипра», табака, мандаринов и маминой губной помады... ага, это праздник, значит, какой-то! Потом появится ещё один не менее массовый мужской одеколон «Саша». Но он так в памяти не останется, как «Шипр»... «Шипром» даже будто споласкивали лицо после бритья. Полную пригоршню выльют и с рыком - на щёки.

Шик такой... Говорят, с послевоенных времён пошло. Комсостав армии и НКВД на севере так свою браваду и «гусарство» показывал, а потом одеколоны доступны стали и некомсоста-

ву...

До армии я как-то был равнодушен к одеколону. Только в праздники, через запах отца и через духи матери, и запомнился парфюм («Тамара» - замечательные были духи, «Красная Москва», ещё какие-то)... А в армии, в армии благородные запахи начинаешь ценить, потому что неблагородных слишком много. В караулках и в сушилках порою вонь такая, что мухи и те улетают - адские запахи сохнущих портянок и ватников, запрелых ног и нечистой одежды... В армии одеколон становится твоей территорией и правом на «свой мир». Многое тебе могут запретить, но на запах одеколона запрета нет, наоборот, приветствуются аккуратность и чистота. Не только командирами приветствуется, но и самими солдатами.

Куда уходит свободная копеечка, присланная из дома? На печенье, на сигареты, на молоко и конфеты... Одеколон могут купить только истинные джентльмены. В моём батальоне джентльменов было только четверо. Но приучили мы десятки солдат. Приучили уважать запах... Это не значит, конечно, что и мы не пахли, как лошади или бомжи, после дежурств и командировок, после марш-бросков или долгого внеказарменного положения, например, на танкодромах или на помощи подшефному питомнику. Бывало, одеколон заканчивался или его внезапно выпивали... Да, дело такое - замёрзнешь, как цуцик, уныние нападёт, совсем хреново... Хлоп - развели с водичкой - и эту вонючую и противную дозу в себя. Передёргивает, но бодрит.

Самое ужасное, что приказ об увольнении в запас нам пришлось обмывать одеколоном. Даже название помню -«Уральские самоцветы». Ящик выпили… Почему?

Стол ломился от деликатесов того времени: красная рыба, икра красная, шпроты, мяса нажарили, и колбаса была, печенье и конфеты… А стали искать водку или коньяк и… По всему гарнизону в сёлах окрест вёрст на восемьдесят нет ничего. Амурская область, дорогая и столицами забытая… Достали где-то в пригороде четыреста граммов самогона. Но что такое четыреста граммов на восемь человек? Ерунда, конечно… А клялись ведь друг другу, мечтали, что приказ обмоем, как положено, как никто не обмывал… И тогда пошли на отчаянный зверский шаг - купили в военторге одеколона… и напились!! А его, заразу, закусить-то путём можно только сахаром!!! Вот и представьте себе - столы ломятся от деликатесов, а дембеля жрут одеколон и закусывают сахаром. Это что-то! Бррр…

В студенческом общежитии, в нашей полуголодной комнате могло не быть даже куска хлеба, но одеколон был всегда. Или скажем скромнее - почти всегда. Это мы армейские привычки принесли в студенчество, чем немало удивляли девчонок и не служивших парней. Но объяснили мы, конечно, легко, и как-то стала распространятся наша «привычка» и на общежитие. Частью интереса, чем-то не совсем бытовым для студентов, стала эта тема:

- В «Дом ткани» «Ожен» привезли…

- Да ну… В какую цену?

- А я вчера на железнодорожном вокзале «Консул» купил. Честно говоря, не понравился. А «Айвенго» вообще г…

А потом пришло время «сухого закона». Эту пресловутую «борьбу с пьянством» в провинции доводили до абсурда. Закрывались магазины, и спиртное достать было уже к 1987му году чрезвычайно трудно. На одеколон (он спиртосодержащий) смотреть стали по-другому. «Огуречные лосьоны» и «Розовая вода» признавались питьевыми продуктами. Я лично присутствовал на обмывании кандидатской диссертации «Розовой водой» во вполне приличной компании. Мрачное время, когда безумие власти и деструктивное влияние её на характер и культуру народа достигло просто карикатурных вершин… По телевизору говорили о победах над алкоголизмом. В очередях за пивом по всему СССР готовился мотив «Так жить нельзя!». Только совсем не в том смысле, в каком думали политологи…

…Праздник хороших запахов в России не наступил до сих пор. Женщины ещё как-то следят за этим пятым мироощущением - за обонянием. С мужиками тяжелее. Нос работает на жареное

мясо и пивасик. Редко встретишь реального пацана, понимающего парфюм. Я не говорю о тех, кто флакончик «Boss» считает таковым только по флакончику. В одном из респектабельнейших магазинов Сыктывкара мы с товарищем доказывали продавщицам, что они торгуют подделками - благо, что у нас был реальный «Boss». То же самое с «Nino richi».

Сейчас, в век интернета, нет проблем залезть в сеть и разобраться, чем парфюмерная вода отличается от туалетной воды, а духи от их обоих.

Туристы наши в Египте покупаются на супергустое масло для духов, которое почти не течёт из бутылок - капля прямо зависает. Дескать, вот какая концентрация! - впаривают товар бронзоволикие продавцы. Но это брак! Хорошая концентрация - это когда масло всё-таки течёт, когда его консистенция, как у ряженки.

В нашем окружении много людей, которые любят кино или музыку, т.е. любят грёзы и мир через зрение и слух, любят искусство, которое познаётся этими чувствами. Есть миллионы гурманов, которые любят вкус и сервировку (опять глазами, т.е. зрением). Из них лишь половина, а то и меньше, любят запахи еды. Запах как бы в довесок... Тактильно, осязанием, мир любят кутюрье, подозреваю, что часть любителей животных и... автолюбители, которые гараж любят в той же степени, что и дорогу. Перебирать детали, возиться с моделями автомобилей, катеров, авиамоделями - это заметно другие характеры, поверьте...

Совсем мало «бетховенов» обоняния...

Я курильщик со стажем. У меня сильно отбито чутьё на запахи, но каким-то неимоверным чувством я «слышу», что этот запах к мехам или к вон той губной помаде женщины не пойдёт... будет совсем не тот эффект, что кажется. И иногда я у прилавка в магазине не выдерживаю и ляпаю советы... Может, это просто игра? Я ведь не «парфюмер», мне далеко до Жан-Батиста Гренуя из «Истории одного убийцы». За девушками я не гоняюсь. Разве что... В Израиле я как-то попросил жену вернуться по гигантскому залу гипермаркета: я нашёл девушку по запаху. И спросил её - что это за парфюм? Девушка была не одна, с группой других студенток, наверно. Она назвала неизвестные мне духи... Жену я попросил запомнить - это то, что и ей бы подошло ИДЕАЛЬНО. Вот... Пожалуй, вот в чём дело - гармония запаха, что идеально в этом или том сочетании, а что рвёт «картину мира». И дело вовсе не в парфюме... Для меня гармоничен запах пороха, кожи и свинца. Но только жаль, если патроны или ремни брали пальцами, слегка пахнущими бензином... Сразу не то.

Нет. Я не «нюхач», но тексты книги пахнут всё-таки лучше, чем монитор… Почти всегда.

2011 год

МОНПАСЬЕ

Банщица Марья Никифоровна Попова зевает за кассой. Отчаянно зевает. Так можно и челюсть вывихнуть. А что делать-то: вторник - день для бани бестолковый и лентяйский. Тут ещё и телевизор поломался. Он стоит на полке прямо над буфетом. Позавчера, в воскресенье, пошипел, подлюка, пошипел, чвак-нул - и всё. С лёгким паром! Народу в очередях много было, все хотели слушать про Китай (как раз про Китай передача была), а тут - чвак и всё. Лазали в потроха телевизора все кому не лень, а потом молодой парень сказал, что шестерня полетела. Кто-то посмеялся, кто-то поверил, но Китай-то всё равно не включишь!

Сегодня можно было бы посмотреть, например, «Живую природу». Раньше называли «В мире животных», а теперь вот... Наверное, от природы живой мало осталось, потому и показывают, пока не поздно.

Марья-то - баба ядрёная, тучная (корова, в общем). А глаза, как у поросёнка, - будто спать всегда хочет. На работе её спящей не подлавливали, но этакую вот, остекленевшую, - бывало. Она назевается порой, а потом медяки в кассе стопками укладывает, то фантики разглаживает (когда конфеты грызёт).

Конфеты она любит. Особенно монпансье. Остальным банщицам рассказывала уже тысячу раз, как в детстве праздником для неё был приход бати после получки в леспромхозе.

- Я фантиковые конфеты не очень люблю. Не. Я люблю лампасе, но лампасе почему-то давно в магазинах не продают. А ведь праздник какой был нам, детям-то!

...Они с сестрёнкой ишачили на турнепсе и морковке всю войну. В колхозе тогда работали все, кто шевелился. Хозяйство сколь при мужиках давало, столь и без мужиков. На тех полях-то, турнепсных, сейчас кустарник - не продерёшься, а раньше идёшь-не пройдёшь, краёв не видно. Всё в Воркуту шло, в шахты. Там витаминов не хватало. Это мы сейчас все грамотные стали и знаем всё про историю нашу горемычную. Про то, что в тех шахтах зеки работали, тоже знаем. А они с сестрёнкой на турнепсах руки в мочало мочалили; помнится, ещё и рассуждали между собой: «Мы хоть можем сесть да покушать втихаря, прямо с грядки. Пусть с землёй даже и не поднимая головы. А там ведь, под землёй, люди же ни морковки, ни турнепса не видят. Потому как под землёй не растёт ничего...»

«Дурили нас как олухов, - улыбается про себя Марья Никифоровна, - что мы, девки-т, получали за те грядки? Нашли

дурочек и ездили на нас. Валька-то, наверное, на тех грядках и застудилась. До снега робить - это ж надо. Насквозь выдутые были, за очень-то...»

С чего она вдруг вспомнила ту свою детскую работу? Может быть, потому, что телевизор над буфетом не работал, и люди в окошке не теребили.

...Как они с Валентиной вечеров ждали! По вечерам у них бывала сладкая лёжка на полатях. Бабка печь истопит, наверху тепло и... монпансье.

Батя из лесу приезжал редко. Приедет, с бабкой-матерью пошушукается о чём-то (их с Валентиной матка-то ещё до войны утонула: сено на плотах перегоняла, да плот на перекате развезло); бабка, между прочим, прятала что-то. Потом это «что-то» появлялось время от времени на их голодном столе. Тушёнка, кусман сахара и ещё каша, кажется, консервы были.

Бабушка была почти слепа, но с хозяйством справлялась порой совсем без помощи внучек. Хозяйство, правда, было - не приведи Господи: две овцы, коза и корова. Но всё-таки...

Марья с ненавистью вспомнила козу. Почему-то именно козу. Бодалась, зараза, когда Машка хлеб убирала. Как даст в задницу! Сволочь, в общем, а не коза. Но дело не в этом. Батя, после того как с бабушкой наговорится о делах, звал дочерей к себе. Немного грубовато так кликал и стеснялся их мучительно и ужасно... С чего бы? «Взрослые девки, да поэтому...» -сделала сейчас вывод Марья, посасывая карамельку.

И тогда батя вытаскивал из кармана телогрейки коробку монпансье, похожую на сказочную шкатулку.

Бог её разберёт, память-то нашу! Марья и лицо отца плохо помнит и не помнит, отвечали они с сестрой что-нибудь отцу или нет. Помнит запах холодной хвои от отца, запах леса. И коробку монпансье на его ладони. Коробка эта никогда сразу не съедалась. Она растягивалась иногда на целый месяц, она ждала их на полатях, измученных тяжёлой работой, чтобы подарить им сказочный ритуал: сначала открывалась коробочка, потом они с сестрой выбирали по леденюшке, потом эти сладкие шарики прятались под языки... Весь долгий рабочий день не казался уже безнадёжно серым. «Как мало нам было надо!» -с грустной иронией улыбалась банщица Марья.

Когда Валентину простуда скрутила уже окончательно, и стала эта запущенная болезнь называться непонятно глухо -«астма», тогда Машка без сожаления разрешила сестре брать леденцов больше. «Бог мой! Ерунда какая-то в мозгу крутится... Разрешила и разрешила». На санях, помнится, Валюху-то увозят - лицо синюшное, а рука серая, как земля, блестящую коробку за

пазуху фуфайки толкает. Так и запомнилась эта ослабевшая рука, не находящая сил протолкнуть коробку меж застёгнутых пуговиц.

Тогда, в детстве, Марья свято и светло была уверена - «я спасла сестру от болезни! Конфеты спасли». Да и ревела на полатях каждый вечер, Бог слышал.

Марья вспомнила ещё одну коробочку. Улыбнулась почему-то. Ещё одна коробочка в их деревенской избе (изба-то целая стоит) на полочке хранится. Не сама она хранится, конечно, а муж Марьи держит в ней рыбачьи крючки. Когда они в деревню наезжают, он рыбачит, она - на угодья, по ягоды, тогда в избе они только обживаются, походят по комнатам, наполнят пространство жилым духом, и кажется, что всё, как было...

- Вэнык, - неожиданно попросили в окошечко кассы.

По усам и акценту Марья узнала азербайджанца Нуримана Мамедова, женского парикмахера из Дома быта. Один раз, на свой пятидесятилетний юбилей, Марья тоже сидела под его ножницами. Мамедов - симпатичный мужчина, крепкий, в цвете лет, Марья Никифоровна выдала ему веник и сдачу; Мамедов сказал «спасибо», и она проводила его взглядом до двери мужского отделения.

«Париться будет. Ишь. Азербайджанец, а туда же - по-русски ему хочется, с веником». Она почему-то представила себе Мамедова в парилке: крепкий, смуглый мужик хлещет себя веником по всем местам, только кучеряшки дыбом и лист на заднице. В мыслях он так и был - задом к Марье. Жена у Мамедова, между прочим, тоже задастая. Марья прогладила себя от груди до бёдер. Будто халат поправила. На чреслах руки задержала: «Любит задастых. Как все кавказцы. В парилке-то, небось, один... Хорошо. Волосатый, наверно. Парилка сегодня - слава Богу».

...Сестру Валентину они с отцом окончательно вылечили, между прочим, парилкой. Тогда, в 1946 году. Марья помнит, как раскладывали они сестру на верхней полке, как отец делал «шубу», обкладывая тело Валентины морёной в кипятке травой и молодыми макухами елей. Как она, Машка-то, садилась у изголовья и уговаривала сестру потерпеть, а отец, пока мокла Валентина, парился сам. «Ой! - Марья Никифоровна вспомнила парилки и удивилась тому, о чём никогда в жизни не задумывалась. - Ой, да отец ведь и мы голенькие мылись.

Как это? Точно ведь, голые». Она вспомнила жилистое тело отца в тусклом свете керосинки, вспомнила движения его и даже мгновения, когда он задевал её голую, сам голый, и они хлопотали вокруг разложенной голой Валентины.

Воспоминание это набежало так стремительно, что у Марьи

перехватило дух. Она перестала сосать карамельку. Помнились собственные груди, вернее, тень торчащих грудей - значит, совсем женские тела-то были у них с сестрёнкой. Точно ведь. «Мне в сорок шестом было шестнадцать, Вальке - пятнадцать, отцу... Сколько же было отцу? Тридцать девять... Совсем же молодой. Ой, Боже, да как же мы не стеснялись друг друга?!»

Две картинки яростно сшибались в памяти старой банщицы: отец, стесняющийся дочерей, когда давал им коробку монпансье, и отец, голый, вместе с ними моющийся в бане.

Чего же стеснялся отец? Как же так могло быть? Почему отец не стеснялся? И они ведь тоже не стеснялись...

У Марьи заболела голова.

«Позвоню сёдни Вальке. Надо ж такую чушь вспомнить! Явился батя - Царство тебе Небесное...» Она пошарила в аптечке, не нашла нужных таблеток и на всякий случай положила под язык корвалол. «Может, его на войну не взяли, потому что он по мужской части нездоровый был? Все пошли, а он один остался. Лесничий! Ну и что же?»

От корвалола почему-то захотелось пить. Перед глазами стоял голый худой отец и собственная тень - прыгающие налитые груди. В буфете выпила баночного берёзового сока. Близко, за дверьми мужского отделения, похохатывая, разговаривал с банщиком раздевающийся крепыш Мамедов.

«Стеснялся он, понимаешь ли... Хм. Когда мы стеснялись с собой брать лампасе в поле - это понятно: там хватало ртов просить и пробовать. Неудобно ведь. У них матери в совхозе работали, а там лампасе не продавали. В лесу-то переселенцы да отец. Местные мужики на фронте... Надо же. Голые. Щас, в этом возрасте, дочку-то голую не представишь вместе с отцом. А мы в бане мылись. Будто так и надо... Чудо какое-то!»

Лопалась голова у Марьи. Надо ж - ни баночный берёзовый сок не помог, ни пилюля эта. Ни сердцу, ни голове. Сегодня день, наверно, неблагоприятный. Магнитные бури или что...

1994 год

ИНОЗЕМЦЕВА

В музее строителей Сыктывкара одно время работала директором Галина Иноземцева. Как редактору многотиражки «Голос строителя» мне время от времени приходилось с ней встречаться, и постепенно я проникся к этому человеку своего рода симпатией. Г алина была фанатичкой. Фанатичкой такого градуса, что даже любовные истории, которых, казалось бы, в юности никто не избежал, прошли мимо неё. «Че гевара» в юбке и жила как «коммунистическая монахиня». У неё была одна любовь - коммунизм, который она ждала, как девушка суженого.

Показывала мне свои фотографии середины 60-х: вот выступает с трибуны областной комсомольской конференции, а в президиуме сидит космонавт Волынов; вот она на первомайской демонстрации трудящихся со знаменем, рядом с орденоносцами.

Работала она в «Комистрое» бригадиром отделочников. Работала много, тяжело. Как лидер комсомольской организации могла легко «устроить судьбу», но себя не щадила, и её не щадили, и других. Вспоминала, как на сквозняках застужались молодые девчонки. «Однажды, в самый канун Великого Октября, нужно было сдать дома напротив университета.

Холодина была градусов за двадцать. Но всё время раздавалось: «Быстрей-быстрей, к юбилею». Несколько вечеров кряду мы не уходили домой до 11-12 часов ночи. Приедет парторг вечером, привезёт сумку бутербродов: «Ай, молодцы, девочки, давайте ещё поднажмём!» Мы работали воодушевлённые, с песнями, с чувством, что делаем очень важную для страны работу. Идея, как говорится, была! Так сейчас никто не работает» .

При этом у неё... не было квартиры. У женщины, построившей и отделавшей квартиры в сотнях домов Сыктывкара, не было своего жилья! Очередь Иноземцевой уходила то в пользу молодой семьи, то в пользу ветерана (а их становилось всё больше), то ей самой было неловко тревожить высокое начальство. О Галине всё время забывали, а она всё ждала, думая, что вышла какая-то ошибка. Ведь у нас всё во имя человека. А она кто?

Жила с мамой в двух комнатах в общежитии. С горечью смотрела на новые нравы. Те, кто больше других кричал «быстрей-быстрей», уже шумели: «Ускорение! Демократизация!..»

В середине 90-х вышла на пенсию. Однажды Галину увидели в Вознесенском храме в Кируле. Она бы, наверное, смогла

пережить то, что преданы оказались идеалы её юности. То, что её использовали, обманули. Образовавшаяся пустота, которая саднила, надрывала сердце медленно, робко начала заполняться новой верой. Но...

Мама Г алины пережила свою дочь. Она вроде бы сильно болела, была лежачей. И Галина каждую свободную минуту бежала домой, чтобы накормить её, поменять бельё, поговорить, утешить. Однажды вернулась с полпути домой, что-то забыла, и увидела, что мама... поёт на кухне, возится с кошкой, в комнате пахнет яичницей. Галя ахнула - чудо какое-то! «Мама! Как же ты встала?» Галина была готова поверить в чудо своих молитв к Господу. Но чуда не было. Мать, застигнутая врасплох в связи с симуляцией, зло и в полноте сил огрызнулась: «Ты должна за мной ухаживать. На то ты и дочь! Я заслужила это...»

Галина Иноземцева села в кресло и умерла.

Человек может потерять веру в идеи. Но не в людей. Иноземцева. Фамилия человека, который жил на иной земле. Не в Царствии Небесном, но на земле, где есть верность, любовь, братство. Иная земля - Иноземцева. Землю обетованную искавшая...

2001 год

ЧЁРНЫЕ ТУМАНЫ

Почему люди иногда завидуют мёртвым - хорошо, мол, умер, спокойно? Может быть, это в людях от осознанности неизбежности, и каждый думает: а как уйду я? На самом деле, спокойствие вовсе не показатель, оно бывает разным.

Вспоминается в связи с этим одна история.

Арсений Павлович, бакенщик из деревушки, в которой жила моя бабка, умер тоже спокойно. Завидовали ему деревенские старики. Пошёл он лодочный мотор разбирать. Разобрал, а как собрать - навечно задумался, сидя на крыльце бакенной избушки у реки. Только табачная трубка из руки выпала.

Я шёл в хвосте небольшой похоронной процессии. Среди провожающих старика «на гору» - высокий кладбищенский, подмытый талыми весенними водами берег - брели, в основном, одни старики. В машине рядом с гробом сидели дети Арсения и внучок - городской школьник, ровесник моему сыну. Рядом со мной пожилые женщины в чёрном, с красными от слёз глазами, вспоминали всё, какой он был хороший старик. Даже убрался, мол, почти сразу за своей старухой Аглаей -любил, стало быть, коль так - сразу за ней.

Осенний дождь развозил дорожную хлябь, рябил серым унылым небом. На душе было пусто и как-то даже неловко из-за того, что я не сожалею, не переживаю. Пусто - и всё: ни жалости к деду Арсению, ни попыток вспомнить что-нибудь хорошее. Но и злости или обиды какой-нибудь не было ведь тоже. Хотя раньше была... Даже больше, чем злость.

Я возненавидел Арсения в солнечный, ослепительно солнечный знойный день. Стоял конец июля. Сенокос. Жара. Травы вяли. Воздух пропитан морёной землёй. Все взрослые, кто мог ходить, даже расфуфыренные, приехавшие из города «дачники», отдыхающие обычно на пляжах, - все вышли на сенокос. Было ясно, что грянет гроза и что такая жара уже не для отдыха... Совхозное начальство просило, ездило по деревням - страда сенокосная. День год кормит.

В деревне остались мы - дети не старше десяти лет и совсем древние старухи. Остался ещё и Арсений. Ему, бакенщику, нужно было встречать танкеры, которые шли в верховья Выми, на Елву, с бензином и соляркой для лесников Мещуры и Пывы.

Мы, дети, играли в опустевшей деревне, чувствуя беспригляднуюю свободу. Играли, кажется, в войну. Ополоумевшие собаки валялись в томной тени, табун лошадей за околицей плыл

в мареве солнца и в шелках молочного овсового поля. Жара - слово и крик сохнут на лету и сыплются шорохом на землю.

Гул неожиданно распластавшегося в галопе табуна показался близким громом грозы. Хвосты и гривы от бешеного скача не успевали опускаться. Первобытный ужас несли кони в распятых солнцем глазах.

Рискуя быть смятой, падая, завопила старуха у колодезного журавля:

- Леша-ак! Береги-ись!

Казалось, кони сошли от жары с ума. Они крушили изгороди, метались между избами деревни. Сатанели кобылы, растерявшие жеребят. Собаки жались от коней к стенам изб и хрипели сорванными от лая глотками.

Мы испуганно смотрели из-за недостроенного сруба баньки на старуху, которую кони не растоптали только чудом, на лошадей, на собак и ничего не могли понять. И тут кто-то крикнул:

- Медведи!

По овсовому полю шла медведица с медвежонком. Она шла тяжело, как тяжёлый и чужой чан, поднимала голову, мотала ею, пытаясь избавиться то ли от оводов, то ли от ещё чего-то и вытягивала шею в рык. Собаки, пропустив лошадей и по-хозяйски защищая деревню, вылетели за околицу. Они наседали на зверей, не подходя близко, но и мешая тем двигаться. Медвежонок жался к матери, язычок его часто выныривал из пасти, будто он дразнился. Так медвежата злятся. Рычать и скалить зубы он ещё не умел, поэтому у него так получалось. Он блестел глазёнками, лез от страха под живот матери. Медведица же, легко подпинывая дитя, вела его к поросшему кустарником склону оврага.

Они наискосок пересекли поле. Здесь, уже близко, мы увидели, что у медведицы вместо правого глаза кровавая каша. Какая-то лесная драма скрывалась за этой раной. Поединок с другим зверем - рысью или росомахой? Или с другой медведицей? Рой оводов и мух лип к ране, вился вокруг головы, потому она и мотала ею.

Медведица вела своего медвежонка к реке, не останавливалась «доить» овёс, не обращала внимания на собак - да и мудрёное ли дело: шла к реке зализывать раны, напиться воды, не больно-то ей нужна эта деревня, лошади и эти псы.

Красива была эта могучая мать, отстоявшая в лесной схватке своего детёныша, изнывающая от жары, наверное, и от боли, но величаво не ускорившая даже шагу, хотя сверкающая вода была уже рядом.

Выстрел грянул неожиданно, когда медведица прошла уже

последние избы. Даже мёртвая она падала так, будто боялась раздавить под собой своего медвежонка.

Мы ещё стояли, разинув рты, а к убитой уже бежал дед Арсений, и медвежонка терзали собаки. Отбивали мы его от них всей ватагой. Отбили изорванного, но живого. И он ткнулся своей мордочкой в поцарапанные коленки восьмилетней Верочки.

Он выглядывал, поворачивал окровавленную голову на убитую мать, на нас и плакал человеческими слезами. Как плакали мы!

Та бабка, что кричала нам от колодца «берегись», сказала, подойдя к Арсению:

- Сволота ты, однако... В мать попал.

Мясо, небось, протухло у деда Арсения - жара ведь. А холодильника не было у него, да и ледник к середине лета иссяк в голбце. Медвежонка, мы знаем, он продал на вокзале в райцентре какому-то парню, уезжающему то ли в Ухту, то ли в Воркуту. За пятьдесят рублей по тем деньгам продал. А деньги они с конюхом Василием за пару вечеров пропили.

...«Все мы когда-нибудь помрём, - думал я на похоронах Арсения, шагая под осенним дождём рядом с заплаканными женщинами. - Помрём все, но одни умерли, а всё равно, как будто живы - весь человек не может умереть. Будто живы. Делами ли сделанными, памятью ли...»

Так в обыкновенном мире сизая дымка висит и мир этот сказочным делает. А другой жил, помер, а за ним тоже, конечно, туман... Но чёрный. Как ночью на реке. Дед Арсений бакенщиком был - он знал, что туман на реке ночью особенный: не просто чёрный, а будто выдран «с мясом» кусок мира и... пусто. Вообще пусто. Как у меня сейчас на душе.

1987 год

ТРИНАДЦАТЫЙ ВАГОН

Середина декабря. Поезд Москва-Воркута. Тринадцатый вагон. Я не боюсь и никогда не боялся числа «13». Не действует оно на меня. Вообще не действует.

Но вот поезд Москва-Воркута. Под Микунями минус 40, ближе к Чинья-Ворыку минус 43. В вагоне плюс 13, плюс 11, плюс 8... Уже никто не спит. Уже плачут дети. Уже даже пьяные бандиты и горластые мамочки не орут на двух молодых проводниц. А проводницы уже не синие, а белые.

- Ребята, кажется, крындец. Мы приехали в Послезавтра... - шутит молодой белобрысый парень, очень кстати вспомнив известный американский фильм. В вагон он сел в Москве без шапки и в болоньевой курточке.

- Бля, подруга, давай мы детей распихаем в другие вагоны. В натуре ведь перемёрзнут, как утята, - предлагает проводнице парень с синими от татуировок пальцами и железным зубом во рту. - Короче, я пошёл базарить...

- Базар-вокзал, - уныло хохотнул его напарник.

- Водку оставь, что ли, - просит «болоньевый» парень.

- Да, конечно. Не умирай... - «синий» оставляет треть бутылки и уходит.

Вагон наполняет туман, как в фильме ужасов. Гаснет свет. Мерцают сотовые телефоны. Они работают как фонарики, потому что под Чиньяворыком связь только у МТС. Сотовые освещают лица людей снизу и в тумане, а потому призрачным становится всё.

- Это из-за ветра, - еле шевеля губами говорит проводница, - Ветер и минус 40: конечно, ничего не выдержит...

- Чёрная пурга, - брякает кто-то из темноты.

- Не-ет, это ещё не Чёрная. Я Чёрную Пургу в Наръян-Маре пережил. Если б была Чёрная, то мы бы уже не разговаривали - при ней глаза замерзают сквозь веки... А это так - ветерок да плюс движение поезда...

- Ну да, счас и минус 35 без ветра жарой покажутся...

- Ха-ха-ха... Ну нах, ребята, уходим все отсюда. В любой вагон...

Проводница поясняет, что идти надо будет через три вагона: «Три разморозились...»

- А вещи?

Мы идём с чужими детьми и вещами «на закорках» и в руках, с водкой и смехом, с матом и «модернизацией»

правительственных программ. У купе проводников толчея. Градусник показывает уже минус 18 в вагоне. Часть пассажиров просят вернуть билеты, надо отчитываться по командировкам в своих бухгалтериях. Проводниц, на которых орали полночи, мы уже все жалеем. Пьяный мужик с коми акцентом оставляет проводнице ядрёную шапку. Лиса, наверное, или какой-то крашеный и крутой енот.

- А-а, у меня ещё капюшон есть. А ты не стесняйся, я ж не вшивый, - мужик щериться своим щербатым ртом. - Увольняйтесь нахер с такой работы. Здесь и сто тысяч не зарплата. Здоровье дороже.

«Пока-пока… Спасибо, девчонки. Не умирайте…»

Хорошие у нас люди. Только вагон вот 13… и 12, и 14… Их много. И вагонов, и хороших людей.

2010 год

БЕЛЫЙ ВСАДНИК

В сердце моего отца отношение к Богу было особым, мне не совсем понятным. В церковь он не ходил, попам не верил, но к вере в Бога своей мамы, моей бабушки, всегда относился с пониманием. Жестокое и яркое впечатление оставили в его памяти погромы в церквях, которые ему довелось видеть в детстве - в начале тридцатых годов прошлого столетия. Наверное, поэтому он всегда сочувствовал верующим.

Бывало, отец в раздражении ругнётся или скажет осуждающе, а потом, встрепенувшись, перекрестится: «Хай Бог мне простит!..» Малоросский говор так и оставался в его речи до смерти - «Хай Бог меня простит» - словно чувствовал он за собой Божье всевидящее око.

Три ранения и контузию получил отец на Великой Отечественной войне. Все три ранения и контузия произошли с ним во время Великого поста, в промежутке между 29 марта и 13 апреля (в 1942, в 1943 и в 1944 годах). Перед всеми тремя ранениями, по его рассказам, ему снился белый голубь. Каждый раз этого голубя кто-то расстреливал в небе.

Суеверным отец не был - это точно. Но во сны, в пророчества, в силу проклятий и в чёрный сглаз ему поверить пришлось: «Совпадений случалось слишком много», - пояснял и, немного смущаясь, оправдывался он.

Родом отец мой из Запорожской области Украины, из курортного портового города Бердянск. «Приехал вот на Север, чтобы помочь матери дом построить. Приехал на четыре месяца, а живу уже сорок лет», - посмеивался он. Понравился ему таёжный край. Особенно понравились люди - простотой и бескорыстием. Маму мою здесь встретил.

Года за два до моего рождения случилась с отцом одна странная, потрясшая его до глубины души, история. Случай этот из тех, которые напоминают человеку, сколь близок Бог...

В десятке километров от Базы Кылтово в конце пятидесятых годов была ещё жива деревенька Выльордым. Отец охотился недалеко от неё. «Был конец февраля, - вспоминал он. -Только-только утихомирились морозы и успокоились метели. Погожим деньком... Помню, вёдро было, ясненько так... Сделал я круголя - дугу этак вёрст на восемь недалеко от Выльор-дыма. На широких лыжах, с псом - Жук у меня был - прошли мы дюжа удачно. Тогда конечно, дичи поболе было, веселей охотка-то была. За полдня я настрелял четырёх куропаток, одну тетёрку и ещё, помню,

досадно промахнулся по лисе. Совсем ведь рядом рыжая выскочила, а я что-то засуетился... В общем, не для меня оказался воротник. Промазал».

А денёк был сказочный - мягкий, солнечный. Отцу тайга казалась просто красивым праздничным парком. Разве что музыка не играет.

Но зимнее ненастье случается ещё неожиданней, чем налетающая летняя гроза. За один час лёгкий мороз набрал крепость и стал грозным. Побелели стволы ружья. Снег перестал быть пушистым и стал звенеть под лыжей, как стекло. Тяжело ухали прихваченные стужей деревья. Всё говорило - ночь будет лютой.

Отец понимал, что по сделанной им дуге легче выйти на Базу Кылтово. «Черти меня понесли поперёк, - вспоминал отец. - Здравому смыслу вопреки я решил выйти на Выльордым».

Скатываясь с небольшого, поросшего кустарником холма, отец и не подозревал, что это не холм, а берег широкого, заметённого снегом, ручья. И - надо же было такому случиться! - батя вылетел прямо на снежный козырёк, под которым ручей оказался открытым. То ли толстый слой снега не дал ручью замёрзнуть, то ли близкий родник поддерживал его незамерзающей водой. Одна лыжа оказалась просто подмоченной, но вот другой ногой мой родитель провалился в воду чуть ли не до колена.

- Вот этой ногой, - показывал отец раненую на войне ногу с широким плёночным рубцом. С мокрыми лыжами по лесу не походишь. Шлёпал теперь батенька еле-еле. Как утёнок. Как тюлень по асфальту... А мороз крепчал. Отец тешил себя надеждой, что до сумерек всё-таки к Выльордыму дошлёпает. Но всё оказалось серьёзнее...

«Низовой ледяной ветер просто костенил мою ногу. Я стал падать, - вспоминал отец. - Стал падать, теперь сырели руки. Пытался вытащить пустой патрон из ствола, хотел заменить на картечь, а руки-то почти не слушаются. Не то чтобы страх появился, но я сразу всерьёз забеспокоился. По моим предположениям, до Выльордыма должно быть не более двух вёрст. Но они казались теперь далью дальней. Я уже падал через два шага на третий...»

Самое плохое, отчего упало настроение, - убежал Жук. Это было похоже на предательство. Но Жук никогда не бросал отца. И даже несколько лет спустя после этой истории Жук погибнет в схватке с медведем. Но почему убежал Жук? Что было в мыслях собаки? Какое предчувствие или какая надежда? Может быть, он побежал за людьми?

Но в тот момент отцу моему показалось, что всё - он брошен, и нет никого рядом, кричи-не кричи...

Отец эту историю на моей памяти рассказывал всего два раза. Один раз в какой-то праздничной компании, среди таких же любителей-охотников, а второй раз - незадолго до смерти. Тогда он видел уже, как возрождаются в России храмы. Присматривался к тому, как меняюсь и не меняюсь я - ставший верующим человеком. Сам отец внешне будто не менялся. Однако многое в жизни своей переосмысливал, вспоминал, заново оценивал события и людей. Тот случай на охоте возле деревеньки Выльордым, видимо, переоценивал тоже.

«Жук убежал. Паниковать я не стал, но силы покидали меня стремительно. Мороз свирепел и, как невидимый зверь, словно кружил вокруг меня и ждал, когда я упаду.

Помню, что по молодому ельнику я уже полз. Тогда думал - как глупо сейчас умереть, как обидно! Когда-то думал, что не выживу в страшных боях на войне... Под Ельней утром не знал, доживу ли до обеда... Выжил, когда Днепр форсировали, а там со всех сторон молотило, ни земли не чуял, ни неба... А теперь сдохнуть оттого, что промочил ноги? Господи!..

Конечно, я бы так не ослаб, и так не окостенела бы нога, если бы не слабая плёнка кожи на ранах. Ах, если бы не заштопанные икорные мышцы и сшитые сухожилия! Если бы... Силы окончательно покинули меня, когда я выполз на заметённую снегом санную дорогу. В будни меня, может быть, подобрали бы крестьяне: ездят ведь здесь за сеном на дальние стоговища. Но сегодня... Был выходной день. Значит, не будет никого. Всё...»

Даже когда батя рассказывал про эти мгновенья, лицо его умиротворялось, как умиротворяется душа человека, сдавшегося на волю Божью. Человеческих сил уже нет. И гаснет сознание. И становится тепло.

«Я лежал на дороге, прижав к себе ружьё, и замерзал. Кажется, ещё несколько раз я позвал: «Жу-ук! Жу-ук!» Потом стало мутнеть в глазах. Я стал слышать стук сердца и цокот. Этот цокот казался мне звоном стынущей крови. Но это был цокот копыт!

Всадник появился как из воздуха. Это был невероятный всадник и невероятная картина вообще. Сказка какая-то... Громадный широкогрудый белый конь с косматой, никогда не стриженной белой гривой нёс на себе могучего старика, тоже белого, с седой бородой. Уже не знаю: то ли из-за своей беспомощности я воспринимал его могучим, то ли это было в самом деле... Старик поднял меня с земли и бросил в седло одной рукой! Не слезая при этом с коня».

Батя всегда сомневался, сколько прошло потом времени. Когда очнулся, было ощущение, что проспал немного - вечер да ночь. Но по раскладу всех других событий получилось, что очнулся отец более чем через двое суток. Мокрый от пота с ног до головы, он лежал на печи в деревенской избе. У печи возилась пожилая женщина, почти старушка. Она разговаривала вполголоса то ли сама с собой, то ли с кошкой.

- Эй, кто живой... здравствуйте! - позвал с печи оттаявший охотник.

- Но... Живой-да. Бур рыт! - растягивая слова, с сильным коми акцентом и доброй обезоруживающей улыбкой подошла к лежанке на печи эта женщина.

- Живой... - ответил батя. - А где я? Как здесь оказался? Он ещё не совсем понимал, где закончилась та снежная белая явь, где был сон и где среди всего этого Жук, ружьё и белый всадник.

- Друг тебя привёз, - улыбнулась женщина. - Совсем белый дедушка. Твой друг? - то ли спросила, то ли подтвердила эта простодушная крестьянка. И рассказала, перемежая коми слова с русскими, что дедушка был на белой лошади, что «ты был почти мёртвый. Весь белый и как кость». Женщина постучала костяшками пальцев по ступенькам лестницы на печи. Выражение лица её, немного испачканного в муке, сострадальче-ское, удивлённое, говорило: «Чудо. Ну, чудо. Живой».

- А я уж своего мужика в райцентр отправила. На твой мехзавод... У тебя в кармане профсоюзный билет нашли. Отправила лошадем, чтоб машину прислали, - это неправильное спряжение - «лошадем» - почему-то умиляло отца. Одним «лошадем» его только что вывезли из смерти. «Белым лошадем... - кажется, тогда он снова расслабился. - Белый всадник, значит... Кто же ты?»

В избе пахло свежим хлебом, кислой капустой и, кажется, сырой кожей. Где-то рядом на печи сушились полушубки или обувь. «Тогда я с хозяйкой даже не познакомился. Я снова уснул, - рассказывал отец. - А потом за мной приехала машина, увезли в райбольницу. Там через два дня выписали, потому что никакая холера меня не взяла - не обморозился, не простыл. Может быть, та женщина чем-то особым меня отпоила. Помню, что пил какую-то заварку со спиртом и закусывал гусиным жиром. Прямо с ложечки... Такое вот блюдо.

Ну да ладно - самое ведь интересное дальше. Шукал я того белого старика и нашёл белых коней и лошадей в окрестных сёлах. Всего-то их было пять. Ни одна никуда из конюшен ни разу не выходила. За месяц до моей истории все они были в стойлах. Морозы. Кто же просто так скотину выгонять будет? Тем более

что две лошади вот-вот должны были ожеребиться. А два коня, замухрышки и шелудивые от неухоженности, даже в мелких хозяйственных работах не участвовали. Все те лошади в разных отделениях совхозов были, а от Выльордыма и вовсе далече...»

Отец никогда не делал окончательных умозаключений. Во всяком случае, вслух. Он, конечно, знал, что до революции в Кылтово был большой женский Крестовоздвиженский монастырь. А ещё по преданиям было известно, что задолго до монастыря, лет эдак триста назад, в тех краях молился одинокий монах-отшельник. На коне он, конечно, не скакал, но и про его молитвенные подвиги мы тоже ничего не знаем.

- На кого хоть тот белый старик был похож? - спрашивал я у отца.

- Бог знает... И не опишу-то, наверно... - скромничал отец. А мне, знающему сочность его языка, всё это было ещё более удивительно. - Описать не смогу. Но он похож на многих стариков на иконах. Иногда прямо дух захватывает... Имён вот не знаю. Неграмотный я в этом деле. Хай Бог мне простит. Может, не там искал я белого всадника? Может, его по иконам искать надо было? А?

1998 год

МЕТЕЛЬ

Я уходил из деревни в город налегке, без вещей, но с тяжёлым сердцем. Мороз выбелил намертво всё живое вокруг, звенела дорога, и грустно мерцали звёзды. Меж двумя деревнями тридцать с гаком вёрст, меж двумя деревнями автобусная остановка на переправе. А на автобус я опоздал. Он ушёл, мигнув вдалеке злым красным глазом, похожим на звезду в созвездии Гончих Псов.

Назад - пятнадцать километров, вперёд - двадцать два. И я пошёл вперёд, потому что любил сжигать мосты.

Я бы дошёл, но не было печали, не было сомнений, а потому и не было видно того, что лезло в глаза. Потемнело небо и швырнуло мне в ноги белые тропы, спрятались звёзды, оставив колодец пространства, и от густой пурги стал я седеющим старцем, теряющим зрение, согбенным от стихии.

И была пурга. Была пурга, какой эти края не знали. Была пурга, она уложила меня далеко от дороги, накричала мне в уши чужие сказки и пела мне колыбельную гулом ненастья. Я замерзал.

Только в землю куда-то, сквозь рёбра, било сердце, било через лёд одежд, било колоколом горячей крови.

Кто-то тронул меня за плечо...

Молодая женщина будила меня в зыбкой дымке, в сладком мертвенном сне. И сама она казалась мне сном, но слишком уж по-живому стояли рядом с ней косматые волки.

Пряный дух разомлевшей избы, капли чистой смолы на сияющих брёвнах сосен, тихий скрип половиц...

Я очнулся, тело болело. Я пока видел мир лишь одними глазами. Чья же эта, такая родная, изба?

Надо мною склонилась она.

- Кто ты? - грустно шепнула.

- Я человек.

Она снимала с меня унты, растирала ноги барсучьим жиром и шептала ногам моим силу.

Вот сижу я за длинным столом. На далёком конце его, напротив - она. Плахи лиственниц гнутся от снеди.

И она угощает меня.

Я ел чёрный, как дёготь, и тёплый, как солнышко, хлеб - она назвала его Искушением. Я из каменных кружек пил хмельной горький мёд - она назвала его Жизнью. Я не мог разломить и глотал целиком кровью пахнущие и сухие куски, а она улыбалась:

Долг; и глазами искал образа, только в доме их не было: ружья, луки по тяжёлым стенам охраняли нас, а на окнах не занавеси, а сети.

За окнами ночь.

- Ты охотница?

- Нет, - и она улыбнулась.

- Как зовут тебя?

- Женщина.

Я ей кланялся в пояс, топтался босой, взяв в руки свечу, двинулся было к тёмной осиновой двери. Она даже не взглянула на меня, а у дверей молча встали два волка. Я замер и услышал сзади голос.

- Эта ночь моя, человек.

И была ночь, сладкая долгая ночь, каких в смертной судьбе не бывает. Был и восторженный ужас, и детская слабость, и дикая сила.

Я себя познавал.

- А теперь уходи!

На постели из шкур лежала она.

- А теперь уходи. - Свеча стояла на столе. - Ты зажги её, дверь отопри, свет укажет тропу.

- Я вернусь, я скоро вернусь.

И ушёл. Как мне больно бил в спину взгляд! Я ушёл по ровному свету и петляющей тихой тропе. И нашёл, что искал: я вышел к людям.

Прошло немного времени, может быть, всего несколько лет. Я считался своим в доску парнем среди бродяг и аферистов, стрелял журавлей на Таймыре и сажал виноград на Риони, пил одеколон на Дальнем Востоке и любил женщин, по-разному даривших тепло, но одинаково отнимающих свободу. Что-то в этой жизни искал я, и везде со мной была моя тень - моя мёртвая память.

В знакомых краях мы искали какие-то ископаемые, за которые хорошо платили и которые хорошо искались. Мы рвали древнюю землю динамитом, а тишину блатными песнями. Мы глушили синий спирт с красной рыбой.

И земля, как забытая женщина, умещалась между моими плечами.

Я запомнил тот день, тот просёлок и жажду.

Пить хотелось, и шёл я один по тайге, по узлам на судьбе и без цели. Шелестела штормовка шагреневой басней, целлофановое сомбреро брызги солнца сжирало, и от глаз моих прятало солнце.

А стояла жара. Стояла жара, какой в этих краях не бывало -

засыпало живое и вяли седые цветы.

Кто-то выключил звуки, и тропа подо мной побежала завилюшками мысли растраченных дней и растраченных чувств.

Я, конечно же, вспомнил тропу, остальное не мог, не хотел, но пошёл, будто что-то несло по тропе: то ли жадные ноги, то ли сердце, топтавшее сизую тень.

На поляне изба. Как глубокий колодец, смотрят окна за дальние дали.

У избы, в от завалинки брошенной тени, дряхлый пёс, белым облаком лёгший на землю. Он вильнул мне хвостом, посмотрел, как на чудо, и, тряхнув головой, заскулил.

В паутине венцы, косяки, я к распахнутой двери шагнул... и застыл, обожжённый кошмаром. На пороге седая старуха с ружьём, вязь знакомого света свечи на прикладе и слепые глаза.

- Ты пришёл, человек?

- Пить!

Из сухого ковша звёздным холодом дунула ночь: я пил звёзды...

- Спасибо, старуха.

- Я тебя не дозвалась, но ждала. От тебя я старела, и помни: дети были у нас - сыновья, сыновья, о которых другие отцы не мечтали. Не мечтали...

То ли я, то ли кто-то сомбреро снимал с головы, сумасшедшею цепью стегал колдовской тихий шёпот.

Крик оставил один. Этим криком кричит всё вокруг, этим криком кукушка считает потерянный кров, этим криком наплакались лебеди. Дом твой отчий кричит. И Очаг. Тот Очаг, что огонь свой в Великий огонь мой унёс - бед земли. Как он ждал и угас! Где ты был эту жизнь?

Нарастал её шёпот, казалось - крик плеснёт мне в лицо, или даже свинец сумасшедших двух бельм, разорвавших жару жаждой зрячей тоски.

Закричала гроза, и сомбреро втоптало в тропу, и душил меня шёпот, оторвав от земли пальцы замершей тени.

- Уходи-и... Уходи-и...

Те зрачки тех стволов будут щупать мне сердце всю жизнь. Я не шёл, а бежал, обжигая руками берёзы, раздирая в лохмотья на взгорках суровые мхи, в горло сердце просилось, как гордая птица из рук.

А потом я упал. Будто встала стена, и с разбега я врезался в воздух. Била в сердце сквозь рёбра земля, причитаньем дождя и калёной моей жаркой тенью лаская.

Я себя познавал.

И обратно бежал незнакомым, но светлым путём и кричал:

- Ты прости, ты прости за тот холод распахнутой двери, Нагая! За пожары прости, за плевки, за забытое тело твоё и за брошенный белый седины твоей хлеб.

Только эхо рвалось и с дождём проникало в песок, и питало могучие корни.

Вот поляна, трава-мурава светлой зеленью эха потянулась ко мне. Та же тень, те же звуки. Ствол берёзы, как будто сожжённый дождём, на ветвях, как на чёрных руках... позабытое мною сомбреро.

1987 год

ЛАЙКА

очерк-зарисовка

Как известно, собака - это приручённый волк, который живёт с человеком с незапамятных времён. Весь вопрос - какой волк? При всей внешней схожести современной лайки с серым хищником, на самом деле, есть основания серьёзно сомневаться, что наша лайка из местных волков...

За конницей гуннов на запад перегонялись и табуны коней, отары овец - «обоз» был длинным и многоликим (и многомордым). Вместе с бронзоволикими людьми шли бронзовые собаки, потомки приручённого индийского волка. Они прошли вместе с людьми весь континент и, смешиваясь с пастушьими собаками прикаспийских племён и Кавказа, стали основой многих пород (например, овчарки, пуделя, сеттера, пойтнера и многих других, появившихся уже в средние века, когда селекционная работа стала забавой монастырей и обслуги замков). Для справки: догообразные породы, в отличие от волкообразных, - это все бульдоги, доги, таксы и шотландская овчарка. Впрочем, строго говоря, средневековье сильно перемешало и их. Но доги - это псы Европы античных времён. До нашей эры волкообразных собак имели только германские племена. В Древнем Риме собаки не догового типа считались либо дикарями, либо полудикими бродяжками. Во дворе какого-нибудь патриция легче было увидеть ласку, горностая или барса, чем собаку с волчьей мордой.

Лайка как порода сформировалась стихийно. Не известно ни одного места на земле, которое бы прославилось тем, что вело селекционную работу с этой породой. Эту работу вели миллионы охотников и приметливых крестьян, отбирающих крепких, бесстрашных и верных помощников. Без лайки наша история точно была бы совсем другой. А историю освоения Севера без неё представить и вовсе невозможно.

В IV-VIII веках нашей эры, когда нижняя Вымь входила в зону влияния Хазарского каганата и, судя по археологическим находкам (на Веслянском городище найдены персидские монеты), вела торговлю через Прикамье и Волгу с южными землями, с Прикаспия везли и живой товар - собак и овец.

В селе Ананьино Пермского края были сделаны обширные археологические находки VIII века нашей эры, по которым потом стали сверять и сходство культур других северных земель, чтобы определить родство племён и географию перемещения. Так появился сам термин «Ананьинская культура». Через четыреста

лет - в XII веке - много что изменилось, скажем, в быте, сильнее стало проявляться влияние западных торговых путей, в том числе, и Великого Новгорода (на раскопе того же Веслянского городища найдены германские монеты раннего средневековья, украшения уже скорее прибалтийского, скандинавского стиля). Но самая крупная и ранняя археологическая находка XI-XII века была обнаружена в селе Вандвизди-но. По ней сразу стало понятно, что здесь и другой рисунок на черепках битой посуды, другой тип даже самих захоронений. Эта культура получила название Вандвиздинской. Абсолютное большинство находок на Выми относится к Ананьинскому и Вандвиздинскому типам культур, что подтверждает движение людей на Вымь со стороны Перми и Прикамья вообще.

Уже в пласте раскопок Ананьинской культуры найдены кости собак, овец и коров, а на уровне Вандвиздинской - само собой.

Лаек в семьях не держали в привычном смысле, как держат, например, собак сейчас. Лайка была довольно самостоятельным существом, со стороны хозяина лишь прикармливалась во время охоты. Каждый охотник или семья имели стаю из трёхпяти лаек. И это было в порядке вещей вплоть до XX века.

Кстати, выражение «На охоту идти - собак кормить» как ирония к охоте с лайкой не подходит. Эта охотничья поговорка относится, скорее, к гончим собакам, к сеттерам (охота на водоплавающую дичь) и норным: т.е. к тем, которые использовались на юге и в центре России. А ирония заключалась в том, что вышеперечисленных собак перед охотой до двух суток не кормят. Иначе такие собаки не работают или работают плохо. Лайка же - почти прямо наоборот. Охотники перед выходом в тайгу лаек кормили, потому что сам поход на угодья (до То-бися, например, или от Ляль на Вишеру) занимал двое-трое суток. Когда поешь в следующий раз? Разве лишь на месте постоянной стоянки, в избушке.

Любопытно, что на Выми рыжую лайку не любили, а на Ижме, наоборот, считали счастливой.

Замечательные сторожевые, пастушьи и поисковые качества делали лайку незаменимым помощником в лесу и в поле. Сколько охотников в схватках с медведем спасены лайкой? Сколько найдено пропавших в лесу детей и взрослых? Сколько вёрст прошла она с первопроходцами, геологами, переселенцами?.. А ещё поговаривают, что только в наших краях, на Выми, на Печоре и Мезени, настоящая лайка не боялась волка. Потому что за столетия и в ней накопилось много волчьей крови...

В Европе лайку перевели, о чём Европа горько сожалеет. Знаменитый французский актёр Ален Делон, когда гостил в

Красноярске, получил в подарок от губернатора генерала А.И. Лебедя двух щенков лайки. Француз был без ума от радости. В официальных собаководческих клубах Франции и Германии лайка стоит от 2 до 10 тысяч евро - лабрадоры и колли стоят поменьше. В Канаде настолько «заселекционировали» породу, что потеряли высоту в холке, рыжий и пятнистый окрас; получили образец серый, близкий к алеутским ездовым собакам.

Берегите лайку. Это нетрудно. И это просто порядочно.

2008 год

МИНИАТЮРЫ И АФОРИЗМЫ

Осенний карандаш

В начале шестидесятых годов прошлого века я ходил в детский сад. Господи! Как это странно звучит. Так долго не живут. Родители работали на механическом заводе, и детский сад был построен заводом.

Один раз в год родителям и детям заведующая детским садом Ванда Борисовна Глотова торжественно объявляла, что профсоюз завода купил новые игрушки или новую мебель...

Оттуда, из тех детсадовских картинок детства, остался в памяти эпизод с яркими карандашами. Мы такое многоцветье карандашей видели впервые. Широкая белая пачка карандашей. Воспитательница на наших глазах точила эти разноцветные палочки, и стружка - красная, синяя, зелёная - праздничным конфетти ложилась на её стол. Ещё не рисование, а только подготовка к нему была сакральным творческим ритуалом.

Воспитательница откладывала карандаши и учила нас различать названия в обозначении цвета.

- Вот это зелёный, а это светло-зелёный. Его называют салатовым, - говорила она. И от слова «салатовый» вспоминались летние салаты. И будто не было за окном снежного тёмного вечера. - А вот мы поточили малиновый карандаш. Вы же знаете ягоду малину? Все пробовали малину? - играла с нами воспитательница. - А где у нас оранжевый карандаш?

Никто в группе не знал этого цвета. Даже многие русские дети, возможно, в первый раз слышали слово «оранжевый».

- Ну, что же ты молчишь, Гриша? Вот у тебя в руках есть оранжевый карандаш.

Я растерялся, как будто меня уличили в чём-то нехорошем, будто я утаиваю этот карандаш.

- Нет. У меня не оранжевый, у меня осенний карандаш, -и удивился, и обиделся, и заупрямился я. И краска так залила моё лицо, что от волнения мне стало тяжело дышать, даже вспотели ладони.

Но воспитательнице, кажется, самой нравилось слово «оранжевый», и, возможно, она сама недавно узнала это слово (и уж никто совсем не знал тогда, что оранж - это апельсин).

- Нет же! Запомните, дети: это оранжевый карандаш! - говорила она. Как мне казалось, в её интонациях был скрытый упрёк: дескать, дети, не будьте такими, как этот невменяемый мальчик (она тянула за карандаш, а я его не отпускал) и...

- Это... Дай-ка сюда... Вот... - она дёргала, а меня словно заклинило, - это ора-а-анжевый карандаш.

- Он похож на осень! - звонко крикнула какая-то девочка, и от её искренней поддержки, оттого, что она воспринимает цвет так же, как я, а значит, понимает меня, я, чуть не расплакавшись, выпустил из рук карандаш.

- Осенних карандашей на свете нет! Нет осеннего цвета. В школе ты тоже будешь говорить: дайте мне пенал осеннего цвета? - зачем-то гнусавя, будто передразивая кого-то мне незнакомого, сказала воспитательница.

Она точила мой осенний карандаш, и, как осенние листья, падали на стол крошки ярких стружек. Дети смотрели на этот листопад. Ведь никто из нас апельсины ещё не видел...

Крест

Когда мои сосланные в Княжпогост (север России - территория ГУЛАГа) бабушка Мария и дед Гавриил обустраивались на новом месте: строили дом, разделывали целину под огород, - наткнулась Мария на большой крест. Видимо, наперст-ный, принадлежавший когда-то священнику. Охнула бабушка, перекрестилась на него да и занесла в дом, поставила в красный угол рядом с иконой.

На следующее утро и Мария, и Гавриил проснулись со словами:

- Слушай, Маня, какой я сейчас тебе сон расскажу! - сидел на кровати изумлённый дед.

- Нет, погодь... Это я тебе сейчас такой сон расскажу - страшное дело! - не менее взволнованно и перепуганно остановила Гавриила Мария.

Но рассказали они друг другу... одно и то же.

...Под утро отворилась дверь в дом. За дверью туман, как облако, золотым светом светится. А в дверях стоит старик -весь седой, в рубахе до пят, борода до пояса, взгляд строгий.

- Мария! Где крест взяла, туда и положи! - и пальцем показывает в сторону огорода. Повернулся старик и ушёл в туман. И во сне это было как наяву, даже занавесочка так же колыхнулась, и дощечка на крыльце, как всегда, скрипнула...

Сон слово в слово, деталь в деталь был одинаковым и у Марии, и у Гавриила. Конечно, бабушка отнесла крест на место, вырыла ямку чуть поглубже и положила так, как и лежал крест до обнаружения.

На огороде всю оставшуюся жизнь бабушка работала с удовольствием и про сон тот не забывала никогда.

«Земля здесь святая, горькая здесь земля - горем людским пропитанная», - говорила она. В пятидесяти-семидесяти шагах от

того нашего огорода гремят поезда по железной дороге Котлас - Воркута...

БАНДИТ

Он пришёл ко мне разбираться. Задумка, видно, была такая: начать с угроз, а если дело пойдёт туго - избить. Причины для злости имелись. В телефонном разговоре я жёстко попросил его вести себя корректно по отношению к моему давнему товарищу.

И вот пришёл. Рано утром. Я был спросонья и поэтому не сразу «включился» в проблему. У него в глазах на долю секунды мелькнуло смятение, видимо, не ожидал, что я... такой, каким он меня увидел. Он начал говорить. Речь была без лишних и пустых слов, очень конкретная, с угрожающим подтекстом. Фраза «Я пришёл и говорю в первый и в последний раз» показывала категоричность его намерений и высокую степень самоуверенности. Это была та форма безумия, встреча с которой оставляет тошнотворное и тяжёлое чувство на душе. Он пытался объяснить, что я не понимаю, кого защищаю и с кем пытаюсь «бодаться».

Я кивнул. И он понял, что я понял.

- Ну, и?.. - спросил я.

И он понял, что чего-то не понял он.

- Всё, - сказал он и ушёл. Потому что выбор у него был простой - либо драться со мной (а так как я парень не слабый, пришлось бы меня убить. Если получится.), либо уходить.

И он ушёл. Наверное, правильно сделал. А чувство досады и тяжести на душе у меня осталось. Как после встречи с «другим миром» душевнобольного человека, как досада от нелепой случайности или стихии. С мыслью о ней надо жить. Помнить о смерти. И об этой «беде» - бандитском мире, который всегда где-то рядом. Но это другой, не мой мир.

Постриг

Почему в монахи или в солдаты «постригают»? Что за ритуал такой - стричь? Ведь постригают и при крещении, и при приёме в рыцари, и когда арестовывают...

СТР - древний санскритский корень, обозначающий «порядок», «статус», «положение вещей». Отсюда - «страна», «струна», «стройка», «странный» и даже «страх», видимо, тоже отсюда...

Мы с лёгкостью неимоверной отдаём свою голову парикмахерам, предполагая, что приводим в порядок только состояние волос, и не видим, не предполагаем, что в руках продвинутого мастера наша голова может стать инструментом мистерии с нашей судьбой и даже судьбой рода.

Целование

Зачем люди целуются? В чём смысл целования? Давайте опять обратимся к мудрости русского языка. Целование от слова «целый». То есть «целоваться» - становиться целым, единым с чем-то. Отсюда ритуал и целования знамени, целования креста, братского целования или целования примирения. Слово «целковый» (рубль) тоже означало целостность, полноту оплаты.

Любовные целования, конечно же, несут ту же природу единения.

Афоризмы

Нация, которая чтит стариков, рожает много детей.

Христос чаще, чем «любите», говорил «не бойтесь».

Мир, кто ж тебя так горько назвал? что страшней страха?

Страх, что не чувствуешь больше ничего, кроме страха.

Дерзость - это уверенность, что Богу нужна моя помощь.

Если в вашем городе школьный учитель видит разницу между розенкрейцером и ризеншнауцером, то это значит, что ваш город знаком с европейской культурой.

Куда же мы вращаемся, если нас можно развратить, извратить, возвратить?

Первый звук, который слышит ребёнок в утробе материи, - звук колокола. Это Сердце Матери.

Толпа - всегда женщина. Даже если она состоит из тысячи бородатых вооружённых мужиков.

Вера - высшая форма тоски о смерти.

Любовь - высшая форма тоски о жизни.

Мат - это проклятие. Не проклинай!

Смолоду прореха - старости может и не быть.

Кошелёк - это кусочек нервов и мозга, вынесенный на периферию.

Мужчина может думать, что он спал с тысячей женщин. На самом деле, он всегда спал с одной и той же.

Женщина может думать, что она спала со многими мужчинами. А она, по сути, не знала ни одного.

Идёт последняя Мировая война.

Между Человеком-Образом и Человеком-Функцией.

Физическое совокупление - спасение вида.

Душевная близость - спасение рода.

Духовное единение - спасение.

Книги нужно жечь. Это полезно для человечества.

С ангелами беседовать легче: между нами одна плоть - моя. Как тяжело беседовать с тобой...

Учись владеть обеими руками одинаково.

Это гораздо важнее многих видов спорта.

Искусство бодуна - это искусство дистанции между рюмками.

Один бокал вина - это ваше лекарство.

Два бокала - это ваш праздник.

Три бокала - это уже ваши проблемы.

Одна голова хорошо, а две - кунсткамера.

Общественное мнение, в конечном счёте, просто мнение нескольких человек.

Когда в народе убиты все священники, тогда народ начинают обличать дети.

Бог оставил нам хлеб и вино. Но только мы сами виноваты в том, что стремились сделать хлеб побелее и вино послаще.

У России один союзник - лес.

Невозможно забыть то, что хочешь забыть.

Главная сила беса - умение ждать. Всю жизнь.

Если человек вспомнил все свои грехи, значит, он умер.

Любовный треугольник всегда вверх одним концом.

Человек никогда не изобретал колесо.

Оно есть в природе.

Оставить след в истории - самое наивное и самое разрушительное проявление человеческой гордыни.

Вы никогда не задумывались, зачем расчёсываетесь перед сном?

Проблема не «Отцы и дети», а «Дети и отцы».

Беззубость - это не тогда, когда нечем жевать.

Это когда нечем принять удар.

Если духовных бесед больше, чем молитв, это значит только одно: духовный путь беседующих весьма сомнителен.

Вера в человека и доверие человеку - две очень разные категории.

Песни волка - это всегда тоска и печаль. Но от этого волк не перестал быть волком.

Жизнь - это такая травма, у которой всегда летальный исход.

Человеческое лицо занимает 2% площади человеческого тела. Мурло - до 8%.

Телефон

Телефонный звонок убил одного моего знакомого. Именно звонок, а не разговор. Молодой мужик переживал на ту секунду гипертонический криз, а неожиданно раздавшаяся рядом с ним телефонная трель буквально свалила с ног. (Кстати, на том конце провода, не извиняясь, сказали, что ошиблись номером.)

В таком явлении, как телефон, кроме технической, коммуникационной, философской составляющих, есть составляющая нравственная. Вторжение вслепую и беспардонно в чужую жизнь - это издержки телефона в любом случае. Даже если, позвонив, мы извиняемся; даже если мы полностью научились

этике телефонных переговоров, всё равно изначально звонок - вторжение, навязывание (так получается) своего общения -всё это насилие, агрессия communication.

Лучшее, что мы в итоге можем сделать - это хотя бы понимать происходящее, не распоясываться в праздной (от нечего делать) телефонной агрессии.

Новые афоризмы

Слова - дети мыслей.

Где не срабатывает анекдот, там срабатывает пауза после анекдота.

Судьба всегда длиннее жизни.

Полжизни думал: «Будет, что вспомнить!». Теперь полжизни думаю: «Как бы всё это забыть?!»

Научитесь не бояться - научитесь любить.

Труднее всего писать правду, потому что её внутри всегда меньше, чем снаружи.

Многословье глушит больше, чем тишина.

Авангардное искусство - это валюта эгоистов и мизантропов.

Клевета

Клевета способна убить. Она всегда неожиданна. Она, как правило, не даёт возможности опровергнуть её материальным или документальным аргументом. Она тиха, потому что она звучит лишь в последнюю очередь в твоих ушах; до этого она уже залезла в уши твоих друзей и знакомых.

Автора клеветы можно ударить или убить (что и делали раньше). Но что делать христианину?

Ничего. Во-первых, христианину надо «реагировать» на Бога, любить ближних... Тот, кто хотел тебя видеть таким, как в клевете, тот всё равно таким тебя и увидит. Даже если б клеветы не было.

Во-вторых, сомневающийся, видя дела твои, слыша реальное слово твоё, в конце концов, скажет: «Нет. То, что говорили

об этом человеке - неправда».

В-третьих, тот, кто по-настоящему любит тебя, верит и переживает за тебя, тот примет тебя таким как есть. Даже если б клевета была правдой. Клевета - это кусания беса (страстей). Потерпи. Ну, ещё чуток потерпи...

* * *

Рядом с двумя беседующими всегда сидит толпа ассоциаций.

Интересно: всё-таки курок пистолета - это кнопка «Delete» или «Enter»?

Избыток энергии, как и её недостаток (например, усталость) убивают любовь.

Казак

В городе Серпухове под Москвой есть известный Высоцкий мужской монастырь. Как-то и мне удалось там побывать. Понятное дело - запомнились службы и великие святыни, что хранятся в этой обители. Но запомнился ещё казак, приехавший откуда-то с Кубани. Он был таким же паломником, как я и многие другие.

В корпусе, где мы жили, казачок тот всё изображал из себя какого-то «крутого».

- Да мне всё по барабану. Шо? - При этом он корчил такие рожи, какие увидишь разве что в мультике про арабов-разбойников. Буен был брат.

Но вот выходили мы на службу, и он под сенью благодати преображался до неузнаваемости. Становился степенным, спокойным, в образе его была скорбь и глубокая усталость от... того, кто мучил его внутри... Таким он возвращался в корпус и удерживался до двух-трёх часов. А потом всё начиналось сызнова.

Так получилось, что все паломники из нашей комнаты разъезжались в одно утро. Вечером мы все вместе решили хорошо помолиться на дорогу прямо в комнате. К чести казака, он через силу, через выпендрёж, но встал на молитву с нами.

Опять произошло то же, что и в храме. Только дошли до «Святый Боже, Святый Крепкий...», как морда его стала... образом. Усталость, скорбь и боль.

Помолились. Сели. Разговорились. Пришли к выводу:

- Молитва - это, брат, твоя застава. Она тебя защищает. Она твой рубеж. Казаки ведь на заставах стояли. А у тебя, брат, особая битва внутри себя, наглядная для всех. Держись!

Запомнился мне тот казачок. Битва внутри - она, конечно,

у каждого из нас. Но казак тот - просто зримая картинка: что, как, почему происходит с человеком. И с кем сражение нашей совести...

Роль

В кардиологии видел однажды картину, которая о многом и о многих мне сказала.

«Скорая помощь» привезла мужчину лет сорока пяти. Дорогой костюм и хорошие часы. Ботиночки, пожалуй, с десять моих зарплат. Сама респектабельность въехала на каталке в кардиоцентр. А поскольку я сопровождал бумаги от нашего отделения, то получилось так, что наблюдаю следующее...

Вот уж нет костюма и ботинок. Вот уж нет респектабельности. Вот уже лежит передо мной пятнадцатилетний мальчишка, в глазах которого один вопрос: «Как же так? Неужели не я буду ставить подписи под важными бумагами сегодня после обеда? А как же мой заказ Ивану Ивановичу?..»

У него останавливается сердце. Ребята-реаниматологи запускают сердце вновь. Теперь перед нами лежит уже семилетний мальчик. Из уголка глаза скатилась тихая слеза: «Это всё? Неужели уже всё? А жена, дети?»

На кушетке не совсем правильно, как в бане, сложены костюм, рубашка, часы, ботинки, галстук... Роль пока отложена. Пока...

Два воспоминания

Мы с братом учились в разных университетах. Как-то после побывки дома (а одновременно приезжать на побывку получалось далеко на часто) мы, опаздывая на автобус, спешноспешно собрались, расцеловались с отцом-матерью и побежали к вокзалу.

Были уже далеко за калиткой, когда, обернувшись, увидели отца, смотревшего нам вслед. Он стоял под раскидистой рябиной, что росла как раз у самой калитки, какой-то постаревший, сгорбившийся, и молча смотрел, как мы уходим. Наверное, в этот момент мы с братом почувствовали одно и то же. Поставили чемоданы и помахали отцу руками: дескать, всё в порядке, спасибо за помощь. Не тоскуй.

Он не шелохнулся. И этот момент - запоздалое внимание сыновей, а отец уже не шелохнётся - в свете солнечного дня запал в моё сознание намертво. Как кадр, выведенный на мрамор.

Другой кадр, уже из семейного альбома: мама разговаривает с нами - со мной и братом... Мы ей что-то говорим, а она слушает нас и кушает шанежку. Вроде бы обычная сцена. Вроде бы обстановка тоже обычная - городская квартира, типичная мебель за спиной... А потом я понял, что необычны на этой моментальном снимке, сохранившемся в моей памяти, мамины глаза. Их выражение было редким; таким, каким оно бывает в минуты сокрушения и сочувствия. Распахнутые глаза ребёнка, обиженного за обиженных. Интересно, и что это такое мы ей рассказывали?

Два кадра. Отец - прощальная сутулая фигура у рябины. Это и есть его суть: человек, тоскливо глядящий, как быстро уходят сыновья. Уходят как жизнь. Мать - распахнутые глаза человека, не потерявшего в себе ребёнка до седин, умеющего включиться на самоотдачу.

Папа и мама - они такие, наверное, у всех. Потому что это суть всех пап и мам.

1995-2008 года

УСИНСК

очерк-эссе

«Текст эссе «Усинск» администрацией города Усинска в 1993 году был отклонён за «неправильный подход, незнание и искажение истории города и района». Однако автор Григорий Спичак все факты, фамилии, явления назвал документально точно» (из преамбулы сборника «Жёлтые лошади», где впервые публиковался очерк).

Автор благодарит ветеранов города, всех добровольных помощников, а также извиняется перед всеми, кто достоин внимания писателей, но, к сожалению, не был упомянут в этой книге.

Только в мультиках дома растут мгновенно, а в жизни рождение города всегда долго и мучительно. Тем более на Севере.

Люди учились здесь жить трудно и прочно. Не удивляйся, пришелец, если увидишь на берегах северных рек два-три дома. Это много! В низовьях Печоры и на её притоках три дома - это Вечность.

В конце 50-х годов, когда страна Советов успела оклематься после ГУЛАГа, вставить железные зубы и разучить «не вполне советские» песни Визбора, Высоцкого и Клячкина, появился на притоке матушки Печоры на реке Усе молодой писатель Александр Рекемчук. Судя по всему, ему на впечатления повезло меньше, чем Джеку Лондону в Колорадо. Край встретил его холодно: ветрами, безлюдьем и традиционным оглушающим спиртом в староукладных сёлах - Захарвань, Мутный Материк, Усть-Лыжа.

А через некоторое время вышла в Москве книга «Скудный материк», где писатель грустно «напророчил» незавидное обречённое будущее этим краям.

- Не понял паря нашей житухи. Какой-то не тот Север написал, - без обиды чесали затылки печорские мужики. Кажется, они даже немного виноватились: дескать, не помогли человеку разобраться. Грех... Но ни мужики, ни московский писатель в своей поспешности не знали тайны, скрытой под их ногами.

Болбан-Бож

Три домика на высоком берегу Усы - это и был Болбан-Бож. Ледоход 1964 года прошёл обычно. Так же обычно прилетели с югов гуси, и пришла сочная и красивая северная весна.

Ещё не старый рыбак Болбан-Божа дядя Саша Худяков чутьём

полкового разведчика предполагал про себя какие-то перемены в жизни. Ему и в голову не приходило, что для него уже к следующей зиме закроется любимая охота на белых куропаток.

Живая и ныне единственная женщина той деревушки Болбан-Бож Татьяна Туркина припомнила весеннюю маету фронтовика дяди Саши. Говорил он так: «Чую я, что Хрущёв доиграется нынче с экспериментами. Вот уж неделя как прошёл лёд, а ведь ни одна баржа ещё не спустилась».

Хрущёв «доигрался». Вместе с солидным Брежневым придёт осень 1964-го. Эпоха «взвешенных и конструктивных решений» и холодной патетики. Но это всё будет потом.

А раньше, точнее, 20 июля 1964 года над Болбан-Бож появится вертолёт, с которого крепкие дяди, оглянувшись на восток и прищурившись на запад, ткнут пальцем в деревню.

«Сюда!»

Это будет началом странному, неповторимому и во многом невероятному времени, когда романтики «оттепели» уже обречённого в своей политической карьере Хрущёва, будто чувствуя духоту подлых предательских городов и столиц, хлынули в Сибирь и на Север.

Может быть, они здесь искали мечту, которая не получилась? Может быть...

Или это душа народа, вырвавшись из шинелей и бараков ГУЛАГа, училась жить снова, без оглядки, без вождей?

Первые палатки

В 1985 году, к 10-летнему юбилею района, решило городское начальство собрать этакий импровизированный музей. Собрали. Среди экспонатов был здоровенный сапожище-бродень. Под ним надпись-полушутка: «Сапог первопроходца».

Но, как вы понимаете, экспонат был сущей ерундой. Неизвестно - можно ли геологоразведчиков назвать основателями города? А может, первого строителя? Или первого шофёра, капитана, вертолётчика, завёзших сюда будущих строителей и горожан? чем не первопроходец коми мужик, осевший на этих землях эдак лет шестьсот назад?

Между прочим, в сегодняшнем Усинске мало кто знает, что в 1941-42 годах на реке Усе работала спецгруппа военных моряков-водолазов. Они чистили дно реки Усы, делали её судоходной под баржи с воркутинским углём. Уголь шёл не только по временной железнодорожной одноколейке, но и через Усу - на Печору, а там через море - на Архангельск и по Беломорканалу к блокадному кольцу Ленинграда.

Работа морячков-водолазов была адской. Судите сами: из трёх десятков человек сегодня в живых нет никого. (Из рассказа

вдовы и сына одного из матросов - авт.)

Берега Усы матросы, их семьи и наездное начальство в 40-е годы не обжили. Однако согласимся - эти люди, катая валуны под водой, тоже потрудились над будущим городом. Тогда, в 1941-м, они думали не о городе, а о сражающейся стране, о потухших топках паровозов и эвакуированных заводов... В истории переплетены не только судьбы людей, но и судьбы их труда, который, как живое существо, продолжает действовать и влиять на события тогда, когда нет уже самих людей...

Но кому же всё-таки поставить памятник как первопроходцу?

Пять геологов ещё в проклятую осень 1958 года промозглое, сырое время коротали в ожидании катера. Съестное у ребят кончалось, ушла собака, в стволах ружей сиротливо (на самый отчаянный случай) молчали последние патроны.

Почему не уходили ребята? Ведь глупо было бы сидеть и ждать катер, если они прекрасно знали, что не так уж далеко Колва, что можно добраться до Усть-Усы, что, в конце концов, до Болбан-Божа рукой подать. Но пятеро мёрзли по ночам в палатке, жгли костры, матерились простуженными голосами и ждали, ждали, ждали катер.

Нет, дело было не в «золотой жиле». Все данные, полученные геологоразведкой, будут ещё не раз проверяться-перепроверяться в Ухте, Ленинграде, Москве. Они боялись пропустить катер, чтобы вместе с ним не пропал в эту осень ещё один шанс на сверку по местности. Быть может, это был последний шанс. Быть может, уже и не шанс, а спокойствия своей геологоразведочной гордости ждали у костра те пятеро. (Говорят, что катер должен был привезти новые карты, аппаратуру и подтверждения каких-то предыдущих проб).

В голове у каждого были свои надежды. Обозначенные элементами таблицы Менделеева, эти надежды вряд ли были связаны напрямую с нефтью. Во снах парней вместе с картинками сытых и тёплых столичных застолий с красивыми и нежными женщинами и коньяком в высоких бокалах, в этих снах на столах с буженины и шпротами лежали... марганец, титан, бокситы.

Никто не знает - голодные ли галлюцинации погнали трёх из пятерых в тайгу по первому снегу, или это был жребий среди пятерых: пойти на охоту, чтоб на мысе продержаться ещё неделю? Но трое ушли навсегда... Катер, прибывший через двое суток после их ухода, обнаружил холодные угли костра, растрёпанную ветром палатку и два тела, почти заметённые первым снегом. Трое ушедших исчезли в вечности...

Справка-хроника: в 1958-1959 годах сейсмопартия Ухтинского территориального геологического управления начала

первые разведочные работы на реке Усе. Годом позже на реке Колве начала работы группа буровиков, заложивших строительство первой опорной скважины. Два года ушло на её проводку. Прогнозы подтвердились - нефть есть! Так родилось Усинское нефтяное месторождение.

Парма

Летом 1964 года в Парме стояло четыре вагончика-балка, в которых жила бригада из четырнадцати человек. Нефть тогда ещё не добывали, а только «щупали», искали, бурили.

В 1965 году начинается уже настоящая общественная и культурная жизнь Пармы как действительного посёлка. К этому времени здесь жили уже триста человек. Мужчины и парни, совсем юные девчонки и женщины. В 1965 году в Парме закричал первый ребёнок - нынче житель Усинска Алексей Александрович Семяшкин.

...Надо сказать, что по поводу первого ребёнка есть разночтения. Например, по источникам газеты «Усинская новь» от 1.01.1977 года, первым новорождённым назван Сергей Семенихин (род. 3.02.1965 г.), второй ребёнок - Андрей Губанов. Первую девчонку, родившуюся в Усинске, назвали Ириной.

В каждом селе или городе есть глава. Хорошее русское слово - глава, голова. То есть человек, у которого болит голова за всех и за всё. В Парме бессменной головой её на долгие годы стала Алла Михайловна Босова. Тогда совсем ещё молодая женщина, жена бывшего офицера-фронтовика Семёна Босова, который приехал аж с острова Сахалин в Русскую Европу «копать нефть».

чай в уютной и скромной квартире Аллы Михайловны был по-северному крепок. Вечер долог. Слушаю Мать Усинска -так зовут её старожилы города.

- Парма. Па-арма! Э-э-эх, люди же были! Как-к-кие времена! - качает головой Мать Усинска. Глаза её щурятся. Будто мешает ей вся наша действительность заглянуть туда - на тридцать лет назад, в те сердца, те чаяния. - Знал бы ты, хлопец, какие это были времена!..

...Весна приходила в Парму осторожно. Леденели кромки крыш балков, потом потихоньку превращались в кашу узкие дороги, а там - ближе к майским праздникам Труда и Победы уже плавали по дорогам мальчишечьи плоты.

В школу опаздывали, конечно, постоянно. Учителя не сердились, потому что транспорт для школьников был долгое время один - широкие плечи буровиков. Как на перекладных лошадях, ехали дети на плечах взрослых.

- Дяденька! А-дяденька! Перенеси меня во-он на тот остров, - малыш с портфелем и с соплями «по колено» маячит на

крохотном пятачке земли между глубокими лужами, больше похожими на пруды или плёсы.

- Какой остров?! Какой ещё остров... мать! А с этого острова кто тебя уносить будет?! Ледокол «Ленин»?

- Ха-ха-ха. Не, там лужа мелкая. Я вчерась мерял...

Дети учились, а дядьки уходили бурить скважины: первую, вторую... четвёртую... № 7. Здесь, под номером семь - ужель святая цифра? - ударил первый фонтан нефти.

Конечно, посыпались ордена, публикации в центральной и местной прессе. Вы помните, наверное, известные кадры документальных киножурналов «Время. События. Люди». В этих кадрах тяжёлые мужские ладони прямо из-под ног черпают нефть. И умываются нефтью. И смеются...

А в это время в Парме Алла Михайловна Босова обустраивала жизнь, как это и положено женщинам. Потом всё это назовут скучными словосочетаниями: «социальная сфера», «поселковое хозяйство». В жизни всё, конечно, интересней.

Будучи председателем Пармского исполкома, А.М. Босова занималась всем и всеми. Классический управленец.

Кадры (жители) - связь - материальная часть. Ну и, конечно, планирование деятельности на ближнюю и дальнюю перспективу. Всё-таки пятнадцать лет в роли главы поселкового хозяйства приучают думать зимой не только о лете, но уже и о следующей зиме.

- Привезли как-то в Парму четырёх тунеядцев из Ленинграда. Сосланные. Из них трое ещё и пьющие. Алкоголики, -вспоминает одну из «кадровых проблем» Босова. - Представляешь? А буровой мастер селит их в один балок. Не-е, думаю. Здесь и четвёртый с тремя алкоголиками пропадёт. Этот четвёртый был Ваня Гаврилов, историк, закончил Ленинградский университет. Всё валял дурака. Впрочем, не только лодырничал, но и в самом деле изображал из себя «прибабахнутого»...

Историю о Ване Гаврилове Босова рассказала коротко, но сам факт, что через полтора года человек уехал уже нормальным работягой, без придури, не спившимся и нашедшим в северных дебрях смысл жизни.

От морга до роддома и от роддома до морга Мать Усинска решала вопросы: пелёнок и «где достать хлорку», утихомирить дебошира и поздравить со свадьбой молодую пару, дать нагоняй за неподвезённые дрова и выехать засветло в Колву, чтобы решить долгосрочный договор на поставку молока в детсады.

- Были у нас, конечно, и печальные истории, - продолжает свой рассказ Алла Михайловна Босова. - Так уж, наверное, в жизни устроено, что рядом с великим существует низкое.

Например, потряс Парму случай на одной из буровых...

Работал мастер-умница, трудяга, скромный человек. Когда пошла нефть и щедро посыпались правительственные награды, этот мастер (его фамилия в этой книге названа не будет) во многом был для молодых парней примером сдержанности. Уж и хвалили-то его, уж и фотографировали в газеты и по радио поздравляли, а он не высовывался. Дело дошло до того, что стали его хвалить и поощрять не только за труд, но и за великую скромность.

Но вот как-то однажды по весне приехала в Парму к сыну погостить женщина с Украины. Сын её работал в бригаде известного мастера.

Как водится, - работа буровиков далеко от посёлка - гостья с Украины долго не видела товарищей своего сына. А в один из вечеров в поселковом магазине она столкнулась с тем мастером-орденоносцем лицом к лицу. И оторопела! Перед ней стоял... каратель. Его лицо она запомнила на всю жизнь с того памятного дня, когда их украинское село сжигали и расстреливали ягд-команды немцев и спецгруппы полицаев. Тысячу раз это лицо она видела во снах и не перепутала бы ни с кем. Но всё же, оторопев в магазине, мать рассказала дома сыну невероятное: «Здесь, на краю земли, я встретила убийцу твоих дедов, бабки, дядьев...»

- Мамо! Вы не перепутали? - спросил сын и лишь побелел, когда она ответила взглядом. А потом, когда она описала полицая, пришло время оцепенеть сыну: это был мастер, которым парень гордился...

Карателя арестовали через два дня. Проверка личности подтвердила - да, тот самый, который был известен своими зверствами на Херсонщине.

Ветераны Усинска помнят этот случай и сейчас, хотя минуло тридцать лет с тех времён.

Каждый был немножко «первым»

Когда вырастают города и начинают иметь свою судьбу, тогда новым поколением горожан вдруг овладевает любопытство: а с кого начинался город? Кто был первым?

Первых было много. Были первые местные хлебопёки братья-венгры из Украины, фамилии которых, к сожалению, никто вспомнить не мог. Зато их душистые хлеба помнят многие. Отменные были хлеба! А вот Тамара Касакян, взяв хлебопроизводство из рук тех «безвестных» братьев, уже довела его «до ума», т.е. до промышленного производства, создав таким образом первичную базу снабжения Усинска собственным свежим хлебом.

Тот первый хлебушек продавался не только в пекарне, но и в

первом магазине. Здесь продавцом, завмагом, уборщицей и истопником в одном лице долгое время была Зоя Савельевна Иванова. В этом первом магазине не продавали спиртного. Был «сухой закон», но почему «закон» и чей он был, никто припомнить тоже не может.

- Как-то повелось тогда, - говорит А.М. Босова, - за водкой и вином ездили в сёла и Ухту. Это уже потом, позже, появится знаменитый магазин «Огурец» (о нём ещё прочтёте), зелёные банки со скудным ассортиментом - маринованными огурцами в трёхлитровых банках - и водка.

Зато повара у нас готовили на славу. В первой столовой первыми поварами были супруги Кокановы - Александр и Евгения.

Кто ещё был первым? Например, первым закройщиком первого ателье была Аня Шишкина, а первым парикмахером (и по мастерству тоже) - Оля Голубь.

Первую новогоднюю ёлку на площади поставил Василий Павлович Беднарчик. Когда в новогоднюю ночь на площадь собираются ряженые и просто зеваки, детишки и взрослые, весёлые и пьяные - вспомните его.

Город, ты всё-таки помни их. Это были первые, пришедшие сюда, чтобы в тайге и среди болот строить жизнь со всеми её заботами. Например, тот же Беднарчик был одним из самых активных и весёлых по жизни людей. Он умел играть мускулами и любил, когда мускулами играла жизнь. Люди более сорока национальностей обживали Парму-Усинск в первые годы (1964-1966). Вроде бы и населения-то было всего четыре сотни человек, но зато какое олимпийское многообразие!

Дело доходило до смешного: в 1965 году 1 сентября в школе сидело шестьдесят учеников, а в конце сентября, на первом школьном собрании, учительница объявила: «У нас учатся в разных классах восемнадцать братьев и сестёр. Но объясните мне, пожалуйста, как при этом ещё на шестьдесят человек приходится и тридцать восемь национальностей?!» Родительское собрание, громоздкое и весёлое: в бушлатах, тулупах и кацавейках - весело улыбалось... Все понимали, что учительница умеет считать, и такой расклад национальностей, в общем-то, возможен.

А первую настоящую школу в посёлке Пионерном (ныне пригород Усинска) через три года построил известный в Республике Коми хозяйственник, строитель и организатор Александр Зерюнов. Позже, в перестроечное время, он станет знаменит ещё и тем, что положит в республике начало бизнесу: его фирма «КОМИ-АГРО» заработает по неизвестным социализму рыночным правилам. И выживет. И сработает формула

первопроходца: «Делай как я!».

Кстати, если уж заговорили о «первых», то было бы грешно не назвать первые посёлки - из балков, бочек, из подручного материала, вобравшие в свои названия всю романтику того времени, все тяготы и весь оптимизм. В тех посёлках улицы назывались не улицами, а линиями. Ну, скажите: какие могли быть линии в посёлке Нахаловка, где бочки, доски, балки торчали в разные стороны? А всё равно линии угадывались: 1-я линия, 2-я, 3-я...

Посёлки - Нахаловка, Фантазия, Романтика, Пионерный, Головные, Шанхай.

Вы знаете, что такое «Пармский коттедж» 60-х годов? Это сдвоенный балок. А что такое «комод по-пармски»? Это когда рядом с балком стоит контейнер с вещами, который... больше балка.

Все «первые» были, конечно, южане (т.е. приехавшие с южной стороны). Здесь с Севера приехать трудно. На Севере две деревни, Полярный круг и Ледовитый океан. Наверное, поэтому фольклор (в том числе, и первые анекдоты) был на метеорологическую тему.

- Сколько месяцев в Усинске холодная погода?

- Два.

- А остальные?

- А в остальные о-очень холодная погода.

Среди первых чудаков вспоминают фельдшера Ларису Нефетити. Уж за что её «попросили» выехать из Ленинграда, только Бог ведает, но вот из Усинска попросили по вполне понятной причине. Больно уж «любвеобильная» была дамочка, что называется - до той степени, которая уже за порогом морали.

Экспорт сексуальной «революции» на русский Север не состоялся: ни в варианте сексуальной романтики, ни в романтической сексуальности.

От смешного до великого - один шаг. Точь-в-точь, как и от великого до смешного. И то и другое делает историю. Но было бы обидно не вспомнить других первых медиков, которые самоотверженно сражались за жизни и здоровье людей. От дальних оленеводческих стойбищ до буровых, от родов до смерти «нефтяники в белых халатах» сопровождали жизнь Усинска.

Фельдшеры Я.Дорофеева и Р.Шереметьева, медсестра Н.Прыгунова, акушеркаПозднякова, стоматолог Н.Семенихина. Город не может их не помнить. А уж один из первых врачей Галина Анатольевна Васяева, конечно же, ревностно хранит в памяти всех их...

В 1976 году приехали в Усинск, почти одновременно,

председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин и молодой мужчина из Загорска (ныне Сергиев Посад) Анатолий Семенович Сподорецкий, которого до сих пор считают в Усинске священником.

Надо сказать, этого просто не может быть: батюшки в то время все были наперечёт и под контролем, а за подобную инициативу - отправить духовное лицо на комсомольскую стройку - могли и Патриарха на ковёр вызвать. А вот молодого выпускника семинарии, не успевшего жениться и оттого не спешившего принять сан, духовник в Усинск отправить мог. Тайно, конечно, на свой страх и риск. Мог поехать и мирянин, которому власти не давали поступить в духовное учебное заведение, а желание нести свет людям имелось. Возможны, впрочем, и другие варианты.

Так или иначе, приезд Косыгина произвёл фурор и положил начало нормальному снабжению Усинска продуктами, обувью, одеждой. До него были случаи, когда за спичками люди ездили в Печору, а апельсины за десять лет завезли один раз. А вот появление Сподорецкого прошло совершенно незамеченным. Что было дальше? Походил наш «поп» среди людей, взирая на «незамутнённые» Божьим откровением лица комсомольцев, бродяг и аферистов (которые, между прочим, часто были похожи друг на друга, как две капли воды), и решил: надо поработать вместе с людьми. Чем их душа занята? Вот что рассказывает Тамара Ираклиевна Маскина, ветеран Усинска, которая знала его хорошо и даже работала со Сподорецким сначала во 2-й котельной, а потом в ПВС (служба пароводоснабжения).

- Что он увидел? Судя по всему, он был удивлён похожести людей. Работают рядышком наивный романтик-комсомолец и прожжённый зек, отсидевший лет тридцать, а душа у обоих бескорыстная. Деньги нужны? Возьми в тумбочке сколько надо. Помощь нужна? Разбуди хоть ночью. Уж не знаю - или мне показалось, или так оно и было, но не нашёл святой отец здесь измученных душ. У кого болела душа, тот шёл с болью к друзьям. Перед Богом это, может, неправильно, но факт: Анатолий Семенович крестил, отпевал, но в остальном оказался не у дел.

Насчёт «крестил» - это вполне укладывается в каноны, в случае, если нет священника, мирянину это позволено, а вот за отпевание, очевидно, приняли чтение Псалтири и молитв.

Потихонечку Сподорецкий втянулся в обычную суетную жизнь. Правда, уезжал в Загорск и возвращался от своего духовника просветлённым и наставленным. Однако «правила игры» полярных романтиков заставляли его играть в светские «игры».

Стал Анатолий Семенович и в рюмку поглядывать, и на женщин красивых. А уж красивыми женщинами Усинск Бог не обидел. Короче - запил святой отец и «матушку» нашёл...

Но это не вся история, а пол-истории. Дело в том, что какой бы жизнью Анатолий Семенович ни жил, а между тем, в балке-вагончике собралась у него целая библиотечка православной литературы. Привозил он из Загорска церковную утварь, серебряный крест и среди многих икон был у него старинный образ - подарок от его духовника. Это были не мнимые, а настоящие ценности.

Осенней ночью 1978 года группа жуликов (они, к сожалению, везде есть), пользуясь тем, что батюшка был на дежурстве в котельной, а рабочие бригады весело обмывали зарплату, в общем, эти воры подломили двери балка священника Сподорецкого...

Пятнадцать лет спустя на закладке первого камня под православный храм в Усинске присутствовало от силы пятьдесят человек: город в целом так и не пришёл пока что к Богу. Но храним Богом. Может быть, за то храним, что в тёмную ноябрьскую ночь 1978 года за достояние ещё не существующей церкви, за иконы и книги кочегара-«священника» вступили в драку и полезли под ножи ворья комсомольцы и бывшие зеки, «безбожники»-буровики и молодая спортивная пацанва. Драка, говорят, была знатная. Книги и иконы отбили. Ничего не подозревавший Сподорецкий утром пришёл в свой балок. Узнав ночную историю, он встал на колени и заплакал.

Музыка судьбы

Семидесятые годы Усинска - это особые годы. В это десятилетие на нефтяных скважинах и в бытовках буровиков решалась судьба города. Долго, вплоть до начала 80-х годов, никто не мог однозначно сказать, есть долгосрочная перспектива Верхнеколвинска и Пармы или нет? Дать людям заработать и уехать, или дать людям жить и работать?

- 1975 год - это было дивное время, - рассказывает Сергей Георгиевич Титаренко, преподаватель музыки. - Понимаете, в 70-е годы рядышком можно было увидеть все: и беспросветное хамство, и открытость человеческой души, благородные зрительские аудитории на концертах и зверскую давку за водкой в магазине «Огурец», - вспоминал то время Сергей Георгиевич. - Вы подумайте только: горит «Огурец»... Вы знаете, как горел «Огурец»? О-о-о! Вы не знаете этой комедии! Балок уже горит, а очередь за водкой никто уступать не собирается. Даже огонь без очереди не пропустили. Сначала раскупили и ящиками повытаскивали водку, а потом, как спичечный коробок, за 10

минут сгорел этот знаменитый усинский магазин «Огурец»...

Это были времена, когда уступить место на узкой тропинке считалось для мужчины чем-то неприличным. Мат звучал чаще, чем «пожалуйста» и «спасибо», а деньги получали такие, с которыми страшно было выезжать «на материк». Впрочем, многие и не выезжали. Была «бичарня» в Усинске, где пропивались заработанные денежки, где с рыбой свежего посола, «Русской водкой», картами и песнями, с залихватской отчаянностью отдыхала душа от тяжёлого нефтяного быта, от работы на ветрах и морозах в тех широтах, где жить нельзя. Но здесь жили, пили, любили, рожали детей, матерясь, выясняли отношения и давали «на гора» бесконечные кубометры нефти.

Нефтяной язык

Усинск - это нефть. Здесь всё НА нефти, ОТ нефти и ДЛЯ нефти. Но город - это люди. Типичные, но неповторимые...

Буровой мастер Леонид Наконечный приехал сюда в 1978 году по комсомольскому призыву.

- Да, я был романтиком. Был и, наверное, остаюсь. Здесь много таких. Я ведь не какой-нибудь особенный. В детстве читал Джека Лондона и Майн Рида, бредил путешествиями. Давно, ещё в школе, я знал, что моя жизнь будет отличаться от спокойной и размеренной жизни моих родителей - сельских работяг. Мне нужно было куда-то ехать. Чем дальше, тем лучше...

Леонид в 1978 году с пятью своими товарищами и сопровождающим их комсомольским работником выехал из Одессы на Уренгой (Западная Сибирь), а приехал в Усинск. Как получилось? Просто в Москве, во время пересадки и отметки комсомольских путёвок какой-то дядя сказал: «Хлопцы! Нафиг вам Уренгой? Нам в Усинске водители нужны. Давайте туда, а?» Сказано-сделано. Хлопнули по рукам. Доехали до Ухты.

Здесь ребят тоже пытались перевербовать: в объединении «Коминефть» водители нужны были позарез. Предлагали новые машины, но решили же - Усинск!

Даёшь так даёшь - и ледяное пространство...

В первую же ночь ребята проснулись от грохота. Слетела с петель дверь и плашмя хлопнула об пол, зацепив питьевой бак, вешалку с вещами, табурет и ещё чёрт-те чего. В проёме стояли два великана-бородача.

- Ребята, извините, у вас сахарку не найдётся? - вежливо спросил один из них.

- Нет.

- Извините. Жаль, конечно...

Бородачи подняли дверь, вышли и приставили её за собой. В балке зависла пауза. После молчания кто-то из ребят брякнул:

«Да ладно уж. Заходите ещё...» Все захохотали. Так состоялось знакомство с нравами и бытом буровиков.

Леонид с товарищами работали и на машинах, со временем перешли на работу в буровые бригады. Здесь предстояло ещё выучить таинственный и странный язык жестов, который не менее сложен, чем полёт палочки дирижёра симфонического оркестра. А ведь у каждой бригады буровиков на два-три человека были свои собственные жесты, подмигивания и даже мимика. Это не просто «майна» и «вира» - это, наверное, и есть скрябинская «Поэма экстаза».

- Усинск стал своим. Выезжаем летом в гости к родственникам на Украину, а в конце отпуска уже тоскуем: «Домой быстрей бы - в Усинск».

Леонид Наконечный, видно, судьбу свою накрепко связал с этим северным городом. Выучился заочно в Ухтинском нефтяном техникуме на мастера бурения. Уезжать не собирается. Хотел я спросить у него:

«Лёня, а вот среди твоей буровой братвы много ли таких же, как ты? Таких, которые приехали не хапнуть и уехать, а приехали жить?» Но почему-то не повернулся язык спросить. Может быть, потому, что «эти не в счёт», а Леониду слишком радостно осознавать смысл своей работы с той частью людей, которые здесь навсегда.

Справка-хроника:

- 27 сентября 1975 года Усинская нефть пришла в Москву.

- 3 августа 1976 года в Усинское НГДУ пришла правительственная телеграмма; «именем вашего месторождения назван танкер, построенный в Финляндии. Государственный флаг СССР поднят 4 июля 1976 г.».

- 1 января 1977 года открыта авиалиния Сыктывкар -Усинск.

- 22 сентября 1977 года вУсинске открыта детская музыкальная школа.

- 6 октября 1979 года через крупнейший в Европе железнодорожный мост через Усу открылось рабочее движение поездов.

Антураж 80-х

На смену «длинной дистанции» пятилеток Леонида Ильича Брежнева пришли спринтерские времена 80-90-х годов. В эпоху «застоя» (не нравится мне это слово: какой там застой -целые города отгрохали!) выросло поколение совершенно необычных «новых» людей. Их чаще ругают, чем хвалят. Это моё поколение. Поколение сегодняшних тридцатилетних (уже 50-летних. Очерк написан в 93-м году - примечание автора)...

Когда нам будет по пятьдесят, или мы станем вредными

старикашками, нам вряд ли удастся сказать: «Какие это были времена!» В 80-х мы через год хоронили «вождей» и боролись с водкой. Потом водка закончилась и начала рассыпаться страна...

Часть усинцев, проснувшись 9 декабря 1991 года, узнали, что они теперь вообще иностранцы: СССР перестал существовать. Однако обломки громадного государства просили нефть по-прежнему, ибо прожорливость на горючее бесконечных военных конфликтов и войн была не меньшей, чем созидательный голод на горючее всех новообразованных государств.

Где, в каких двигателях и топках горела нефть Усинска? В БТР-ах под Дубоссарами и в танках под Гудаутой? В затухающих энергосистемах Прибалтики и вертолётах над ущельями Таджикистана? Нефть требовалась по-прежнему. Но всё меньше становилось прежних друзей, всё тяжелее было с финансами, всё грустней становились лица «иностранцев на своей земле».

Впрочем, были провалы и прежде - в начале 80-х годов, точь-в-точь, как в начале 90-х, Усинск переживал спад: и в настроениях людей, и в производстве, и в культурной городской жизни. В 90-х годах причиной всему этому является общероссийский кризис экономики.

В 80-х годах была другая причина: закончился первый этап освоения нефтяных месторождений, и нужно было решать долгосрочную перспективу.

Новый этап, новые проблемы - они зовут новых лидеров. В начале 80-х годов Усинск такого лидера получил.

Барин

«Крутой мужик. Своенравный, но ответственный, - так говорят о Юрии Алексеевиче Спиридонове в Усинске. - Одно слово - барин».

Почему в этом очерке целую главу я решил посвятить ему? Может быть, потому, что он нынче «большой человек» или один из многих усинцев, которых я знаю лучше? Нет. Ни первое, ни второе.

Пишу я всё-таки о судьбе Города, а потому изначально против традиционного «поминальника» передовиков, орденоносцев, начальников и прочее и прочее. Отношусь к этим людям с искренним уважением - заслуги их вправду велики. Например, глупо и дико было бы не вспомнить таких ярких «зубров» Усинска, как Евгений Лескин и Фаик Мамедов, Александр Рогов и Борис Троик, бригаду Рая - людей, стоящих у фундамента Города. А вы можете представить себе этот список?

Какой бы он стал длинный! Ни под фото, ни под текст никакой книжки бы не хватило.

Однако Юрию Алексеевичу Спиридонову всё ж таки стоит

уделить главу. Право слово, это особый случай.

Для беседы со Спиридоновым в Сыктывкаре я выбрал, конечно, не самое удобное время - начало декабря 1993 года. Россия и Республика Коми стояли на пороге референдума по новой Конституции, шли предвыборные «телебои» кандидатов в депутаты в Совет Федерации. В это же время «легли» шахтёры Воркуты - забастовка.

Спиридонов, баллотируясь на выборах, в это время занимался своими текущими делами Председателя Верховного Совета Республики Коми. Он прилетел в 9-00 из Воркуты, а в 12-00 у него были последние встречи с избирателями перед выборами

12 декабря. Он, как любой нормальный человек, про себя пытался прогнозировать - что будет дальше, 13 декабря?

Что будет через полгода, через год? В 11 часов утра, «в окошке» между делами, я задал безнадёжный вопрос, пытаясь вернуть его на 12 лет назад, в Усинск 1981 года. Именно в это время Юрий Алексеевич был переведён в Усинск из Ухты на пост первого секретаря горкома КПСС.

Что представлял собой Усинск в то время? Какую главную проблему города вы увидели?

Спиридонов откинулся в кресле, сложив губы, словно посвистывая (привычка у него такая), помолчал. Было в его взгляде нечто очень похожее на интонации Аллы Михайловны Босовой: «Какие были времена! Какие люди!» Но он ответил коротко и, я бы сказал, даже жёстко.

- Главная проблема была в вере людей. Не было её. Какой-то раздербай был. Хапнуть и уехать - вот и вся психология. Самое важное, что нам удалось сделать в 1981-83 годах - это заставить людей поверить в своё дело, в город, в его будущее. Как? Это уже другой вопрос. Если я начну говорить цифрами -заскучаешь. Но без основных цифр никак нельзя. В 1981 году все скважины Усинска давали прирост добычи 20 тысяч тонн нефти в год. Через два года - 70 тысяч! В три с половиной раза больше. Больше нефти - больше доходов в городской бюджет. Строить стали больше. Людей селить не по три семьи в квартиру, а квартиру на одну семью - и навсегда. На тебе ключи, живи, расти детей... Темпы были такие, что сам дурел от восторга.

Самоирония Спиридонова кому-то кажется вальяжностью.

Бывает, его упрекают за грубость, за то, что берёт «на горло». И тем не менее ветераны Усинска, люди, работавшие с ним, зовут его «батько». Это «батько» звучит примерно также как «Мать Усинска» в адрес А. М. Босовой. Может, они и есть Батько и Мать этого города? Случайностей ведь не бывает.

Чем же «взял» Спиридонов этот город? Почему были многие,

а запомнился этот? Если одним словом - надёжностью. Звал «пахать» - значит, и сам «пахал». Звал праздновать, значит, это был настоящий праздник, а не «тягомотина» совкового ритуала. Всё было по-настоящему. На фальши вера людей в город не появилась бы...

- Я не помню большего в своей жизни праздника (вернее, торжественного момента), чем день, когда мои товарищи по капле, как самое дорогое, сливали в одну капсулу нефть разных скважин. Это мы закладывали камень-памятник, камень-завещание по случаю добычи 100-миллионого кубометра нефти. Тебе, наверное, не понять особенность этого дня. Но люди, вот этот нефтяной легион, который стоял на площади, - они знали, каким трудом, потом, слезами и лишениями заплачено за эти 100 миллионов. За этот Час Капсулы.

Мало кто знает, что Спиридонову никто и никогда не предлагал взятку - такой это человек. Опасный очень. Может вместе со взяткой в окошко выбросить. Сейчас в Усинске о нем говорят: «Он наш!», «Почему он не приезжает?» - как дети, жалуются и ревнуют усинцы. «Он свой!»

- 6 августа 1984 года состоялась почётная вахта, посвящённая добыче 100-миллионной тонны усинской нефти.

- 22 июня 1985 года. 4 часа утра. Начался знаменитый и страшный по масштабам пожар в Парме. 180 человек осталось без крова, сгорело около пятидесяти балков и пятнадцать бараков. С огнём боролось всё взрослое население Усинска. Жертв нет.

Усинск — это не экзотика! Это способ жить

В городе много машин: «Жигули», «Москвич», «Волга», «Запорожец» - эти марки отечественных автомобилей разъезжают по небольшому городскому пространству вместе с импортными, которых в последнее время появилось множество. Залётные гости Усинска удивляются - зачем вам авто? Город-то обойти можно за час. Шоссе - в аэропорт. Замкнутое пространство. Однако и в этом пространстве родилась автокультура. Без машины в лес не выедешь. А лес всё же кормит.

Грибы и ягоды здесь заготавливают в августе-сентябре, и хватает этих запасов аж до июля будущего года. Но не только лес кормит горожан. Кто бы мог подумать, что у Полярного круга люди построят дачи и будут выращивать морковь и картошку, в парниках - огурцы.

Рыба печорского засола (с запашком) оказалась не блажью, не отсутствием навыков засола. Это организм в тотальной нехватке витаминов требует «чего-то особенного». Я, например, к этому «особенному» так и не могу привыкнуть, но вполне понимаю людей, уплетающих рыбу, от запаха которой, простите, глаза

режет.

Есть в меню усинцев и своё собственное «буровое изобретение». Мне оно понравилось. Слушайте рецепт: дно трёхлитровой банки засыпаете солью, сверху укладываете лавровый лист. Вам осталось только поймать рыбку, порезать её (почистив, конечно) любыми ломтями и сложить в банку.

Залейте это водой. Можно из-под крана, но лучше всё-таки кипячёной. Банку потрясите так, чтобы соль растворилась, а лавровый лист перемешался среди рыбы. Теперь оставьте банку в покое на 20 минут. Через полчаса, если вас двое, рыбы уже не останется. Слопаете как миленькие. Вкуснятина необыкновенная!

Для того, чтобы окончательно почувствовать себя северянином, нужно после рыбки выпить пару стаканов чая, заваренного круто. А если вы не за рулём, то кто откажется от рюмки водки?

Закусите пригоршней клюквы. Наутро баланс между головой и желудком будет в полном порядке.

...И вот едут усинцы по своему маленькому городу на авто: от шикарного Дома техники до не менее шикарного ресторана «Медведь» - и чувствуют, видимо, полный эффект присутствия цивилизации.

Мужской город. Сильный. А потому - простецкий и щедрый.

О том, как сегодня лихие ребята-нефтяники уезжают в отпуск, ходят анекдоты. Обидно, что ни один анекдот не уместит фантастические картины фантастического проматывания денег за фантастически короткие сроки.

Примерная хроника «отпуска».

7 августа 1991 г. - получил зарплату и отпускные (сумма, равная половине стоимости автомобиля «Жигули»),

9 августа 1991 г. - телеграмма из Ухты: «Мужики. Вышлите до востребования три куска тчк. Витя».

13 августа 1991 г. - на вокзале в Усинске: «И на хрен я вообще отсюда куда-то уезжал!»

За два вечера, даже если пить один армянский коньяк и закусывать чёрной икрой с шоколадом, эти бешеные деньги пропить невозможно. Но в том-то и дело, что на Севере, как во времена Джека Лондона, вокруг кабаков и в самих кабаках появилось «сословие» социальных паразитов - проституток, жулья, мафиози провинциального калибра, очень чётко знающих своё дело. Рядом с Великим работягой всегда длинная фигура Великого трутня, очень талантливого на веселье (за чужой счёт, естественно).

Конечно, известны среди нефтяников и такие, которые по пьянке катались в трёх такси сразу: впереди машины едет шляпа,

в середине едет он, а позади ещё одно такси везёт шнурки от ботинок. Но это всё-таки исключение из правил. Большинство ребят проматывало деньги по простоте и по широте души. За всю каторгу снегов, нефти и мрака гуляла душа - и поила, и кормила малёваных девок, каких-то ресторанных «жучков», памятник Сергею Мироновичу Кирову (в Инте) и постовых милиционеров (в Сыктывкаре).

Жизнь учит всех (часто учит только тому, что она ничему не учит). Большие деньги тоже учат. Ещё сильнее учит отсутствие денег.

Романтическое буйство шальных финансов ушло в прошлое. Усинск не стал беднее, но по-северному взматерел, упорядочился. Даже светофоры появились. На черта они здесь нужны, я не совсем понял, но в длинных зимних ночах они всё-таки мигают весело, как разноцветные новогодние гирлянды. Огни театральной рампы, освещающей «спектакль» с названием Жизнь.

У мечты нянек нет

Светофор - тоже мечта. Когда-нибудь он понадобится всерьёз. Светофоры - это вера в то, что город будет расти. Они, кстати, и появились вместе со Спиридоновым - с человеком, вдохнувшим в этот город веру.

Перед зданием администрации один из светофоров так и зовут - «Здрасьте, Юрий Алексеевич!» Госавтоинспекция очень следила, чтобы машины останавливались на красный свет, даже если улица совершенно пустынна. Так к вежливому торможению перед зданием администрации прибавилась эта весёлая поговорка: «Здрасьте, Юрий Алексеевич! Вы не знаете, нафиг я здесь должен останавливаться?!»

Как бы там ни было, это тоже часть городской истории и культуры. Здесь есть хорошая привычка давать явлениям или фактам конкретные прозвища, имена и клички. Чего стоят только имена домов: «Попугай», «Пентагон», «Китайская стена», «Крокодил Гена»... Мне нравится эта привычка. Она добрая и весёлая.

Усинское небо - особое небо. Под ним, среди сумеречных снегов в кроваво-грозных закатах солнца должны бы воспитаться натуры угрюмые и холодные. Но, может быть, именно это небо заставляет людей ценить краски жизни. Они размалевали дома, как бразильский карнавал, и угрохали уйму денег на цветы в квартирах, офисах и в зимнем саду Дома техники. Они построили бассейн с голубыми дорожками воды, которым позавидовали бы папуасы Новой Гвинеи. Дети визжат от восторга. Дети учатся летать в танце на занятиях в хореографических кружках и в студиях бального танца. А уж если местные пижоны решат

повыпендриваться своими нарядами, то держись, Париж.

Колорит многонациональному Усинску придают праздники народов, поселившихся здесь. Татары празднуют «Сабантуй», коми - «Шондібан», у русских, украинцев и белорусов почитаемы Пасха и Рождество. А все вместе отмечают общенациональные День Победы, Новый год... Ах, да! Особо гуляет Усинск на День нефтяника и День строителя.

К чести городского отдела культуры (его долгие годы возглавляет Галина Ивановна Волкова) нужно отметить: в Республике Коми это одна из немногих структур, которая, занимаясь культурным строительством, не сломала традиционных праздничных циклов. Например, здесь учитывают, что у татар идёт месяц Рамазан, а у русских православных - Великий пост, здесь никому в голову не придёт культивировать достоинства одного народа перед другим. Некоторые воинствующие попытки группировок «наивного национализма» удалось погасить без скандала, но со смехом!

Редактор местной газеты «Усинская новь» Феликс Гельман, рассказывая о житухе и национальном вопросе в Усинске, объяснил всё просто:

- Вы послушайте, что я вам скажу. Или я не родился в Одессе? Я вам скажу за то, что Усинск - эта та самая Одесса... Здесь столько народу. И какого! И ещё скажу за то, что здесь не трещат каштаны, но трещат морозы. Когда ртутный столбик термометра опускается ниже 40 градусов по Цельсию, здесь никто не требует перевода на Фаренгейт или на коми язык. Здесь всё понятно. Во время зарплаты тоже...

Ха-ха-ха.

Этот живой подвижный еврей из Одессы ведает информационным полем Усинска. К чести журналиста будет сказано: на его поле сорняков ненависти нет.

В школе искусств Усинска растут талантливые дети. Их родители приехали сюда зачастую из далёких друг от друга мест, но таланту их детей (а значит, молодому Усинску) уже аплодировали концертные залы Москвы и Сыктывкара, Риги и канадского Калгари...

Агит-театр «Время» и театр-студия «Дилижанс», ансамбль «Улыбка» и коллектив «Северные грёзы» - все они внесли свою лепту в становление Усинска как города, причём не в жалком провинциальном смысле, а города мощного, современного и живого.

Струны студенческих гитар

...Старожилы рассказывают: осенью, когда укладывали первую бетонную дорогу на Возей, тогда эта бетонка четыре раза

уходила в зыбкую, болотистую почву. Четыре раза! И люди всё начинали сначала. Плоть и Дух сражаются на Русском Севере особенно зримо.

Какое б море мелких неудач,
Какая бы беда не удручала.
Руками горло стисни и не плачь,
Засядь за стол и всё начни сначала.

Стихи неизвестного мне автора я прочитал в альбоме одного из многочисленных студенческих отрядов, которые работали здесь вплоть до 1992 года. Альбомы, оформленные «на память», содержат в себе много смешного и наивного, патетического и сусально-влюблённого. Но вот эти четыре строчки стиха мне показались искренними, и может быть, главными в этом светлом явлении «советского периода», которое мы помним как «Движение Студенческих Строительных Отрядов».

Кстати, я упомянул в начале своего эссе о «не совсем советских песнях» Визбора, Высоцкого и Клячкина. Это было в 60-х. В 90-х поют другие песни. Они более динамичны и более громки. А всё же в узком кругу ещё нестарых людей иногда вдруг охнут струны гитары, загромыхают сдвинутые в круг стулья и зазвучит «Ангара и Тайшет», кто-то одиноко начнёт «За туманом и за запахом тайги...». Когда же распоется вся компания, то тридцати лет будто и не бывало. Кружи, «Усин-ский вальс!».

Кто сказал, что мы плохо жили?

С поэтом Виктором Того мы курили у окна на шестом этаже усинского Дома быта. В 90-х годах этот дом фактически стал чем-то вроде местного Эмпайр-Стейт-Билдинг: в нём кипит деловая жизнь, перемешанная с теледелами и культурноорганизационными авантюрами.

Глядя в окно, Того грустно изрёк знакомую мне фразу: «Город уходит... А какие были люди!»

- Город взлетает! - ответил я ему, удивляясь схожести Усинска с космическим кораблём, мерцающим в декабрьской ночи мириадами своих огней, словно зависших на старте в неведомое будущее. - Город взлетает, Виктор Петрович! И вы, к счастью, в нём есть. Я ужасно рад, что познакомился со всеми вами. Мне непонятно ваше состояние. Это что, ностальгия?

- Может быть, - ответил Того. - Ведь времена были действительно неповторимые. Теперь в нём мечты только доживают. ..

Узнав в Сыктывкаре от меня эти настроения, Спиридонов взорвался!

- Хватит! Шабаш! Вы что там, с ума посходили? Это Усинск-то не имеет перспективы?! Да у него такое будущее, масштаб

которого мы даже просчитать не в состоянии! Всё, о чём вы говорили, - это не проблема города Усинска. Это проблема не-информированности.

Он прищурился. Он остыл. Уже, немного мечтая, через паузу добавил: «Этот город будет удивлять вспышками своего расцвета и богатства постоянно. По-сто-ян-но!»

По большому счёту, Усинск только начинает свою настоящую историю...

«Эй, вы! Все, кто знает Север и кто не знает его! Все, кто лёгок на подъём и способен влюбиться в жизнь! Мы себе представить не можем, сколько нам предстоит ещё узнать о будущем Севера, Усинска и каждого из нас в судьбе города. Мы - великий народ. Вы странное племя - усинцы, потому что только с настоящей любовью можно так искренне переживать за город, за будущее края и даже за текст в этой книжке, который помогли написать многие из вас.

Ревнуйте, любите, жалейте, воспитывайте город - живите. Это так красиво!

Не как холодный призрак, но как острожный майский ветер, я хотел бы пролететь над Усинском, заглянуть в глаза людей, высушить слёзы, вызвать улыбку, заставить оглянуться на времена ушедшие...

Впереди вы ещё лучше. Низкий поклон вам за то, что вы есть, за то, что вы такие, за город, построенный вами... Веры, Надежды вам и Любви...»

1993 год

УСИНСК.ПРО ЭТО

На календаре сплошные «двойки» - 22 августа 2002 года. Вчера вечером я прилетел в Усинск, чтобы написать очерк о его жизни в 90-х. Наш самолёт вчера никак не мог сесть. Туман. Мы «махнули» шесть кругов над городом, пока лётчик, извиняясь, не сказал: «Попробуем в седьмой раз. Если не сядем, тогда пойдём на запасной аэродром в Печору».

За окном зрелище из фантастического фильма: огни аэропорта, города, промзоны, посёлка Парма пробиваются сквозь туман и облака, и кажется, что облака - это земля, а светятся недра. Горит огонь где-то в преисподней, и таинственный неизвестный голос не даёт разрешения на посадку в ад. Луна в ту ночь была красной и полной. Её око висело между пластами высоких облаков и тех, что пониже. В конечном счёте, нижние и боковые слои света и цвета давали совершенно неземную картину.

Сейчас, в самолёте, мы были выше тех парящих огней. Какая-то мистическая архитектура сфер.

Неопознанный полк

«Чтобы понять жизнь города, надо разобраться в его смерти», - решил я. И пошёл в морг.

- Здесь вы решили разобраться в жизни? - удивлённо встретила меня фельдшер-лаборант Наталья Староверова. Она очаровательно улыбнулась, пожала плечами. - Впрочем, это, наверное, логично. Но я вам документы и цифры дать не могу. Запрещено. Спрашивайте или у врача - она скоро придёт - или в прокуратуре, в милиции... Не знаю. Они за это отвечают.

- За что?

- За ЭТО...

ЭТО - что-то такое, что либо не получило названия, либо ЭТО нельзя называть вслух. Потому что само ЭТО, как имя демона, способно влиять на говорящего или слушающего, а может быть, и на всех живых.

Мне остаётся ждать врача и трепаться с милой женщиной о загадках её судьбы. Наталья родом из Помоздино, в Усинск приехала двадцать с лишним лет назад, вышла замуж, родила двоих детей. Улыбчивый светлый человек. И работает в морге. Хм.

Я всегда утверждал, что врачи - это секта. Это Орден недобитых тамплиеров, который сидит на скрытых пружинах жизни и смерти. Вот такие вы сверхчеловеки и есть, - шутил я с

лаборантами. Поговорили «о птичках», я покурил в каком-то закутке рядом с банками, в которых плавали... Ну, понятно. Это тоже Усинск...

Неужели в морге табу на слово «смерть»? Не может быть. Значит, «ЭТО» что-то другое», - вовсе не методом дедукции определил я.

С 1994 года в Усинске умирают от насильственных смертей всегда больше, чем от естественных. Здесь живёт ЭТО.

Для сравнения: в Сыктывкаре умерших от насильственной смерти в эти же годы от 15 до 34% от всего количества смертей, в Москве - не более 60%, в сёлах Прилузского района менее 50%. А в Усинске живёт ЭТО. Молох, пожирающий людей. Чтобы не быть голословным, приведу небольшую таблицу:

Год	Всегоумерших	От насильственной смерти	Невостребованные трупы	Неопознанные трупы
1994	234	122	37	2
1995	252	140	64	6
1996	204	93	40	8
1997	159	94	-	6
1998	152	86	38/44 (непонятная цифра)	1
2001	285	178	51	10

Динамика понятна. Чуть-чуть отличается 1996 год. За 1999 и 2000 годы цифры слишком сумбурны, но картина та же.

«Кто же ты, ЭТО?» - думал я, сидя на пороге усинского морга. - «Кто ТЫ, убивающий людей? И вообще - я пишу очерк или мистический детектив? Где берега этой реки мёртвых? Ведь определённую часть людей даже хоронят здесь не в землю, а в небо. Попрощались - и улетел труп на самолёте... На материк! А кто эти «невостребованные трупы» и «неопознанные»? Циферки ведь не маленькие: в год от 40 до 70 человек. За десять лет - целый полк, пришедший ниоткуда и ушедший в никуда.

Здравствуй, Усинск! Город Zero. Фантом, висящий в воздухе. Здравствуй. Почему ж ты не здравствуешь!

«Закрытая информация»

В Усинске слишком много «шифруется», слишком много закрытой информации.

В ЗАГСе молодая женщина с лицом молодой Анастасии Вертинской на просьбу предоставить информацию о рождаемости, свадьбах, национальном составе, миграции, почему-то взглянула на меня, будто я негр в форме солдата НАТО.

- Это закрытая информация. Приедет заведующая...

- С каких пор это закрытая информация? Вы же каждое полугодие всё равно даёте эти цифры для прессы.

- Ничем не могу помочь. Вы откуда?

Надо сказать, что я только что по полной форме представился: ФиО, откуда и зачем приехал...

- Мне группу крови назвать? или результаты анализов?

Работница ЗАГСа юмор не оценила. Ни один мускул не

дрогнул на её лице. Только чуть-чуть вертикальнее встала одна бровь. «Нежизнерадостная какая-то. Без тебя обойдусь», - подумал я.

- До свидания. (В ответ - тишина.)

В фойе ЗАГСа на стендах висят листочки со всякого рода информацией (незакрытой): время работы, какие документы нужны для того или иного обряда, адреса смежных служб и... Объявление-директива местного муллы о правилах свадебного обряда (в смысле - о документах для свершения ритуала).

Почему нет ничего православного на исконно православной земле? или баптистского, или буддийского? Почему только мулла напоминает о том, что правильно и что неправильно?

В Усинске два православных священника: отец Михаил (Тихонов) и отец Константин (Макашов), - имам-хатыб Винирул-ла хазрат Г аязов, который является руководителем Духовного управления мусульман в Коми.

Со священником Константином Мокашовым я за три дня встретиться не смог. Телефоны или молчат, или вежливый голос говорит о том, что «отец Константин только что вышел». В общем - «шифровка». С «отцом» Михаилом мне и вовсе встречаться не хотелось - об этом чуть позже.

Имам-хатыб свой телефон со справки 09 снял. В мечеть я подходил два раза. Закрыто глухо. В том числе и для мусульман, которые разводили руками и топтались вместе со мной.

«Стучите и откроют вам» - эта формула здесь не подходит. Во всяком случае, мне, грешному, наверное, надо не два раза или три дня, а гораздо дольше барабанить и звонить... В морге есть православная комната для отпеваний. Без дверей. Там стучать не надо. Там всегда и для всех открыто...

В архиве администрации муниципального образования город Усинск (Господи, не фраза, а издевательство над русским языком!) меня встретили точь-в-точь, как в ЗАГСе. Только не одна молодая женщина, а три разновозрастных.

В ЗАГСе: «Это закрытая информация».

В архиве горадминистрации: «Это закрытая информация».

В морге: «Это закрытая информация».

- Девушка, как вас зовут? Это тоже закрытая информация?

Вы думаете, девушка ответила? Нет.

- Зачем вам? - и всё. И пошла по коридору, цокая... Хм. Мягкими сандалиями.

Такие вот маленькие чертовские чудеса.

У меня, конечно, миллион и ещё два способа добычи информации, но в этом городе слишком мало знакомых. А слушать басни официальных лиц в режиме интервью - это для отдела PRопаганды. А мне нужна реальность, даже больше, чем реальность - мне нужно узнать про ЭТО.

Была такая сексопатологическая эксгибиционистская передача на НТВ. Называлась она «Про ЭТО»... Она была про то, что в русском языке имеет только «термины» в матюгах. Поэтому изъяснялись почти на латыни: анус, пенис, вульва, минет, эрекция и т.д., и т.п.

Про усинское ЭТО, убивающее людей и не имеющее ответа в терминах на русском языке, надо было ещё узнать. В конце концов, кроме религиозного вопроса - как встретить смерть? -Есть не менее таинственный вопрос - как Смерть встречает нас?

«Кому за 30...»

Я пошёл знакомиться. Во Дворец культуры. И попал в кафе «Кому за 30...». Мне за 40, а потому я выглядел тут «своим». Этаким скучающим холостяком, одиноким голодным волком и, как выразилась дама, с которой танцевал: «Вы не местный. У вас нездешние, удивлённо-блядские глаза».

В гостинице я зачем-то на ночь глядя нажрался кофе и, как филин, пялил глаза в телевизор, слушая полуночных интеллектуалов. «Люди едят и пьют больше, чем им нужно только в двух случаях, - размышлял я. - Либо работает желание съесть и выпить недопитое, недогуляное, несъеденное в детстве, либо если у человека нет завтрашнего дня. И тогда человеку ценен только безразмерный текущий момент. И он боится, что момент кончится».

Когда я приезжаю в гости к своей маме, она почему-то всегда в моих глазах видит усталость, одиночество или просто напряжение. «У тебя, сынок, какие-то неприятности?» - спросит мама в своей неизбывной материнской тревоге. И так всегда -хоть есть неприятности, хоть их нет.

Друзья юности и однокурсники в моих глазах почему-то видели пожар. Они по закону жанра ждали от меня «очередной выходки», прикола. Даже если на момент их ожидания я ни шевелиться, ни видеть никого не хотел.

Дама в клубе «Кому за 30...» назвала мои глаза «удивлённоблядскими». Ей хотелось увидеть такие глаза. Она

соскучилась по блеску глаз мужчины, который смотрит на неё.

Каждый видит то, что хочет увидеть. Каждый из нас ограничен миром своих представлений и ожиданий. Так навязывается роль. И в одиночестве, и в толпе.

Наверное, клуб «Кому за 30...» не лучшее место для поиска характерных настроений. Всё-таки одинокие женщины всегда имеют оба синдрома - и догулять, долюбить, допить, и подольше сохранить атмосферу одиночества.

Не менее верно и другое: если есть полк неопознанных и невостребованных трупов (абсолютное большинство из них - мужчины), значит, где-то рядом полк живых и невостребованных женщин...

аллея. О голоде 90-х

Аллея - это зелёная разделительная линия на улице Молодёжная с тротуаром посредине.

Я специально гулял по Аллее. В Усинске это особое место. Здесь дефилируют тёплыми летними вечерами (215 дней в Усинске держится снежный покров. На бесснежье остаются 150 дней - вот и гуляют).

Перекурил на скамеечке со стаей девчонок.

На первый взгляд, они все не желали и не могли говорить на серьёзные темы. Они смеялись по любому поводу: над моими вопросами, над прошедшими мимо пацанами, над вчерашним случаем с неудачным знакомством (рассказала одна из девчушек), над мелированными волосами одной из девах, над ... моей бородой, своими ботинками, проехавшей машиной. Это не шиза. Это возраст, когда веселит не вино, а сама жизнь -со смешным телеграфным столбом, серым асфальтом и вечно праздничными буднями. Зацепить их в разговоре нечем: «Наркомания? О-о да! Есть придурки! Ха-ха».

конечно, интересно не это, был в том разговоре один-единственный момент, ради которого я и ходил искать скрытую часть Усинска на самое его открытое место - на Аллею.

В разговорах и «хаханьках» девчонки вспоминали, кто с кем дольше знаком. Одна из самых весёлых - светло-рыженькая, лицо, как масленичный блин, и глаза от смеха в щёлочках -упорно настаивала, что «а мы вот ещё в 6-м классе познакомились...».

- Тогда, помнишь, на танцы пришли, ждали-ждали... А все родаки на собрании были... Тогда ведь такая лабуда была.

Лицо рыженькой на две минуты меняется почти до неузнаваемости: «Мы тогда голодовали. Натурально, блин... Мелкой на молоко деньги и то занять было не у кого... Мелкая - это сестрёнка моя». Взгляд у хохотушки стал горьким и острым. Плеснула обида - неизвестно на кого и на что. Даже губу

закусила. «Да-а... Тогда плохо было. Така-ая фигня!»

- Когда это мы голодовали? Что-то не помню, - пытаются шутить и, видимо, искренне не помнят некоторые из девчонок.

- Было! - подтверждает ещё одна.

- Было-было... Лет пять-шесть назад... Ну, вы чё, не помните? - без смеха. С лёгким раздражением говорит ещё одна.

- У нас в семье это как-то незаметно было. Я не помню.

- И я что-то не помню...

А через минуту они опять смеются, вспомнив то, что вспоминать хочется - так устроена молодость.

В 1995-м, в 1996-м, а впрочем, и в 1997-98-м годах в Усин-ске было немало семей, где люди узнали голод... До 1995 года руководитель «коминефти» Леонидов расплачивался хотя бы эрзац-деньгами. Их тут же назвали «леонидовками». Продукты и товары приобрести было можно, но только в «своих» магазинах, где цены, честно говоря, отличались в пользу неудобных величин. потом пришла эпоха Григория Семеновича Гуревича. Это я для книжки его называю по имени-отчеству. Среди нефтяников - от помбуров до очень богатых и больших чинов -о нём говорят: «Гриша Гуревич тут создал климакс: всё вроде бы работает, но всё сокращается, чахнет...». В общем, недра те же и качалки те же, только нефти всё меньше и меньше. В «Нобель Ойле» не только задерживалась зарплата, сокращались рабочие места, но существовала скрытая безработица, и наступила та самая эпоха закрытой информации. Это было самое подлое. Потому что закрытая информация породила слухи, недоверие, напряжение и... Она опрокинула город в депрессию. она разорвала бывший единым и монолитным, мечтательным и романтическим комсомольский Усинск.

Труба

В 1993 году, когда я заканчивал первую часть эссе «Усинск» и встретился с Юрием Спиридоновым (он тогда был Председателем Верховного Совета Республики Коми), на мои сетования, печали и удивления по поводу хандры в общественном настроении Усинска Юрий Алексеевич взорвался:

- Это всё не проблема Усинска, а проблема неинформированности! Город будет удивлять своим расцветом постоянно! И т.д. и т.п.

Почему-то я тогда поверил Спиридонову. Почему-то поверил... Наверное, тоже из-за отсутствия информации.

И что же? Усинск стал информированнее за 1994-2002 годы? Или в городе стала доступнее информация? (Я уже рассказал, как ходил по ЗАГСам, моргам, церквям и администрации). Может быть, во времена Гуревича, Берёзкина, Ермилова хандры и

депрессии стало меньше? Почему же тогда появился мёртвый полк молодых трудоспособных людей, в абсолютном большинстве, молодых мужчин в возрасте от 25 до 48 лет? Причём, целый батальон из этого полка - самоубийцы. Петля. Вскрытые вены. Ствол к сердцу...

Только наивного журналиста могут ввести в заблуждение ссылки на причины самоубийства на почве пьянки. У пьянки тоже есть причина. При этом в маленьком Усинске почти треть -татары и башкиры с сильными семейными и религиозными традициями. При этом остальная часть усинцев - это южане, которые спиваются отнюдь не так легко, как северяне. И, наконец, для сравнения: в большом Сыктывкаре пьют не меньше, чем в Усинске. Я бы сказал, что больше... А цифры - упрямая вещь: в Сыктывкаре в процентном отношении самоубийц почти в четыре раза меньше!

У самоубийцы всегда есть мотивы. И набор этих мотивов традиционно прост для любой личности: 1) предательство; 2) зачем жить? 3) одиночество; 4) «да пошли вы все на!..»

Кончилось романтическое братство первопроходцев Усин-ска. Кончилась искренность, открытость, мечты. Город построен. Нефть всё дальше и дальше. Труба, как червь, уползает на Север. Оттуда - нефть, а туда труба. Она засасывает новые судьбы.

Усинск - база. Известное дело: на золотых приисках Дикого Запада разбогател лишь каждый тридцатый старатель. Зато без дохода не остался ни один торговец, сутенёр и владелец салунов для старателей.

Неосвящённая земля

Проблема неинформированности - что это такое? Какая информация нужна человеку для веры, надежды и любви? Может быть, наоборот, нужна тайна? И магнетизм тайны держит этот город. Остаться или уехать? - проклятый вопрос, с которым люди живут в Усинске четверть века.

Загадочный рейд. У этого рейда стоят корабли целых родов, семей, кланов. Но нет ни родного пепелища, ни отеческих гробов, к которым, по слову Пушкина, обычно тянет людей. Тянут деньги? Неправда. Все, с кем мне приходилось общаться (подчёркиваю - ВСЕ), а это бизнесмены, нефтяники, работники культуры - разные люди, говорили одно и то же: «Причём тут деньги?.. Смысл ведь не в деньгах».

Честно говоря, только в этом городе я видел такое количество созревших людей, по-настоящему нищих духом - голодных до чего-то Главного, но так и не сумевших пока понять: нет ЧЕГО-ТО главного вообще. ДУХ ушёл из этого города. А священник Усинска, тот самый «отец» Михаил, вместо того, чтобы напомнить

о Духе, лишь отвращает от него: «не по Бозе ревнует», анафемствует налево-направо, отказывает в требах, шумит скандалами... Когда-то древние славяне хоронили своих предков в избушках на курьих ножках. Домиками, в которых лежали мертвецы, было утыкано пространство от Беломорья до Урала и приволжских степей. Но при этом те же славяне где-нибудь под Киевом или в Новгороде, в Суздале или во Пскове хоронили своих мертвецов в землю. Почему такой разный обряд в центре и на периферии? Потому что земля на окраинах ещё не была освящена, ещё духом славяне не воспринимали её своею, ещё господствовало «чемоданное настроение» - уйти или остаться? Уйти - значит, забрать с собой мертвецов, не оставлять в земле, где нет молитвы. Остаться -значит, закопаться в землю. Живым и мёртвым. Мёртвые - под крестами, живые - с крестами.

Нефть меряют миллионами тонн. разливы нефти в тундре меряют кубометрами и сотнями кубометров. Саму Трубу -сотнями километров.

Душу и Дух кубами не измеришь. Как измерить длину отчаянья? Как измерить давление в трубе одиночества? Сколько километров у длины ожидания - зачем я здесь? Где мой дом? Хочу ли я, чтобы мои дети и внуки остались в этом городе?

Где люди?

Вы думаете, это госбезопасность засекретила в Усинске всё и вся? Чушь. В открытых источниках, в Интернете, в Управлении статистики есть практически всё, что мне надо. А я это не беру... «Почему?» - спросите вы. Потому что надоело читать и слышать материалы, где всё о нефти, всё через нефть и даже люди - это только трудовой ресурс - вопрос стоимости и нагрузки на социальную составляющую бюджета.

Как раз в дни моей работы в Усинске в город привезли книгу Н.Н. Кочурина «Усинск: нефть и ЛЮДИ». Именно так напечатано на обложке - «ЛЮДИ» - большими буквами. И что же? Я добросовестно перелопатил эту книгу. Здесь есть многое: много планов, директив, аппаратно-кадровых перестановок, миллионов тонн и квадратных метров. И совсем нет... ЛЮДЕЙ!

Славную традицию кочуриных и спиридоновых продолжает нынешний глава администрации Усинска Феликс Марков. Всё та же манера «с барского плеча». Всё та же сталинская любовь к детям и старикам (остальные просто опасны и вообще напрягают...).

Всё те же эксклюзивные «игры» только с нефтяными генералами... Кажется, этот человек даже не знает, что, например, в пожарной части в караул выходит один водитель, два бойца и начкар... Такие караулы выезжают не тушить, а всего лишь

спасать соседние здания...

Тень Гуревича, как тень Командора, маячит за интригами нынешней администрации Усинска. Древний, как постулаты Маккиавелли, принцип - разделяй и властвуй - внешне выглядит как борьба против монополии ЛУКОЙЛа. Реально же видны «уши» лоббирования интересов «Северной нефти», «Енисея», «колва-нефти»...

В промозглом октябре 1998 года на площади перед городской администрацией Усинска стоял митинг измученных от холода и мокрого снега учителей. «Верните заработанное!», «Где наши деньги?» - вопрошали скромные плакаты на ватмане. Митинг стоял час, второй...

В окна администрации украдкой выглядывали чиновники. Видимо, считали: сколько ещё простоят эти сумасшедшие тётки, не понимающие, что в стране кризис, что дефолт, что... В общем, спокойно чай не попьёшь!

Учителя просили своё, заработанное и к тому же обесцененное дефолтом. Но даже этого их любимый город им вернуть не мог - город, в котором каждый второй - это их ученик и каждый первый - родитель ученика.

Надо сказать, что банкетов в Усинске осенью 1998 года было не меньше, чем обычно, и они не были скромнее, чем всегда. Просто стали тихушнее, для «своих». Закончилась эпоха, когда буйствовала фантазия Гуревича: «Линкольн» - епископу, самолёт - поужинать в Москве, банкетные столы, которые не описал бы даже Плиний-младший (охреневший в своё время от пиров прокуратора Лукулла).

В той толпе промокших и замёрзших учителей стояла женщина, с которой прямо там, на площади, произошло тихое чудо. Учёные называют такое состояние - инсайтом, священники - благодатью, посещением Духа Святаго, творческие люди называют это «вспышкой озарения». Впрочем, какая разница, кто и как это состояние называет. Учительница истории школы №2 Ольга Алексеевна Несинова, глядя на сытые тёплые окна администрации с тенями чиновников за жалюзями, вздрогнула, словно проснулась: «Что я здесь делаю? Что за глупости - просить, ждать!.. Не-ет. Так больше не будет. Так, ребята, больше НИКОГДА не будет!» Она знала, ЧТО будет. Она чётко знала ответ, по крайней мере, на два старых русских вопроса - ЧТО ДЕЛАТЬ и КТО ВИНОВАТ.

Ольга Несинова стала депутатом городского совета Усин-ска, членом федерального Политсовета женской секции партии «Яблоко», председателем Союза предпринимателей Усинска, членом Совета по предпринимательству при Главе республики

Коми. Но дело, конечно, не в её регалиях. Дело в пресловутом ЧТО ДЕЛАТЬ... Стала символом альтернативы, знаменем, объединившим всех униженных и оскорблённых. Она первая публично и часто заговорила о гуманитарной составляющей города, о его информационной открытости.

Республика узнала, что происходит. Деньги учителям заплатили.

«Свой парень»

«Народ требует открытого разговора. Хватит тихушничать по кабинетам. Прозрачный бюджет - ясные перспективы города - совещательность по вопросам жизнеобеспечения», - так ставила проблему Несинова с единомышленниками.

Мэром города тогда стал Феликс Марков. «Свой парень» по кличке «Череп». Свой и для Гуревича, и для Стефановской площади в Сыктывкаре, и для бандитов в Усинске. Тоже личность, между прочим, да ещё и «соборная», всех как бы устроившая в какой-то момент.

Но «соборная личность» ни разу не собрала для обстоятельного разговора тех, кто является Собором Города: учителей, работников ЖКХ, предпринимателей, обеспечивающих львиную долю продовольственного обеспечения, пожарных... В городе почти нет патрульно-постовой службы. А зачем? Диалог с горожанами? А зачем? Есть «пиар» - есть кому держать этот город. Не проще ли интриговать между ЛУКОЙЛлом и «Северной нефтью», между идеологией ограничения олигархов и продавливаемыми решениями из Сыктывкара (в части интересов всё тех же «Колва нефти», «Северной нефти» и т. д.).

Всё главное в Усинске - это нефть. Какие ещё могут быть интересы людей?

...И Усинск продолжает хоронить в небо батальоны мужиков. Не считая неопознанных и невостребованных.

Люди, где?

Вы видели картины усинских художников? В них есть что угодно и кто угодно. Но в них нет Усинска. В их картинах не встречаются (или почти не встречаются) люди. Конечно, можно увидеть «мазню» на тему «нефтяные вышки». Чем «мазня» эта отличается от «литературной мазни» Н. Кочурина?

Город - это Люди. Страна - это Люди. От Арбата в Москве до маленького выставочного зала в Усинске разбросаны пейзажи.

Более ста лет назад русские художники-передвижники начали писать пейзажи не от импотенции духа, а в протест засилью академического ампира, колоннам и статике портретов. Нынешние «романтики» кисти и холста просто эмигрируют в природу и не выполняют своей творческой миссии на земле

(зарывают талант в пейзаж Дураков). Миссия же эта - освящение, осмысление и прославление замысла Божьего на Земле. В чём замысел и смысл Усинска? Чем он живёт и где его перспектива? В маленьком городке Емва (Княжпогост) есть скромный художник Сергей Соболев. Удачно или неудачно, он пишет портреты своих земляков, он ищет в их глазах свой город, он пытается найти ракурсы своего потерянного на трассе маленького городка и найти его философию.

В Воркуте в выставочном зале есть картины совсем юных художников и тех, кто постарше. Там тоже (не считая проходного мусора) есть работы с поисками места и смысла Воркуты. В отдельно взятом сердце отдельно взятой страны...

Усинск не родит такого художника. Ещё не родил. Может быть, потому, что он слишком молод и сам себе льстит своим романтическим прошлым. Обманывает себя патетикой масштаба и классически ошибается: «Мы - провинция, а в провинции ничего серьёзного быть не может» (хотя вся история культуры - это непрерывное опровержение этого мнения). Может быть, оно и логично, что выставочный зал «Вортас» в воскресенье не работает. Зачем?

Академик Михаил Михайлович Бахтин вбросил в культурологию и искусствоведение постулат: «Высокое искусство рождается на границах времён и культур». Усинск на пересечении и времён, и культур. А искусство не родилось. Почему?

Не хватает информированности и образования? Не хватило культурной среды, способной родить личность? Или потому, что внимание к нефти и деньгам размыло эту среду, сделало атмосферу города затхлой, корпоративной?..

...В своё время вспышками культуры и искусства удивили Воркута и Инта. Воркута и сейчас находит чем удивлять. Там сложился корпоративный объединительный дух (Воркута - столица мира). В Усинске духа нет. Во многом он убит искусственно. В итоге имеем ЭТО...

Справедливости ради, надо сказать об одном исключении, подтверждающем правило. В 90-х Усинск родил композитора

Геннадия Хохлова. Я слышал его песни на кассетах и по республиканскому телевидению. В этом молодом мужике из Тулы действительно есть главное - тонкое чувствование Усинска, интуитивное ощущение трещины в сознании города, печаль, которая «за кадром»...

О нём, как явлении, говорил и директор Усинского Дворца культуры Сергей Александрович Шолохов: «Отрадно, что Геннадий состоялся здесь. На наших глазах он взрослел, пробовал себя, ошибался и творил. Это наш Художник».

На уровне музыки... Пока на уровне музыки - абстрактно, ассоциативно, печально и всё ещё с якорями мифов о себе, но Усинск начинает понимать и осмыслять себя.

Не замёрзнуть бы этому процессу. как ноте, повисшей в морозном воздухе и превратившейся в безликое снежное эхо эпохи.

Борода

Новое кладбище Усинска производит марсианское впечатление. Песчаный квадрат земли, выстриженный в лесотундре. По углам квадрата ровные, как бригады СС, ряды крестов -одинаковых крестов. Украинские, русские, татарские фамилии... В одном углу почему-то похоронены только люди старше 65-ти лет. На других участках годы рождения от 1946-го до 1961-67-го. Годы смерти 2000-2002.

Датам я не удивился. Их я уже понял в морге. Удивился пейзажу. Люди как будто и не в землю захоронены. Захоронены в Марс. Как город похож на тарелку инопланетного космического корабля, севшего из-за аварии в тундре, так и кладбище. Пикник на обочине.

Смотритель кладбища, фактически директор - Борода. Так его зовут и знают многие люди в городе. Виктор Владимирович Иванов.

Огромный жизненный опыт в его седой бороде, в пепельных глазах и морщинах-трещинах. Разговор осторожный, щупающий, с лёгкой игрой в простоту. Так разговаривают серьёзные ребята после хождений по «зонам» лет этак с двадцать.

Виктор Владимирович - человек православный. «С детства», - утверждает он. И я понимаю, для чего ему нужно акцентировать внимание именно на этом - «с детства». Потому что слишком много развелось дуриков и клоунов, играющих в верующих... Ну да ладно - не будем рассуждать ещё об одном гигантском фантоме и мифе под названием «Возрождение православия в Коми». Ради хрупких реальных крупиц православия, Христа ради, не хочется развенчивать пышные и дутые декорации (созданные, кстати, во всё те же мифотворческие 90-е. И созданные не только в Усинске и в Коми).

- Не нахожу понимания у городских властей, - сетует Виктор Владимирович. - Ведь здесь тот же Усинск, только мёртвый... Только - Вечный Город, шагнувший в вечность. Ни телефона, ни цемента, ни семян травы не могу допроситься.

Он рассказывает о том, что не только власти, но и люди

забывают православные традиции. Я про себя добавляю: «А те, кто помнит, и должен просвещать и укреплять. Но как часто священники от этого устраняются? Взял денежку за крещение или за панихиду - вот и все «традиция». Словно подслушав мои мысли, Борода рассказал, что комнату в морге для отпеваний и прощаний сделал он сам, по собственной инициативе (а я-то думал, что хотя бы это сделал о.Михаил... напрасно думал). Организовать же на кладбище хотя бы продажу свечей не может: о.Михаил требует, чтобы люди покупали прямо в храме.

Любопытные детали всплывали в разговоре с Ивановым, детали, которые я до этого слышал краем уха, а сейчас они обретали реальные очертания. Например, за поминание усопших на проскомидии в местном храме требовали плату до 100 рублей за имя! Это сетевой маркетинг, а не православие. Освящение города, его могил и его рождений так никогда не произойдёт. Стоят себе «избушки на курьих ножках» для живых и мёртвых. Отцы города «родили» ребёнка, но не воспитали его. Вот и вырастают маугли, кочевники, варяги. Иерей Михаил Тихонов, кстати, вырос и «воспитан» тоже в Усинске.

«Томлун»

Церкви нет, КПСС нет, школы Усинска, как и школы всей растерявшейся страны, учат «общечеловеческим» ценностям. Милиции и прокуратуре остаётся только пресекать девиантное поведение граждан.

Усинск - самый дорогой город Республики Коми. Здесь крутятся колоссальные деньги. Количество магазинов и магазинчиков трудно описать и сосчитать. Рестораны «Амстердам», «Аргус», «чарли», «Джоли». Кстати, в Усинске, как и в Сыктывкаре, странная нелюбовь к нормальным русским названиям. В названиях кафе и ресторанов особенно. На весь Сыктывкар лишь один ресторан «Спасский» имеет русское название (остальные - «Relax», «Националь», «Ника», «Тропик» - говорят сами за себя). В Усинске вообще нет кафе с русским именем. А мифологический персонаж «Аргус» - это демон, раскинувший свои щупальца в карманы старателей.

Впрочем, я уже повторяюсь: старатели всегда менее богаты, чем те, кто их ждёт, чтобы «обслужить». В Усинске в этом смысле и «Аргус», и церковь похожи. (Прости меня, Господи! А какими ещё словами говорить о волках в овечьих шкурах?!)

Из наиболее крупных предпринимателей можно отметить хозяина «Мясной лавки» Сергея Петровича Шиханова. Это «мясной король» с сетью магазинов. В 90-х был особенно влиятелен. (По слухам, за ним стоял Ю. Спиридонов.) Интересен альянс ООО «Берёзка» (Р. Асмандияров) и группу

предпринимателей создавшая ООО «Альтернатива». «Альтернатива» взяла в долгосрочную аренду единственный в городе кинотеатр «Томлун». Между прочим, предприятие такого рода не только коммерческое, но и идеологическое. Хватит ли у «Альтернативы» (директор Е. Кузнецов) гражданской зрелости в использовании этого идеологического инструмента? Покажет время. Технически же и коммерчески у ребят пока получается очень даже неплохо. Кинотеатр «Томлун» первым в республике оборудован новой звуковой системой Digital Dolbi, обеспечивающей принципиально новое восприятие кино. Эффект очевиден с первого года: если даже в Сыктывкаре и Воркуте посещаемость кинотеатров не превышает 15-20%, то в «Том-луне» она устойчиво держится за 60. Аншлаги не редкость. Ко всему прочему, сам кинотеатр живёт по принципу римских бань - весь спектр сервиса. Приходи в 9 утра и найдёшь чем занятья до 24-х часов ночи. Менеджмент совершенно другого уровня, по сравнению с прочими кинотеатрами Коми.

Всё это произошло в «Томлуне» за последние десять месяцев. Всё это хорошо, но всё-таки это полдела. Для самооценки и создания внутренних механизмов культуры «Томлун» должен родить (не может не родить) свою внутреннюю «философию» и идеологию. Какими они будут? Получится ли? Хочется верить. Очень хочется.

А пока город «тонет» в наркотиках (но при этом почему-то всего семь уголовных дел за год). Здесь все у всех на виду. Каждый таксист и каждый торговец знает, где продают наркотики и кто подсел на иглу. Не знает и не может только местная милиция.

Разговоры о кадровом недокомплекте милиционеров - это только разговоры. (Для справки: в среднем по Республике Коми недокомплектация от 20 до 28%. В Усинске - стабильно выше 40...) Но работали бы хоть эти! НЕТ, милиция занята своими делами. А сама Коми имеет представление об Усинске только со слов Феликса Маркова - в его подаче и в его интерпретациях событий. Во всяком случае, так продолжается уже

1999-й, 2000-й, 2001-й, 2002-й годы.

Тактика информационной блокады очень проста. Подойдите к любому газетному киоску в Усинске. Или запросите справку в Управлении федеральной почтовой связи. На весь Усинский район приходит не более четырёх сотен экземпляров газеты «республика», столько же «Красного знамени», чуть больше «Трибуны», две сотни экземпляров «Молодёжи Севера», остальные издания просто по 30-40 экземпляров. Сам город Усинск читает республиканскую прессу ещё меньше, вышеперечисленные цифры

надо делить пополам: республикой интересуются коми сёла Мутный Материк, Колва, Усть-Уса. Там половина подписчиков.

Зато в газетных киосках изобилие федеральных изданий развлекательного характера: «СПИД-инфо», «Декамерон», «Жизнь», «Жёлтая газета» и т.п.

Воркута за два поколения всё-таки где-то породнилась, переженилась, срослась с республикой. Но усинцы, которые называют таковыми себя в Сыктывкаре, - это ещё не усинцы. Это в массе своей просто люди, поработавшие в Усинске несколько лет. А родом они со всей страны. Той страны, которой тоже нет. Так, «без флага, без родины» живёт целая каста, объединённая мифом «мы - усинцы».

Приветливый автобус

С Равилем Фарраховым и Ольгой Несиновой мы после кладбища всё-таки заехали в Парму. И тут был очередной «Пятый элемент» из зоны Сталкера или из ирреального города Zepo.

У причала стоял... двухэтажный автобус. Как в Англии. Как на Пикадилли. Играла музыка. «Я искала тебя ночами тёмными, искала тебя...», - пела Земфира. На втором этаже автобуса тёплая компания отмечала пятидесятилетие Володи. Я не знаю его фамилии. Мы просто оказались в автобусе из любопытства, а... потом нас усадили за стол. Было неприлично праздно любопытствовать. Люди шумели, радовались. Я искренне поздравил неизвестного мне Володю с днём рождения. Поднимались тосты. Женщины, как и положено женщинам, были шумны, но при этом нельзя было не заметить общее состояние тихого свойского уюта. Нет, это не пьяное состояние братства, это другое - это состояние родни.

Я смотрел на смущённого вниманием работягу Володю, на его счастливые и уставшие глаза, на друзей его, среди которых он счастлив и спокоен. И я увидел Усинск - таким, каким я его впервые узнал в 1988 году, когда прожил здесь два месяца, каким знал людей этого города ещё в начале 90-х... В двухэтажном иррациональном автобусе. В Парме. На берегу Усы. Защемило в сердце... Хорошо, что меня постоянно дёргали, а то, пожалуй, я б расчувствовался больше самого Володи.

...Мы вышли из автобуса. Ещё какое-то время стояли на причале, окутанные атмосферой забытого братства. Наваждение? Пусть. Я тоже хочу мифа. И я люблю свою память...

Фаррахов повёз нас по Парме. «Здесь росли мои дети... Здесь мы в 78-м построили склад... А это в 84-м. Здесь работал Лескин... Кустарников не было. Деревья были маленькие, а дома казались большими». Равиль с таким теплом, с такой терпкой сочностью всей своей светлой памяти о молодости рассказывал нам о Парме,

что было ощущение святости. Наверное, это действительно свято. От нахлынувшей благодати мы замолчали и некоторое время ехали молча.

А потом Мулланурович, видимо, сам того не понимая, тронул нерв, на котором и написан этот очерк. «Мне часто видятся сны, - тихо рассказывал Фаррахов. - Сны, в которых я живу в Парме. И не пересказать всё - те же хлопоты, растут дети, что-то мы решаем и делаем с мужиками, обстановка той моей маленькой квартиры в деревянном доме... Все вместе, дружно. И солнечно. Когда я просыпаюсь, то ещё полдня радуюсь сну... На душе хорошо от того, что я пожил ещё немного в той жизни, которой уже нет».

Я тоже люблю свою память. Мне есть что вспомнить. И мне тоже нужен миф. Но я знаю, что нужно обязательно проснуться.

Стать отцами

Меня можно упрекнуть, что я написал грустный очерк. У ваших богатых «нефтяных генералов», как и у руководства города, есть возможность пригласить художников и писателей, которые напишут об Усинске хорошо. Будут вам льстить. Будут хвалить самые разбитые и грязные подъезды в домах (в Коми хуже просто нет, поверьте: я много езжу по республике). Похвалят город-романтик, напишут картины с иван-чаем, за которыми не видны кубометры вылитой нефти и выпитой жидкости покрепче чая, за которыми не виден город одино-честв, бродяг без документов, обманутых вербовщиками и брошенных в тундре без рубля.

В Усинске достаточно людей, которых можно было бы назвать элитой, если б их можно было бы собрать не для досуга, а для мозговой, волевой и духовной работы.

Может быть, именно эти люди-«будильники» и будут настоящими Отцами города, его не строителями, а воспитателями. Ведь слово «воспитать» тоже разбирается по составу: вос-питать. Питать нефтью или всё-таки Духом?

С уважением и тревогой, Григорий Спичак

2002-2003 год

* * *

Во всех песнях об Усинске, во всех телепередачах и газетных статьях характер Усинска рисуется, как романтический, комсомольский, мечтательный.

Реальность же такова (данные Коми филиала УрО РАН). 77,4% взрослого населения Усинска страдают осенне-зимней сезонной депрессией. У 12,6% депрессионные настроения проявляются независимо от сезона. Это почти каждый восьмой усинец.

* * *

В 1998-99 годах происходила жёсткая реструктуризация ОАО

«Коминефть». Социальные издержки - пикеты, митинги, акции протеста. В это время происходит резкое падение добычи нефти в ОАО «Коминефть: от бывших когда-то 19,3 млн. тонн осталась добыча лишь 3,5 млн. тонн.

* * *

По оценкам специалистов, в Усинске одновременно проживает от трёх до двенадцати тысяч человек без документов или без прописки.

Как говорил Остап Бендер бедному Паниковскому: «Покажите ваш паспорт! А вашу прописку... Как?! У вас нет паспорта? О чём можно говорить с человеком без паспорта?!»

* * *

В 1994 году на нефтепроводе Возей-Головные в Усинском районе произошёл порыв, приведший к разливу нефти и экологической катастрофе, какой не знал ещё Европейский Север.

О нём тоже умалчивали. Наивная закрытость (это при спутниковом-то мониторинге) подорвала доверие ко всем уровням государственной власти России: государственному - республиканскому - федеральному.

* * *

В 90-х годах полностью утрачен контроль за поголовьем оленей. Общее их число сократилось более чем в два раза. В

2000-м году даже не производился забой скота.

«Гуманистическая» политика откупа от села, т.н. «дотаций» (которые разворовывались и никто не требовал отчётности) привели к развращению сёл.

В Новикбоже осталось 125 коров, из них дойных - 32. В Усть-Лыже - 106 (дойных - 30), в Акси - 42 (половина болела раком крови).

* * *

В обеспечении электроэнергией Усинск находится в лучшем положении, чем другие города РК. Погашены долги, стоимость содержания 1 квадратного метра жилья на треть дешевле, чем в среднем по республике.

При этом из ЖКХ разбегаются люди. Нет пополнения молодёжью. Почему? Всё по той же причине: кадры бегут в нефтяные компании. Там заработок в 3-4 раза выше. При этом Усинск - единственный город, не имеющий резервного обеспечения электроэнергией. До 1999-го года стояли т.н. «резервные электровозы» и дизель, готовность которого проверялась каждые полгода. Электровозы разукомплектованы «старателями» цветмета. Дизель не проверялся с 2000-го года.

Таких разбитых дорог нет ни в одном городе или райцентре Республики Коми.

Зато в 2002 году уложили бордюрный гранит. С каждого погонного метра от 1000 до 1600 рублей «откатного» навара легло в мохнатые карманы.

С 1995 по 1999 год количество платных стационарных киноустановок сократилось с семи до одной... Остался один кинотеатр «Томлун».

УСИНСК.СМЫСЛЫ

В начале 2000-х годов два явления существенно изменили жизнь Усинска: пришёл Интернет, и народ начал массово ездить на отдых в Египет и в Турцию. В край пирамид и бананов в 90-е тоже ездили (но очень немногие). Теперь же это стало стилем жизни. Более того, по 2-3 раза в год летают в Италию или Арабские Эмираты, благо из Сыктывкара есть прямые рейсы. Интернет раньше тоже был, но только для единиц и очень медленный. Теперь для всех, а в последние 2-3 года смартфоны и АйПэды сделали его и вовсе карманным, принадлежностью почти бытовой, как авторучка. (Про пейджеры начала 2000-х забыли, не успев к ним и привыкнуть.) На скамеечках улицы Молодёжной качают теперь не только коляски, но и в режиме Wi-Fi видеоролики с Ю-Туб и музыку с пиратских сайтов. Далеко не у всех ещё телефоны нового поколения и планшетники, но никто не удивляется их наличию даже у школьников. Через какие-нибудь 8-10 лет, предполагаю, телефоны-планшетники станут доступны для всех, а подключение к ним 500-700 телеканалов со скайпом, видеообщением станет чем-то заурядным.

Эх, ладно. Я ж не о будущем, а о том, что пишу свой третий очерк об Усинске и начать хотел с настроений. Вот были настроения 1960-80-х, романтические, героические, бескорыстные... Вот были настроения 90-х - тревожные, депрессионные, отчаянные... Теперь пришёл новый век, а за новым веком - и новые мечты, идеи, смыслы... пришли? Или пока только хочется, чтоб пришли?

Судя по подъездам домов Усинска, от «уссынска» он всё-таки отошёл - подъезды всё чище и всё реже там подписи мастеров Тяжёлого Досуга: «Серёга Лох», «Валера пи... с» и «Люба Ятибяхачу». Всё кругом покрашено, побелено. Лампочки горят вежливо, и лифты лязгают, как положено - ровно в той точке обожжёной кнопки, на какой этаж она указывает. Домофоны, конечно, далеко не везде, а кодовые замки в период сильных морозов слышат заклинания и маты даже благочестивых мамаш с сумками в «трёх руках» и зубах... Но это не главное - это цивилизация такая у нас: она и в Воркуте, и в Пензе примерно одинакова.

За десять лет в Усинске появились бюсты Сергею Дюсу-ше, нефтеразведчику, стадион имени Юрия Спиридонова (первый Глава Республики Коми, один из основных строителей Усинска в его нынешнем виде умер 12 августа 2010 года), монумент Трём

поколениям Воинов, памятник Комару, памятник Нефтянику. За «позитивное десятилетие» построили красивый православный храм Вознесения Христова - чуть дальше и чуток в стороне от того места, где мы когда-то маленькой группкой людей закладывали памятный камень в 1998-м, кажется, году... (Для справки: камень был заложен примерно в том месте, где сейчас находится угол церковной ограды, который «смотрит» на Дворец Техники.)

За десять лет увеличилось число магазинов одежды и даже продуктовых магазинов (но качественные продукты до сих пор не присутствуют в достаточном ассортименте - об этом чуть позже поговорим и основательнее).

За десять лет навели порядок на кладбище, перестали «хоронить в небо», хотя и улетают покойнички ещё немало, но всё же после отпевания в церкви, после прощаний гражданских, а не по-фронтовому быстро...

За десять лет число танцевальных групп и ансамблей увеличилось раз в шесть! Усинск танцует. Хорошо это или плохо? Не знаю... Это лучше, чем если бы он не танцевал, но... Это НО...

Когда-то к святому Феофану Затворнику пришла женщина за благословением - её дочь танцевала и хотела быть танцовщицей. «Благословите, батюшка?» - робко спросила женщина.

Танцоркой, значит, хочет быть? Это ж сил сколько она потратит... Это ж сколько времени она на всякие занятия изведёт. А в душе и в голове в это время Бога не будет... Дома помолится - и всё... ага... - размышлял св.Феофан Затворник. -А потом раз - и уже пред судом Божьим стоит! Бог даже не спросит. Скажет: «А... танцорка? Знаю, не ленивая, и не злая... Просто танцорка. Душа с телом крутилась... Ну, положите её там, куда-нибудь в уголок...». Благословлять? Благословляю душу не закрутить и не потерять... Вот на что благословляю».

За десять лет... Обрелась ли душа, закрутилась ли с телом? Появилась ли гуманитарная составляющая в жизни Усинска? А духовная? Ведь именно отсутствие этого в должных объёмах и ставилось в укор предыдущим мэрам.

Попробуем разобраться...

С Валентиной Фроловой (в девичестве Чеботарь), моей однокурсницей, проработавшей учительницей в Усинске и в Усинском районе четверть века, мы встретились в кафе кинотеатра «Томлун». Я не видел Валю двадцать пять лет. Впрочем, и в «Томлун» если заходил за последние двадцать лет пару раз, то не дальше вестибюля. И вот теперь я с любопытством рассматриваю и Валентину, и технодизайн кинотеатра, и фиговый (прямо скажем) кофе с не менее фиговым ассортиментом кафе вообще... Нам чихать с Валей на

ассортимент, мы жадно слушаем друг друга «за жизнь». И, увы, за смерть тоже... Примерно каждый пятый однокурсник и однокурсница уже похоронены, и это многовато для тех, кому чуть за пятьдесят.

Впервые в этом году, возвращаясь из отпуска, - мы были у родственников мужа в Белоруссии, - рассказывает Валентина, -так вот, впервые я задалась вопросом: а зачем я возвращаюсь? Раньше было какое-то ощущение смысла, что мы строим новый город, что наш труд - это труд обустройства и созидания. А теперь появилось ощущение обслуги нефтянки... Вот они живут, они отдельная команда. А остальное - обслуга их будущего и их детей...

Ты в РСДРП не подалась? - пытаюсь шутить. - «Красные» у тебя мысли...

Нет. Я ж не «отобрать и поделить», я о другом. Сытая бессмыслица. Работа, которая не стала судьбой... Вернее - у меня, у нас-то она стала, а вот те, кто помоложе, они маются... Деньги, деньги, деньги. Жизнь от отпуска до отпуска, это не интересно... это болезненно.

Десять лет назад «сытая бессмыслица» Усинску казалась несбыточной мечтой. Когда Глава Республики Спиридонов говорил, что лучшие годы города ещё впереди, тогда квартиры здесь продавали по стоимости мебельной стенки... Но я Валентину понимаю - человек должен знать, зачем он живёт и трудится. Но в Усинске ли тогда дело? Может, это духовный кризис? На возрастной-то уже вроде не похоже... Мы переводим разговор в полушуточные интонации, оставив нешуточные вопросы для внутренних диалогов. Но я точно знаю -Валентина уедет. У неё в глазах что-то уже есть. Она смысл нашла в другом сообществе людей. Где-то там, в Белоруссии. С другим типом отношений к душе, к прошлому, к работающему человеку...

В Усинске первый день почти десять лет спустя. Я приехал

1 октября 2012 года. Гостиничный сервис подвёл со встречей (хотя всё было заказано). Машина пришла, но водитель меня на вокзале не нашёл. Я с книгами (привёз свой роман «Цита-ла») и с сумками простоял на ветру в огнях фар разъезжающихся машин и уехал, в конце концов, с одним из последних таксистов. В самой гостинице, к счастью, ждали. И гостиница-квартира была весьма хороша. В холодильнике были даже три яйца, а на полках в ванной реальный выбор шампуня и геля. Но вот утро...

Посмотрите на улицу Нефтяников - на ту, что считается чуть ли не главной, ту, которая вдоль офисов ЛУКОЙЛа и горадминистрации. В девять утра я не обнаружил на этой улице ни одного работающего продовольственного магазина. Один

маленький с торца здания был открыт, но в нём не было хлеба, молока, масла. «Минут через сорок подвезут...», - сказала продавец. Значит, продадут через час, а вообще-то уже вовсю мой рабочий день идёт. Я уже жду в администрации чиновников, жду по договорённости людей в Доме Техники, жду, когда откроется православный храм... Очень «шведская» жизнь. В Стокгольме я так же ходил по городу до 11-ти утра, обалдев от тишины и безлюдья, от того, что перекусить можно только селёдкой с круассанами и кофе. Там меня выручили курды, в кафе которых наелся пиццы, а здесь... Здесь выручили только ноги - пришлось сходить в другой квартал за булочками. Мелочь? Для приезжего человека и для первого дня - не мелочь.

В администрацию я пришёл рано, как и договаривались когда-то в Сыктывкаре с Александром Романовичем Тяном, нынешним мэром Усинска. Я был уже в восемь утра, двадцать минут курил на крыльце, сидел напротив гардероба, пока дежурный милиционер, грустный дядька из Дагестана, не услышал по телефону, что «мэр в Сыктывкар улетел»... «Драсти тебе... » Встреча сорвалась, но зато я поговорил с самим дагестанцем.

Пять лет я здесь. Нравится? Зарплата нравится, больше ничего не нравится. Живёшь как на корабле. Ну, встретишься с земляками за осень-зиму пять раз в кафе или ресторане, ну пару раз на концерты сходишь или в мечеть, а всё остальное -тут и дом. Четыре стены. Ни природы, ни солнца. И всё, будто во сне, стеклянное какое-то... Без энергии и вкуса.

А что здесь могло бы быть, на ваш взгляд? Что изменило бы в городе жизнь? - спрашиваю я у постового, имя которого так и не запомнил.

Что? Жизнь... Она же должна быть каждый день. Каждый день должен быть наполнен какой-то радостью...

А в Дагестане он наполнен?

Там свои проблемы, но там жизнь с избытком, потому что солнце, потому что дети могут сидеть под виноградной лозой и разговаривать, например, с бабушкой... У меня дочери. Вот они бы учились у неё печь пироги, - он задумывается ещё больше. У него рождается ответ: - Вот, наверно, традиции, причастности к чему-то вечному, большому и жизненному... вот чего не хватает. Как в командировке на Луне здесь. А жизнь там, дома - на Земле...

На Земле... Просто на земле. А не на том, что под землёй. Не на бетонных насестах квартир, а по песку и камешкам тропинки. Не денег для, а для того, чтоб удивиться появлению румяной лепёшки из куска теста, услышать живые звуки ветра в кронах

деревьев и журчание ручьёв. Там комары не съедят тебя в первую минуту за то, что ты обнажил спину солнцу... А про зиму и метели и вовсе говорить не приходится. Экстремальная здесь территория, и всё этим сказано. Но что же здесь прекрасного? Кроме денег... Что здесь держит людей десятилетиями? Или, может быть, так же можно поставить вопрос москвичам: кроме работы и дома, что вы видите десять месяцев в году?

Как раз между поездками в Усинск я был в Москве. И задал этот вопрос людям среднего достатка. Что же? Удивительно похоже:

Ольга К. 30 лет: «Ну, вобщем-то, как у вас, на Севере - не жизнь, а вахта. И не десять месяцев, а одиннадцать. В смоге, в метро,.. У нас свой дом в Курской области. Вот и выезжаем -в майские праздники подготовить дом к лету, и летом - отдохнуть три недели... Всё. А весь год... Я считала как-то - за год я в театре два раза, да в кино три-четыре. Остальное - работа-дом. Ну, ещё с мужем пару раз крупный шопинг... На Новый год да в начале сентября... »

Заур, 18 лет: «Учёба... Ночные клубы за год раз пять посещаю, не больше. На секцию вольной борьбы хожу три раза в неделю. У себя - я в Сокольниках живу - выезжаю в кино или на институтские тусовки раз в две недели... Н-да... как-то сам даже не задумывался. По-настоящему отдыхаем либо летом у деда на Волге, либо вот пару раз к отцу в Сирию ездили, пока войны не было. Он у меня сириец, инженер... А так всё одни и те же маршруты».

Да, но у них по этим маршрутам солнце с марта по ноябрь. И в парке можно в шахматы поиграть (впрочем, и в метро потрястись, и в автомобильных пробках газами надышаться тоже).

...Несколько лет назад в православном храме Усинска вдруг забесновалась молодая женщина. Психиатры сказали бы, наверно, про нервное истощение, про разлом сознания на фоне шизофрении - это так, наверно, можно объяснить. Но я бы вслушался в текст криков того «другого сознания». И вгляделся бы повнимательнее в «сценографию» события. А было это так.

Странным образом дама прошла на второй этаж - на хоры клироса. Похоже, что она некоторое время пела там, во всяком случае, она была там, пока пели благодарственную по Святому Причащению (сама женщина в тот день не причащалась). А потом закричала: «Надо уезжать... Уезжать надо отсюда, любым путём!!! Оставьте вещи, оставьте этот сон... Здесь вы ходите рядом со своим прошлым, которое не уходит... И прошлое ходит, и прошлое - это вы... вы - маленькие... И вы по кругу. И одно и то же. Молитва в снега, а не в небо...»

Прилетают ли в Усинск? И только ли вахтовики? Прилетают, приезжают...

Ехал в поезде с врачом-гинекологом. Говорит, что за последние полтора года, в 2011-2012, встали на учёт много женщин из Дагестана, из Башкирии, со Ставрополья, из некоторых других районов юга России. Значит, приезжают уже не только мужья за хорошей зарплатой - приезжают семьи, связывают свою судьбу с Севером... Хотел вот написать «связывают свою судьбу с Севером надолго», но нельзя так написать. Так будет нечестно. Дело в том, что... родители детей в школу не пускают! «Что за бред?» - скажете вы. Бред и есть. У них отговорка: «Они по-русски не понимают». Но они и не будут понимать, если в школу не ходить. И кем же они вырастут, даже если папа с мамой тут пробудут всего 3-4 года? Они окончательно отстанут от сверстников, а это уже... Это уже покалеченные судьбы. Городской отдел народного образования резко взялся за контроль. Знакомые мои учителя (однокурсников в Усинске немало) и та же завуч школы Валентина чеботарь рассказывают, что внеклассной работой с такими семьями некоторое время занимались больше, чем, собственно, образованием.

А вахтовики - это теперь ещё два новых типажа, в отличие от вахтовиков 90-х и уж тем более комсомольцев-добровольцев 60-70-х.

Тип первый, «новый» - это «аристократы». Аристократ едет и туда и обратно гладко побритый, немногословный, как работник прокуратуры, в свитерах и куртках «с иголочки», в обуви, которая по цене всегда дороже мебели, в которой хранится. Парфюм тоже не эконом класса, даже BOSS отдыхает. От «Аллюра Спорт» до «Гипноза». Такой парфюм, ценою в два-три ящика водки, себе позволить может только фартовый тип. Этот тип «рабочей аристократии» знает себе цену. Он из тех, кто часто разговаривает с начальством, и, скорее всего, где-то там, на Кубани или в Уфе он считает нужным показать соседям и соседкам, что вполне «упакованный товарищ» и у него «жизнь удалась». Люди часто и в 50 лет не верят, что сидящие в них комплексы 20-летних играют больше, чем реальная судьба и всё центральное телевидение вместе взятое...

Тип второй - «вариантов не было». Это те, кто едут на вахты от безработицы где-нибудь в Башкирии или Чувашии, кто совсем не крутой специалист, и условия работы у него зачастую кабальные. Это те, у кого нет «комплексов хорошей жизни», потому что стандарты запросов невысоки и выделываться не перед кем. Они едут пьяными и полупьяными, они пахнут совсем не «Сиреневым туманом». Курточки и свитера, сапоги и дорожные

сумки не «Дольче и Гоббано».

Им дают напиться на дистанции Усинск-Печора, а потом в Печоре, где поезд стоит долго, милиция потрошит все места, где их коллеги-линейщики засекли пьяных. Бизнес, что ли, такой? Как на рудниках 19 века в Сибири. Я не домысливаю и не выдумываю. Дважды видел такую картинку: деликатно и вежливо ходят полицейские в поезде, видят, где пьют, не особо-то воздействуют (т.е. пьянку не останавливают), дают «подогреться», а к Печоре клиент готов. Нечестная, рэкетирская работа... И отчёты, наверно, хороши. И звёзды на погоны падают. И куда делись деньги - попробуй докажи. За что вахту стоял? Башкир или челябинец не узнает никогда...

Комар

Хорошо, что поставили памятник комару. И ерунда, что он обошёлся в 4-6 миллионов рублей. Объясню... Во-первых, эти деньги собраны практически методом народной стройки. То есть реальных денег собрано было не более полутора миллионов, остальное - исполнили «субботником»: кто внёс материалами, кто-то трудом, кто-то техникой помог. Во-вторых, Комар - это действительно памятник-эксклюзив, и он реальный символ трудностей тундры. В-третьих, памятник Комару стал системообразующим объектом, формирующим пространство вокруг себя, причём пространство функциональное - то самое пространство Живой Природы, где можно ощутить себя не в бетонном «нутре» города, а в ландшафтной городской среде. В-четвёртых, памятник поставлен так, что фото с ним возможно с разных ракурсов и с разным приближением. Получается разный эффект. И к Хеллоуину, и к экологической конференции, и к представительскому фото можно найти что-то своё... (Как-то в одном комментарии на форуме прочитал, что «Катит даже для гей-парада».)

Три парня придумали и воплотили «идею Комара»: Олег Тютимов, Константин Николаев и Михаил Рожкин. На момент написания этих заметок они решали вопрос обустройства аллеи сквера вокруг памятника: кто, где и как привлечёт средства, какими силами будет всё обустраиваться. Пока зима 2012-го. К весне творческие планы начнут воплощаться...

Попьём чайку, художник?

Вокруг администрации нет торговых точек, где можно попить кофе. До полудня их нет точно. В магазине... меня по доброте сердечной напоили чаем яркие дамы бальзаковского возраста, а дальше... дальше надо куда-то «очень дальше». Во Дворце Техники кафе закрыто, в киосках напитки есть, но не будешь же из горлышка выхлёбывать «Фанту» или липнуть на морозе губами

к банке «Пепси». До кафе «Чарка» далековато, где-то, может в глубине кварталов и есть забегаловки, но... Эх, пошёл я вслепую во Дворец Техники. Зачем пошёл-то? Не знаю там никого, кроме шапочного знакомства с директором Шолоховым десятилетней давности...

На вахте женщина с глазами цвета «Штази», не дав мне отдышаться с мороза, спросила:

- Вы к Гопко, небось?

Я тут же вспомнил, что у меня в телефоне есть художник Евгений Гопко, которого рекомендовала для общения знакомая журналистка из Сыктывкара.

- Да, - обрадовался я. - Он здесь?

«Коридорами Минотавра» (непонятно, почему нельзя пройти к Гопко прямо от входа) меня отправили к нему в подвал... через второй этаж. В Крым через Камчатку. Ладно.

Кабинетик у него обычный - сам чёрт ногу сломит.

- Привет... - сказал мне Гопко.

- Привет. Дай попить чего-нибудь. Чаю или просто воды...

- За водой идти надо. Коньяк будешь? Или вот вино осталось...

- Не. Не пью.

- Я тоже. С двух часов ночи...

Нормальный пацан. Настоящий художник. По воду мы не пошли. Нашли полбутылки минералки газированной. Тёплой. В ней кофе и заварили. Покурили.

- А вообще - ты кто? - спросил Евгений.

- А я разве не сказал? Григорий... Приехал вот написать про жизнь в Усинске. Из Сыктывкара.

- И как у нас жизнь в Усинске?

- Утром - хреновая. Но надо посмотреть вечером и ночью...

- Верно. В пятницу у нас вечер начинается в 12 дня, а в воскресенье вечер сразу с утра... Поэтому счас ты нифига не поймёшь.

Был день воскресенья. Я ему подарил свой роман «Цитала. Украденный посох».

- О чём хоть?

- Да так... Примерно об этом же - о том, что воскресенье может закончиться утром...

- Угу, - понимающе кивнул Женя.

А потом он рассказывал мне: а) про своё мировоззрение (которого нет); б) про Инту (откуда давно уехал); в) про картины резцом и сверлом по стеклу (это гораздо интереснее - их, этих картин, в мастерской у него навалом); г) про Афганистан (где воевал его брат и друзья) и про вувузелу и ещё какую-то

музыкальную африканскую хрень (на которой быстро научилась играть его жена). А также выяснилось, что жене его рожать с минуты на минуту, «а я какого-то лешего тут сижу...». Я тоже не понял: «Вы что - плохо живёте?» Оказалось, что хорошо... Евгений Гопко вообще не умеет жить плохо. Он позитивный, как мотиватор сетевого маркетинга.

Я разглядывал его необычные картины по стеклу и слушал историю, как его когда-то в 1989 году зацепила загадка стекла и красота стекла. «Шли шахтёрские забастовки... Помнишь же, наверно, летом 1989 шахтёры забузили и всколыхнули весь СССР - от Кузбасса до Воркуты. Инта тоже встала... А я в это время полубайкер-полурокер-полугопник... Неведомо кто, в общем, мечущийся молодой балбес зашёл в гости к знакомому литейщику. Есть такой отдел при шахтах, где прямо на месте порою нужно вылить какую-то своеобразную металлическую болванку, а уж инженеры знают, что и как выпилить из неё слесарям и токарям и куда в шахте вставить. А тут забастовки эти... Безделье. Но зато мне надо было другу подарок оригинальный, а какой подарок найдёшь, когда дефицит всего: и обоев, и туалетной бумаги и даже салфеток. Между прочим, я именно от салфетки тогда придумал подарок: хотел попросить литейщика сделать на стакане стеклянную обвисшую салфетку. Обычный гранёный стакан, накрытый стеклянной салфеткой. Желательно с небольшим узором по краю. Тогда такие салфетки были.

Казалась бы - подплавь кусок стекла на тигле и положи на стакан, он и запаяется... Похоже, что и литейщик так думал. Заразился загадкой стекла. Начали тогда листать литературу - температуру плавки узнавать, ломкость и прочее, а обнаружили целый художественный мир. И остывало наше «простое изделие» 72 часа. Причём первые остывания были по градусу в час (иначе бы покрошилось), а потом по три, потом по пять... А как свет играл на сколах! А как царапины могут быть художественны! Решились мы сделать «простой подарок»... А вышел я из той маленькой литейки через четыре дня! Вот так я в тех царапинах и нацарапал себе судьбу... »

«Царапает» судьбу Евгений не только на стекле, но и в стихах, пробует себя как актёр в местном народном театре «Дилижанс».

Именно благодаря тому утреннему визиту к Гопко, я оказался на встрече пополудни литературного объединения «Северная лира». И та встреча серьёзно обнадёжила - почти перевернула моё представление о рождении смыслов в Усинске. Здесь все имели смысл и щедро делились смыслами...

«Северная Лира»

Выставочный зал «Вэртас». Шоколад, пара пачек вина, груда листов бумаги и слегка небритый мужичок, встретивший нас спиной. Обернулся, динамично вывернув шею, а потом спину -это Николай Попов. Именно так - сначала шею - «Привет», потом спину - «Счас ещё подойдут...»

За столом сидели три яркие дамы с коктейлем саркастических эмоций на лице и пожилой дядя, презентующий книгу своего друга, украинского архимандрита из Николаевской епархии о Николае Мирликийском Чудотворце. Чуть в сторонке бледная стеснительная пара то ли школьников, то ли сильно «контуженных учёбой» студентов - Александр Кёльн... Ага, этого я запомнил, потому что на листочке со стихами, положенными на стул увидел авторство. (Потом окажется, что это псевдоним.) Он «контуженный» в самом хорошем смысле -стихи замечательные. Много юношеского эпатажа и претенциозности, но так и должно быть. Во всяком случае, в его юном возрасте.

Николай Попов замечательный чтец, очень живой и заводной человек. Видимо, это притягивает к нему людей.

На маленьком совете «Северной лиры» говорили, кажется, о выпуске нового сборника, о том, что Николай собирается выпускать небольшой литературный листок и распространять его в местах скопления людей - поликлинике, администрации города, творческих кругах самого Дворца Техники... всё верно. Для города этого будет достаточно, чтоб поэта услышали, а услышат ли дальше - это зависит от другого. В конце концов, все мы в Интернете есть, и как полюбимся читателю, зависит от моды, вкусов, набредших на тебя в сетях мировой «паутины», от случайности и, конечно же, от твоего умения сказать что-то такое... Есть что сказать? За себя, за Усинск, за северный наш край и вообще - о тайнах сердца человеческого?

И вот читаю я тексты - хорошие, вполне себе конкурсные тексты. Они могли бы стать призовыми на приличных российских смотрах. А пока не становятся... И разве это критерий? У Евгении Аркушиной, например, после того, как она поместила свои стихи на сайте «Изба-читальня», десятки стихов стали песнями бардов и не только бардов по всей России. А что об Аркушиной знают в Республике Коми и даже в самом Усин-ске? Мало... Недопустимо мало - её почти не знают!

Александр Кёльн - «юноша бледный со взором горящим» - ушёл в армию осенью 2012-го. Я не знаю, как он служит с его тонкой нервной натурой, но это творческий человек, который может состояться по очень высокому классу. Сам лидер творческого объединения Николай Попов - ветеран Чеченской кампании, бизнесмен (промышленный альпинизм), человек с

самостоятельным взглядом на людей и вещи вокруг: мне кажется, что он когда-нибудь всерьёз покажет себя в прозе. Сейчас же ему больше нравятся стихи и... люди. Он заражает людей любовью друг к другу, к любопытным проявлениям себя, к казусам и парадоксам. Он заставляет «мучиться» вопросами -а как могло бы быть лучше? И что такое вообще «ЛУЧШЕ»?

Что становится главным дефицитом в обществе? Само общество - его отсутствие... Ведь толпа людей, даже если она целый город - это ещё не общество. «Северная лира» - это как раз и есть реальная община, с откровенностями и исповедаль-ностью, с радостью за успехи друг друга и с переживаниями отсутствия.

Мы несколько вечеров провели, стихийно собираясь у Гоп-ко, тут же творя, тут же критикуя, тут же обращаясь к сайтам в Интернете и планируя выезд, например, на конкурс в Германию... А ребята уже и так ездят все вместе. Может, не стопроцентным составом, но костяком в 6-8 человек съездили, например, в Египет, очаровывая своей непосредственностью и щедростью импровизированных «анимаций» как россиян, так и немцев, арабов... Главное - они и там, на Чёрном Континенте ощущали себя не «россиянами вообще», а усинцами. И это не похабно-быдляцкое «Тагил рулит!», а настоящее творчество, полёт креатива, это достойное и трезвое представительство лучшей части россиян за границей...

Света Яценко пытается положить «на гитару» стихи, её ругают нежно и наповал. Не обидно. Она смеётся, хоть и расстраивается... Коля Попов читает, читает, читает свои стихи... Я шепчу ему на ухо: «Ты актёр больше, чем поэт... Повторяешься». А? - таращит он на меня свои светло-серые глаза и задумывается. А сколько они меня заставили думать! По их плотности дружбы и внимания друг к другу я стал мерять Усинск 2012-го... Лучшего критерия не нашёл. Что я хочу пояснить: вот, например, есть в Усинске замечательный художник Виталий Рожков. Он даже лауреат какого-то крупного международного конкурса. Портретист. Он оставит портреты после себя... Но эти портреты расскажут о судьбах людей: Усинска там нет или почти нет. Вот были три писателя-поэта в Усинске -Виктор Щенев, Виктор Того и Юрий Валдаев. И они создавали настроение города в режиме онлайн, осмысление Усинском самого себя. Это как ежедневный труд священника - звать служить, будить, напоминать о главном. Особенно, конечно, вспоминают Виктора Того. Этого ежедневного гуманистического труда его как соли, не хватает всегда. Вы - соль города, хотелось сказать этим ребятам.

Исправление ошибок

В 2002 году одной из главных проблем, одним из важнейших

недостатков в жизни Усинска была нехватка гуманитарной составляющей. Я тогда рассказывал в очерке о кладбище Усинска и о неопознанных трупах, о «безымянном Усинске», об обезличенном, разобранном на части управлении и частях человеческих тел в баночках патологоанатомов... Это тоже Усинск. У меня не было надежд, что изменения начнутся при тогдашнем руководстве и уж тем более в той атмосфере коррупции, раздрая власти: шла вторая Чеченская кампания. Но... как оказалось, «наверху» услышали. И услышали правильно. Тогдашний мэр Усинска Феликс Марков, говорят, ходил с моей рукописью по старым друзьям, обсуждал, расстраивался, сетовал и ругался, но всё-таки душа его услышала: претензии имеют все основания. И Феликс Марков стал первым градоначальником, который в условиях новой России, в навязываемых прессой рыночных моделях материального потребления стал заниматься «управлением настроений», «архитектурой души», «рынком культуры». Череп оказался совсем не Черепом, за что теперь я перед ним снимаю шляпу. Что, например, делалось уже тогда - в 2002-2004-м? Говоря казённым языком, резко увеличилось число социального партнёрства - предприятия стали оказывать существенную поддержку творческим коллективам. Довели до материального воплощения памятник Трём поколениям воинов, который «афганцы» при всей бла-бла-поддержке республиканских и городских властей никак не могли установить. Реально навели порядок со службой ритуальных услуг, и финансирование увеличилось в разы. Начали формироваться ТСЖ, что привело к совершенно другой картине в подъездах и вообще в жилой зоне. И, конечно, взаимоотношения с церковью и с мусульманской общиной перестали быть показушно-ритуальными, здесь именно со времён

Феликса Маркова началось совместное планирование мероприятий, решение межэтнических трений, образовательные и культурные программы на муниципальном и региональном уровнях. Бард Светлана Яценко, например, во многих наших телефонных переговорах «Сыктывкар-Усинск» несколько раз рассказывала: «Вот выезжаем с концертом в Новик-Бож...» Через неделю: «С ветеранами выступали в Усть-Усе...» А ведь ёлки-палки, - подумал я, - лет пятнадцать назад всё это было «событием», чем-то таким, о чём писали газеты и отчитывался отдел культуры администрации, а сейчас это просто стиль жизни... Это ли не победа отчуждённости в межнациональных отношениях? Это ли не отчётное, а просто живое творчество?!

В Усинске осталась другая проблема: здесь нет... русской культуры. Российская есть, а русской нет. Вот такие парадоксы. А

русская культура - это что? Это вера (в православный храм ходят 40-80 устойчивых прихожан, а остальные - только в связи с крещением, свадьбой и похоронами), а вера - она только на традициях. Не будем же считать традицией Масленицу да ещё и в формах обычных Проводов Зимы. Других русских культурных традиций вы в Усинске не найдёте... Правда, нужно отметить, что совсем уж в последние годы местный священник Пётр организовал празднование Пасхи Красной в новых, общегородских масштабах. Хоть что-то... Может, с Пасхи, как с праздника Воскресения, и начнётся всё же возрождение. Русская культура - это традиции, вера, язык, кухня, литература (вот в чём претензия к «Северной лире», так это в интернациональности талантливых произведений. Нет национального колорита). Театра здесь нет, усинская казачья «станица» - это всего лишь специализированное костюмированное частное охранное предприятие. Ресторан «Чарка» - русские только блины... Кавказкой кухни в городе раз в тридцать больше русской. А салаты - какие угодно (греческие, римские, болгарские, «Цезари» и т. п), русская - квашеная капуста... Мне всё это, конечно, режет глаза.

...Я десять таксистов спросил: «Вы знаете, как называется светофор перед горадминистрацией?» И ни один уже не знает и не помнит, что тридцать и двадцать лет назад этот первый светофор в городе называли «здрасьте, Юрий Алексеевич!». Светофор... Светофор, который управлял не движением транспорта, а движением воли и веры. «Здесь будет настоящий город, - говорил тот светофор. - Здесь будет настоящая городская культура!» Но забыли... Даже таксисты забыли.

Довелось в Усинске познакомится с женщиной, которая для меня стала своего рода моральным символом состояния города на осень 2012 года, - Галиной Евгеньевной Устиновой. Она на тот момент уходила с поста начальницы Жилищноэксплуатационного участка, активно искала «новую родину» в Петербурге или пригородах, ещё содержала несколько частных гостиниц... Впрочем, лучше по порядку.

- В 1982 году, когда мы с мужем поженились, - рассказывает Галина Устинова, смущённо и горько улыбаясь, - то поехали сюда с верой, что мы построим свою новую жизнь.

- А почему так грустно говорите? - спрашиваю я у неё. -Разве вы её не построили? Вы - успешный человек. И семья, и судьба состоялись. Грусть-то откуда?

- Да оттуда, Григорий, «от верблюда»... Тридцать лет жизни здесь, а почему-то хочется уехать, будто обманули... будто отняли что-то. Дело в том, что понимаешь с годами: не ценится здесь

труд, душа не ценится. Так - мерилом является заработок, а не нужность, не особость человека. Вот сижу я целыми днями на участке своём - сотни людей ведь проходят, сотни... А «спасибо» услышишь один раз в квартал... Не за «спасибо» работаем, но удивляешься состоянию конфликтности, бесконечного «дай», бесконечного обвинения. Разве такими были первые усинцы? Разве такой был город ещё в начале 90-х? Что с людьми произошло? А вот что: появилось массовое настроение «на нас наживаются», «нас развели». С синдромом «лоха» жить не хотят, а потому «синдромом лоха» все больше заражаются. Ведь кто чаще всего и больше всего кричит о том, что он «никогда не прогибался»? Правильно - именно тот, кто прогибался всегда... А поскольку винить за выбранную судьбу некого, поскольку за Большой Властью и Большими Экономистами не угонишься, постольку ищут самых доступных начальников - на кого наорать можно, кто ближе всего и кто... меньше всего виноват. Нет у нас в обществе - умер - Институт признания человека. Посмертно - это да. Зачастую по неизвестным критериям... А простого признания, наполнения каждого члена общества «смыслом бытия» - тут общество никак не созреет. Вроде бы много людей уже учёбу прошло: кто в сетевом маркетинге, кто на тренингах разных. Уже видели и знают, что мотивация деятельности, «маленькие праздники» (именно праздники, а не фейерверки для собравшейся толпы) -всё это стимулирует, наполняет жизнь, помогает осмыслять её.

В конце 90-х Галина ещё и не думала быть бизнесменом, она честно, как технолог, работала в ЖКХ в сфере производства и подачи тепла, сидела без зарплаты, как сидел тогда весь город. На всю жизнь ранила тогда «мечта» её сына. Однажды утром, в период, когда по 6-8 месяцев задерживали зарплату, когда многие семьи недоедали (если не сказать ещё жёстче -голодали), сын у Галины Евгеньевны однажды размечтался...

- Ему тогда лет 12-13 было, - вспоминает, Устинова. - Ну, и что-то утром он ест, значит, жареную картошку с хлебом и капустой и мечтает о Новом годе: «Мама, а давай на праздник мы жареной курицы наедимся. Досыта...». Что-то меня пробило тогда. Так пробило... Это что же такое! Не о подарках, не о Деде Морозе, даже не о сладостях мечтает ребёнок людей, двадцать лет отдавших Северу! «Давай наедимся досыта курочкой...» У меня и сейчас ком к горлу подкатывает. Конец XX века, ёлки-палки. Россия. Свобода.

Сейчас именно он - сын - зовёт маму в Ленинградскую область, где отслужил в армии, выучился в институте, женился уже. «Давай ты будешь рядом...» - звонит он маме. А в Усинск

приезжать не хочет. Не тянет его ни доброй памятью, ни злой.

...Честно говоря, когда я писал эту часть очерка, то думал, что материал для сверки буду высылать Галине Евгеньевне уже куда-нибудь в Гатчину. А она вдруг радостно звонит: «Работаю на новом месте. Какая работа? Да, по большому счёту, такая же... Пригласили, показалось интересной...» Вот оно... Собственно, весь ответ. Пригласили. Сказали человеку, что ОН НУЖЕН, высказали уважение, признательность за долгий и честный труд. И я почти уверен, что случись мне с Устиновой разговаривать сегодня, будет в её глазах гораздо больше оптимизма, гораздо больше смыслов в ощущении себя, своей судьбы.

Говорите «спасибо» друг другу. Радуйтесь успеху друг друга, усинцы! Не забывайте тех, кто уехал, и берегите тех, кто остался... У вашей общей судьбы и у каждого из вас по отдельности много смыслов. Не можем их пока оформить в сознании? Ну, так это другое дело... Было бы, как говориться, что оформлять. А уж вам-то точно есть чем гордиться...

Вячеслав Ханько встретил меня угрюмо-немногословно. Типа: «Проходи... те...» Но он - музыкант. У него фибры души где-то тонко настроены, он услышал, что пришёл человек не за самосвалами, кубометрами, подрядами и разборками по поводу нарядов и километража насыпей... Он почувствовал: тут сейчас разговор будет о кубометрах души... Если, конечно, её, душу, можно измерять кубометрами, литрами или нотами... Вячеслав Юрьевич Ханько - генеральный директор большой серьёзной организации «КомиНефтеСпецСтрой». Он один из ценителей картин по стеклу Евгения Гопко. Он - один из серьёзных спонсоров творческих проектов, книг, гуманитарных идей... При этом особо не рекламируется, чувствуется, что это в естественной природе Вячеслава Ханько. Тем он и интересен... Мы с ним ровесники. Это наше поколение ехало «за туманом и за запахом тайги», терзало гитары в подъездах и у костров, собирало виниловые пластинки с «Битлз» и «Deep perpl». Когда-то молодой Слава Ханько играл в вокально-инструментальном ансамбле, где почти вся аппаратура была самодел, а помощь старших заключалась уже в том, что не мешали и не гоняли. В начале 70-х ещё на спортбазах ждали «лыжи по очереди, когда освободятся»... Поэтому Ханько знает, как культура и спорт могут украсить жизнь или её отравить.

Взгляд Вячеслава на Усинск, его прошлое, настоящее и будущее ясен, как у профессионального плановика.

- Считаю, что Усинск живёт сейчас лучшее своё десятилетие с точки зрения достатка. А с точки зрения романтики, оптимизма, яркости мечты, конечно, лучшими были вторая половина 70-х -

первая половина 80-х.

Что в будущем? Полагаю, что в социально-культурной сфере Усинск съедет всё-таки в типичную жизнь северных провинциальных городков. Они во всём мире такие - стремящиеся уехать... И в Канаде, и на Аляске, и даже в патриотических размеренных в своей жизни маленьких городишках Скандинавии - везде тихая оглядка на столицы, с уик-эндами и отпусками где-то там, где отдых, развлечения, яркие краски отпуска. Психология провинциала... Новое поколение руководителей (вот смотрю даже на своего сына) совсем не склонно «понимать» потребности художников и литераторов. Они размышляют прагматично и конкретно - прибыль где? И кому? Нет её? Значит, это блажь, так - бездельники в играх разума... Конечно, когда они во внуках увидят цинизм, за которым не будет ни человеческого, ни простого семейного тепла, они очнутся, но не будет ли поздно? Ведь потом вновь вырастить и поддержать уровень человечности придётся снова нескольким поколениям.

Вячеслав Юрьевич считает, что, к счастью, практически все руководители города были той школы, которая понимала значимость искусства и культуры для... детей. В смысле воспитательного момента. А вот для взрослых это как-то пришло только с последними руководителями: проснулся в последний год на посту мэра Феликс Марков, активно взялся за развитие культурной сферы. ...Александр Тян, к счастью, смог совместить и межрелигиозный диалог, и дать импульс новому поколению художников, и поддержать танцевальные коллективы, и литераторы звучат уже на всю Россию...

В кабинете у Вячеслава Ханько много непрофильных непроизводственных книг: стоит на полках и местная литература, висят картины с узнаваемыми пейзажами узнаваемых контуров города... Не украшение - со вкусом подобранные произведения: чувствуется, что человек дыхание города слышит и проникает в пространство его философии.

- Каким я вижу город в 2050-м? - он, кажется, даже засмеялся чему-то своему. - Да Бог знает... Я сказал уже, в принципе: всё равно Усинск будет жить ожиданиями и взглядами на столицы... Но, конечно, сама по себе природа, долгие зимы - всё это провоцирует на задумчивость, на поиск человеком самого себя, своего смысла на земле... Главное, чтоб это была самостоятельная культура, не обезьянничание, а реальная творческая жизнь с поиском... она же всегда возможна в любой точке планеты. Всё зависит от человека: и какую среду он принимает или отвергает. Город будет уютным и немногочисленным. И усинцы всегда будут радоваться встрече с земляками или с теми, кто знает Усинск:

встретятся где-нибудь в Германии или на Украине и - «О! А ты этого знаешь? А вот это помнишь?» Так будет всегда… сам Усинск - это общероссийское культурное явление как город. И только близорукий человек этого не понимает.

Не правда ли - крепкая позитивная философия? Как её не хватает многим другим усинцам…

Февраль 2013. Ледяная метель

В свой последний приезд в этот северный город я остановился в гостинице «Усинск», что рядом с кинотеатром «Том-лун». Всё хорошо. Питался продуктами (свежими, между прочим) из павильончиков, которых вокруг было щедро. Ходил в интернет-кафе, которое совсем не кафе, но доступ и скорость в компах была нормальная. Не чувствовал себя оторванным от сыктывкарских связей и дел. И там противный кофе… Нет, в Усинске не понимают нормального кофе нигде. В каком-то странном «кофейном мире» живёт этот город. Так же, как и в странном мире выпечки, где тесто лишь пару раз за все мои покупки соответствовало приемлемым нормативам (немного понимаю в этом, всё ж шесть лет на хлебокомбинате проработал)… Дважды я выступал в библиотеках перед бледными учениками школ и не менее бледными пенсионерами, которые на будущее города смотрели без оптимизма или не смотрели вообще никак.

Всего десять дней назад взорвался над Челябинском метеорит, через пару дней отрекался от престола Папа Римский Бенедикт XVI… Интернет в социальных сетях изнывал от зимы и прикалывался: «Жители метеорита с ужасом смотрели на приближение Челябинска»… Метель. Да. В это время задуло с запада. Метель с ужасом наблюдала приближение Усинска. При минус 25 метель - это уже почти стихийное бедствие. Только не для Усинска. Усинск танцевал и пел, кормил голубей и, полусонный, шарахался между собственными зданиями и пургой, чтобы поскучать вместе…

Помню своё выступление перед школьниками. Сказал им про битву за Арктику, что там сейчас основные запасы и основные интересы нефтедобывающих компаний: «Трудно себе представить, но Усинск может быть и прифронтовым городом… В случае горячего передела ресурсов». И вдруг… Вот это «вдруг», честно говоря, меня немного порадовало - при удивлённости и «ну-у, это слишком» выражении лиц основной части аудитории, заметная часть парней и даже библиотекарей кивнули, включились в возможность невозможного (на первый взгляд). «Да. Север ещё неоценен и не поделён. Здесь большие деньги лежат…» - услышали меня их сердца.

- А каким вы видите Усинск лет через пятьдесят? - спросили они.

- Нет уж, дорогие... Давайте вы ответите...

И не ответили. Была у меня просьба к ним - написать по два-три абзаца своего видения города на полстолетия вперёд, но они сидели, вытаращив на меня глаза от удивления (причём от удивления, что не могут даже фантазировать). Ответила, прислала письмо только одна девочка. Фрагмент её ответа я и привожу здесь. Прокопьева Валерия, 10 класс:

«Две тысячи пятидесятый год... Казалось бы, до наступления этого года ещё очень и очень много времени - целых тридцать семь лет. За это время может произойти многое: например, произойдёт мировая катастрофа и во всём мире останется человек двадцать-тридцать; может восстать вся техника и сделать людей своими рабами до тех пор, пока не истребит всех, но это, я думаю, уже что-то из области фантастики. На самом же деле, я считаю, что всё будет совершенно иначе...

Не думаю, что через эти самые тридцать семь лет вы будете идти по улице и вам будут улыбаться в ответ всевозможные гаджеты, что наш маленький и уютный город будет переполнен высотками и торговыми центрами. На мой взгляд, вероятность всего этого менее одного процента! И всё же, Усинск будет только процветать!

Сюда будут приезжать не только за работой на градообразующих предприятиях, но и за отдыхом, как физическим, так и моральным, ведь мало того, что здесь будет куда сходить, это будет (и есть) место, где рождаются и живут самые творческие люди нашей необъятной страны, с которыми можно будет пообщаться лично и получить от этого непередаваемые впечатления».

Реализм Тяна

С Александром Романовичем Тяном мы знакомы уже лет двадцать. Но знакомство наше всё как-то по контексту... То в связи с выборами (когда-то в 90-х), то в связи с моим приездом по конфликту на рынке (начало 2000-х), то вдруг в компании транспортников, то по депутатским делам Ольги Несиновой... Но однажды я оказался даже у него дома в гостях. Это была жуткая история...

...Дело в том, что мы с товарищем только что мощно поужинали в ресторане (благо, командировочные наши тогда были крутые), а за документами и кратко переговорить надо было заехать к Александру Романовичу. Ну и... Жена его очень ответственно отнеслась к нашему визиту и закормила нас до полусмерти. Это было что-то невозможное. Причём достоинство

угощений заключалось в их национальном колорите, который просто обязывал: «Ну, одну-то штучку попробуйте… А это вообще лёгкое… Да, это просто можно макать… Тут лучше с зеленью… » Я превращался в Гаргантюа, который не может встать с кресла. Мой напарник - между прочим, хорошо подготовленный офицер, с запасом мощностей и под 200 грамм чего-нибудь «крепенького», и под «выполнение задачи», был в положении ничуть не лучше моего… Гастрономический нокаут! Лишь дважды в жизни я пережил такой гастрономический шторм - однажды, когда знакомился с родственниками жены, и второй раз - вот так, ага… Зашли на пять минут, называется… Это была ловушка.

Гостеприимство Тянов был аристократически-восточным, добродушно-интеллектуальным: за час, как оказалось, мы не только поужинали, но и послушали музыку, процитировали восточных мудрецов и перлы московских политиков, проанализировали ситуацию после дефолта 1998 года и посмотрели видеозаписи рыбалки на Полярном Урале… Не слабо? Тян такой и есть - он Усинск пытается сделать городом гостеприимным. Он гуманизацию муниципалитета видит в силе традиций и в самых актуальных вещах. Ни в городе, ни на производстве, ни в «тайнах культурных процессов» не должно быть брошенных… Главное, Человек, не бросай себя сам.

А при нашей встрече в феврале 2013-го он, конечно, не ожидал, что я попрошу о прогнозах.

- Сегодня вы назначаетесь главным футурологом города, - шутя, пояснял я ему идею третьей части очерка. - Понимаете, надо сделать попытку заглянуть в будущее Усинска… К сожалению, большинство и взрослых и детей свою жизнь с Усинском не связывают и потому о его будущем не задумываются…

- Не связывают? Не может быть… Скорее, другое: задумываются только от отпуска до отпуска. Обывателю же вообще не свойственно мыслить стратегическими перспективами десятилетий. Но будущее…

Я думал, что он будет либо ёрничать, посмеиваться, либо наоборот - включит какую-нибудь «парадную струнку». Но Тян заговорил по-деловому, будто речь шла уже о третьем квартале этого же года.

- Нефть и вокруг нефти - это лет так на сорок минимум… Может быть, лет на шестьдесят, с учётом того, что будут поднимать новыми технологиями и недоработанные линзы. Но думаю, что уже лет через 10-15 здесь в промышленном объёме начнут добывать охру… Как геодезист скажу - охра здесь по своему качеству и по объёмам залежей одна из лучших в России.

Возможно, самая лучшая. Её обязательно начнут разрабатывать. А это тысячи две рабочих мест гарантированно. И лет на пятьдесят работы точно. йод и бром - следующие. Их запасы инвестиционно привлекательны. И не в какой-нибудь долгосрочной перспективе, а окупаемы на дистанции семидевяти лет. Под новые производства будут «расширяться» транспортные коридоры - это естественно. Уже сейчас доводим до ума дорогу на Нарьян-Мар, на очереди сообщение с Воркутой и Интой. Северные территории Республики Коми должны быть инфраструктурно удобны. Тогда и инвестор придёт охотнее. Что получается? Получается следующее: государство за десять-двадцать лет подготовит площадки, на которые где-нибудь к 2025 году войдут новые производства. Если, конечно, не форс-мажор - природные катаклизмы или, не дай Бог, военные конфликты не отвлекут силы...

- А как будет выглядеть быт? Я вот недавно прочитал, что от обычных уличных фонарей города скоро откажутся... Дескать, сегодня светоотражающие панели делают светящимся весь дом. Что подсветка будет прямо от светящихся столбов... ну, то есть столб легко делать светящимся.

- Не знаю, как насчёт светооформления, но мне кажется, что одной из главных тенденций будет формирование разно-климатных территорий улицы. Для северных городов всё это особенно актуально. Ведь уже сегодня не проблема укрыть улицу целиком пластиковым шатром. Почему этого не делают? Выхлопные газы. Они накапливаются. Но пока можно делать закрытые тротуарные территории, где пусть не так тепло, как в квартирах, но на уровне плюс 3-5 градусов запросто... Это позволит даже небольшие зимние сады содержать...

- Длиною в пару километров, - фантазирую я. - Усинский монплезир...

- Почему бы и нет? Целые кварталы могут так оформляться уже лет через двадцать. Ещё предполагаю, что досуговая сфера будет стремиться к дворовым вариантам. То есть - и миникинотеатры, и клубы будут в квартирах первых этажей...

- Типа салонов... - поддерживаю я Александра Романовича. -В Германии и Финляндии, действительно, что ни двор - то бильярдная, кафе на три столика, просмотровая студия человек на 15-20, где и фото делятся, и видео, и обсуждают что-то, и выставки-обмены цветами организовывают... Население в Усинске будет такое же? По численности?

- Думаю, что не меньше... Период волны выезда с «северов» закончился. Его же снова будут заселять. По другой логике, но заселение Севера будет заново. Оно уже началось. Ведь посмотри,

Григорий, центр России уже заселён, а пятнадцать лет назад он был пуст. Производство-то, основные ресурсы развития где? На Севере. Думаю, что сам Усинск и то, что вокруг Усинска, будет несколько иным. Маленькие станции до Печоры, которые сегодня представляют собою жалкое зрелище, будут модульного типа. Удобное жильё, идеальная интернет и сотовая связь, продуманный функционал занятости - либо дорожный сервис, метеослужбы, либо ремонтные и складские функции.

- Мне кажется, что в моду, как сауны, войдут салоны-аквапарки. Такой, знаете, маленький берег Крыма с солярием, сервисом, бассейнами. Это же всё уже сегодня не дороже дачи, а как бизнес такая форма досуга и оздоровления тоже приживётся...

- И коми деревни: наши Захарвань, Мутный Материк, Новикбож, Усть-Уса - будут небольшими, но колоритными... Туризм как бизнес тоже своё возьмёт. А национальная экзотика будет принимать новые светодиодные фантазии.

- Ночные световые карнавалы?..

И мы с Александром Тяном вдруг ловим себя на мысли, что фантазии наши фактически воплотимы уже сегодня. Чего не хватает? Рук... Кадров не хватает! Есть текучка обслуживания, есть творческие люди в области идей, но нет технического звена, способного из рутины обслуживания перейти в масштабы новых воплощений.

- Может, для этого пассионарный толчок нужен? Или нанятая бригада «техно-Рюриковичей»?

- Нет. Пока всё это возможно, но это роскошь... Пока общий средний уровень достатка людей не подтянется, они будут воспринимать это не с радостью, а с раздражением... Надо, чтоб город дорос...

- А что значит «дорос»? В достатке? Он всегда будет относительным...

- Может быть, не столько в достатке, сколько в ощущениях Общего Дома - родного Города...

И тут «опять двадцать пять» - мы возвращаемся к ощущению Родины, которого нет...

Почему Воркута стала родной для нескольких поколений людей, и воркутинцы, встречаясь даже где-нибудь на Украине или в Израиле, говорят о Воркуте, как о родине? Остров... Остров Судьбы. Может, потому, что всё-таки там прожило несколько поколений, и это всего лишь загадка связи нескольких возрастных групп, которых в Усинске пока нет - два всего, маловато... Требуется некий удельный вес семей и родов, которые проживут в городе три поколения. Сколько таковых должно быть? Двадцать процентов? Или достаточно, чтоб их было хотя бы 5-7 процентов?

Но чтоб были... Они, конечно, будут. Скоро. Всего лишь через одну жизнь... Через одну судьбу. Лет так через тридцать...

Я знаю, не каким город будет, а какими будут его люди лет через тридцать. Они его будут обустраивать уже по-другому. Всё, что было, не было ошибкой. Предыдущие 50 лет старались сделать город как могли, в тех условиях, которые были, с теми сомнениями и даже с катастрофами распада государства и передела собственности... Через тридцать лет здесь будет другая мысль, другое видение квадратных метров улиц и квартир, другое понимание памятников и даже старых пожелтевших книг... И этой книги тоже. У неё вообще скромная задача -помочь не забыть.

2012 -2013 год

Бродят в нашем саду...
Бродят в нашем саду
Две валькирии с чёрною кошкой
И пугают меня
Хрупкой жадностью плеч.
Я ещё не умру.
Я ещё погуляю немножко,
Чтоб из сердца Все посохи старых пророков Извлечь.
Я ещё выпью кубок И в колодцах довыберу звёзды,
И коней напою
Перед битвою Армагеддон.

И ещё я наплачусь -Не поздно ведь, братцы? Не поздно... Пусть до Млечного Шляха Дотянутся песня и стон.

Пусть вне сада - сюда Встанут рати, полки и знамёна.
Мой народ, помолясь,
Выйдет к небу в Начале Времён.
Нас убьют - мы воскреснем И снова, и снова, и снова...
Облачаясь во Свет,
От которого каждый рождён.

Кафе Тироль

Осенние дожди - симфония печали -Грустят мелодией:
«Ти-роль», «ти-роль», «ти-роль».
Мы так многозначительно молчали,
Мы так глазам друг друга доверяли,
Что вздох и взгляд, как отзыв и пароль.
Соломинка коктейля - мостик грёз,
Но шоколадные часы так быстро тают.
Куда слетело золото берёз?
Куда ты, ветер, все слова унёс?
То эльфы в музыке «Тироля» знают...
Австрийских стульев ребус и узор,
Твои вопросы: «Почему? А разве? Сколько?» Был странный

молчаливый разговор.

Был поцелуй, как смертный приговор,

Был листопад. И день,

И мы с тобою только...

Иначе

В диком поле смородина

не растёт,

В диком поле свистит кулик.

У ночи в поле длинный счёт,

И сова, как судья, кричит.

Наш костёр не для звёзд горит, Пусть до Лебедя в крыльях дым. Сердце стылой Луной висит,

Я встаю на него

босым...

* * *

Не из золота колокол

льют.

Не на мраморе точат

нож,

Но молчаньем

тоже поют,

И молитвою плачут

тож...

Даром, что ли?

Отличалась команда «пленных не брать», От команды «умри, но останься».

Не встаёт под листвой посечённая рать -Серо-саванное

пространство.

Воет волк и кричит неясыть,

И священник с кадилом по полю. Умирали ребята, чтоб жить...

... даром что ли?

Homo homini lupus est (Человек человеку волк)

Человек человеку - взгляд, Нож, топор да ухмылка вслед. Человек человеку и гад, и свят, И вино,

и кино,

и кастет...

Но мы смотрим в глаза, Молчим.

Во народ!

Да нам по хрену тормоза, Впрочем, пох...й и пулемёт...

Не прощай нас, Бог,

Не прощай.

Мы от образа отреклись. Потерялся в стихах Рай, Потерялась в Аду мысль...

В дымке зеркала

Сёстрам Немцевым - Нине и Галине

В старом зеркале на кухне отражение -Вижу всех, и снова живы все,

Будто состоялось Воскресение,

И судьба развёрнута в красе.

Будто праздничный отец, и мама в праздничном.

Запах «Шипра», мёда и цветов...

Брат и тут по-прежнему проказничал, а сестра нам накрывала стол.

В зеркале, за календарной дымкою, Моет кошка морду, чай парит.

Бабушка счастливою улыбкою Сквозь меня на дочь мою глядит. Оглянусь, а... пусто.

Только каплями

Моет дождь заборы и окно.

Это небо надо мною плакало -было всё недавно и давно.

Декабрь

Декабрь приходит нежный, как боа,

И утоляет жажду настроений -Неспетых, не отыгранных вчера Стихотворений.

Декабрь - итог.

Взгляд тёмных окон мудр.

Ты носишь сердце, вбитое в обложки,

А в окнах тысячи

Тобой не пробуждённых утр,

Среди которых скрытые дорожки Твоих томлений И твоих судеб;

И таинств детского обиженного взгляда... Ломаю я стихи, как хлеб,

Но этот хлеб - награда.

Мы знаем тайны не прочтённых сфер: Зачем декабрь?

Зачем боа из ночи?

Поэт - дитя,

Последний старовер...

...библейски что-то девочка пророчит.

Граница грозы

Птица молчит перед грозой. Мечется.

Смерть птичья тоже «с косой»? Или Смерть всегда человечится?

Или Смерть всегда «Пинкфлоидной» поступью По басам - да-да-да!

По тарелкам, по простыням...

Смерть всегда восемь нот:

«Я» - девятая...
Ангел взял фагот И дыхание моё
сжатое...
Мир банок пепси - злое серебро,
И звук динамиков страшней там-тамов. Умирало русское село под колокола стаканов.
* * *
Памяти брата Андрея
Оставить пепел на столе и кофе недопитый, выйти в глубину полей, росой политых.
Нам кажется - всё впереди, и рядом дети,
что много нам ещё пройти, и многое понять на свете.
...Нам кажется...
...Угрюмый сон.
И ночь - отрава.
Никто не слышал ночью стон в небесных переправах...
Лень
Разленился настолько,
Что даже стать жадным Нету силы, нет воли, нет слов.
Я на слониках шоколадных Шоколадных рисую слонов. Крепкий чай - эта дивная сволочь. Чуть разбудит,
Чуть позабавит огнем,
И в душе моей снова Шоколадная полночь Бьет кофейным крылом.
В пять утра
В медитации антиуспехов Лбом ворвусь в рассыпной бильярд. Хирургически тонко Ловит бабочек ради потехи Укрощенный во мне Леопард.
Ты зачем,
Ты зачем, обгоревшее лето, Гонишь к югу свои поезда?
Я от лени умру И где-то
За меня упадет Звезда.
Раковый корпус
Памяти Валерия Сенюкова -
одноклассника и однополчанина
Наступает не мое лето,
Наступает не моя осень,
Я теперь далеко где-то
в другие реальности брошен.
Я хожу по Небесным кущам
и пугаюсь молитв без звука,
потому что сущему в Сущем тесны объятия круга.
Эх, теперь бы юности волю,
вот теперь бы да все с начала.

...я бы прожил с другой болью
и ушел по другим лекалам...
Пора пить чай, сынок..
...младшему сыну Фаддею...
Пора пить чай, сынок.
Устал я от бесед.
Устал от вздохов и претензий мира,
Хоть и тесна всегда квартира,
Но в сердце тоже просторов нет.
Давай помолимся, попьём чайку «Ахмад».

Воспоминания нахлынут сами, в них сломаны три тысячи преград и десять тысяч эсэмесок маме.

Тебе достался перечень разлук и, как имбирь, горячие обиды.

Семья былая - странный звук, на «от и до» неправдою разбитый.

«Во многой мудрости есть многая печаль». Но кровь традиций нас заставит выжить. Давай, сынок, пить добрый терпкий чай.

И Бог нас не оставит, Он услышит.

9 мая 1975 года

Собрались фронтовики на гармошку,
Что терзал и валял дядя Паня.
И вдовицу одну -тётку Фроську -Напоили допьяна, хулиганя.
Напоили и запели Частушки
Про калек и войну -про судьбину.
Рвал тельняшку дядя Ваня, как душу,
И показывал всем свою спину.
Шрамы там...
...а Егор одноногий Приглашал поплясать Ефросинью.
... мы, мальчишки, запомнили много: силу горькую -слёзы на силе.
С первой водкой, по жилам попрятав,
Те частушки и слёзы, и шрамы.
Мы запомнили стоимость пяди Между Волгой и Доном, между песней и стоном,
Между сердцем и храмом.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ

- Я буду всё равно тебя ждать здесь. Приходи сюда... - Валентина смущённо, почти безнадёжно пожала плечами и заплакала. Ветер и мраморный моросящий дождь рябили пожарище. Противная, унылая гарь тянула низом, будто горело не пятиэтажное общежитие, а кислые торфяники.

- Тебе сейчас есть куда пойти? - спросил Игорь. Она кивнула.

Наверное, его голос был механическим и чужим. Она опустила глаза. Игорь раздражался от гнетущего чувства, что опаздывают все: и он, и казачок, с которым вчера познакомился в этом женском общежитии, и Валентина с Ольгой.

Казачок волочил ногу. Он, кажется, и вчера немного прихрамывал, а сегодня, когда прыгал с третьего этажа, разбил ногу, и теперь, скорее, тащил её за собой, чем она держала его.

Незнакомый пожилой подполковник, опухший от бессонной ночи и, наверное, из-за почек, устало ходил от группы к группе и сипло гудел.

- Уходите. Уходите все! Как куда? Хоть куда! Вот туда!.. Сейчас здесь такое будет. Сейчас здесь будет...

Этот офицер маленького военкомата на далёкой окраине громадной Империи и сам не мог знать, что через сорок минут истечёт кровью в водосточной канаве. Помочь будет некому. Он будет так же хрипло ругаться и зажимать ладонями густо кровоточащие раны. А потом тихо уткнётся лицом в рыжие прошлогодние лопухи. Так же будет стелиться гарь, и так же суматошно будут метаться по улице люди.

- Уходи, Валя... Я тебя обязательно найду. Везде найду. Уходи.

Под чёрными каштанами улица пряталась внизу и виляла поворотами среди деревянных и каменных заборов. Там уже был слышен рокот моторов, а ещё недавно далёкая стрельба становилась всё ближе и ближе.

В другую сторону эта же улица шла на подъём и своей графической открытостью делала убегающих людей безнадёжно беззащитными.

Валентина уходила последней. Ольга дёргала, дёргала её за рукав, но когда близко, почти над головой начал резать крупнокалиберный пулемёт, люди закричали и рассеялись. Ольга оставила подругу и шмыгнула за какой-то каменный заборчик. Он казался ей надёжным и крепким.

Орал не своим голосом хромой казак. Два бойца выволокли

откуда-то человека в тёмных одеждах, набрякших кровью. «Мужики! Его в город...» Они побежали обратно на рокот моторов и близкого боя. Казак ковылял за ними.

Само утро, дождливое и зябкое, взорванное ранним боем, казалось, пришло оттуда - с запада. И сейчас на восток, к близким городским могилам оторванного клочка русской земли - пропахшего тротилом Приднестровья - уходили те, кто мог и хотел драться за эту маленькую родину.

Игорь оглянулся на убегающую вверх дорогу. Валентина стояла, прижав руки к груди, как это делали влюблённые девушки в старом сентиментальном кино. «Холодно. А она раздетая, платье да жилет... » - ему вдруг стало так жалко и так обидно за эту девушку, что он на мгновение удивился яркости и необычности своего чувства.

Обидно за то, что у неё сильно проявлялся молдавский акцент и она «лёкала» как ребёнок. Обидно, что её брат, гадёныш такой, воюет на той стороне, и, может быть, это его пулемёт рубит ветки каштанов и тополей.

Обидно, что это одинокое существо ни черта в своей жизни не видело, кроме птичника в школе-интернате, ткацкой фабрики и этой ненормальной любви, родившейся от беды, от страха и, наверное, от инстинктивного первобытного желания любить воина. Воин мог защитить.

«Я буду ждать здесь...» А где тебе ещё ждать? И кого ещё ждать? Зацепит шальная пуля - и похоронят как неизвестную. Документы сгорели в общаге вместе с косметичкой и последними колготками.

...Под шелковицей в десяти шагах от дороги лежал белокурый лейтенант с пробитой головой. Игорь забрал разгрузку-«лифчик» с полными рожками, автомат и гранаты. Как ему казалось, он крался и пробирался короткими перебежками туда, где гвардия пыталась удержать линию обороны. А потом выскочил на двух раненых и безумных от боя и боли мужиков. Они были без оружия, но рядом с ними лежали бутылки с зажигательной смесью. Штук тридцать, наверное...

- Два БТРа... - хрипел один из них. Они будто здесь сидели и ждали именно Игоря. - Два БТРа. Ребята их не удержат. Отсекай пехоту...

Потом горели оба БТРа, подожжённые зажигалками классически правильно, как в учебном фильме. Потом Игорь бежал со всеми и отвернулся, когда один из «зажигательных» мужиков застрелил раненого волонтёра. Потом сам Игорь добил выстрелом в голову корову в узком дворике, с которого был уже виден берег Днестра. Корове какой-то герой распорол брюхо

автоматной очередью. Она сучила ногами по гравию, хрипела и булькала розовой слюной.

Из дворика, в узком пространстве между сараями и гаражом, был виден клочок реки. На берегу мелькали люди, пришедшие с той стороны. Они шли и стреляли. Будто забыли, что несколько веков подряд говорили на одном языке, пели Богу одни молитвы и даже изменили Ему когда-то тоже вместе. Может быть, именно за измену два берега расстреливали друг друга, как будто свинцом можно переложить вину или огнём обрести искупление. Здесь и в этот час скорее лопнули бы небеса, чем кто-то из них сказал бы другому: «Прости, брат!»

И небеса лопнули...

II

Люди сгружали с катера зелёные ящики, суетились как-то по-рабочему, будто приближающийся бой их не касался. В открытом пространстве между домами, гаражами и сараями Игорь хорошо их видел. «Метров шестьсот-семьсот», - отметил он про себя. Короткая очередь нашла цель. Человек упал. Было видно даже, как боец чуть съюзил по склону берега, и бушлат сизым армейским воротником завернулся ему на голову. Игорь выстрелил ещё и ещё раз, и его засекли. Дождливое пространство ударило с берега свинцом. прицельно стрелять в ответ было уже почти невозможно.

Оттуда же, с берега, надсадно заныли миномёты, и визг мин скрутил нервы, как визг злой и перегретой стоматологической машины. Парень рухнул и влип в землю. В голову больно ударил гравий, разбросанный близким разрывом.

- Ховайся, хлопец! Туда! Туда! - из ямы под гаражами позади Игоря высунулась тётка. С неприбранными волосами, косматая, она от происходящего выпучила и без того громадные чёрные глаза и махала рукой, показывая на склон берега прямо за двором. Но склон и весь берег простреливался сейчас на полкилометра вдоль, поперёк и сверху вниз. «Она сдурела», - подумал Игорь. А через секунду его сердце оледенело, стало большим, как ведро, и остановилось. В ста шагах от него, раздавив крольчатник, забор, подмяв вязь виноградника, выскочил из-под берега танк... Полуразвернутая его башня, как берет на пьяном мужике, взглянула дулом в лицо. «Всё. Сейчас меня убьют...»

Взгляд танка был равнодушен и прям.

III

Полдень пришёл изнурительно и повинно, как измученный и промокший бродячий пёс. Возле высокого крыльца с чёрного хода Дома культуры толпились люди (в основном почему-то пожилые

мужчины). Отсюда две недели назад уходила большая похоронная процессия. Хоронили восьмерых мужиков, погибших под Кочиерами. Тогда снайперы обстреляли гробы (будто хотели убить дважды) и людей, идущих за машинами.

Тогда так же шёл дождь. Ольга разносила кутью в эмалированной кастрюле, а Валя ругнула незнакомого парня, уронившего крошки в грязь. Это был Игорь. Он извинился за то, что нечаянно рассыпал эту поминальную кашу, потом спросил:

- Вы, наверное, верующая? Или отчего-то злая?

А она неожиданно для себя начала объяснять, что рассыпанная кутья - это очень нехорошая примета.

- Очень нехорошая. Но вы не бойтесь, буду молиться за вас...

На «ты» они перешли вечером, когда оказалось, что их дежурства по кухне совпали. Перед тем, как в три часа ночи улеглись вздремнуть на скамейках гулкой рабочей столовки, она, помнится, рассказывала ему о гибели своей напарницы с ткацкой фабрики, попавшей под обстрел возле Ташлыка. «Очень добрая была женщина. Улыбчивая. Всего-то ей было то ли тридцать четыре, то ли тридцать шесть... »

- А как получилось, что вы с братом по разные стороны? - спросил тогда Игорь.

- Не знаю. Дружки его убедили, наверное... Он в гараже работал, автослесарем...

- Вот встретитесь вы после войны...

- Уже встречались. Я в Кочиеры бегала к подруге. Как раз перед этим боем. ... Ну, когда много людей побило. Виделись. Пьяный. С кулаками накинулся. Подруга заступалась, а я молчала.

Всё тогда было необычным. От знакомства на похоронах до того момента, когда Валентина уснула на лавке, а Игорь, поднявшись закурить, смотрел-смотрел на её лицо, а потом наклонился и поцеловал в висок. Она вздрогнула и открыла глаза.

- Милая ты, - усмехнувшись, сказал Игорь.

- Господи, - вздохнула она. - Милая... Ты тоже милый.

И уже снова засыпая, буркнула: «Надо же...»

Это было две недели назад. Две недели назад и одну ночь в комнате общежития, которое загорелось сегодня от прямых попаданий.

Теперь возле Дома культуры урчали машины и было много белого - бинты, санитары. Кричали раненые.

Валентина увидела казака и почему-то сразу узнала его, хотя узнать Мишу сейчас было просто невозможно. Серый как пепел, он бормотал что-то, но его никто не слушал, а если и слушал, то

всё равно не разобрал бы. Миша так и умер, что-то пробубнив и дёргая карман своих казачьих штанов с лампасами. Когда он прыгал с Игорем и девчонками из общежития, то сильно подвернул ногу. Сейчас вместо ног было что-то пухлое и ужасное.

Высокий шустрый офицер с острым подбородком погнал Валентину от страшного склада ещё не мёртвых, но уже мёртвых. «К ... матери! Кудрявцев! Кудрявцев! Убери всё бабьё отсюдова! А то у меня будет истерика. У меня, б..., я говорю, будут нервы щас...»

Игоря нигде не было. Ни у подвала горсовета, где кучковались милиционеры в бронежилетах, ни у милиции, ни у «Днестровского сада» - двухэтажной городской гостиницы, где кубанцы встречали новых добровольцев. Даже знакомая Валентины - тёща друга Игоря (кажется, её звали Мария Николаевна), проскочившая мимо неё с кипой байковых одеял, бросила на ходу:

- Валя, нема, дочка, их обоих. Нема. ...Ну, ты погодь плакать-то. Ещё вон что на плотине творится, и с завода ещё людей не было. Погодь, погодь...

Апрельский день от дыма и лохмотьев человеческих нервов был больше похож на глубокий вечер. Звучали команды, плакали бабы навзрыд. За городом гремел, урчал и ухал, как тяжёлый большой зверь, теперь уже чужой правый берег.

Девушка присела на придорожный камень. Тяжёлая усталость сменилась ознобом, и было странное ощущение, будто она, не съевшая сегодня ни крошки и лишь однажды днём выпившая стакан компота, вдруг стала пьянеть. Валентина сказала сама себе вслух: «Я плакать не буду». И разрыдалась.

...Патруль её не прогнал. Она с двумя бойцами постучала в двери почтамта. Открыл какой-то сумасшедший дед с ножом в руках. Бойцы наорали на него: «Кипяток есть? А какого чёрта девку не пускаете. Видите же... »

- Мне командир сказал никого не пущать, - дед пытался ходить перед патрулём стройно, как на параде, но у него это получалось плохо. Он честно нёс службу у дверей одного здания.

- Где твой командир?

- На крыше...

- Гвардейцы?

- Да.

Патрульные, рыжий дядька и молодой прыщавый длинный парень переглянулись. «Почта у третьей роты?» «Нет. Она вчера дежурила». «Значит, у первой. Там Коломиец».

- Да-да. Коломиец... - дед кивал головой.

- Ну вот. Передай ему, что девчонку оставил Ефремов из

второй роты...

Валентина в каморке деда-вахтера взглянула на себя в зеркало и в свете свечи ругнулась на ту, которая была отражением: «Как бродяжка какая-то. Ё-моё. Родня не узнает...». Пока в литровой алюминиевой кружке дед кипятил воду, Валя сбегала в туалет. Но воду уже отключили по всему городу. Она умылась водой из питьевого бака в коридоре и уже расчёсываясь, расспрашивала деда.

- Как вы думаете, сегодня сменят людей на заводе? А на плотине? Они же там, наверное, после такой драки совсем без ничего остались.

Дед засыпал в кипяток скупую пригоршню чая с какими-то добавками. Летний домашний запах наполнил комнату.

- Тебя как зовут, детка? Валя... Валя, значит. Меня Антон Фёдорович. Я тебе, детка, скажу. Хоть сменят, хоть не сменят, ты до утра всё равно никуда не пойдёшь. Поэтому попей-ка ча-ёчку, согрейся. У меня вот кусочек сала есть, луковица, вино.

В окна порыв ветра бросил капли дождя. Где-то на плотине с интервалом в полторы-две минуты татакал пулемёт, иногда стрельба пулемётов и автоматов сливалась в один рокот, похожий на такой, когда дождь превращается в град.

Девушка уснула прямо за столом. Антон Фёдорович накинул ей на плечи свою телогрейку. Раскурил короткий бычок сигареты и что-то про себя шептал. Будто спорил и объяснял серьёзные вещи невидимому, непонятливому и жестокому человеку.

Игоря фотографировал пожилой фотокорреспондент. «Он из «Останкино. Фотограф», - пояснили Игорю.

- А меня-то зачем фотографировать? Да ещё и в белых перчатках... - об этих перчатках уже ходили анекдоты. Дескать, воюет тут один с чистыми руками и в белых перчатках. Они, конечно, давно уже перестали быть белыми. Их даже серыми назвать было трудно. Но на фото они ж всё равно выйдут светлыми.

- Да ты не бойся. Это не в газету. Он какой-то фотохудожник. Ему типы нужны.

- А я, значит, тип?

- Тип. Типчик натуральный...

Фотохудожник, человек с печальными-печальными глазами и бородой седой острой, как у кардинала Ришелье, извиняющимся тоном просил:

- Мужчина, я вас ни о чём не прошу и мучить вас не буду. Единственная просьба - всё, что вы делаете, делайте, пожалуйста, медленно. Чтобы я успевал поймать свет...

Игорю, как, впрочем, и всем остальным, было непонятно -что

значит «поймать свет». По большому счёту, в данный момент им было наплевать на «свет», на то, куда их фотографируют, и вообще, они водку закусывали луком и яблоками. И она не жгла горло.

Сдавали оружие. четверо вернувшихся из Коржево сдали тридцать шесть автоматов, несколько бронежилетов и документы. В том числе документы неизвестных людей...

Фотограф, кажется, всё понимал. У него было такое лицо, будто он фотографировал не живых людей, а каких-то уродов, на которых нужно смотреть из приличия. Но смотреть им в глаза он не мог.

- На Тирасполь много людей отправили? - сипло спросил Игорь. - И вообще, много сегодня?

- Много, - дежурный не поднимал лица. - Много. Но на Тирасполь мало... Там на Кошнице сегодня тоже было жарко. И на Ташлыке что творится, пока тоже не знаю... Выехали на Красные Окна...

...Орудие танка выстрелило, казалось, прямо в лицо. Игорь упал, а когда пополз, то два подряд взрыва снова ударили в голову речной галькой. Он ничего не слышал и не знал, куда ползёт. Кажется, он стрелял вдоль улицы в сторону подъёма от реки, кажется, стрелял и по людям, выскакивающим из-под подожжённого казаками танка. Приходить в себя он начал тогда, когда шагах в пятидесяти от него в саду подорвался на мине парень. Он страшно кричал и бился об землю, как брошенная радиоуправляемая игрушка.

За садом, на небольшом подъёме в гору, казались близкими и спасительными бетонные стены завода. Но и это небольшое пространство кипело, простреливаемое и с флангов, и в спину. Игорь, за которого думала теперь каждая клетка его тела, удивлённо наблюдал за собой будто со стороны. Он слушал. Только слушал и спешил услышать пространство, в котором кое-где остались капельки жизни. Всё остальное умерло.

Во дворе Игорь закинул автомат за спину и достал гранаты. Патронов больше не было.

- А-а-а-а, - орал кто-то впереди.

- А-а-а-а, - орали сзади.

В подвал заходили и заходили люди.

- Кто сдал оружие, уматывайте отсюда. чё расселись? Вон в милиции можете перекусить - и геть в свои расположения.

На выходе Игорь столкнулся с казачьим есаулом.

- Слушай, брат, у вас такой лохматый казак был, то ли хромой... В общем, у него с ногой...

- Убит. Вчера брата его убили, сегодня его самого. Вместе,

как приехали, так, блин, щас домой и поедут. Там на улице его подружка стоит...

«Ольга!» - Игорь выскочил из подвала и увидел её сразу. Она стояла с женщинами, те говорили что-то, а Ольга молчала. Под дождём, на ветру, фигура этой толстушки весёлой, добродушной девки, выглядела старчески изможднной и поникшей.

- Оля! - позвал её Игорь. Она обернулась, узнала его, что-то коротко сказала женщинам и подошла.

- Живой? А Мишку убили.

- Я уже знаю, - Игорь теперь вспомнил: казака звали Мишкой.

В пятом часу утра, когда два гаубичных снаряда попали в общежитие, и они, полураздетые, выпрыгивали в окна на козырёк подъезда, хромой Мишка, помнится, чертыхался. Он забыл в комнате свой тесак.

- Как убило? Где? - Игорь спросил не от любопытства. Наверное, это язык делал жалкую попытку оторваться от дикого хаоса уходящего дня.

- Точно не знаю, - пожала Ольга плечами. Она смотрела на Игоря так, будто извинялась за то, что она не знает, за то, что она вообще была с Мишкой, а теперь не знает, как быть и что делать с этой страницей своей жизни.

...Не спала... Я, кажется, сплю, сплю... Нет, я жду своего короля, который вчера так часто выпадал в карты. Бред какой-то. Валя вздрогнула и проснулась. Не поднимая головы, она ещё секунду приходила в себя и не могла отделить сон от яви и каморку деда-сторожа от мысли, что у неё уже нет ничего своего. Ничего, кроме Игоря. А Игорь будто из сна вынырнул.

- Игорь! - Он стоял позади неё, протянув руку, чтобы тронуть за плечо.

Она встала прямо перед ним. руки быстро побежали - плечи, щеки, оторванный клапан куртки... Глаза. «Игорь!» - она прильнула так, будто хотела ворваться в его грудь через спрятанный где-то там, под одеждой, нательный серебряный крестик.

Она целовала этот крестик прошлой ночью и просила у Бога прощенья за то, что гадала, за все грехи трефового короля, за ненормальную ночь и за своё бесстыдство, которое она не хотела знать как бесстыдство. «Он как призрак. А до призрака можно докричаться только ненормальными словами и совсем-совсем непривычными для себя поступками. Дура я, Господи. Не слушай меня. Пожалуйста, не слушай. Пусть только он будет, Господи!»

Игорь обнял худенькие дрожащие плечи и, кажется, только сейчас понял, что это маленькое солнце, проснувшееся под его рукой, уже живёт в сердце. И было бы убито вместе с ним, а он

мог даже не знать этого.

Они оставили вахтёра, патрульных и ушли. Валя точно знала, куда им теперь идти. Она знала, что только в доме у малознакомой тёщи дружка Игоря они смогут сегодня скрыться от дождя, от войны, от кошмарных снов и не менее кошмарного татаканья пулемётов на плотине. «Дук-дук-дук… Дук-дук-дук» - пулемёт, как хронометр, резал ночь интервалами очередей. Далёкий пулемётчик в пограничном состоянии психики расстреливал ночь. Это было какое-то монотонное суточное безумие. «Дук-дук-дук… Дук-дук-дук».

Под это «дудуканье» они целовались.

- Ты горький. Ты дикий… Игорь, мы все сошли с ума. Мы отменяем жизнь. Свою, нашу, общую жизнь. …И после каждого выстрела уже нельзя жить как жил до этого. Мы, как игроки и игрушки одновременно, - она задыхалась и от поцелуев, и от слёз.

- Молчи. Ничего не говори, - Игорь вздрогнул. Взгляд его ушёл сквозь Валентину. Он горел. Он задыхался от поднявшейся температуры и дикой жажды. Навязчиво мелькал в голове подорвавшийся на мине боец. Там, в сознании, ломало, как радиоуправляемую игрушку, бойца и ломало сам ум, уставший под адскими дозами адреналина.

- Ты не думай, - Валя осеклась, - ты сейчас ни о чем не думай. Прости меня. Пойдём… Пойдём… Как зовут тёщу твоего дружка? Того, усатого… Она даст вина. Ты хочешь вина?

Мария Николаевна отворила дверь сразу, как только они постучали. Раздетая, растрёпанная, она прижимала к себе худенькую белёсую девчонку лет шести. Она сейчас совсем не была похожа на лихую тётку, которую ещё вечером видела Валентина. По лицу Марии Николаевны они прочитали, что и здесь, в этом доме, тоже что-то произошло.

- Генка живой. Кума его убило. Гена поехал забирать с Кошницы, - Мария Николаевна покачала головой. - День какой страшный. Столько людей побило… Куда ни приду - везде бабы кричат…

Мария Николаевна, женщина, в общем-то, дерзкая, с ехидцей, сейчас стояла уставшая и прямая. Синие её глаза, посеревшие от усталости и горя, которые, как дождь и мрак, висят на улицах города, смотрела на парня и девушку без осуждения. Хотя и она, и Валентина знали, что две недели назад такое вот ночное шараханье с парнем вызвало бы в их провинциальном городке пересуды и ярлыки на всю оставшуюся жизнь.

Война всё спишет? Ничего она не спишет. Она просто предъявляет такой счёт, от которого задыхается нормальное человеческое сердце. Но сердце жаждет и верит любви.

Ели молча, пили тоже молча. Говорила Мария Николаевна.

- Дочка-то у Валеры, у кума, маленькая. Жена такая интеллигентная, - мягкое южнорусское «гэ» в слове «интеллигентная» как-то приближало ту незнакомую женщину, у которой сегодня убили мужа и которая, наверное, сейчас сидит над постелью девочки и ждёт, когда привезут молодого отца. И, наверное, она боится увидеть его тело, потому что сегодня дубоссарские женщины насмотрелись на тела, которые выносят из боя чёрные, уставшие до смерти мужчины, как они просят пить, курить и зачем-то произносят загадочные слова: «Если можно, запомни моё имя... запомни на всякий случай...»

Свет от керосиновой лампы плясал по лицам и жутковато дёргал тени на стенах. Эти тени раздваивались, растраивались, словно за столом сидело много людей. Игорь медленномедленно курил. Раздетая, босая, в чужой большой ночнушке, Валентина пришлёпала на кухню. Обняла Игоря крепко, прижалась к продымлённой и вонючей от пота тельняшке.

- Грязный, как поросёнок, - она гладила полосатый живот. - Поцелуй меня, а? Только не больно поцелуй...

Он целовал её так тихо, будто боялся проснуться. «Где я? Зачем я? Зачем меня любит этот человек?»

Он целовал её горячо и горько. Эта горечь не оттаивала, а лишь держалась, как бес, как чёрное пламя в сердце, и не давала вернуться из остервеневшего состояния.

«Мы сдурели...» Он понял, что не уснёт, что будет, как филин, сидеть, смотреть на пламя керосинки и дёргаться от того, что память безжалостно разматывает картинки дня. Лента длиною в восемнадцать часов была слишком неподъёмной. Это было какая-то чужая параллельная жизнь. Опухшие и разбитые колени расчертили болью тело: здесь ноги, чтобы они никуда не ходили, а здесь голова, чтобы она ни о чём не думала. Щёлкнул невидимый запал неразорвавшегося сердца, будто именно оно, это сердце молодого мужчины, там, в бою, на береговом косогоре, за счёт своего тайного резерва выбросило полосу пространства, на котором можно было выжить, и теперь мучительно вглядывается бессонной ночью в перевёрнутое представление о себе, своей стране и непонятно для чего оставшемся отрезке жизни. Он, этот отрезок, может быть, для того и оставлен, чтобы решать вопросы, которых не было и не могло быть ещё совсем недавно. А теперь они есть. А зачем они есть? Зачем они появились, вопросы не от ума, от разорвавшегося сердца?

Маленькая женщина, притихшая на груди, слушала монометр сердца. Женщина хотела сквозь шум весеннего дождя и татаканья пулемётов услышать в глухих ударах сквозь пропахшую потом

тельняшку звуки того сердца, в котором ещё в прошлую ночь жили звуки радости и отчаяния. Она верила, что эти звуки вот-вот пробьются. Через восемнадцать часов. Через войну - эту «сестру печали» и «дочерь человеческого греха». Они должны пробиться, потому что... ничего не произошло. Просто мир был одним сумасшедшим, а стал сумасшедшим другим. И нас так же любит Бог. Но он ведь для чего-то оставил нас. Скажи, Бог, для чего? Зачем ты так провёл нас от ночи до ночи? Или мы дети тьмы?

1995 год

i

МЫ НЕ КРУТЫЕ, МЫ ПОЧТИ ЛОХИ

Есть штамп, может, его правильнее назвать стереотипом... Не знаю. Но когда пишут о современных войнах, то обязательно крутой парень и в войсках служил «крутых». И крутость его обязательно в «особости» частей, в «особости» его физической подготовки... А потом парень либо погибает, и на его могилу приходят немногочисленные друзья, либо он «непонятый всеми, философствует о странном обществе», которое защищал. Не верю, потому что это не ответ о процессах в душе человека и в коллективном бессознательном (и сознательном тоже)! Не ответ. Авторы просто ленятся добраться до более глубинных ответов. Может, эти ответы и должны появиться позже? Может, так же, как Лев Толстой, кто-то девяносто-сто лет спустя сможет описать нашу «войну и мир»? В таком случае мы просто «пчёлы», которые собирают фактуру для будущего шедевра. И это неплохо. Просто надо делать это документально неплохо, честно, детально. А в поголовности «спецназов ГрУ», «десантников», каких-то спецподразделений морской пехоты честности точно нет. Войну делают десятки тихих героев, о которых мы как не знали, так и не будем знать. Они не «рэмбо», они просто чЕСТНО выполнили свою работу порою на очень узеньком историческом отрезке. Очень узеньком - в одну-две минуты, в пятнадцать-двадцать минут... Но история могла быть другой.

«...Под шелковицей в десяти шагах от дороги лежал белокурый лейтенант с пробитой головой. Игорь забрал разгрузку-«лифчик» с полными рожками, автомат и гранаты. Как ему казалось, он крался и пробирался короткими перебежками туда, где гвардия пыталась удержать линию обороны. А потом он выскочил на двух раненых и безумных от боя и боли мужиков.

Они были без оружия, но рядом с ними лежали бутылки с зажигательной смесью. Штук тридцать, наверное...

- Два БТРа. - хрипел один из них. Они будто здесь сидели и ждали именно Игоря. - Два БТРа. Ребята их не удержат. Отсекай пехоту...

Потом горели оба БТРа, подожжённые зажигалками классически правильно, как в учебном фильме. Потом Игорь бежал со всеми и отвернулся, когда один из «зажигательных» мужиков застрелил раненого волонтёра. Потом сам Игорь добил выстрелом в голову корову в узком дворике, с которого был уже виден берег Днестра. Корове какой-то герой распорол брюхо автоматной очередью. Она сучила ногами по гравию, хрипела и

булькала розовой слюной».

Это из моего рассказа «Восемнадцать часов». Я встретился с этими мужиками шестнадцать лет спустя в Дубоссарах. Бичи. Спились страшно. Я купил им макарон, сыра, полведра вина. Но говорить было не о чем... Они не помнили меня, и я, честно говоря, если б не помощь моего командира Володи Ефремова, в жизнь бы их не узнал и не нашёл. И вот нашли... Они несли о войне просто какую-то «пургу», в изуродованных алкоголем мозгах крутились какие-то невероятные картинки, скорее из кино, увиденного по ТВ, чем из того, что они сами реально пережили и сделали. Я вспомнил себя в том, 1992 году... тоже пил, как собака. И тоже нёс ахинею: коктейль из того, что в реале, с тем, что услышал, с тем, что увидел в похожих сценах фильмов... Как будто реала было мало. Почему так?

Потому что душа пытается понять себя, оправдать себя. Она ж видит свои желания. Ты в реале бежал и стрелял, а душа орала от страха, и ей уже тогда до онемения было жалко того, в которого стрелял, и даже деревья, и даже просто бестолковый сумасшедший день, который потрачен на дерьмо. А он - этот день - может быть, последний в твоей жизни... Тебе кажется, что в реале ты и выглядел таким ничтожным, пугающимся, слезливым, сентиментальным и почти... ну как это - почти «умирающий лебедь». На самом деле, ты выглядел остервеневшей лютой сволочью, безумной от ненависти...

...БТРы обошли нас. С дальней дистанции казаки заставили цепь молдаван-румын залечь. Но из-под огня с обеих сторон не могли выскочить ни я, ни оба истекающие кровью мужика. Один из них был уже неходячий. И вот в низину к нам заваливаются эти - залёгшие в цепи наверху (кто знает ландшафты Приднестровья, тот понимает, как там). Мне легче - мне есть из чего стрелять - я бью во всё, что шевелится и что перестаёт шевелиться. (Заметим: я не сказал, что я убил кого-то или даже ранил. Я заставил не шевелиться и не «грызть» нас огнём.) И тишина. И сиди себе - дай тем, кто наверху, разобраться друг с другом... Но нет - тот, что «неходячий», сипит нам: «Смотри, б..., БТРы на казаков разворачиваются... Надо их...» И он... ползёт с бутылками-зажигалками на БТРы. И мы с ним. И уже бьют по нам вообще со всех сторон, в том числе и ни хрена не понимающие казаки: где чужие и «что за чучела вылезли из оврага?» И мужики (грязные, неходячие, некрутые, вчерашние трактористы какие-нибудь или колхозники) поджигают оба БТРа!!! ...И мы не помним ничего, кроме того, что сидим и плачем все. И нам дают коньяк прямо из бутылки в этом грёбаном красном овраге, и какой-то злой офицер вызывает у нас дикое раздражение, такое дикое, что

даже не совсем вменяемые казаки начинают успокаивать и меня, и того офицера. И хочется пульнуть в него или... в себя, потому что нервы просто лопаются. А если разобраться, то откуда во мне этот перенос раздражения на офицера? Он-то здесь при чём? Может, он сам только что выскочил из заварухи. «Неходячий», но, как оказалось, хорошо ползающий мужик потерял сознание и... короче, из-под него пошло всё это... На меня напал страх. Не сразу, а когда казаки позвали посмотреть убитых у сожжённых БТРов... Жутковатый страх. Несочетаемое. В самом страхе было что-то нездоровое...

...Два алкоголика зато «вспоминают» меня по другой истории - совершенно приукрашенной - о том, как якобы снайпер попадал в меня несколько раз и пули не брали... Попадал. Но один раз, и пуля не взяла совсем по странной причине. Но это другая история...

Мы не крутые, мы почти лохи... Ну и что? Пилюлей-то мы им вломили. И землю свою отстояли (заметьте - не пишу «русскую», а нашу - землю народа, который хотел жить по-своему, - Приднестровье: и молдаване, и украинцы, и болгары, и русские). На бетонных блоках у Дубоссарской плотины красной краской наши бойцы написали «неправильный» лозунг: «Х... вам, а не Приднестровье!» И баста. И ничего, что мы плакали, обсирались от боли, пили водку до «снесения мозгов»... Мы не крутые... Но попробуйте сделать вид, что нас нет.

2011 год

ФУГАС

Он маленький. Смотрит радостно, а весь напряжён, как загнанный собаками кот. Максимка, Макс с нашего двора - это комок жил и мышц. К тому же он сегодня изрядно пьян. Его и трезвым-то трудно понять, заикается сильно, а пьяным так и вовсе невозможно.

- Григорюшка!!! - это он мне. - Григорюшка! Как я рад тебя видеть!!!

Это он сказал не заикаясь. Дальше слова Максимом произносятся мучительно и медленно. Даже не слова, а слоги, каждый из которых исковеркан. Чтобы не испытывать терпение читателей, мне придётся дать речь Максима в своём переводе. Он приехал в отпуск из Таджикистана, где служит в 201й мотострелковой бригаде. Есть такая бригада - она уже лет пятнадцать между войной и миром, между Афганистаном и Таджикистаном, между СССР и РФ. А ко мне Максим пришёл потому, что ему надо кое-что обязательно сказать. И ещё он хочет со мной выпить. чуть-чуть лукавит - знает, что я уже давно не пью, а может, и не лукавит, хочет посидеть со мной и спокойно поговорить, остальное так, попутно, не задумываясь.

- Ни в жизнь не поверишь, Григорий! Ни в жизнь. - начинает он. - Я тебе про Богородицу расскажу. Помнишь, как ты молился? Я помню... Я всё помню... И всё было так, как ты просил! Я так давно хотел с тобой поговорить ... да. Я так давно не видел маму. Как в песне. - он нервно похихикивает.

Предлагаю ему: давай вина куплю или водки. Он кивает головой: «Давай, купи, а я колбасы куплю или сыра с коньяком», - это он играючи отсекает мои подозрения, что пришёл взять денег взаймы. Максимка с гордостью хочет меня угостить: «Григорьюшка-а! Есть у меня деньги. Есть. На-ва-лом! Я с тобой поговорить хочу... я так давно хотел с тобой поговорить...»

Когда-то давно не он ко мне, а я с жесточайшего похмелья зашёл к нему на огонёк. Шёл 1992-й год. Лето. После возвращения из горящего Приднестровья я ходил одиноким, мало что понимая в своей жизни и уж тем более в жизни людей вокруг меня. За март-апрель похоронил человек шестьдесят -знакомых и не очень знакомых парней. От Володи Бекетова, сгоревшего в БТРе под Кочиерами, остался пакет останков. Помню лицо молодого казака с Дона. Оно лежало на подушке, а головы не было, её разнесло пулей. Так бывает. А потом я приехал в сытый и спокойный Сыктывкар и увидел Сонность, Жадность, Равнодушие

как Зло - Страшное дело.

Тогда, летом 1992-го, я, случалось, слышал чужие мысли, как фотослайды, мелькали кадры из будущего, иногда начинал вдруг видеть неотпетые души умерших... Был момент, когда одна из таких душ «закричала» остальным: «Смотрите! Он видит нас!» В этом состоянии водка работала только как снотворное, потому что расшатанная психика по четыре кряду бессонных ночи уже не выдерживала. Непрерывная молитва и вера, Церковь и Любовь спасли меня... Любовь я тоже в людях видел и видел, чем жив этот мир.

Так вот, шёл 1992-й год, я забрёл к шумным соседям. Была очередная бессонная ночь, а соседи орали в соседнем подъезде где-то там, наверху. Голоса были молодые - девушки и парни. Гремела музыка. И не извиняли эту шумную гульбу ни белая ночь, ни чей-то там день рожденья. Рискуя получить по голове, я всё-таки один попёрся их успокаивать. И состояние нервов было такое, что... В общем, мне казалось, что я тогда один смог бы «успокоить» пятерых. Ложное, конечно, состояние, но тем не менее...

Дверь отворил худенький светлый паренёк с добрыми серыми глазами. Из-за его плеча выглядывал ещё один совсем маленький пацан, слегка испуганный, чернявый. Я был настроен к встрече с наглыми верзилами, а тут... Ещё и девочка выглянула из комнаты - ну, совсем школьница.

- Пацаны, вы не охренели? - как-то сразу я переключился на более спокойную, чем хотел, форму контакта. - Людям на работу завтра надо или нет? А в соседних квартирах любят ваши барабаны и прочую ерунду, или все же баюшки пора? Попробуйте догадаться из последних сил...

- Тише... Сделай тише! Я ж говорил... - светлый парень обернулся к комнате и невидимому мне человеку давал команды.

Наверное, это была та самая школьница. А мне вдруг предложил:

- Проходите...

Из другой комнаты в это время вышла женщина, которая казалась пожилой, но, как потом я понял, это была мама одного из парней, и было ей всего лет сорок.

Зашёл. Маленький пацан, выглядывавший из-за светлого паренька, открывшего мне дверь, и был Макс. А светлый парень, человек с серыми добрыми глазами, назвался Колей. Николаю Менгелю было тогда восемнадцать, Максиму семнадцать. В бедной квартире стоял бедный праздничный стол. Эх, как это удручало тогда, летом 1992-го! Перестройка. Романтические ожидания - сейчас заживём лучше! А тут войны одна за другой -

Карабах, Приднестровье, Осетия, Таджикистан. И народ в нищету обрушивался на глазах. На столе была жареная картошка прямо в сковороде, несколько тарелок с капустой и огурцами, горсть дешёвых конфет и пустые банки из-под рыбных консервов. Само собой, несколько бутылок вина - пустых и полных. Ах, да... в комнате, кроме Максима, Коли и их мамы были ещё две девушки и паренёк, тоже молоденький, - наверное, одноклассник или однокурсник Максима по училищу. Казённые обшарпанные табуреты и стулья с инвентарными номерами какой-то конторы. Потёртый диван, какие ещё лет десять назад в гаражных «салонах» использовали, чтоб присесть, потому что лежать на них можно было только в робе. Зал освещала тусклая лампочка без абажура.

Ребята и мама извинялись за шум, объясняли все днём рожденья и тем, что из-за белых ночей перепутали время, предложили выпить вместе с ними... Ещё бы. Мне, в состоянии похмелья выпить было очень кстати.

Я поздравил Колю (день рожденья был у него, а квартира Максима и его мамы), подняли бокалы...

- А давайте помолимся, - предложил я. Они посмотрели на меня с улыбками сомнения - не шутишь ли, дядя? Зачем? А кто молитвы знает? И вправду - вот тебе музыка, веселье, из-за всего этого почти конфликт, а день рожденья уже прошёл и появляется грустинка - уже восемнадцать лет, детство закончилось... Настроение и в самом деле уже не «музыкальное». Давай помолимся? Давай.

Тогда, в начале девяностых, да ещё и в нашей провинции, обжитой в советское время неправославно и без традиций, молитва была экзотикой, а церковная жизнь - преданье старины глубокой. Я всего-то был старше этих ребят на пятнадцать лет, но после военного опыта, свежего и ещё остро саднящего, ощущал себя старше на полвека. А теперь вот с этим своим желанием помолиться и вовсе был для ребят кем-то древним, вышедшим из глубины веков.

«Отче наш, иже еси на небесех, да святится Имя Твоё, да приидет Царствие Твоё... Богородице Дево радуйся, Благодатная Марие Господь с тобой...» Я читал молитвы, глядя на чёрно-белую икону-календарик, которая стояла у фаянсовой вазочки на шкафу между замызганным транзистором и какими-то альбомами. Кроме традиционных молитв, которые только приподняли и утешили сердце, вырвалась и потекла из сердца молитва своими словами. Я их не вспомню сейчас. Она сухая была, но крепкая, горючая, как порох... Я помню, что молился о них - об этих ребятах и девчонках, просил у Богородицы, чтоб уберегла их и

веру им дала, чтоб провела их к храму и по ту и по эту сторону жизни заступилась за них... Я молился и понимал, что донской казачок, которого хоронили с лицом без головы, был старше этих всего-то года на два-три... что и сегодня ночью, пока мы вот здесь, где-нибудь в развалинах у Григориополя вылезет снайпер на охоту, и снова будут резать скотину и птицу, которую всё равно не уберечь от войны... Помню холод в душе. Холод и сухость, будто в сердце навсегда наступил тот вечер, когда мы с моим товарищем сдавали оружие наших погибших товарищей, а капитан (почему-то с петлицами ВВС) удивлялся - как вы столько на себе тащили?.. А я смотрел на розовое солнце в каком-то стеклянном закате, плевался песком, ободравшим уже все губы и зубы, нос и все никак не желавшим выплеваться, и думал... Думал, пугаясь собственных мыслей. «Бога нет... Где ты, Бог? Зачем горят дети и так тупо железо рвёт красивые тела молодых парней и девчонок? Смысл всего где? И Зло - вон оно - бросает такие длинные-длинные тени... И бросает куда хочет. Легко. Насмерть. И не просто насмерть, а корёжа все в немыслимых болях и смыслах...» Я боялся мыслей, но это был страшный вечер, когда я несколько минут не верил, что Бог есть.

Со стаканом вина в руке, перед чёрно-белой иконой-календариком в квартире Максима я молился всего-то, может, минут пять, но за эти пять минут молитвы в душе пробежало то страшное чувство, когда Бога нет... Есть открытый космос - мёртвый, с длинными тенями смерти, но сопротивляться ему всё-таки можно. Не силой только, а вот этой страшной слабостью и тихим безумием воли без ума - ВЕРЫ. Если жизнь бессмыслица, тогда нежизнь и смысл - это что?

...чаю воскресения мёртвых и жизни будущего века. Аминь.

С Максимом тяжело разговаривать. Это вовсе и не разговор, а скорее, монолог Максима. Но я всё-таки понял, почему ему так хотелось встретиться со мной.

Кем я был в 201-й бригаде? А фиг знает - всем был: и стрелком, и водителем танка, и сапёром, и строителем... Всем был, Григорюшка, - он нервно похихикивает. Но его «хихи» означало только одно: неужели вот он, наступил момент, когда я здесь, на Севере, сижу с человеком, которого хотел видеть все эти годы... Максим вскакивал, обнимал меня, похлопывал в объятиях по спине, смеялся, опять садился, жал руку, рассказывал-рассказывал. И слёзы блестели у него на глазах. Слёзы радости.

К нам на броню фугас прилетел... Едем вдоль Пянджа и - хреняк! - фугас. Я на броне с пацанами сидел. Он между нами, красный, раскалённый... И он шипит, от него от накала и царапанья прям трещины с лохмотьями бегут. Ага...

Представляешь? А время медленно бежит. Нет. Время вообще не бежит, оно остановилось. Я вижу, как фугас уже лопается, беру его руками и... Эх, Григорюшка, - прямо вместе со мной Богородица его берет и... Опа! Кинули мы его за борт, а он ка-а-а-к п...зданет! Ты понимаешь? Да? Откуда Богородица? Я же не молился... Я твою молитву вспомнил. Никогда я более крепкой молитвы и веры не видел. Он взорвался, а я пацанам говорю - видели? Нет, не сразу сказал. БМП-то закинуло взрывом, задницу подбросило, и нас снесло с брони... Только начали подниматься, как я пацанам говорю: «Видели?!» Они смотрят на меня, как на героя, кричат: «Макс, такую-то растакую-то, растакую-то... Ты охренел? Как не видели, если мы тут под горкой валяемся...» И хохочут - думают, что я у них спрашиваю про фугас и про своё геройство. «Идиоты, бля! Вы Богородицу видели?! Это ж она! Она со мной фугас выкидывала!» Они ещё больше смеются: «Во! Контузило тебя знатно!» Не видели они никакой Богородицы. А я каждый вечер молиться стал. Прямо в палатке. И ты со мной всегда рядом стоял. Молитв-то не знаю, а как тебя вспомню - лохматого и строгого, с бодуна и... грохочущего какого-то... Так будто и знаю молитвы... И Богородица меня слышала - тоже знаю. Ты тогда у меня дома ночью молился, как будто доски трещали. Не знаю, откуда у меня такое ощущение. Но просто слова, как дрова колотые, летели.

Я, конечно, не знаю, что он имеет в виду, Максимка. Может, тогда ночью у него просто вообще первая в жизни молитва была, да ещё вдруг так - с друзьями, с которыми они до этого о жизни вечной и не задумывались, веселились и бражничали, а тут молитва. И с кем? Со странным дядькой-соседом, который и выпить-то вон горазд, но слова какие!

Максим теперь совсем на мальчишку того не похож - крепкий жилистый мужичок. Глаза тяжёлые, усталые и грустные, хоть и смеётся он нервно постоянно. Он так маленьким и остался, не вырос.

Лет десять прошло, не меньше, когда он появился снова. За эти годы я дважды менял место жительства и раз пять телефоны. Но Максимка все равно позвонил. Значит, очень надо было. Заикаясь, так же радостно посмеивался на другом конце провода: «Григорю-ушка-а! Надо срочно встретиться... Обязательно. Расскажу - не поверишь. Б..., такие всё ж на свете чудеса бывают... Не-ет, не про фугас. Хуже...»

- Я и сейчас молюсь, - говорит он. - Всегда. В церкви не часто. Причащаться совсем не могу, - он взвинчивается, начинает пояснять быстро и надрывно, настолько, насколько позволяет его сильное заикание.

Мы с ним встретились в центре города. Максим, к сожалению, был сильно поддатый, но при этом ясный, на нерве, «неправильно ясный».

- Понимаешь, приехал в отпуск, с мамой продали ту нашу квартиру. Искали новую, больше того, - нашли. Пятьсот тысяч осталось - дал на хранение священнику нашему, отцу Александру, а через семь месяцев, когда уже уволился в запас, прихожу за деньгами и слышу: «Не брал я у тебя никаких денег».

И ни расписки, ничего... Ребята из МВД и фээсбешник знакомый помогли со служебным жильём, в двухэтажной деревяшке. Там с мамой и живём... Так это бы что - хрен с ним, с этим Александром, церковь - это не он, это мы с тобой, Григорий, -Церковь. Я себе хожу в другую, всё нормально... Пока не застукиваю за реальными развратными делами другого священника. Стоит, урод, без штанов перед маленькой девочкой... Ну, что за хрень!!! И не могу теперь сил найти идти к третьему. Так - «вслепую», к совсем незнакомым хожу, исповедуюсь, но на Причастие боюсь: нельзя ж с таким сердцем идти - попалит Господь. Припрёт, бывает: так плохо, что хоть умирай. Тогда просто молюсь. Стараюсь так, чтоб, как дрова колотые, слова летели - чётко, и суть - Бог, я знаю, что всё от Тебя... И верю в Тебя. И Ты в меня поверь.

Однажды в Таджикистане Максим с напарником в момент, когда стояли на посту - периметре охраны полка под Кулябом - увидел, как под колючую проволоку, скрываясь от нападающих на неё местных парней, бежит русская девочка, лет семи. Пролезла через колючую проволоку, бросилась к нему. Парни за ней. Макс не имел права её подпускать, приказ, а тут сердце дрогнуло. Он передёрнул затвор, шарахнул очередь в воздух и заставил парней отступить. Девочка прыгнула ему прямо на руки... Спустя какое-то время Максиму перед строем впервые объявили благодарность, но не в ней дело, а в том, что девочка оказалась одной из немногих спасённых в Кулябе, где русских притесняли, убивали, изгоняли, насиловали. И эту девочку тоже ждало страшное, но она чутьём каким-то угадала, где спасение, и бросилась на руки Максима, как та девочка в Берлине 45-го, где стоит сейчас известный всему миру памятник Русскому Солдату.

Это не конец истории. Спустя десять лет девочка, теперь уже девчушка, снова появилась в жизни Максима. Приехала из Азии, потому что нашла адрес того, кто подарил ей жизнь и веру, что люди - существа, в общем-то, хорошие. Но приехала она уже... с исколотыми руками, полубезумная. Она снова нуждалась в защите и верила в солдата, который её однажды спас. Максим спрашивает меня:

- Что делать?..

Нет ни сил, ни возможностей помочь. Армия больше не стоит за его спиной, в руках нет оружия, а преследователи на этот раз не боятся его взгляда. Максим не может сражаться с бесами, не хватает даже поста и молитв. Все это он, заикаясь, другими словами, короче и безнадёжнее попытался ей объяснить.

Она ушла, но не уехала из посёлка, недавно он видел её с бичами. Макс переживает, ругается, что-то пытается и мне, и себе объяснить.

- Ты для неё то же, что Бог для тебя. Всё ж, как всегда, Макс: делай что должно - и будь что будет, - отвечаю, не зная, как сказать о том, что Бог посещает нас, чтобы помочь, а не сломать спину.

Мы с ним созваниваемся иногда. Вот и недавно он звонил: «Григорюшка… Сегодня десять лет как Коля Менгель умер. Помнишь ведь Колю? Хороший был… Только вот он веру не смог уберечь. Потому и умер… Вот уже десять лет… Помяни его, Господи, во Царствии Твоём…»

Колю я встречал после той ночи часто. Дорожки наши пересекались: то я его увидел с беременной женой, мне показалось, что она была одной из девушек в квартире Макса, то он был в робе строителя-газовика. А потом он исчез. Оказалось, забрали его всё-таки в армию, несмотря на то, что в семье Менгелей уже был ребёнок. Исчез Николай года на четыре, а может, и поболее, а когда я снова его увидел, он стал другим - бесцветным. Ведь прежде он такой же, как Максим, был: улыбчивый, добрый, немного легкомысленный и все принимающий в жизни как временное, происходящее будто понарошку. Всем видом своим, всеми интонациями говорил: «а, ладно, потом, когда мы повзрослеем, тогда…». В его представлении, лет в тридцать или в тридцать пять начинается взрослая жизнь, а пока мы так, рано нам счёт предъявлять… Ему собственно и не предъявлял его никто, уж слишком он был добродушен, по-северному нетороплив и самодостаточен. Семья его не бедствовала. Коля был родом из Ухты, где у его отца-немца и мамы-коми была квартира и дача. Отец, по слухам, и должность неплохую имел в какой-то строительной организации. Может, с этим и связано, что Колю в армию забрали именно в стройбат и как-то по-свойски как женатика отправили в часть под Ухтой. Всё бы ничего, но в 1996-м Николай Менгель полетел со своим взводом на два дня в Чечню. Им нужно было доставить в аэропорт Ханкала оборудование, выгрузить, настроить и улететь обратно. Всего-то. И Ханкала ведь совсем не передовая, а центральный перевалочный пункт, максимально защищённый. Два дня. Но

Коле хватило.

Мы прилетели, разгружаемся. Даже не технику ещё разгружаем, а свои пожитки: палатки, ящики с едой и шмотками, -рассказывал, помню, Коля мне ту историю в уличном кафе, где присели мы на чаёк. Говорят, Коля попивал сильно, но я его пьяным не видел ни разу. Вот и здесь, в уличном кафе, он мог ведь взять пиво или водки, вчерашний перегарчик всё ж чувствовался, но он взял вместе со мной чай. Как и я, опустил два пакетика в один стаканчик, посмеиваясь: «Да, крепкий чай, чефирчик - это только с возрастом начинаешь понимать...» Ну, короче... А тут - раз, и стрельба начинается. Причём резко, с двух сторон. Дело ж в начале лета 1996-го было. Вроде всё под контролем, даже в Грозном тихо, бои где-то в горах... А уж Ханкала ведь, ну ё-моё, уж куда важнее, куда тыловее? И тут, значит, начинают шпарить по нам. И все сильнее и сильнее. Потом смотрю - фу-у-у-у - гранатомётная дура влетает -горит МТЛБэшка... Пули свистят, страшно, конечно. Наши огрызаются. Мы рассыпались, только мне с несколькими пацанами не очень-то повезло. Откуда-то сбоку загрохотали два крупняка... От них за бетонными блоками не спрячешься.

Я слушал, помню, с какой-то горечью и с непроходящим недоумением: вот четыре года назад, той ночью, с молитвой и вином я рассказывал им про Приднестровье, и казалось тогда и им, и мне, что войны, которые катятся по всему югу страны -это тупое недоразумение, что кровь на телеэкранах должна вот-вот закончится, а уж пацанов и девчонок, сидящих на весёлой ночной квартире нашего дома, войны уж точно не коснуться. Коснулись...

Но тут вдруг хлоп - и бетонный блок пополам. Прямо рядом со мной. Бац - второй кусок отлетает. Будто кто-то видит меня и вокруг обламывает прямо по контуру. Там двое технарей со мной было... у них роба серая такая, я их ещё за вертолётчиков сначала принял... На моих глазах кусок бетона отлетает и пуля парня складывает пополам... У второго нервы не выдерживают - он к нам, а у нас уже и прятаться негде. Прилип прямо ко мне. Орёт: «Суки, ну, суки же!.. Торгаши наши грёбаные. Ну почему у них такие винтовки есть, а у нас нет?! Какая-то падла продала... » Я там и думать тогда ни о чём не мог, а уж всерьёз слова парня точно не принял... Какие винтовки? Он что -думает, что это из винтовки фигачат? Чтоб бетонные блоки, как орехи, разлетались?! А парняга тот из-за пазухи крестик достал, целует его и крестится... не поверишь - я почему-то прямо тебя сразу вспомнил... Да. И слова твои вспомнил.

Чётко, будто громкую запись где-то в душе включили. Ты в молитве тогда ночью говорил: «Пусть минует их чаша сия горькая

- хоронить друзей, да и врагов хоронить тоже...» Может, ещё потому летали позади нас подкидываемые пулями, чашки и баки со столов... Немного поодаль что-то вроде столовки под навесом было... Пули цокают по бетонке, и тарелки от рикошета аж взлетают... Куц, куц, куц... И сам я молиться стал. Точно фронтовики говорили: под бомбёжкой атеистов нет.

Так вот, Григорий Иванович, шуганули там боевиков, десантура и ребята какие-то, - отбились, конечно... А я вдруг узнаю, что нас молотили и вправду винтовкой. Ты знал, что есть такая винтовка? «Взломщик» называется. Нет? Не встречалась? Блин... вот зараза. Её большой партией не выпускали, она чуть ли не экспериментальной была... Говорят, что патрон 12,7 на базе ДШК... Короче, был я там три ночи и четыре дня и, как эти винтовки попадают к боевикам, узнал от и до... И что потом бывает: каждый день из Ханкалы вертолёты с двухсотыми уходили. Ярмарка смерти... Одна б... продаёт и зарабатывает, другая сволочь на похоронах бизнес делает, а в это время -«Голосуй или проиграешь!». Все мозги вынесли... Молюсь я... И чем больше молюсь, тем больше обнаруживаю, что нет главного у нас - нет второй заповеди. И давно нет. «Возлюби ближнего, как самого себя...» Убей ближнего, продай, обмани -этого навалом. Тогда почему Бог не наказывает? Да потому, что нет его...

Я тоже так думал. Но только несколько минут. Может, даже не минут, а секунд... - говорю я Коле о том, что когда-то время нашей молитвы осталось для него за кадром. О том, как мы с другом сдавали оружие и вдруг открылся космос, рациональный, сухой и нейтральный, как сейчас лицо самого Коли и шершавые его щеки, глаза шершавые. Только боль где-то там, на глубине его рассказа была не сухая, а кровоточащая... - Но Его не было бы, если бы не было наших мыслей о Нём. А они есть, Коля... Ты понимаешь, в чём дело? Сам факт наших мыслей о Нём, само различение Добра и Зла есть подтверждение Его. Ведь если бы Его не было, мы б всё происходящее считали нормальным, обычным... Что и было до Христа, что и было до умов античности, узнавших однажды Неведомого Бога... Во всяком случае, так они, язычники, даже на памятниках своих писали - «Неведомому Богу». Только не понимали, что это и есть Бог, а остальное - истуканы...

- Я молюсь. Но нет ответа, - тихо произносит Коля.

- Я - ответ...

Коля не услышал. Он умер через несколько лет. Но каждый раз, когда мы с ним встречались, он рассказывал мне одну и ту же историю... Это было как дежавю: «У второго нервы не выдерживают - он к нам, а у нас уже и прятаться негде. Прилип прямо ко мне. Орёт: «Суки, ну, суки же!.. Торгаши наши грёбаные.

Ну почему у них такие винтовки есть, а у нас нет?! Какая-то падла продала...» Я там и думать тогда ни о чем не мог, а уж всерьёз слова парня принять-то и вовсе... Какие винтовки? Он что - думает, что это из винтовки фигачат? Чтоб бетонные блоки, как орехи, разлетались?! А парняга тот из-за пазухи крестик достал, целует его и крестится... не поверишь -я почему-то прямо тебя сразу вспомнил... Да. И слова твои вспомнил. Чётко, будто громкую запись где-то в душе включили. Ты в молитве тогда ночью говорил: «Пусть минует их чаша сия горькая, хоронить друзей, да и врагов хоронить тоже...» Может, ещё потому летали позади нас, подкидываемые пулями, чашки и баки со столов... Немного поодаль что-то вроде столовки под навесом было... Пули цокают по бетонке и тарелки от рикошета аж взлетают... Куц, куц, куц... И сам я молиться стал. Точно фронтовики говорили: «под бомбёжкой атеистов нет... » И потом опять старая песня, что Бога нет. Мне казалось, что он просит меня помочь ему возродить веру... а была ли она у него? Я каждый раз снова пытаюсь докричаться до Коли. Он говорит, что молится. Верю. Но между ним и Богом что-то стоит непрощённое. Предательство? Или он сам, некий «особый опыт, особое Я»? И прыгали у него перед глазами чашки... Несколько лет чашки прыгали, а до чаши так и не дошёл...

Десять лет, как Коля умер... Уже десять лет. Со своей зацикленностью на предательствах он ходил меньше, получается, что лет шесть. Пьяным я его не видел, но говорили, что он сильно попивает, что и с женой там что-то совсем разладилось. Может, тоже на почве подозрительности, неверия. от неверия себе устаёт любой человек. Устала и Колина жена, устал и сам Коля...

Может, я чего-то я не смог ему объяснить. что обретение веры - не хэппи-энд, как и свадьба, как присяга, как любой верный шаг, который не переносит тебя в Царствие Небесное, а открывает путь, которым потом очень трудно идти.

...Часто вспоминаю этих пацанов. Поминаю - одного за упокой, другого за здравие. Но чаще просто вспоминаю. И себя - даже уже вывалянного, истрёпанного и имеющего не простой опыт - всё равно пацан. Вот когда-то белой бессонной ночью один пацан идёт утихомиривать других разгулявшихся пацанов, а их всех вместе утихомиривает Бог, давая возможность молиться и мыслить о жизни, видеть её или хотя бы учиться видеть. Всё остальное - вопрос веры и любви, любви и веры. Попробуй их из жизни убрать. Тогда ад и выдумывать не надо.

2013 год

САПЕР

Маленький деревянный храм в посёлке, прилепившемся к довольно большому городу. Когда-то это был посёлок лесников, теперь его называют «маргинальным». Ночь, как с картинки, - мягкий снег валит густо, морозца почти нет. Тепло, бело и сказочно.

Народ в храме почти весь свой, знакомый друг другу. Но всё-таки есть немало и совсем неизвестных лиц. Батюшки исповедуют, идёт вечерняя служба. Дело к полуночи... В храм заваливает куча народу. Довольно деликатно заваливает, не шумно, как это бывало тогда, когда храмы только открывались, но всё равно создают у входа суету. Особенно цыгане, пришедшие, видимо, целыми семьями и кланами. Но молодцы - ведут себя хоть и бестолково, но с благоговением: считают очень важным «поставить свечечку», протолкаться до распятия и до амвона, а потом так же, с благоговейными лицами, откуролесить и отмять ровный строй прихожан на пути обратно к двери. Пара накрашенных девиц и пара странноватых местных тётек, тоже накрашенных, «ставят свечечку» не менее активно, чем цыгане. И вот уходят. Почти все цыгане и накрашенные тёти.

В дверях появляется высокий симпатичный молодой мужчина. Если сказать, что он пьяный, - это почти ничего не сказать - в дугу! Но в нём есть главное - в нём есть понимание, что он «в дугу». И потому он старается быть «незаметным» и тихим. Крестится он, когда все крестятся, но руки выписывают какую-то «арабскую вязь» вокруг лица и тела - что-то среднее между буквой У и Z... Неважно. Он тихо пытается даже подпевать. Но пьяного ума хватает, чтоб опять же определиться: кроме «Господи, помилуй», других слов не получается... Ладно. Теперь он начинает кланяться... Ага. Вокруг него всё больше пространства, потому что при каждом поклоне его швыряет не по «фарватеру»... Потом прямо во время Херувимской песни в кармане у высокого пьяного красавца запел телефон. Какую-то грустную песенку французского шансона, кажется... Казалось, что к пению клироса вот-вот присоединится Шарль Азнавур. Наш богомолец через несколько секунд догадывается, что это его телефон звонит. Потом ещё через несколько - что звонит вот тут, в левом кармане, потом ещё секунды на вытаскивание, и ещё пару-тройку секунд на то, чтоб определиться: отвечать или не отвечать? Не отвечать. Ага. А ещё лучше выключить на хрен этот дурацкий телефон и перекреститься. Ага. С поклоном. В общем,

мама дорогая... Поклонился по полной.

Чувствую, он сейчас упадёт. Подвигаюсь к нему, дёргаю за рукав, на ухо тихо говорю: «Упадёшь ведь... Ты молодец, но давай завтра на службу придёшь, а? Завтра тоже служба будет...» Он смотрит на меня красными-красными уставшими глазами, прикладывает палец к губам - тссс... «Мне надо!» Отворачивается. Крестится широким рисунком Андреевского флага и опять кланяется. Ну, ёлки-палки! Господи, помилуй!

А служба идёт. А мир и приход радуется Рождению Христа. Радуется тихими улыбками, потому что видно уже, что накрывает усталость детей. И они клонят головки к маминым и бабушкиным подолам. Вот уже и присаживаться ищут те, кто постарше или кого ноги не держат. Служба идёт... Вот вынесли Чашу... Вот запели Символ Веры. И богомолец, который так пьян, поёт уже более складно. Частями. Видно, что прислушивается, а Символа Веры ещё путём не знает... И стоит уже столбиком, уже поклоны ровные. И даже что-то невидимое как-то тянет его к алтарю. И он всё ближе к амвону, всё ближе.

Перед причастием шевеление в зале. Перестраиваются, складывают руки на груди, мужчины вперёд... Высокий человек тоже складывает руки. Дядька рядом со мной говорит ему: «Тебе нельзя...» В глазах Высокого восклицательный знак! И вопросительный вдогонку... «Ты ж выпимши... И не исповедался. Надо ж перед причастием поститься. Даже не есть ничего. Тебя не допустит батюшка!» Высокий понимает, что не его нынче Чаша, и с грустью отходит в сторонку.

Я прохожу мимо него: «Ты причаститься тоже хочешь? Подойди к батюшке - он расскажет тебе, как правильно подготовится». «А к кому? Кто тут старший?» - спрашивает Высокий, а я с удивлением вижу, что он уже трезв. Службу, как часовой, отстоял - и трезв!

«Вон тот пожилой - отец Игнатий. Но можно и с любым батюшкой поговорить». Мы причащаемся... Отец Игнатий говорит проповедь. Высокий трезвый мужчина стоит, возвышаясь над приходом, и видно - это видно! - радуется со всеми и за всех. И идёт к Кресту целовать его в конце службы... А тут отец Игнатий ещё и подарки всем приготовил - иконки-магнитики «Святое семейство».

...Уже на улице я подхожу к Высокому и говорю: «Молодец. Как выдержал? Я удивлён просто по-настоящему...» Он тихо улыбается. «А так надо...» «Тебя как зовут? Меня - Григорий. Ты откуда? Где трудишься? Просто не видел тебя никогда...» «Саша, - жмёт он мне руку, - Александр...»

Мы обмениваемся телефонами. Хочется мне с этим человеком

как-нибудь встретиться и поговорить. Глаза у него ясные. Он военнослужащим оказался. Сапёр. Службу стоять умеет.

2012 год

ЖЕЛТЫЙ МИР

На телеэкране помчались жёлтые лошади-заставки второй программы вечерних «Вестей». Привычная скороговорка диктора будто приглашала включиться и быстренько-быстренько усвоить двадцатиминутную дозу российских новостей. Однако они сегодня почему-то пролетели мимо. Илью Ованесовича тревожил его завтрашний доклад по здравоохранению на сессии горсовета. Впрочем, он, возвращаясь мыслями к тексту и к цифрам, ничего сногсшибательного в своём докладе не находил. Более того, как исполняющий обязанности заведующего горздравотделом, да ещё и врач-практик, не бросивший своих пациентов, Илья Ованесович мог бы завтра и вовсе обойтись без текста: вымуштрованная системная память хранила в своих нишах и мелочи, и новинки, и динамику подвижек, и крупные проблемы...

«Это уже не крупные проблемы, а крупная система, поросшая мхом», - брякнул он однажды за обеденым чаем молоденькой психотерапевтичке, приехавшей осчастливливать провинцию. У девушки не дрогнул ни один мускул на лице, но поблёкли, кажется, не только глаза, но и очки.

Сегодня в психиатрическое отдение Ованесовича привезли одну странную бабульку. Возможно, смотреть «Вести» мешала именно эта вспомнившаяся бабулька, а вовсе не доклад.

Старушка утверждала, что днём в программе «Вести»... «Чёрт бы их побрал, эти «Вести»!..» Так вот, эта старушка утверждала, что в программе «Вести» днём показали убитых в Абхазии под Гудаутой, среди которых она узнала своего сына. Соседка старушки, преклонного возраста, утверждает, что у Серафимы Мефодьевны - так звать бабулю - детей нет вообще. То есть сын у неё был, но умер от коклюша в сороковых. «Я уж точно не помню... - говорила соседка. - но мы ж с ней вместе его хоронили. Василька-то...» Проверили Серафиму Мефодьевну по документам - точно: нет у неё никакого сына, а у сестры, что жила где-то под Архангельском, только дочки. Так что отпадала даже версия о племяннике.

То ли от старости тронулась эта старушка, то ли от одиночества, или, может быть, от ежедневного просмотра «Вестей», но от врачей уже никто не требовал ответа на вопрос, почему сходят с ума? Нужно было решать и что-то делать с человеком. Пока её оставили в больнице. Человек безобидный, тихий, плачет об убитом под Гудаутой сыне, да беспокоится, что мешает врачам работать.

- Пусть дня три-четыре побудет под наблюдением в отделении. Дальше разберёмся, - распорядился Илья Ованесович, а сам подумал: «Куда её? Успокоится на таблетках и пусть идёт домой... Надо ей телевизор сломать».

...От бра по стенам комнаты разбегались пятна, очень похожие на блики от телевизора. Илья Ованесович только сейчас заметил это. На экране мелькал народ на каком-то рынке какого-то областного города. Сияние цветов бра и телевизора создавало впечатление, что этот рынок прямо у него в доме - у врача-психиатра Ильи Ованесовича Омуршадяна. «Чертовщина какая-то», - смутился Илья Ованесович и включил верхний свет.

Утром ни с того ни с сего ему захотелось перед сессией заехать к себе в отделение - узнать, успокоили таблетки Серафиму Мефодьевну или нет. Тяжёлое немотивированное чувство вины перед бабулькой портило настроение, но разобраться в истоках этого чувства Ованесовичу мешали цифры доклада, который он должен прочесть через пару часов.

Дежурная медсестра огорошила его сразу. И ухмылкой, и фразой.

- Илья Ованеесович, - пропела она, - ваша Серафима Мефодьевна ещё двух сыновей тут нашла. А остальных своими детьми и внуками называет...

- Она НАША, - огрызнулся Ованесович. - Она не «ваша», а наша, медсестра Серебрякова! Вам понятно?

Серафима Мефодьевна действительно расширила репертуар.

- Как же вы, бедные детки мои, жить-то будете? А? Как же так вышло, что вы рождаетесь убивать друг друга? Зачем мы живём-то?

Она едва заметно раскачивалась, сидя на койке шизофреника Куюмова, который обычно писал стихи, а сегодня плакал вместе с Мефодьевной, которая всё причитала.

- Вот ведь как больно-то стало жить. Вот ведь... Умереть ведь стало не больнее, чем жить. Зачем же я рожала вас в муках-то? Бедные мои, бедные... А как вы, крохотулечки, плачете-то, когда рождаетесь, - ка-ак пла-ачете-е. Что ли б-е-ду да боль наперёд знаете?

Вопросы врача старуха не слышала. Впечатление было такое, будто ей не делали уколы и не давали транквилизаторов.

«Ментальная экзогенная депрессия со статичным синдромом», - сухо отметил про себя Илья Ованесович. В журнале дежурной были записаны все процедуры, влитые и скормленные дозы лекарств. «Депрессия... Да только ментальная ли? Лет сто назад назвали бы бабульку юродивой или святой и кланялись бы ей в пояс. А нынче... Психушка. Нынче и Богородицу в психушку

отправят - за сумасшедшую в этом мире сойдёт запросто!»

В больнице «детки» Серафимы Мефодьевны отбирали друг у друга вещи, пели, смеялись и что-то бессвязно бормотали - готовились к завтраку.

В такси, на котором Илья Ованесович спешил к открывающейся сессии, играла музыка: певица просила увезти её в

Гималаи. На грязных остановках осеннего города люди сражались за автобусы, наплевав на условности культурного поведения, что-то бормотали друг другу. Слава Богу, из-за разухабистой песни о Гималаях уличного шума не было слышно. Ованесович продолжал готовиться к докладу, при этом о тексте, который лежал в портфеле, забыл напрочь.

- ...Я прошу уважаемых депутатов не искать в моём докладе или отчёте ошибок в формулировках - это, в конце концов, исправит секретариат. Прошу не радоваться относительной стабилизации детской смертности и ровным показателям демографичесой ситуации в городе.

К чему и для чего всё это, если мы не спрашиваем себя - зачем рождаются дети и зачем они и мы все так живём? Это создаёт неблагоприятный фон, который полностью нивелирует маленькие успехи. Другая серьёзная опасность, возможно, незаметная сегодня - это массовый психоз. Две трети населения города невротики. Я не хочу говорить сегодня о социальных причинах - о них пусть говорят газетчики, но я хочу сказать: никто сегодня не знает, какие силы ещё держат на плаву человека и что такое человек здоровый? Тем более никто не знает, что такое общество... Чем оно держится?

- И это говорит врач?! - пробасил какой-то депутат из зала. - Вы что, хотите сказать, что две трети сидящих здесь, тоже психи?

- О чём я говорил? - споткнулся Илья Ованесович, - Ах да, о выживаемости...

В зале захихикали. Потом зал начал смеяться. Зал долго смеялся и смеялся странно...

1992 год

ТАНЕЦ

Ох, и красив я был тогда. Почти как гусар времён Бородино. Готовая форма дембеля, солдата, приготовившегося к увольнению в запас, была использована задолго до увольнения. Ещё шёл сентябрь, ещё «трубить да трубить» дней шестьдесят-восемьдесят, а по армейским меркам это много. Ещё листья только-только начали желтеть.

Нам дали увольнительную. Мы думали - идти или не идти в маленький серый городок Свободный, где и располагался наш гарнизон. Что делать-то там, в этом очень сером городке? Вероятно, мы с двумя моими товарищами так и не пошли бы никуда, остались бы валяться в каптёрке и бренчать на гитарах, если бы не случайно подслушанная нашим дневальным реплика в дежурной части. Там кто-то кому-то по телефону сказал, что в городском медучилище сегодня осенний бал, что там «и вправду всегда как-то стильно и пышно»... Приглашают молодых офицеров и солдат из медицинской части. Мы были не из медицинской... Но что мы - рыжие, что ли? Завелись - решено было идти на «настоящий пышный бал». Стали собираться. Мне бы уже тогда понять - судьба что-то готовит. Как-то уж слишком... слишком как-то празднично и правильно мы собирались. И запах парфюма в казарме был слишком. И слишком не казарменно светили настольные лампы. Слишком по-отечески, не занудно проинструктировал нас начальник штаба - урод и сволочь Курьянов. Всё преобразилось и стало каким-то торжественным. И необычно была «ночь тиха». Ну, не ночь - вечер.

В медучилище прямо у порога гостей встречали «фрейлины» - яркие и красивые девушки, с причёсками и запахами романтического «киношного» прошлого. Окна актового зала по случаю бала изнутри были оформлены каскадными гардинами, белыми и розовыми цветами. Клацая по бетонному полу первого этажа подковками наших, сверкающих от гуталина, сапог, мы, окружённые подхватившими нас другими «дежурными», были проведены на второй этаж, где в ослепительно ярком свете были распахнуты двойные двери спортзала, и свет там казался ярче яркого даже по сравнению со светом в коридоре. Боже, здесь светили даже канделябры! Вот уж правда -настоящий пышный Осенний бал. Мы с друзьями были поражены эффекту наших золотых галунов и белых аксельбантов, строгости рядов пуговиц на «пш-форме» старого образца (в конце 70-х так было модно уходить на дембель), будто сами себя видели впервые. Зеркала

тут были громадные и свет, конечно, ярче света казарменного раз в тридцать. Мы отражались даже в паркете! Мы боялись ступить на него, зная, что поцарапаем его своими железными набойками на каблуках. «Ничего-ничего, мы всё понимаем, через полтора часа паркет будет взлохмачен до неузнаваемости, - улыбаясь, сказала высокая красивая женщина в очках, наверно, завуч или директор училища. - Но это наша традиция, и самый идеальный паркет всё-таки придуман, чтобы по нему ходили...» - она приглашающим жестом ввела нас в спортивный... нет - в бальный зал этого дворца.

Не знаю, сколько пар девичьих глаз смотрело на нас: может, сотня, может, полторы. Мы были в центре внимания не случайно: кроме нас, бравых солдат, в зале были студенты-мальчишки в гражданской одежде. Человек семь. Видимо, ребята из окрестных сёл, поступившие в это училище. На них-то девушки точно внимания почти не обращали, свои всё-таки, примелькавшиеся.

Бал начался минут через двадцать, когда подошли ещё четыре солдата из медбатальона и шесть лейтенантов из артиллерийского полка - один другого смешнее. Два коротышки, один длинный, как цапля, ещё один с необычно красным щекастым лицом... В общем, мы втроём, пришедшие первыми, так и остались в центре внимания. Даже когда ещё через полчаса подкатили местные хулиганы гурьбой человек в двадцать. На бал пропустили только пятерых (всё-таки сильно не хватало на сотню девушек партнёров для танца) - тех, кто был трезв и одет более-менее соответствующе. Красивая женщина в очках, наверно, знала, кого можно пропустить на пышное торжество, чтоб не испортить вечер.

Девушки. Пожалуй, я больше никогда в жизни не видел в одном месте столько красивых и светлых девчонок, добродушных и открытых, скромных и в то же время не скучных - зажигающихся от музыки и радующихся празднику. Была какая-то несправедливость в том, что парней так мало. Но если б нас было много, то что стало бы с этой атмосферой? - хулиганы, готовые подраться, кривили улыбки, да и нас по тем временам хлебом не корми - дай схлестнуться. Дурацкая молодёжная «культура». «Какие же звери мы были, Боже... какие звери...» -восклицал герой Джека Лондона Мартин Идеен. Это к нам относилось в полной мере.

Вальс. Слава Богу, я пропустил вальс, потому что я не умею его танцевать. Танцевали девушки друг с другом, и выручили два лейтенанта и один медсанбатовец. Молодцы, неплохо - не посрамили нашу кирзовую братию.

Я разглядывал девчонок. Они - меня, только длилось это

какие-то мгновения, а потом я увидел её... Не знаю, что это было. Но зато я на всю жизнь узнал, как это бывает.

...Свет слегка приглушили, зазвучала музыка, медленная мелодия из концерта Поля Мориа. Я пошёл через зал к ней. Чётко, звонко цокая каблуками, спокойно. И она знала, что я иду к ней... как так? И мы танцевали одни. Невероятно. Почему-то никто никого больше не пригласил, и даже две пары девчонок начали было танцевать, а потом растворились среди тех, кто смотрел на наш танец.

- Как тебя зовут?

- Таня... а тебя?

- Григорий.

Она смотрела мне в лицо, прямо и просто. Синие-синие глаза... Как я шёл к ней! Это были двадцать-тридцать шагов не через зал, это был крик - как будто мы нашлись после долгих и совсем неземных лет разлуки. В каждом моём шаге была клятва - я обещал, и я пришёл за тобой! А она, ещё только зазвучала мелодия, уже повела рукой перед подругами, будто извиняясь: «за мной пришли»... И едва не вышла мне навстречу. «Я чуть не заплакала, - шепнула мне на ухо Таня. - Я так и знала... »

Она на полголовы ниже меня, у неё синие-синие глаза, к цвету которых она и сшила, наверное, платье синее с белыми кантами и поясом белым. Аккуратные часики на руке тоже с белым узеньким ремешком. Тёмно-каштановые локоны, никогда ещё не крашеные, тихий запах цветочных духов, очень ненавязчивый, даже слабый. Серёжки с финифтью маленькие-маленькие. Наверное, золотые... Красивая гармоничная фигурка. В тот момент мне гармоничным показался бы и контрабас, если бы он висел у неё за плечами. Потому что все детали были не важны...

«Я так и знала...» Самое удивительное, что я в этот момент точно знал, что она «так и знала». Она знала, что судьба летит к ней навстречу в шинели на МТЛБ, а может, и не видела, в шинели или в рабочей робе, неважно.

Наверное, она почувствовала тот вечер лучше, чем его почувствовал я: ведь сверкнуло же ещё в казарме у меня в душе...

Но я не поверил странностям и сказочностям вечера, не поверил тому, что все как-то необычно - парфюм, боковой свет, незанудный начальник штаба... А она поверила. Где-то в своей тихой общежитской комнате увидела не только закат за окном, но и птицу на окне, и сеть паучка, моющего лапки перед осенним балом... И яркий ослепительный лист с деревьев не падает... нет-нет, не падает, а стелит какую-то золотую дорожку!..

Музыка была бесконечной. Я не слышал перерывов между

танцами, мы не уходили из середины зала. Да, впрочем, мы и не понимали, что стоим в середине, что вокруг нас уже несколько раз сменилась обстановка.

...Никогда в жизни я не чувствовал так ярко свою вторую половину. Никогда. Не спрашивайте меня про два моих брака -это другое. Тоже любовь и тоже все по-честному. Я говорю о чёткости и яркости «с первого взгляда»...

Мы даже не целовались, хотя уже хотели. Приехал военный патруль и придрался к оформлению увольнительной записки одного из моих однополчан. Выяснять в комендатуру повезли всех троих. Да мы и сами бы не остались на балу, когда товарища уводят... Батальонное братство у нас было крепким.

И что-то рухнуло, какие-то линии на небесах разомкнулись. За шестьдесят дней, что я ещё был в гарнизоне, мы так и не смогли встретиться. Это была почти мистика: я прихожу к ней в общежитие - она на дежурстве в военном госпитале (в самоволке там появляться невозможно). Она приходит к нам на КПП три раза! И дважды в тот момент, когда я на выезде из города, а один раз невероятным образом меня не смогли найти в самой части (хотя я сидел почти на виду - на переборке зимнего обмундирования склада батальона).

Потом я прихожу уже в увольнительную - чин по чину - всё так же парадно отполированный, как на нашем балу, а у Тани тётка в селе сильно обожглась, и её отпустили уехать на два дня. Капец какой-то...

...Что это было? Что за странный танец в моей жизни? Что за странный вечер? Что за странное ощущение полноты себя, на которое я потом всю жизнь ориентировался, как на высшую точку единства со своей таинственной половиной судьбы?

Мы обменялись только по письму с каждой стороны. «Почему ты уехал?» «Почему ты поосторожничала?.. Почему танец тот отделила от сурового мельтешения солдатских рот, в которых потерялся твой Григорий?..» Серое множество солдатской стихии затушевало, наверное, в Татьяне уникальность нашей встречи... Не утверждаю. Но в сомнениях пытаюсь понять тот вечер и ту меру, которая провела меня так явно мимо какого-то поворота в судьбе...

Мы оба не ответили на наши вопросы в письмах и самим себе. Впрочем, не знаю, может она по-женски как-то себе и ответила... Не знаю. Я ж её больше не видел.

Может быть, ещё и потому не ответили, что ответы помешали бы высоте памяти - памяти танца с потрясающим ощущением Единственной и Единственного, с потрясающим ощущением судьбы; с верой в любовь с первого взгляда на всю жизнь. Потому

что мы оба теперь знали, что любовь с первого взгляда бывает...

2012 год

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Перекур в ПечорНИИпроекте. За окном метель и мороз под минус сорок. Там дышать нечем, даже глаза замерзают. Потому что за окном Воркута. В курилке тоже не амбре, но здесь цветы, милые люди и главное - тепло. Мы в рубашках: научные «киты», инженеры-фанатики, два журналиста и девушка из института Арктики... Не помню, кажется, она к отцу пришла. Люд, в основном, солидный не начальствующим положением, а профессиональной особостью: не много на планете наберётся тех, кто знаком с поведением вечной мерзлоты, пятнадцатиметровых свай под фундаментами, бетона №№№ марок и компрессионых загибов тоннелей шахт на глубинах ниже мерзлоты, Океана и вообще здравого смысла.

Лица еврейские, карело-финские, русские, немецкие и почти кавказские (а может, чуть-чуть еврейские).

- Вот китайская чайная роза, что позади тебя, - говорит весь в белом еврей с красивым сочетанием имени-отчества, с красивой причёской, весь седой-седой, - она была засохшая вообще. Ни листика, ни сколь-нибудь живого стебелька. А стояла внизу у лестницы в горшке - видно выбрасывать её хотели. Там уж поверх грунта и извёстка была, и битое стекло... Принёс к нам в отдел, у принтера поставил и полил...

Куст китайской чайной розы выше меня на голову. Он уже отцвёл, но коллеги Еврей Евреича кивают головой, подтверждая, когда он говорит: «Вы себе представить не можете, как она красиво цвела! Она будто благодарила меня и весь наш институт, что мы взяли её на поруки...». Все, будто в первый раз, рассматривают сочный громадный куст, делающий совершенно параллельным мир курилки к мирам за окном или в зале конструкторов с острой геометрией рейсфедеров, планшетов,

настольных ламп, похожих на кузнечиков-инопланетян.

А над головами нашими теперь мы все уже замечаем целые каскады вьющихся растений. Впрочем, теперь припоминается, что они есть и в коридорах института, а не только в курилке. Слушаю продолжение: «Посмотрите на эту драцену... Я её у мэра нашего украл. Ну, не украл, а коварно мы вместе с мэром обманули его секретаршу. Милая женщина не хотела мне отщипнуть росточек... Говорит, «не время», весной только можно». А там одна веточка и вправду обламывалась. Я говорю: «Засохнет ведь - давай доломаю. Подрежу, в стаканчик с витаминками положу». Нет, говорит, и всё - и не давала... Ну, мы с Игорем Леонидычем маленько

схулиганили... Он перед секретаршей честно оправдывался, что сломал нечаянно - дескать, жалюзи открывал... Теперь, клянусь, у нас драцена больше, чем у него в кабинете. А все почему? Горшочки надо вовремя менять! Она ж на корень оглядывается! Она ж тебе не фиалка какая-нибудь!»

- А у меня, Лео Маркович, помните (он называет растение, как рецепт, - что-то типа «хренперинбубоцию полофи-генную»), тоже ведь выбрасывали. Стояла себе на подоконнике в филиале Горного института. Студенты уронили и хотели выбросить... Я забрал. За пазухой нёс. Такой же мороз стоял. Сначала домой, а потом сюда - так же, за пазухой...

Дальше весь разговор - о судьбах вот этой лимонной забубенции, вот этого аленького цветочка, вон той каскадной красивой сказки. Интересно! Мир цветов и людей в снегах...

...Через сорок минут мы на наших УАЗиках будем буксовать в заносах на Западном кольце, и застынет даже чай в термосах. Тьма будет приходить с океана, и далёкие огни Воргашо-ра - жёсткого, побелевшего от мороза в своих бетонных конструкциях - будут казаться тёплыми огоньками. Уже хотя бы потому, что они единственные в этом мраке пурги, бесцветья и усталых глаз - усталых уже к четырём часам вечера.

А где-то в тридцати минутах езды осталась зелёная цветущая лакуна, созданная людьми, чтобы победить серость и мрак Полярной ночи. И ведь пол-Воркуты были такими - создавшими подоконники «имени Сулавеси и Ямайки», коридоры имени Крыма, курилки имени Тавриды... Вкус к жизни и свету, и цвету. Модель своего Эдема... Своего потерянного рая... Потерянного из-за страсти покорения мира.

2012 год

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ОТЦА

Как сыну рассказать о войне отца? Можно ли рассказать о той войне человеку, не знающему, наверное, и сотой доли обстоятельств быта, настроений, нервов? Только очень приблизительно... Поэтому я о той войне рассказывать и не буду. Я представлю своего отца - Спичака Ивана Гавриловича. И представлю так, как, скорее всего, представился бы он сам.

Сначала, как положено солдату... «Призван в сентябре 1941-го. Уходил на фронт в составе сборного батальона, одним из последних из г. Бердянска (тогда г. Осипенко) Запорожской области Украины. Немцы были уже на подступах. Два дня мы составом примерно в 200-240 человек под командованием неизвестного мне майора двигались в сторону Синельниково. Эти два дня мы были ещё вместе со старшим братом Павлом. Ночевали либо в сельхозпостройках, либо в каких-то хозяйственных помещениях. На третье утро очень рано, я, раздобыв табачка, побежал к брату в соседний сарай, чтоб на двоих раскурить самокруточку - метрах в трёхстах от нашей стоянки.

Сарай оказался пуст - какая-то бабушка, подметающая пол, сказала, что солдат часа три назад подняли, и они ушли... На Крым куда-то. Навсегда запомнил то утро. Я сел, заплакал, курил самокрутку крупными затяжками и вдруг чётко понял, что закончилось всё - вообще всё. И юность, и мир, и даже мир как бы большой - всё теперь в моей жизни будет не так. И ещё неизвестно - будет ли сама жизнь?

С братом мы встретимся только в 1946-м. Он придёт совсем седой после плена, после тяжёлых проверок СМЕРШа в г.Юхнове, где на пересылках проверялись многие, прошедшие немецкий плен, но Павел придёт с честью. Он защищал Севастополь. И, похоже, досталось ему там сильно. В плен-то он попал в беспамятстве - контуженый был и раненый...»

Ещё через два дня сборный батальон, где, в самом деле, была одна винтовка на пятерых и по пять-шесть патронов, не дойдя до Синельниково, попал в бой - немцы обошли... Батальон в степи был беззащитен. Его уничтожили почти полностью. Семнадцать человек, по воспоминаниям отца, собрались ночью в балке, в степном овраге, приняли решение выходить к своим на север, потому что на востоке уже были немцы... Вышли.

С октября 1941-го отец в 462-м сапёрном батальоне160-й стрелковой дивизии. За войну был ранен трижды: в конце марта

1942-го, в середине апреля 1943-го, и 3 апреля 1944 года тяжёлое ранение и контузия сделали отца инвалидом... Восемь месяцев госпиталей... Но если по порядку, то отец после ранений был и в выздоравливающем батальоне (с.Мцхета, г.Гори Грузинская ССР), а в феврале 1944 года уже в звании сержанта переведён в дивизионную разведку при 212-м полку. Последнее его воинское подразделение - это эвакогоспиталь №1504. Отсюда в звании старшины уволен в запас в декабре 1944 года и вышел за ворота госпиталя на костылях.

Небольшие рассказики о фронтовых эпизодах самого отца, с максимальным сохранением его стиля изложения и словечек - пусть они и будут памятью о моем отце. Пусть говорит он сам...

Фронтовые картинки с натуры

...В 41-м осенью утром просыпаешься и не знаешь, доживёшь ли до полудня. Оно, конечно, так и в другие периоды бывало, но в 41-м ещё и отступление, безнадёга, ощущение бессилия... Вот, думаю, знал бы комбат тогда, что вот стоит Ванька Спичак, солдат в конце строя, - я ж маленький-маленький был. Это на войне я немного подрос, а так ведь винтовка выше меня была... Вот знал бы комбат - есть в строю парень, который до Победы доживёт. И даже вот скоро 50 лет Победы ... Комбат бы меня на руках носил... Командир дивизии бы носил и всем показывал - ребята, победим!..

...В 41-м на переправе под бомбёжку попали. Осколок авиационной бомбы на излёте мне плашмя в спину ударил. Так шваркнул, что отбил дыхание - лежу задыхаюсь, воздух ловлю, как рыба... А вокруг лошади, крики, люди бегут, какие-то доски с небес сыплются. Прямо рядом со мной гусеница танка. Танкист выскочил, что-то своё делал, меня увидел. Бросил на броню: «Удержишься - может, выживешь. Не удержишься, браток, имей ввиду - я даже не увижу, как ты упал...» Я удержался. Спасибо, танкист. А ранением это даже не считалось. Отлежался пару часов на бугорочке - и вперёд, своих догонять.

...Не понимаю, как можно всю войну пройти - и без ранений. И в атаку лобовую подняться и выжить больше трёх раз невозможно. Плотность огня ж совсем шквальная. Первое ранение так и получил. «Ура! За Родину!» Пуля руку зацепила через две секунды, а взрывом так кинуло, что думал, кишки повылазят...

...Был у нас лихой парень Сашка Сажин. Все вперёд, с канадачка... Эх, где наша не пропадала! Сто раз говорили - тут, на войне, ошибиться можно один раз - и всё... Достаточно. А ему

везло. Аж дух захватывало. Но потом однажды всё-таки дурная пуля в живот попала. Умирал на глазах. Тяжело умирал. И главное - мы на какие-то триста-четыреста метров во вторую линию обороны его не могли отправить и час, и два... Сильно молотил немец тогда. Не высунешься. Истёк кровью Сажин. Так много ему в другом везло, а тут с эвакуацией, с простой помощью не повезло... А сколько на нейтралке, бывало, умирают - тридцать шагов от тебя, а не подползти... И зовут, зовут, а потом затихают... Особенно на морозе. Порою рискуешь, конечно, и даже сильно рискуешь, лезешь спасти. А порою шансов вообще нет - не высунуться...

...Когда в выздоравливающем батальоне в Грузии был, сбежали из части восемь солдат. Дезертиры. Поймали их. Трибунал по законам военного времени приговорил к расстрелу. Построили батальон. Казнь показательная была. Один из мужиков упал на колени, кричал расстрельному взводу: «Не убивайте, ребята! Пощади, командир! У меня восемь детей маленьких ...» Бабах! Закопали. А крик всю жизнь помню...

...Как-то взяли в разведке трёх языков сразу. Всех троих же не потащишь через линию фронта. Двоих резать надо. Без шума. Лежат рядом все трое, участи ждут. Выбрали одного. А кто остальных резать будет? Я не хотел. Одно дело в бою, другое дело так - казнить фактически... Но желающие всегда найдутся. У кого-то свои счёты. У кого-то рука «лёгкая» на это дело. Но глаза друг от друга всё равно потом прячешь.

...Всегда хочется есть, спать, помыться... Домой хочется, хоть плачь. И все не вериться, что дома уже нет, что его никогда не будет таким, каким ты его помнишь. В девятнадцать лет это тяжело... А ещё на передовой ведь как? Тут не ходи, мины. Там не стой, снайпер. Он даже по парку от дыхания вычислит. Раз в три дня что-нибудь горячее тебе доставят в первую линию, так немец, б..., как знает, пожрать именно в этот момент не даст - минами лупить начинает.

...Что самое страшное видел? Под Ельней восемь километров по трупам шли. Буквально... Вмёрзшие в землю и наши, и немцы. Как их потом выколупывали, ума не приложу...

...Однажды обгорел я под танком. Танк подбитый был. Мы с товарищем устроили под ним огневую точку. Не основательно, а потому что в суматохе боя подвернулся этот танк. Дело, кажется, под Великими Луками было. А тут немец обходить стал. И выскочить уже не можем - в сектор досягаемости прямого огня попали, - и оставаться нельзя - в лобешник артиллерия лупить начала. И надо же - ещё раз наш танк подбили! Внутри боекомплект рваться стал, и ухает так над головой, что глаза из

орбит выскакивают. Огонь вокруг, печёт, как в духовке... В общем, обгорел я. И товарища пуля в ногу зацепила. Хорошо хоть дыма много стало, да наши догадались: пульнули пару дымовых шашек, чтоб выскочить смогли... Ну, в общем, вся шея течёт от мазей и повязок, морда копчёная, телогрейку-безрукавку, как воробей, ношу - чтоб край шею не драл. А тут нас построили. Это уже через день было. Полковник какой-то приехал. И вот подошёл по строю этот полковник ко мне и орёт, что я чумазый и небритый (какой там бриться - вся кожа воспалена)... Комбат пытается слово вставить, а тот мне пять нарядов зафигачил... Немного погодя полковник по строю вернулся ко мне. Извинился. Комбат всё-таки сказал ему про мою «чумазость». А нам удивительно, что кто-то ещё извиняется... Там матом разговаривают, а тут извинения, как в кино! От извинений прям, наоборот, обиды в два раза больше стало. Но про извинения полковника перед сержантом батальон долго говорил...

...Последний бой... Мне перед этим голубь, помню, приснился. Будто я в ручье, который в половодье бурной рекой стал, а надо мной голубь белый. И кто-то в него стрельнул, он падает. Перед разведрейдом сон товарищу рассказал. «Берегись», - говорит. А я и сам знал. Мне голуби перед всеми тремя ранениями снились.

В общем, тащили мы языка. Тогда, в начале апреля 1944-го мы в рейды зачастили: все понимали, что крупное что-то готовится. Между Оршей и Могилёвом это где-то было. Теперь мы знаем, что была операция «Багратион», а тогда это её подготовку мы «живой» информацией обеспечивали. Что происходит, просто догадывались. Тащим, значит, языка. Хорошо взяли -офицера. А на нейтралке натолкнулись на встречную немецкую диверсионную группу. Такое вот нечаянное дело - они с нашей территории шли. Может, тоже с «языком». Завязался бой. Накрыли нас с обеих сторон - и немцы, и наши... Очнулся я в госпитальном поезде дней через десять. От собственного крика... Ноги к доскам привязаны - гипса не хватало, так зафиксировали проволокой к доскам. Голова больше, чем подушка - в затылке «сковородка шкворчит» - мелких осколков и в шею, и в череп налетело, как кто огненных мух напустил...

Поражение обеих ног, центральной нервной системы, от боли в день по нескольку раз сознание терял, где-нибудь в начале вагона чайная ложка звенит, а у меня от этого глаз дёргается...

...В декабре 1944-го выписали меня из госпиталя №1504 города Новосибирска... Знаешь, где этот госпиталь был? В Оперном театре. Он тогда строился, да война помешала. Был там в годы войны госпиталь. Еду домой в свой освобождённый

Бердянск, и почему-то по-детски в голове картинки, каким он мне запомнился - летним, в цветах, с белыми хатками. А подъехали со стороны горы - верхней части города - и... нет города! Я аж рухнул... Стоять не мог от горя - ни костыли, ни ноги не держали. Рухнул прямо... Весь город сожжён. От вокзала полторы стены торчит. Дымки какие-то редкие - люди в землянках жили. Сады порублены и сожжены... Не увидел я города, о котором всю войну мечтал, мечтал все эти страшные окопные дни и ночи. Покурил я там, на высокой горе, и поковылял искать свою хату, которой не было уже... Но зато дальнюю родственницу встретил - из-под земли вылезла, из подвала - тётя Оля Бедюх. И плакала, и обнимала, и угостила половинкой варёной свёклы. А я её - хлебом, пайком своим солдатским...

* * *

В посёлок Железнодорожный (ныне г.Емва) Княжпогост-ского района Коми АССР отец в первый раз приехал в 1948-ом году, чтоб помочь сосланной маме - моей бабушке. А в 1949ом приехал и остался уже навсегда. Вся трудовая деятельность его была связана с механическим заводом. Умер отец в 1994 году.

МОГИЛА НЕИЗВЕСТНОГО МАТРОСА

Набережная пропахла чебуреками, варёной кукурузой, карамелью, шашлыками, жареной рыбой. Солнце жжёт, плавит, печёт, и будто ветер прямо от него, с небес, фронтальновертикальный надув загара и запахов. Кажется, что жареным мясом пахнут даже бетонный блок на пирсе, стяг Украины и флаг Палестины у лодочной станции...

- С какого перепугу у вас тут арабский флаг? - спрашивает мой сын Фаддей у девушки в баре.

- Хде? - удивлённо спрашивает она, вытаращив очи и ошеломляя нас своей кричащей плотью. - А... То? - она спрашивает пальцем наверх. - Та ну! Мы думали, шо пиратский... Оно вам не по хрену?.. Та не смешите...

Моему Федьке не похрену.

- А чё мы тут чужие флаги вешаем? Давайте я сниму? - он смотрит на неё исподлобья. Смотрит выразительно.

- Ага... - вежливо и с улыбкой поддерживаю я решимость сына. - Или сожжём... Легко.

Девка напрягается в ответ на нашу агрессию. Крупная такая, не дай Бог с ней бороться на татами - заскользишь и не захватишь, ибо зацепиться не за что, дюже гладкая.

- А ну, я хозяина позову... Побачим, шо вы скажете... -вглубь бара, куда-то за занавески и замызганные кофейные турки кричит. - Галя... Халя! Вадима позови, тут грозные ребята пришли. Патриоты, наверное... ага... Казаки хучь куда... -и она смотрит на нас вызывающе, дескать, посмотрим, «шо вы тут кажете через хвылыночку...»

Рожа пришла крутая, конечно. Пират Карибского моря... Рябой, с порченым глазом, почти на голову выше меня, смуглый как нерусь. Реально можно испугаться.

- Шо такое? - он, впрочем, смотрит на нас беззлобно, без угрожающих понтов.

- Флаг ваш не нравится, - тоже спокойно говорю я ему. - Вопросы есть...

Рябой Вадим кивает головой - мол, давай свои вопросы.

- Ну, этот, - уточняю я. - Вон, над вашим баром... С фига ли тут арабский флаг?

- А он арабский? - удивляется Вадим, - Да чесговоря, и внимания не обращал... Ребята тут с лодочной дурковали по пьяни, повесили... Так ничо, красивый... Не американский же. На него никто внимания не обращает... А вы чё завелись?

- Вы откуда приехали в Бердянск? - спрашиваю я у него, абсолютно уверенный, что он откуда-нибудь с Кавказа или, по меньшей мере, с Крыма, Молдавии, Карпат. «Боковым ухом» нас слушает та самая ядрёная барменша. Пива у неё никто пока не спрашивает, отдыхающих в Слободке сломило дневное пекло, даже пляж слегка пустеет.

Бердянск - городок на Азовском море, родина моего отца. Отсюда он ушёл на фронт в сентябре 41-го, сюда пришёл на пепелище в декабре 44-го на костылях после восьми месяцев госпиталей. Я здесь бывал десятки раз в детстве, а вот с сыном впервые, и каждую свободную минуту рассказываю ему -здесь дед жил, тут рыбачил, не мог на вёслах упираться ногами, так приходилось костыли в живот упирать. Вот тут были виноградники, а тут сад, что фашист спалил... «От Колонии и Слободки до порта и Лисок не было ни одного живого здания. Они, гады, уходя, тут фаер-шоу устроили... Жгли все из огнемётов. Несколько киносъёмочных групп работало. Когда документальные кадры показывают про Отечественную войну, и там немцы жгут дома - знай, процентов семьдесят съёмок -это здесь, в Бердянске... Я в справочнике эту цифру обнаружил».

- Я не приехал, я местный...

- Совсем местный? Прямо из Бердянска? - удивляюсь я.

- Прямее не бывает: я вот отсюда, со Слободки. И уже тридцать восемь лет тут живу, - он показывает своей волосатой медвежьей рукой на домики за старым клубом.

- Тогда вы знаете, что вот здесь, между вашим баром и клубом, был памятник...

- Конечно, - Вадим усмехается, поняв, что я не просто к флагу докопался, что разговор тут серьёзный - за жизнь. Я все ещё не могу внутренне собраться от удивления, что Вадиму всего тридцать восемь (внешне ему можно мои пятьдесят дать) и что он местный. А Фаддей озирается: «Где тут клуб? Какой клуб?» Как объяснить пацану, что вон то серенькое здание с колоннами, которое меньше бара, а фасадом даже скромнее соседней пиццерии, когда-то гордо возвышалось над саманными хатками рыбаков, а в 60-е годы было настоящим культурным центром этой слободской окраины города.

- Конечно... Здесь был памятник Ленину, - говорит Вадим. Он показывает правильно - на то место, где сейчас ступеньки с деревянного помоста барного танцпола. - А вы тоже, что ль, отсюда? Чи бывали у Бердянске когда?

Точно. Вадим бердянский. Только местные так говорят - с мягким «н», бердянЬский, БердянЬск... Приезжие не могут этому научиться. Это диалектное местечковое. Не говоря уж про «чи»,

«или», то есть.

- А потом этот памятник перевезли на гору, та... С теми перестройками, - «гэ», конечно, не только бердяньское, но в данном случае оно совсем бердянское, потому что есть ещё это «та». Нигде не встречал. Даже в Одессе если и есть «та», не бывает там такой недоговорённости, как здесь - в азовском приморье. Та... Это и «сами знаете», и «не говори!», и «мама дорогая, не пересказать», и «ещё бы», и «прошло-пропало»... Плюс интонация.

- А памятник матросу помните? - с надеждой смотрю в глаза рябого. Даже подпорченный глаз выразителен. Здоровяк все больше заводится нашей беседой. Из-за занавесок и коробок в глубине помещения с любопытством выглядывает Халя. -Если вы со Слободки, то должны помнить... Или, может, рассказывал кто. Не могли же все забыть...

- О! И тот памятник вы знаете?!! Я вам скажу... ну, я вам скажу... - он берет меня под локоть, как бы приглашая подойти прямо к месту. - Я плохо помню. Может, даже мне кажется, что я помню, но на само деле не помню - то просто отец рассказывал... Мой отец того матроса нашёл. Не поверишь... (Вадим почему-то переходит на «ты». Наверное, из-за гордости за отца, а, может, из-за желания о важном по-братски просто рассказать, теснее.) Ему в сорок пятом одиннадцать лет было... Да... Рано утром они мелочь после прибоя собирали... Ну та... знаете, голодуха, море там рыбку выкинет, там краба. Вот они с пацанами... А тут, вон в там - он показывает на красивый двухэтажный дом, - там раньше хатка была рыбачья, там солдат жил, его звали дядей Ваней. Солдат тот на костылях был, живой вернулся и оклёмывался тоже тут, у моря... Рано утром как-то пацаны на берегу увидели мёртвого матроса... Потраф-леный... Та... Хто знает, сколько он в воде был?! Клеши в лохмотьях, тельняшка...

- Тогда минный тральщик подорвался... Шесть человек погибло. Редкий случай, но всех шестерых из воды подняли, - перехватываю я Вадима. Он, конечно же, понял, что напоролся на какого-то «странного дядьку», что его собеседник с сыном тут не просто так. Даже слегка заулыбался, весь включился. -Дольше всех потерянным считался этот, шестой. И думали, что он и есть с тральщика... Но это был неизвестный матрос. Ниоткуда. Потому что водолазы осенью того же сорок пятого нашли настоящего шестого под водой, прижатого рамой радиорубки... А тот дядя Ваня, солдат на костылях - это мой отец... И прибежали пацаны к дяде Ване. «Там матрос убитый!» Так?

Вадим аж ладонями по ляжкам хлопнул. Потом темпераментно поднял руки к небу:

- О! Во, бля! Так не бывает! Я ж знал вашего отца... Я

маленький ещё был, а дядя Ваня приехал в Бердянск и тут своих знакомых обходил. Наверно, это примерно 82-й год был, может, 81-й... Они с моим отцом вино пили сидели. Вспоминали всё... Ну ты гля!.. Надо же!.. А вы откуда? С Севера... понятно... Значит, на родину батьки? - Вадим опять незаметно соскочил на «вы». - Да, была тут могила неизвестного матроса... Дядя Ваня тогда сказал пацанам: бегите в комендатуру...

- ...она на вокзале в сорок пятом была...

- ...Да ...Приехали солдаты, милиция. И решили прямо здесь захоронить. Фотографировали. Но всё было по-военному просто. Решили и решили... Та... И уехали. А пацаны с дядей Ваней матроса того сами и хоронили.

Когда в 80-х дядя Ваня приезжал, тогда тут уже Ленин стоял. Матроса-то торжественно перезахоронили на какой-то юбилей Победы. Кажется, в городскую мохилу... мемориал у нас есть... Так рассказывали...

Мы ходим у серенького дома культуры, млеем от жары и удивляемся такой странной встрече «внуков войны». Мой сын Фаддей слышит историю про могилу матроса уже не в первый раз, но вот такая встреча с ещё одним свидетелем послевоенной молодости его деда, конечно, будоражит воображение и чувства вообще.

Возвращаемся к палестинскому флагу и с удовольствием смотрим на удивлённые физиономии девиц-барменш. И той, что звала Халю, и на саму Халю...

- Та не заморачивайтесь... правда... я насчёт флага того... Пацаны повесили, пацаны и снимут...

Вадим даже при нас барменшам сказал, чтоб передали какому-то Витьку - «нехай прапор сдерёт... тоже нашёл флагшток на антенне... ума нема, чи шо?»

...Мы в Бердянске после той встречи отдыхали ещё около десяти дней. Ходили, конечно, на пляж. Ели шашлыки и чебуреки. И на Слободке были, там, где когда-то стояла саманная рыбачья хатка, где жил мой отец в 45-м... Палестинский флаг Вадим и его «витьки» так и не сняли. Забыли. Да и ладно...

2012 год

ОДНАЖДЫ В РОССИИ

СМС-ка пришла в самый разгар тренинга. В шумном зале «Ренова-центра», заполненном полутора тысячью предпринимателей, писк моего телефона никто не услышал. Текст: «Полчаса назад Колю Фролова застрелили на мосту у Бурумбайки. Стрелял Витя Чакин. Сам тоже застрелился». Со сцены звучали цитаты из книг финансовых гениев современности Роберта Киосаки и Брайана Трейси. Зал был полон философии позитивизма.

...За год до события мы с Фроловым прощались, проиграв выборы в Законодательное Собрание Челябинской области. Он шёл кандидатом в депутаты, а я был тем самым политтехнологом, который на ходу ломал его кампанию и выстраивал новую. Потому что в их Троицке - городке, затерявшемся в степях на границе с Казахстаном, - представление о социологии, о предвыборном штабе и о рекламе вообще имели весьма смутное. Смутными были сами настроения, скрытые за глухими заборами казачьего когда-то городка с его людьми, имеющими пристрастие к чёрным сумрачным одеждам, отчуждённостью друг от друга по вероисповеданию - маячили две мечети и три православных храма - по достатку и по грехам гражданской войны. Её, гражданскую, в этом, наверное, единственном городе России, помнили лучше, чем Великую Отечественную.

«Здесь, как на Кавказе, сто лет не срок», - предупредил меня свояк Николая Фролова. Я в этом убедился. На встречах в аудиториях какая-нибудь бабка из первого ряда могла вдруг спросить: «Коля, а это правда, что твоя родня - братан или ктой-то ишо - снёс на тракторе Цвилинга в Изобильном?» Спросит и замолчит. И не угадать Коле - отец этой бабки был расстрелян Цвилингом или дед был среди тех, кто покромсал отряд «еврейского красного комиссара» в 1919-м... А станичники слушают - братан или не братан Цвилинга снёс? Да как сам Коля к этому относится?

Так - к слову: действительно, родственник по мужу сестры в период ГКЧП в отчаянии сел на трактор, зацепил тросом памятник «герою» гражданской войны Цвилингу и стащил его с гранитного постамента в селе Изобильном. А «изобилием» на тот момент в селе был только уксус в магазинах и консервы морской капусты.

Коля Фролов вырос в казачьем городке тихим пацаном, которого собаки и рыбалка интересовали больше, чем весь

остальной мир с космонавтами и рок-н-роллом. На Уе и Увель-ке, речушках, скользящих сквозь Троицк, он пропадал в любую свободную минуту. Ни родители, ни сестры не видели и видеть не могли, что он именно в рыбалке и всем, что связанно с рыбалкой, становился авторитетом среди пацанов и взрослых. Рыбак он был обычный, везло ему не больше, чем другим. Но он понял другое: за страсть люди готовы платить. И он зарабатывал первые «пионерские» деньги на искусственных мормышках и ладных удочках, на удобных куканах по три копейки за штуку и на том, что часто под рукой рыбаков под удачную рыбалку не было мешка или бечёвки. У «коммерсанта-Кольки» они были всегда. Николай Фролов предпринимателем стал именно тогда. «Деньги лежат в карманах людей, и люди не знают, куда их тратить. Почти все...» - говорил Фролов. Он же знал, куда их деть. В детстве просто покупал нужные вещи, а постарше он понял, что деньги лучше всего тратить... на деньги. И пусть рубли размножаются, как мальки карпа, и превращаются в золотые балыки проектов.

Когда сыпался СССР, и стреляли не только на больших и малых войнах по всей южной границе когда-то большой и дружной страны, тогда Фролов на Украине под местную «атаманщину» и неразбериху тоже делал деньги. На консервах. Заводы по инерции работали, а сбыт рассыпался, как горох на сковородке. Машинами, контейнерами, вагонами и эшелонами Фролов погнал товар... К 1994 году он был крут, как турецкая сабля: денег было и на особняк и на машину. И брезжили уже идеи вывоза этих денег из-под сумасшедшей инфляции как в России, так и на Украине... На саблю, впрочем, Коля и нарвался. Через всю кисть правой руки у него остался шрам от перехваченного клинка украинских «братков», залезших грабить богатого москаля прямо «у хатЬ>. Только жена Николая Валентина, выскочившая со звоном битого стекла из окна второго этажа, и забрехавшие собаки заставили налётчиков бросить недорезанного «буржуя» истекать кровью и седлать мотоциклы. С грохотом и гиком они уехали. Уехал и Коля, бросил дом, гаражи и машины... Вывез только деньги, которые можно было вывезти или вогнать в длинные проекты...

Барчук, банкирчик... Со стороны Николай выглядел именно таким. Полненький, с симпатичными добрыми щёчками и почти прозрачными синими глазами, он даже седел как-то понарошку. Будто не его это была седина, а ему - вечно тридцатилетнему - просто припылилось в степи. Шёл 1995 год. Армию плохо кормили. Воевали в Чечне, а Коля гонял контрабандные мясные стада из столовых степей Северного Казахстана, скупая их по

дешёвке у запуганных казахов, отстреливаясь от чеченцев, которые у этих же казахов скот не покупали, а просто угоняли.

Хорошие деньги брали на мясе. Хваткие прапорщики-снабженцы и полковники-интенданты военных городков всего Южного Урала знали Колю как патриота. Он пригонял скот в долг. Живым весом. У армии денег нет, а солдат должен быть сытым. Фролов, конечно, понимал, что гораздо более «сытыми» были полковники и прапорщики, сдававшие мясо в шашлычные Челябинска, Миасса и Златоуста. Фролов понимал, что до солдатских пайков в батальонах доходят крохи, но это для него было неважно, Коля нарабатывал главное - связи. Он чётко знал их стоимость...

Его не понимали друзья - Володя Пахомов и Витя Чакин, которые разбивали на степных ухабах машины и прятали «калашниковы» с гранатами.

Контрабандист - профессия братская. В степи она совсем братская. Особенно когда горит ЗиЛ, когда чечены обложили с трёх сторон, и ни распадка, ни валуна, и заканчиваются патроны... Пахнет жареными тушами сайгаков в горящем «ЗиЛе», палёной резиной и жжёной латунью с оружейным маслом. Коля грыз семечки. Володя и Витя отстреливались. Коля считал... Когда нервы у ребят уже стали сдавать, он брякнул: «Сейчас Иса смоется. У них патроны кончились...» Иса с «джигитами» ушёл с изрешечённой задницей своего УАЗика. На следующий день этот УАЗ сожгли в степи, а чеченов измордовали до полусмерти головорезы, посланные вором в законе Легонтом

Синим. Коля грыз семечки, Володя признавал какую-то силу, стоящую за Фроловым, а Витя ещё год рассказывал, как Коля сидел под «дымовой завесой» и грыз семечки, в то время, как он, Витя, с Володей героически отбивался от чеченских контрабандистов... Не поясняя при этом, какого черта они сами шастали на «ЗиЛке» в дикой степи под Аксаем...

«Так что ж мы всё в долг да в долг отдаём мясо?!» - скандалили и Чакин, и Пахомов. Хотелось денег, но они как-то всё были пока виртуальными. Но для Коли были важнее связи, а эти связи превратились в машины, в отданный почти задарма хорошо отапливаемый склад, где открыли они первый пельменный цех.

Начали с двенадцати нанятых тётушек, которые вручную крутили пельмешки, а ко вторым выборам президента Путина в 2004 году у них уже был целый комбинат «Малахит», на котором в разных подразделениях работало более пятисот человек. Эмблема комбината зелёного цвета и само название к мясным продуктам как-то было очень некстати... Впрочем, я уже говорил,

что в этом уездном городишке были весьма странные представления о рекламе, красоте и привлекательности. «А у нас не так... » - часто оправдывали себя троичане, как бы давая понять, что «мы особые». Но когда спрашивал у них - любите ли вы зелёное мясо, они смеялись и пожимали плечами... Нет, конечно, никакой особенности, кроме комплексов и упрямства. Но и они не особенные: вся российская провинция упряма, закомплексована и с непонятным миру гонором «особостей».

Дом Фролова внешне без форсу: в Троицке шикарных особняков и вилл тоже не поняли бы, молва и так его живьём съедала. Но Коля талантливо переводил разговоры о его «буржуинстве» в тему благотворительности. Что-что, а делиться с земляками он умел. На деньги комбината открывались то школьный музей, то отделение спортшколы, то памятный барельеф знаменитому земляку. Традиционными стали сытные и душевные встречи ветеранов, оплаченные из кассы мясокомбината. У Коли была сауна с бильярдным залом, красивые собаки - мощные и страшные твари, которых можно было держать только на суровых такелажных цепях. У Коли был дом под железной крышей и «Land rover» с рабочей «Нивой»... У Вити Чакина по соседству строилось как под копирку: железная крыша, сауна с бильярдом, мощные собаки, «^о^-фургон», изрядно подержанный, но крупный и с яркими белыми фарами... Семьями они выезжали на шашлыки, давали детям побибикать в разных машинах и поспорить, у кого машина круче. У Коли «круче» было всегда. Но дочки его не зацикливались на этой разнице, как, впрочем, и сыновья Чакина. Зацикливался сам Чакин.

«Надо вторую машину покупать. Для выездов в Челябу», - лениво зевая, говорил Витя. Но поскольку он лениво зевал и повторял это раз десять, все понимали, что это его заветное желание - догнать, показать, что он не хуже, что он тоже «крупняк», с которым надо считаться, как с Фроловым. Но с Фроловым беседовали и искали встреч мэр и замы губернатора, руководители местных отделений политических партий и ректоры вузов, а Витя Чакин поддерживал связь с поставщиками мяса и командовал на комбинате, устраивая разгоны транспортникам и тёткам, пропахшим фаршем и подсолнечным маслом. Он искренне считал, что производство тащит он, что люди по-настоящему считаются только с ним, а Фролов все больше «свадебный генерал», который то в политике, то где-то ведёт переговоры по своим завиральным идеям. Последняя «завиральная» идея Фролова о покупке фирмы пластиковых окон в Подмосковье со страшными словами «диверсификация бизнеса» ввела Чакина в ступор...

Вокруг Фролова было всегда много деловых людей. Одни были жёсткими и скорохватами, с философией «здесь и сейчас», другие, кажется, ошалели и не совсем понимали, как они, бывшие автомеханики и младшие офицеры, вдруг стали бизнесменами, но всеми ими признавалось за Николаем умение думать стратегически - не на два дня вперёд, а от политического сезона до сезона урожайности зерновых. Из окон их кабинетов на «Малахите» легко просматривался один из крупнейших элеваторов на Южном Урале - «Иволга», но силёнок взять его пока не хватало. Одно дело купить фонды, а другое дело удержать их на жёстком зерновом рынке, где очень долго «калашниковы» были калькуляторами «для последних расчётов».

«Так уж расписал - прямо война какая-то, а не рыночные отношения», - я представляю лица чиновников и «товарищей из МВД», которые читают этот рассказ. И я отвечу им: где вы все были, когда страну растаскивали ворьё и бандота, и находились лишь единицы, которые верили в неё, верили в то, что можно пахать и сеять, растить стада и собирать, собирать, собирать... Людей и волю. Ни тогда, ни сейчас, впрочем, большинство «сильных задним умом» не хотят учиться... Я сижу на тренинге по бизнесу, по управленческому и структурному консультированию в громадном зале на полторы тысячи мест, из которых пятьсот постоянно пусты - это те, кто пьёт кофе и делится мечтами в вестибюле. На сцене мастера бизнеса говорят, говорят, но зал подаётся вперёд только тогда, когда начинает работать мотивационная часть - ДЕНЬГИ, ДЕНЬГИ, ДЕНЬГИ... Объяснимо. Люди видят в деньгах возможность сильно-сильно изменить жизнь. К лучшему, конечно... И не слышен писк моего телефона с СМС-кой: «Полчаса назад Колю Фролова застрелили на мосту у Бурумбайки. Стрелял Витя Чакин. Сам тоже застрелился».

Фролов выборы в Законодательное Собрание проиграл. За год до этого он легко стал депутатом городского Совета Троицка. И теперь, видимо, полагал, что городского авторитета ему хватит на следующий уровень власти, на весь избирательный округ - на станицы и села, на соседний Октябрьский район, где лидером предвыборной компании явно был «газовый начальник», бывший офицер ФСБ, компания которого была проста, как проста газовая труба. Она как раз в те месяцы тянулась к каждому селу и каждому дому, вспыхивала синими огоньками и сжигала надежду Николая Фролова на союзников...

И ещё, как ни странно, Коля стеснялся больших аудиторий. Чего там говорить - он и маленьких-то собраний людей стеснялся до пересохших губ и бледности снежной... Коля понятия не имел ни об инструменте социологических замеров, ни о том, что штаб

должен быть вооружён фотоматериалами, компьютерами и машинами, оперативным материальным ресурсом и сеткой агитаторов. На все это он нашёл, конечно, деньги, но с опозданием месяца на два... Коля умел учиться. Только он учился в напряжённой реальности, платил за опыт сполна и ничуть не верил на слово никаким специалистам. У меня иногда складывалось ощущение, что слово «специалист» для него - почти «проходимец» или «чужой», потому что «специалисты» приезжали, делали какие-то подряды, брали деньги и уезжали. И никто из них никогда не поинтересовался - а работает ли там что-то после меня?

«Сабельными атаками» выборы в России делались в начале девяностых годов, в начале двадцать первого века это уже не работало. Но власть мельтешила всё новыми и новыми лицами, чистоплотность которых была широко известна как несмываемая. Успешный в бизнесе зачем-то считал своим долгом отметиться и в этом «бомонде», как будто успешность требовала подтверждения: вот, ты теперь точно признан официально. Знать бы вообще, где это начинается и заканчивается -«официально-неофициально»? Сегодня-то не совсем понятно, а тогда и вовсе правое перемешалось с левым и доброе со злым. Новый рисунок страны делали «коли фроловы», а сотни и тысячи за ними пытались копировать. Им ещё больше хотелось перегнать, обязательно перегнать. Неважно при этом, как встанет на дыбы асфальт или чернозём под «BMW», протектором сапога или пером «Паркера»...

...Мы с Николаем так за два месяца и не съездили на могилу местночтимой святой Дунюшки, что в селе Чудиново Октябрьского района, на его же избирательном участке. Не съездили не потому, что он был чересчур занят или не считал эту поездку важной. Он считал её интимной. Не хотел показухи и боялся, что мы распишем его визит к святыне, а люди это таинственное, Богово, сакральное поставят ему в вину, а не в заслугу... Россия о святом молчит, она ещё не научилась, как Европа, делать из монастырей туристические объекты, превращая и святое в бизнес нового типа. Во всяком случае, этого не делает глубинка, та Россия, которая в тайге, в степях и далеко от федеральных трасс. Она не научилась отстранённо смотреть на личную жизнь и лидеров, и нелидеров, принимать как должное их любовниц и внебрачных детей. Она ещё переживает за целомудрие своего вождя: ай, не лукав ли? не двуличен ли? (теперь, наверное, ещё и завидует тому, что он «вождь») - но за целомудрие всё же переживает.

Степь и тайга не хочет понимать газеты, как только одно чьё-

то частное мнение (авторитетное чтиво-образец «вот так думать - правильно!»). Россия внутри себя целостна пока, как глыба, давшая несколько трещин, но обманувшая всех - замучаетесь, ребята, динамит таскать, чтоб трещины те разошлись... Но динамит никто и не носит. В те трещины аккуратно заливают жидкости информации, от масел до кислот. В те трещины заливают страсть - деньги, власть, чины и льготы. И страсти рвут Россию, увеличивают трещины.

Страх со страстями ходит рядом. А иначе зачем тысячам таких, как Коля Фролов, собаки-страшилы, системы видеонаблюдений везде, вплоть до семейного сортира, и бешеные деньги, передаваемые начальству повыше за благосклонность, за «крышу», за то, чтоб не нашли на тебя статью в Уголовном Кодексе? Этот государственный документ, как памятка для всех, как Конституция, где главный смысл прост, как зрачок помпового ружья: «Посадить можно любого!» Так он устроен. Так уж он читается в моей стране.

В Свято-Троицкой церкви города Троицк на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы 4 декабря 2005 года было... восемь человек. Не считая священника и певчих с клироса. Я заходил в тяжёлые ворота, удивляясь странному безлюдью в такой праздничный день. В церковных литых дверях екатерининских времён на высоте двух саженей заколочено навек ядро, прилетевшее из-за реки двести тридцать лет назад в залпе пугачёвской артиллерии. Оно прорвало железный калёный лист внешней части двери, но засело в дубовой плахе, так и не выдавив и даже не выгнув внутренний лист.

На службе я простоял в храме рядом с мужичком лет сорока, с заметной армейской выправкой, одетым очень скромно, но молящимся явно «с понятием». Символ Веры из прихожан спели только мы с ним да суровая громадная старуха за полутёмной колонной.

Храм велик. Красив храм, торжественен и силён... Я б этот Троицкий храм назвал храмом Верности. Вот здесь, запершись за литыми дверьми церкви, стояли христиане всего городка, когда банды Емельяна Пугачева с гиканьем гарцевали на конях вдоль берега Уя. И Пугачев Троицк не взял. Если разобраться, то не взял-то чудесным образом. Гарнизон верных казаков был невелик, екатерининских солдат было вообще раз-два и обчёлся... Но была молитва, храмовая молитва города, когда единым духом Святый Дух был призван. И тёмная часть разбойничьей национальной души покружила вокруг и отступила...

Как мог знать я тогда, что недалеко отсюда раздадутся выстрелы? «Стой», - мигнёт фарами «Форд» Чакина. Остановится

машина Николая, выйдет он навстречу выстрелу в грудь, а потом, падая, удивится: «Витька, ты с ума сошёл!» - и догонит его вторая пригоршня картечи, ломая ребра и разрывая сердце...

«Если Бога нет, тогда все позволено», - пять поколений назад, в период становления капитализма в России, говорил известный русский писатель, глядя, наверно, как обгоняют друг друга где-нибудь на Невском шикарные купеческие выезды в пролётках на рессорном ходу.

Пятнадцать лет назад на Святом Афоне в Свято-Пантелеимоновом монастыре меня, помню, поразила фреска на лестнице в храм Пресвятой Богородицы. Изображён святой Силуан Афонский (+ 1938), на свитке его фраза: «Молю вас, братие! Веруйте в Господа нашего Иисуса Христа». Мне показалось очень странным - здесь, на святой земле, в монастыре с вековыми традициями, среди людей, казалось бы, положивших жизнь на службу Господу... и эта странная просьба. Это как на какой-нибудь городской улице плакат придорожный: «Ребята, прошу вас - дышите воздухом, дышите». Но разве Силуан Афонский не знал, о чем он говорит? Знал! Не верят -не дышат - не живут...

И Витя, и Николай вставали «на ноги», точнее - «на колеса» своих фордов и лэндроверов без Закона, чего ж его бояться? Двух вер нет - в Бога и в Закон - остаётся вера в себя. Хорошая вера, но тогда им становится тесно: вера в себя совсем не подразумевает веру в друга... А, ну да - вот тут на тренинге по развитию личности в «Ренова-центре» как раз и латается эта этическая дыра в «ВЕРЕ В СЕБЯ» - верь в команду, верь в корпорацию, верь в успех. (Что он приходит только ко всем вместе или никак - этого опять же девяносто процентов зала не слышит!) Верьте, верьте, верьте... Ну, верьте, идиоты, хоть во что-нибудь! И не верят.

И тогда ты живёшь сиротливо среди современников, как гость на Земле среди теней...

...В сумерках громадного зала за спинами предпринимателей на бизнес-тренинге экран сотового телефона светился, как окошко какой-то казачьей хатки в степи. Погасло окошко. Я не знал, что и ответить. Только и нашёлся, что отправил СМС с самым первым, что ёкнуло в душе: «А как теперь дети?»

2007 год

ЧТО ТАКОЕ ОБЫСК?

Наш дом в шестидесятых - начале семидесятых годов часто обыскивали. Он стоял на развилке дорог ближе к северной окраине посёлка Железнодорожный, где одна дорога шла на север (улица Дзержинского - это, в общем-то, именно та просека, по которой шли этапы ГУЛАГа), другая улица - Партизанская - шла на запад, к реке. И ещё в двухстах метрах от дома проходила железная дорога Котлас-Воркута, рядом с ней был переезд с будкой-шлагбаумом.

Утром, когда наша семья собиралась в школу и на работу, завтракала, всё это проходило «под радио». Оно сообщало новости и местные объявления. Зимой, бывало, с замиранием сердца мы с братом ждали, что скажут: «В связи с сильными морозами занятия с 1-ого по ... классы отменяются». Мой брат Андрей на четыре года младше меня, а потому младшие классы в школу не ходили чаще. «Везёт!» - с досадой говорил ему я и плёлся в школу.

Часто среди утренних объявлений по радио звучало такое: «Со станции Синдор из лагеря строгого режима бежали двое заключённых. Убит конвоир. Преступники вооружены автоматом Калашникова». Или так: «В связи с побегом заключённого из Ветью, убийством и исчезновением двух человек, на дорогах района будут проводиться проверки. Будьте внимательны. По возможности, организовывайте встречу детей из школы».

Наш дом стоял на развилке дорог. Наверное, предполагалось, что это удобное место скрываться беглым заключённым. Иногда, ещё до того, как мы просыпались и собирались в школу и на работу, ещё до того, как что-то тревожное слышали по радио, как...

Помню, проснулся однажды, а мне прямо в лицо дышит громадная овчарка. Полный дом вооружённых людей. Бабушка, не вставая с постели, с ехидцей пошутила: «Вы у меня под одеялом пошукайте...» Солдаты обыскивали дом, сарай, чердаки дома и сарая, соседнюю городскую баню с её чёрными ходами и кочегарками. Лаяли наши собаки, лаяли овчарки... Один раз, помню, офицера впечатлило отцовское ружьё, которое висело заряженным на оленьих рогах в зале. Впечатлило даже не то, что оно заряжено (тогда так оружие можно было хранить), а видимо, сам факт надёжности хозяина... Оружие могло быть либо у врагов, либо у своих. Но враг его вот так, открыто, хранить не будет.

А тут шёл обыск. Ружьё висело. Офицер без спроса снял, открыл, увидел, что заряжено, и как-то примирительно, подчёркнуто вежливо разговаривал после этого с отцом. Не помню, извинялись ли за обыск перед моими родителями и бабушкой. Надеюсь, что извинялись.

Ещё вспоминаются обыски в армии. Ещё на призывном пункте тебя просят (требуют) вывернуть карманы и рассыпать перед собою содержимое твоего рюкзака. Ищут ножи, водку, одеколон - потому что у нас его тоже пьют. Наркотики были ещё большой редкостью, их не искали, а вот одеколон - совсем другое дело. На Севере особенно. И мало ли ещё до чего может додуматься призывник. Бог знает, что ищет офицер. И чёрт знает, что ищет сержант.

Личного тут нет ничего. Но всё очень серьёзно. На вечерней поверке в учебке не заглянут тебе только в ж... Наверное, право на обыск - это психологическая реализация власти. А власть, особенно маленькая, никак не может напиться власти. Эксгибиционизм наоборот.

Были в моей жизни и другие обыски. Их вела наша таможня и полиция в Греции (особенно когда выезжали со Святого Афона). Обыскивали в общежитии университета мою комнату. Тогда случилась большая драка, которую учинили ворку-тинцы. Часть их задержала милиция, а часть попряталась по комнатам.

Неприятное дело - обыск. Будто в одно мгновение лишаешься права на всё. Ведь обыск - это уже «не шевелись». Ты почти арестован, и уже как будто нет тебе веры. На несколько минут или часов ты становишься чужим. Сознание кричит: «Я свой, я свой!» Но точно ли свой, и так ли тебе это нужно?

2009 год

РОССЫПИ-МИНИАТЮРЫ

Чувства

Самое разрушительное чувство - обида. Она всегда подла, тиха и незаметна даже для того человека, который носит её в сердце.

Обида - ржавчина Духа. Она имеет свойство накапливаться и точить, съедать все добрые помыслы, все крылья души, саму ось Личности.

Любовь, например, не может накапливаться. Она либо есть, либо её нет. Обида накапливается, сортируется, живёт самостоятельно. Она как вирус. Инкубационный период - мотив к действию - болезнь (или преступление) - смерть.

Спор

Как-то влез я в газетный спор. Повод казался мне серьёзным. Доводы оппонентов не выдерживали критики, но всё-таки я остановился. Потому что вдруг понял, что мои аргументы равноценны чтению шёпотом стихов в кузнечном цеху. Словно я писал статьи на иностранном языке. Люди не слушали и не хотели слушать. Работал маховик какой-то массовой оценки. Эта коллективная оценка, воплощённая в жизнь, должна была пройти дистанцию во времени, исчерпать лимит. Тогда бы меня поняли.

Впрочем, а зачем тогда сейчас сам спор?

Чудо

Я никогда не видел НЛО. Никогда не находил следов снежного человека. Никогда не видел привидений и леших. На русалок, мамонтов и динозавров мне тоже почему-то не везло.

Но однажды в старом купеческом доме я стоял оцепенело, как и все мои товарищи (нас было около тридцати молодых и трезвых парней), и со страхом глядел на тень человека без человека. Это была тень согбенной старушки со свечой. Она (тень) громко протопала между нами и ушла в стену.

Я часто вспоминаю эту тень. Но вспоминаю не как чудо. Так, наверное, напоминает о здоровье болезнь. О жизни - клиническая смерть. О счастье - несчастье.

Я двигаюсь, дышу, люблю, ем жареное мясо и пью пиво, смотрю с сыновьями мультики и копаю с батей картошку по осени. Я живу. Кажется, чудо - это всё-таки сама жизнь.

Девять белок

Мне было четырнадцать или пятнадцать лет. В сентябре я ушёл в лес и набил девять белок. Они были ещё рыжими, а не серебристыми, какими обычно ценятся. Я был счастлив, зелен, и

меня распирало от гордости.

- Хорошо стреляешь, - странно и холодно сказал отец. -Девять патронов - девять белок.

Он сложил их в эмалированный таз. Больше не сказал об охоте ни слова.

Не знаю, рассказал ли он о ней матери и бабушке, но они моей удачи тоже «не заметили».

Вечером я отсёк у белок хвосты. Веер из десяти хвостов был красив. Я даже знал, кому их подарю.

Из эмалированного таза на меня смотрели девять маленьких изуродованных зверушек.

«Освободи таз», - как приговор, прозвучал голос матери.

...Хвостики я так никому и не подарил. Ружьё, которое любил как самое дорогое достояние, повесил на гвоздь. На охоте больше не был ни разу.

Тылы

Самые тяжёлые и страшные человеческие трагедии, на мой взгляд, происходили тогда, когда будущая жертва (или жертвы) ошибалась в оценке своего тыла.

...Каин убил Авеля. Разум первой библейской жертвы не вмещал ещё в себя понятия, что брат может поднять руку на брата.

...Иуда сдал Христа в руки римских центурионов. И хоть сам Иисус пророчествовал: «Один из вас предаст меня», - но даже он не сказал, что произойдёт это в момент поцелуя (т.е. в момент максимы - жеста доброй воли).

...Брут убил своего друга Цезаря. Сильнее страха смерти было удивление императора: «И ты, Брут!»

...Сильнейшая держава мира в новой истории - СССР - выдержала безнадёгу гражданской войны, машину гитлеровской военщины, но (как оказалось) предавала и убивала сама себя. Тылы оказались рыхлыми: и в период ГУЛАГа, и, увы, в период неуправляемой перестройки.

...Психиатры говорят, что депрессии, на почве которых происходят самоубийства или сумасшествия, имеют в своих истоках (более 50 процентов случаев) предательство. Резкая переоценка истин, казавшихся абсолютными, ведёт к «разлому» сознания, шизоидности, страху, параличу, самоагрессии.

По закону творчества

Если бы люди умели слушать друг друга. Если б только умели! Представьте себе поэта, который читает стихи, а его постоянно перебивают. Люди бы не знали, что такое поэзия.

Собеседник всегда импровизатор. Он дарит вам свой, может быть, не уникальный по схеме, но совершенно неповторимый ход

мыслей. Темп, интонация, сравнения, выражение глаз, высота голоса - всё работает по законам творчества.

Даже если ваш собеседник лжёт - это та дезинформация, которая сродни актёрскому мастерству. Здесь учиться бы слушать ещё и ещё.

Вы не согласны? Ну и что. Вы всё-таки наберитесь терпения и получите от человека «посылку». Получите так, как на почте получают посылку от друзей и родственников. Не вытряхивайте её прямо на почтамте, а принесите домой. У вас будет время, чтобы разобраться: «это очень кстати», «это красиво, но бесполезно», «это бесполезно, но как красиво!»

А ещё вы поразитесь открытию: привычный портрет вашего, казалось бы, давнего знакомого начнёт для вас стремительно меняться. Порядок других вещей в мире станет динамичным и цветным.

«Всегда? Неужели?» - спросите вы. Да, всегда. Обязательно.

Отечество — сыновничество

Не единожды в русских сёлах и посёлках мне приходилось слышать, как представляют одного человека другому. Например:

- Вот Федька Осташёв (Федьке - 56 лет).

Он работает электриком на ферме. А сын-то у него старшой рыбинспектором в райцентре, младший - в школе учительствует. Девка пока молода, учится...

- Вот Петро Бондарь. Евонный сын шофёром работал. По пьянке человека сбил. Сейчас в тюрьме...

Федьку и Петра представляют не по отчеству (хотя, конечно, и отчества, слава Богу, у нас в ходу), а по сыновничеству.

Отчество - это откуда, какого роду-племени и духу ты явился в мир.

Сыновничество - как жил и кого после себя оставляешь.

На торжественных приёмах и вручениях наград так же, как в тюрьмах и на позоре, имена сыновей и отцов звучат вместе.

Шахматы

Я неплохой игрок в шахматы. Наверно, не отличный, но не плохой. Серьёзно занимался несколько лет. Сейчас многое забыл и уже вслепую на трёх досках не сыграю, как мог когда-то, но шахматы остались для меня игрой-отдохновением, игрой-красотой и игрой-настроением - уютом и стилем жизни... «Когда я буду старым, - мечтаю я иногда, - я буду часто сидеть за шахматной доской с трубкой в зубах и верной собакой у ног... »

- Ага, - мечтает вместе со мной жена. - А я, значит, буду пепельницы выносить и кофе таскать «графу Пупкину»?!..

Эх, а вот шахматы - доску хорошую и правильно нарезанные фигуры - найти трудно. Странно - скажете вы - как это трудно? Их

завались в каждом магазине спортпринадлежно-стей, а также в «Сувенирах», в подарочных всяких... Нет. Это совсем не то.

Какие шахматы правильные, а какие неправильные?

Правильные шахматы должны быть контрастными, максимально «внятными», а не с переливами от светло-желтого - к светло-зеленому. Сколько я замечательных по стоимости и по форме видел шахматных досок с комплектами фигур. Но почти все они грешат слиянием цвета, схожестью его. При «интимном», приглушённом освещении кафе или клубов глаза игроков просто изнасилуются напряжением - как различать стоящие рядом пешки «чёрных» и «белых»? А кроме этого, есть ещё и общеохватное зрение. Это когда вся доска должна видеться разом, как на ладони, и ясно, как график. Фигуры в пастельных тонах - это брак для серьёзного игрока.

Второй признак «правильных шахмат» - это устойчивость и монолитность фигур. Центр тяжести должен фиксировать фигуру на доске. Не делать её дрожащей (и уж, не дай Бог, кто-то чуть крепче обычного стукнет по столу и полпартии упадёт от вибрации). Монолитность же фигур нужна для их долговечности. Шахматные партии - доски и фигуры - как вино: чем старее, тем лучше. Потому что фигуры собирают в себе мысль, концентрируют силу духа. Есть иконы намоленные, есть партии (они ведь тоже образы) НАМЫСЛЕННЫЕ... Целостность, лаконичность фигурки - её достоинство. И достоинство её хозяев...

Люблю шахматы. Правильные (впрочем, неправильные тоже приходится любить). Эх, пойду трубку закурю. И кошку поглажу.

Ритмы и роли

Сколько ролей мы играем за день? Вот ты проснулся - ты ещё просто «Я» и «не я». И тут же мозг, раньше, чем почищены зубы, говорит: «А ты ещё чей-то папа (мама) и чей-то сын (дочь)». И понеслась «театрально-ролевая» жизнь. Вот ты пассажир автобуса, вот ты покупатель в магазине, начальник и подчинённый, вот ты критик-консультант, а вот стратег-плановик, тут ты учитель, а тут ученик...

А ещё ритмы - если не нервный и не уставший, если у женщины не её проблемная фаза цикла, ты встаёшь с утренней постели в ритмах, которые хочет тело. И в спокойствии, по которому соскучилась душа. Но вот - щёлк - и телевизор навязал тебе свой ритм. Бац - и телефонный звонок добавил ускорение и (что ещё хуже) диссонанс и с твоим ритмом, и с ритмом

телевизионной программы.

Бац... щёлк... «Уважаемый, передайте, пожалуйста.» «Вы неправильно оформили и вообще опоздали с документами...» Щёлк... бац...

За день легко меняются роли, и мы легко их меняем. Но чрезвычайно тяжело научить себя переключать ритмы. «Ритм -вот что самое главное и таинственное...» - говорили многие известные писатели, рассказывая о жизни великих людей (о Толстом, например, или сам Достоевский о ритмах каторги, солдатчины и... игры, страсти в рулетку). Ритм текста - этим мастерством вообще редко пользуются пишущие и ещё реже замечают критики.

Ритм... Экология ритма. Отсутствие ритма. Резонансы и их феномен... Резонанс - это инсайт и инсульт, конфликт и любовь, рождение идей и гибель целых городов... Резонанс - это совпадение или не совпадение ритмов. (Кстати, те, кто не понимает значения ритма и резонанса, те зря слушают любые астрологические или политические прогнозы.)

...Сколько и как часто мы слушаем про температуру воздуха и атмосферное давление, о курсе валют и изменениях графиков выходных... А о ритмах говорят редко и только отвлечённо - спокойный день, не спокойный... Работа спокойная или не спокойная. Нет измерителя ритмов, чтоб можно было в цифрах показать степень, градацию этой экологической и антропософской величины.

Наши роли и закономерности их появления или исчезновения, наверно, не поддадутся систематизации никогда. Они как ноты, как музыка истории и судьбы. Они всегда импровизация. А если и не хочешь импровизировать, то это сделают за тебя и вокруг тебя...

Ритмы же - категория незаслужено упущенная во внимании. Впрочем, возможно, я ошибаюсь - политтехнологи и управленцы давно докопались и до этого.

Золотая жила? Или урановая?

Жест

- Ты красиво жестикулируешь... Как-то органично, хотя больше обычного...

- Ты убедительно жестикулируешь. Тебе идёт... Не всем идёт, а тебе идёт... - так случилось, что вдруг за один день я несколько раз подряд услышал мнения знакомых о своей жестикуляции. А потом и разговоры вообще - кто, как, почему жестикулирует, для чего нужны жесты. И об искусстве разговора телом тоже, где за границей жестикуляция из вспомогательного механизма речи превращается в отдельный вид искусства - танец.

Ведь танец - это искусство рассказа жестами и телом в целом.

Ораторы всех времён и народов учатся не только риторике, но и жестикуляции. В многотысячной толпе речь способна потерять свою энергетику, а мимика не видна и не работает на передачу эмоции толпе, если её не усилить жестами.

Бывает, что от жестикуляции надо отучивать - помню случай, когда главу одного из регионов России просили на ТВ в кадре не загибать пальцы (когда он перечисляет дела или проблемы). Он достаточно убедителен был, когда просто говорил, но, начиная жестикулировать пальцами, не столько убеждал, сколько пугал. В театральных вузах жестам и жестикуляции вообще посвящены отдельные курсы и мастер-классы. В разведшколах, между прочим, тоже...

Жест... Он может как гипнотизировать, так и отвлекать. Он может как усиливать мысль, так и рассеивать её. Горбачов - последний генсек КПСС - без жестикуляции просто бредил. Чистый текст его импровизаций возьмите - мягко говоря, «разговор в колхозе». Но жестикуляция его по-настоящему гипнотизировала многих. Гитлер работал над жестикуляцией часами. Известны серии фото- и киносъёмки, где он тренируется. Такой вот «рабочий материал» рассказывает нам о магии его воздействия на толпу.

...Со мной в армии служил таджик. Он был в хозяйственном взводе и в обычной жизни воспринимался как один из солдатиков, который «принеси-унеси» матрасы, мыло, крупу и сапоги. Но в условиях «выхода в поле», где требовалась развёртка полевых кухонь, где вещи разбросаны по машинам, продукты контролировать сложнее в десятки раз, а дрова совсем не обязательно под рукой, этот таджик (он был сержантом) умудрялся создавать центростремительный уют и порядок в любой точке планеты. Чем? Жестикуляцией. Она у него была по-восточному умильной. Ходжа Нассредин такой, загибающий ладошки, как на средневековых гравюрах о Востоке. Но в этих его «загибах» была настоящая магия, избавляющая от лишней суеты десятки и сотни людей, аккумулирующая внимание на порядок - это первое, тут второе, тут третье, - и что особенно удивительно, заставляющая слушаться его даже тех, кто был старше званием. Таджик превращался в какого-то патриарха, в какое-то внеситуативное существо.

...Жест - это мысль, это слово... Слово. Интересно, какими были жесты Христа? Как бы хотелось их увидеть!

Время

Часы - икона Времени. Образ того, чего в окружающей действительности мы не видим. Как не видим Бога. Стрелки часов

вращаются. Это хорошо. Это и по движению Солнца как-то правильнее, чем когда время сыпалось песочком...

«Вр», «врата», «время», «вращение»... Говорят, что где-то там в индо-европейских корнях, в «геологическом» и морфологическом, конечно, санскрите корнем было «РА». И, дескать, вокруг РА всё и происходило - и в-Ремя, и в-РАщение. Может быть, может быть, а может и нет.

Горожане живут в ложном астрономическом и биологическом времени, на ложных скоростях. Это не новость, а потому, наверно, и неудивительно, что мы, городские, быстрее стареем, чаще сходим с ума.

Удивительней то, что почти все (и сельские, и городские) жители разных стран, представители разных народов ложно представляют саму форму времени.

Время - это не бамбук, у которого каждое новое звено вырастает из предыдущего.

Время - это не линейка, разбитая на дни, месяцы, годы и века, где каждый следующий отрезок лишь продолжение предыдущего и начало следующего отрезка (это и есть главный обман в представлении формы времени).

Время более похоже на бесконечно расцветающую розу, где каждый лепесток из одного ложа-истока, и самый молодой способен соприкоснуться с теми, что появились давным-давно.

Я, пишущий эти строки, и ты, читающий их, существуем одновременно, а выражение: «Мы распинаем Христа своими грехами» - вовсе не метафора, как и другое: «Все люди - братья». Мы братья по Времени Розы. Но рождённым невозможно из постоянно раскрывающегося бутона увидеть материальным зрением весь купол цветка. Потому видим мы обычно только ближних: с одной стороны - прадеда, деда, отца, с другой -сына, внука, правнука.

Но время ещё и как виноградная лоза: оно и правда не идёт себе линеечкой, а вьётся, вращается, выстреливает побегами - живыми и не очень, плодными и бесплодными. Время, как лозу, подрезает невидимый садовник.

Виноградная лоза может быть полумертвой годами, а потом вдруг почему-то - раз, и в одну весну как пойдёт бегущей линией к небу, как стрельнёт побегами, как наберёт бремени плодов. И ходят работники, удивляются: «Это ж надо... Я думал, что надо уж выкопать и выкинуть. Ты смотри! Лоза как будто своего какого-то года ждала...»

Время и есть Лоза, Лоза и есть Время... Время - это относительность состояний предметов в себе и по положению друг к другу.

«Пейте, сие есть кровь Моя, кровь Нового Завета», - сказал Христос. Наверное, в том числе и потому, что лоза даёт вино, Чашу и каждому своё Время. И с лозой Он жизнь человеческую и жизнь рода сравнивает часто.

«Истина в вине», - так говорили до Христа ещё более древние, античные мудрецы. Почему? Да потому что мир через вино окрашивается другим временем, другим положением вещей друг к другу, а в другом времени старые загадки и старые противоречия обнаруживают в другом ракурсе другую правду.

Правду иного Времени.

2001 год

МИР НА ТРОИХ

Никто не заметил их ухода. Впрочем, и само их существование в нашем посёлке привлекало не больше внимания, чем несколько деревьев в громадной берёзовой аллее на центральной улице. Вот сруби там три берёзы - и никто не заметит. Хотя они были...

Лёша, Валерьян и Кирилл. Я их помню со своих двенадцатитринадцати лет, а им было уже по двадцать два, не меньше. Ходили они всегда вместе. Крайне редко вдвоём - в этом случае почти наверняка они шли в гости к третьему.

Лёша был громадный, под два метра ростом. Могучий, с тяжёлой челюстью и мощными, как у гориллы, надбровными дугами. Но все знали Лёху-электромонтажника как добродушного человека, молчуна и даже немного трусоватого, абсолютно бесконфликтного человека.

Валерьян был шофёром на хлебовозке. Яркий румянец на щеках, голубые, почти белые глаза, как у настоящего коми, волнистые чёрные волосы. Красавец... а красавцем не считался. У него ухмылочка всегда была такая «а-а-а, я что-то про тебя знаю.». И это людей напрягало. И ещё - Валерьян никогда не поддерживал разговор больше двух минут. Мог на полуфразе развернуться и уйти. Как дурак. Многих это обижало и даже оскорбляло. Морду Валерьяну за это пару раз били - парни по пьянке придрались. Но он не исправился.

Кирилл был очень маленький. Не коротышка, но на фоне Лёхи он казался ушлёпком. Свои метр семьдесят у него точно были, но он был ещё и лысоват смолоду. Лысину вечно прикрывал дурацкими кепочками, а зимой ушанкой с опущенными ушами... Ну, ушлёпок - что с него взять!..

Эти три персонажа так и прошли перед глазами неразлучной троицей через все моё детство и юность. А потом исчезли.

Как-то сразу. Нет, наверное, это я исчез - уехал из посёлка. А когда приезжал, то на танцы, как и все мужики, после свадьбы уже не ходил, ну разве что раз-другой, чтоб знакомых встретить.

Прошло лет десять, наверное, если от моей свадьбы считать. То есть мне уже далеко за тридцать было, когда я случайно встретил белоглазого Валерьяна. Ему-то к этому времени уже за сорок пять, однозначно, было. Был сильный мороз с ветром, но Валерьян, по молодёжной своей привычке никогда ушанку не разворачивал, просто сбивал набекрень и грел по очереди уши. Я поздоровался с ним, он со мной нет. То есть, может, и

поздоровался, уж очень тихо, мало волнуясь, услышат его или нет. А вечером того же дня я поинтересовался у друзей, с которыми мы собрались в ресторанчике чинно поужинать и вспомнить детство: «Ребята, я тут сегодня Валерьяна встретил... Ну, помните эту троицу - Лёха-большой, Валерьян и Кирилл...» Сразу никто не вспомнил. Потом один с удивлением раскопал в памяти: надо же, а ведь и правда, были такие. Я ж говорю -«три берёзы-три пенька, какая разница...». Но меня как-то это заинтриговало ещё больше - не бывает ведь так, чтоб сразу три человека вот так незаметно прожили и незаметно померли. Валерьян вон - вполне живой и даже румяный. Если нам по тридцать пять, то им не меньше, чем по сорок семь, а то и больше...

Они все трое так и не женились, оказывается. Так и умирали холостяками. Лёхи уже не было, умер от инсульта. Это я узнал на следующий день, встретив в автобусе знакомую, сильно постаревшую кондукторшу (а уж они-то всё про всех знают - два автобуса на весь посёлок, и все на виду). На фоне осложнений после гриппа у Лёхи начала сильно болеть голова, а потом бабах - и срубило мужика. Пятидесяти ему ещё не было.

- А эти двое живы, - рассказывает женщина. - Валерьян к

Кириллу часто ездит. Тот ведь не ходячий - года три назад позвоночник повредил. Сначала ещё ходил, а потом что-то ноги вообще отказали. Говорят, пьёт, курит до смерти, и весь обставился телевизорами, радиоприёмниками, видео ему дружки купили... Лёха перед смертью успел позаботиться. Кондукторша, как сама она сказала, была «приятно удивлена, что этих бедолаг кто-то вспомнил».

А ведь действительно «бедолаги». И тогда - в молодости -на них какая-то печать бедолаг была. Какая? что в них было такого, что отталкивало от этих людей и девушек и парней? Что за странная сильная и ревнивая дружба была у этих мужичков из пригородов нашего посёлка? Они не были гомиками - это точно, с ориентацией там было всё в порядке. Кирилл, говорят, даже вполне стойко срок в лагерях отмотал, всё по уму. Пятёрочку отхватил за краденую машину кирпича и за сопротивление милиции при аресте. Четыре - на «зоне», год -на поселении. Валерьян единственный из них, кто сделал хотя бы попытку жениться. И прожил с женой чуть больше года. А потом она загуляла. Или Валерьяну с его «а-а-а, я всё про тебя знаю» это просто показалось. Но набил ей морду. Жестоко. Невозвратно. Еле ноги унесла...

Боялись их девушки? Нет. Скучали с ними? Пожалуй... Скучные они были. Даже когда по делу с одним общаешься, двое

других как бы «ну, быстрей заканчивай» говорят: «Отвяжись, и так всё понятно... » Ну и представьте себе, как одна-две-три девчонки себя с ними будут чувствовать. А так и будут - они друг с другом сами, а Лёха, Кирилл и Валерьян между собой отдельно... Они будто выталкивали. Нет, сначала не подпускали к своему «миру троих», а тот, кто влез зачем-то, морально отчуждался и выталкивался. Со стороны, глядя на эту троицу, можно было зримо фиксировать печать неудачливости. Или невидимости. Как-то завязалась серьёзная драка с газовиками, головы друг другу попроламливали, поувечились и наши матёрые таёжные вахтовики. Потом всех свидетелей драки, стоящих за триста метров, вспомнили, а этих троих - нет! А ведь они прямо у обочины стояли - три берёзы-три пенька...

Разобрало меня чисто писательское любопытство. Подумал: вот знаю их со стороны уже четверть века, а ведь ни разу пообщаться не получилось. А ведь они почти «достопримечательность», пусть и самая тихая в нашем городке...

На следующий день вечерком я пришёл в «финский щитовой барак» времён освоения севера, где в лежачем состоянии в необыкновенной дымовухе от сигарет и дымящей печки лежал в сером тряпье Кирилл. Я его не узнал. Не то чтобы с трудом узнал - совершенно не узнал. Это был не он - это был злой, почти свирепый старик, встретивший меня воплем: «Какого х..! Чё надо? Оставь сигарет, мне не о чем с тобой пи... ть... Любопытно? Взглянул? Иди отсюда...» Он будто знал наперёд про моё любопытство или про то, кто я. Так и оказалось. Он-то меня точно узнал.

В его сумрачной комнате, действительно, было целых три телевизора, два из которых в момент моего прихода работали на разных каналах. Под третьим стояла видеосистема. Несколько полок на уровне моей головы были заставлены пустыми бутылками из-под причудливых вин, виски, коньяков. ...Все пустые, в пыли. Впрочем, пылью были покрыты даже капроновые цветы у иконы с ликом какого-то святого. Тоже покрытой пылью, разумеется...

Телевизоры - это не всё. Были ещё штук шесть транзисторных приёмников, два из которых светились. Не знаю, может, остальные были сломаны, а может, они для другого времени суток и других каналов. Холодильника нет. Из мебели - стол (слесарный), две табуретки, по-казённому выкрашенные в ядовито-зелёный цвет, наверно, ещё в 70-х годах.

Кирилл продолжил так, как будто мы с ним вообще поругались позавчера, а вчера я обещал зайти, но не зашёл. Напомню - я с ним никогда не общался. Совсем никогда. «Пис-

сате-ель... Вижу тебя то по телеку, то вон, в газетёнке нашей... Что, дно жизни ищешь? Вспомнить решил. По молодости, помню, бухал не меньше нашего... В магазин сходишь? - Кирилл лукаво и по-прежнему зло прищурился. - Красивую бутылочку купишь? Обязательно красивую... Какой у меня нет. А пойло -неважно, хоть шмурдяк пусть будет... Попробовать разное хочу... Ты по заграницам, небось, и всякие «шабле» и всякую «метаксу» пивал... Пивал, а? Скажи? Вот и я хочу...» «Хорошо», - усмехнулся я и, кажется, понял настрой Кирилла. Вернее, того человека, который теперь был «не знаю кто»... «Яиц купи ещё, - крикнул он мне вдогонку. - Яичницу смерть как хочу!»

Принёс я ему «Porto». Оказалось, что «Porto» он уже пил. Но стаканчик он маханул со смаком. Яичницу сжарил я ему с луком и с кетчупом вместо помидоров. Ему тоже понравилось. Ещё полстаканчика вина и... В дверях нарисовались собутыльники из соседних бараков. У них пошли разборки: кто кому что должен, по понятиям и без. С частыми «сука» и «западло»... Ушёл я так, что Кирилл, думаю, и не заметил, как я ушёл, или сделал вид, что не заметил. По-английски так по-английски. А что уж он своим дружкам болтал обо мне - его дело. Общительный стал он после «зоны», однако. И мир, гляди-ка, постигать и расширять начал. Для чего ему телевизоры, видео, приёмники, «красивенькие бутылочки»? Обнаружил он - уж не знаю, в «зоне» ли, а может, когда недвижим оказался, - что мир гораздо больше и шире и вкуснее, чем тот, в котором они, три пенька берёзовых - Лёха, Валерьян и Кирилл - полжизни прожили...

...Я в посёлке своём за минувшие пятнадцать лет появлялся хоть и часто, но как-то всё проездом: заскочу на два-четыре часа, без встреч с друзьями, только к матери или к двоюродной сестре. Правда, был пару раз и подолгу - когда юбилейные встречи выпускников проходили, когда тётка умерла. И чем дальше как-то всё, будто и есть мой посёлок в моей судьбе, но будто и нет, уже без людей...

Прошло ещё года четыре, а может, и пять после той моей встречи с румяным Валерьяном и злым гурманом Кириллом. Да, точно - шёл уже «великий 2000 год» - я май того года ярко запомнил. И вообще почему-то весь тот год ясно остался в памяти. В мае 2000-го года я заехал по традиции на кладбище. А там встретил могильщиков, среди которых один оказался знакомым. Оказывается, они только что выкопали могилу Валерьяну. «Непьющий ведь был, а тут как запил - и без передыху... Наверное, года полтора фигачил. В больницу с болячками попадал, по две недели пару раз валялся. А выходил и - снова стакан... Ну, и помер, конечно. Я б через три недели

помер, а этот полтора года...» Могильщик деловито обтирал лопату. Немного, кажется, стеснялся своего вида и своей профессии -я помню, как он в молодости был наладчиком телевизоров и антенн. Теперь другие «антенны» налаживает - в Царствие Небесное.

Мы немного поговорили. Кирилл, как я понял с его слов, угорел в своём бараке то ли в ту же зиму, когда я у него был, то ли в следующую. Его пьяные дружки, видимо, закрыли трубу печки раньше времени... Но точно могильщик не знал - то ли угорел, то ли во сне от кашля задохнулся. «Он же совсем доходяга был. Как скелет. А курил как падла...» Про красивые бутылочки могильщик тоже знал. Их, оказывается, Валерьян Кириллу носил. Традиция у них такая в последние годы сложилась. С получки Валерьяна и пособия Кирилла покупалась новая бутылочка и что-нибудь из неведомых деликатесов.

Например, осьминожки в маринаде. Или сыр «Рошфор» с плесенью. Часто они покупали всего-то баночку или сто грамм для «только понять, что за хрень»... И они пробовали и пробовали, и пробовали неизвестную и непонятную им, недоступную и странную Жизнь. А потом нажирались привычной водки с квашеной капустой и селёдкой с картошкой. И ждали следующие «новые бутылочки» через десять-пятнадцать дней.

Могильщик сказал, что и у Валерьяна дома тоже целую батарею красивых бутылок нашли - неведомых напитков из неведомых стран. Что особенно удивило, у Валерьяна загранпаспорт был. Наверно, неплохо в последние годы жил. После того, как хлебозавод обанкротился, в энергосетях до смертельного запоя работал, а там платили неплохо. С этим паспортом было что-то связано, так как там стояла одна единственная виза. Вернувшись из Турции, Валерьян и начал пить безо всякого удержу. Что-то для себя он там высмотрел, или, наоборот, не нашёл.

...Наша поселковая достопримечательность похоронена в разных местах. А Лёха так даже на другом кладбище. Самодостаточный узкий мир троих мужиков. Мир на троих. Так их обманул их собственный мир, оберегаемый от посторонних, что однажды открытые другие миры просто убили.

Валерьян прожил дольше всех. Чуть больше полувека, но, в общем-то, так же, как и его друзья, - половинчато как-то. Не дожили, не прожили. Будто всю жизнь обдумывали что-то, да так и не решились ни на что.

2010 год

МАЛЕНЬКАЯ МИСТЕРИЯ

Какая семейная пара хотя бы раз не решала для себя, что она расходится, что «всё - так больше жить нельзя»? А уж если измена - тут всё, тут смерть семьи, и неважно, мнимая измена, придуманная соседками, додуманная ревнивцем, или настоящая. Летят стаканы в стены, падает герань с подоконника, гремят тазики в прихожих маленьких квартир, лают собаки и ...обязательное раскатистое эхо вдоль улицы: «Ты бл..дь, и мамаша твоя... » (Или вариант в адрес мужика: «Кобе-эль, иди туда, откуда пришёл!») Но жужжит по-прежнему стирка, плачут дети, и громче обычного хлопают двери во всех подъездах дома или барака одновременно. Нервно курят мужики на балконах или крылечках, жёны в кои-то веки почему-то сами несут мусорные вёдра, и обязательно найдётся какой-нибудь пьяненький «дядя Вася», которого облают просто так, чтоб разрядить обстановку. Участкового в нашем дворе не помню. Не приезжал ни разу. Что он - дурак что ли, участковый...

У Кирьяна и Галины случился очередной «развод». Их «разводы» вообще отличались особой художественной ценностью и регулярностью - два раза в сезон. Два раза весной, два раза летом, два раза... ну, вы поняли. Первые признаки того, что «вот-вот громыхнёт», были следующие. Кирьян начинал учить. Обычно он шёл с завода, где работал такелажником, через двор ровной траекторией, не задерживаясь у пенсионерского столика с домино или зимой, например, у вечно ремонтируемого «Москвича-408», где кверху попой торчал (вот уж действительно - «торчал» от своего владения) дядя Ваня Бар-баков. Нас, пацанов, Кирьян не замечал тем более. Когда же накапливалась драматургия очередного «развода» С Галиной, Кирьян начинал менять траекторию. То дядю Ваню поучит менторским тоном (как поясницу беречь - в машинах Кирьян ни хрена не понимал), то пенсионеров - правильно «уходить в рыбу», то нас, пацанов, начинал наставлять слушаться старших. Неважно каких старших - так, на всякий случай.

А потом происходил «очередной развод». Да, забыл сказать: Галина заранее чуяла, что пришло время готовиться к «разводу». В это время у неё в руках появлялась сумочка с документами, которую обычно она с собой не носила. Летом Галина чаще, чем обычно, усаживалась на скамеечку у подъезда с цветочком в руках, ожидая с работы Кирьяна, а зимой ей вдруг приспичивало мыть и без того скользкие доски пола в подъезде и на крыльце.

При этом она напевала. Два раза в сезон, в другое время не пела...

Наконец, начиналась главная часть представления.

- Как ты смела! Ну, как ты смела взять (отложить, убрать, постирать, забыть, и далее варианты: куртку, тарелку, сумку, табуретку)?! Сто раз тебя предупреждал... - каким-то изменившимся голосом кричал на Галину Кирьян. Она делала дурашливое лицо. Это было нетрудно - просто чуть поднимала белесые брови. Примерно две-три минуты оправдывалась, а потом переходила в наступление.

- А чёй-то это тебе куртка (сумка, табуретка и так далее) понадобилась вдруг и сейчас?! Чё это ты второй день кряду с проходной с Валькой (Манькой, Дашкой) идёшь и все до дому не дойдёшь?!!!

- Это ты у слесарей с малярными работами третий день что-то справиться не можешь...

- Это ты...

- Нет, это ты...

Странным образом слышимость их скандалов-разводов всегда была намного лучше, чем у их соседей. Возможно, потому, что они умели выбрать правильное место для своих выступлений - в прихожей или у кухонного окна, которое выходило аккурат к уличным скамеечкам.

После этого Кирьян и Галина совершали забег по квартире - редко по улице. Она бегала, а он догонял её и стукал в спину. Она ойкала, снова бегала, он снова догонял её, она снова ойкала. Ойк, бум, ойк, бум... Как удавалось им так долго бегать по однокомнатной квартире - это загадка, но топот из кухни в комнату и обратно был частью драматургии их «развода» (к слову, их маленькую дочку мать Галины всегда приносила им только ближе к ночи, и, кажется, даже на выходных девочка у родителей только ночевала). Потом наступала кульминация. Всегда у самого окна театрально, удивительно чётким и поставленным голосом с жутко трагичным тембром и дрожанием Кирьян вскрикивал:

- Вот уж не думал я, что убью тебя в этот день (вариант -«в эту солнечную субботу», «в этот предпраздничный светлый день») этим тазиком (этим утюгом, этой вешалкой.)!

Грохот. Звон посуды. Или падающего чего-нибудь эдакого звенящего. Потом громкое-прегромкое: «Ой, ай, ах... Ты и вправду убил меня! Подлец!» И так же громко (видимо, медленно) где-то там в недрах квартиры падала Галина. Один раз Кирьян убивал валенком (возможно, душил валенком... ну, вы понимаете). И один раз сапог «убил» Галину ещё в подъезде.

Она театрально сползала по стенке или ещё по чему.

Обязательно лежала «без сознания» минут пятнадцать. Из этих пятнадцати минут примерно пять уходило на то, чтоб Кирьян остыл и переключился на другие ноты. «Так тебе и надо, змея подколодная», - говорил он, потом молча или с сопением переворачивал жену и слушал, бьётся ли у неё сердце. Не знаем уж -хватался ли он при этом за голову, раскачивался ли всем телом в «отчаянии», но рано или поздно наступал момент, когда он начинал её целовать, делать массаж сердца, приподнимать тело и класть голову Галины себе на грудь. Так они сидели на полу ещё полчаса-сорок минут, а потом вечером обязательно шли гулять. Всегда по одному и тому же маршруту.

Прогулка была тоже своеобразной. Кирьян шёл чуток впереди, на полшага, а Галина будто волоклась за ним.

Кирьян заглядывал в лица прохожих, дескать, вы понимаете, всё у нас нормально, у нас всё так хорошо, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И будто подтверждая, что у них хорошо, отступал на эти полшага к Галине, брал её руку, пытаясь добиться эффекта, будто это она брала его под руку. А она именно волочилась. Будто стеснялась, будто млела от того, что всё у них «так хорошо».

Они шли по деревянным дощатым тротуарам, потом поворачивали, пустырём обходили старый Дом культуры, метров двести проходили по плотной утоптанной грунтовке и, сделав круг, возвращались на тротуар и шли домой. В свою квартиру. До следующего «развода», до следующего «убью». Два раза в сезон - два раза весной, два раза летом, два раза ... ну, вы понимаете...

2010 год

ТЕНИ БОЛЬНИЧНЫХ КОРИДОРОВ

Кардиологический центр в Сыктывкаре - самый большой на всем Северо-Западе России. В центре есть маленькая комната, освящённая в честь великомученика целителя Пантелеимона. Еженедельно и даже чаще посещает больных и медперсонал игумен Филипп.

Я не знаю историю сотрудничества и договоров между епархией и администраторами (наверно, это как-то оформлено в документы и прочую канцелярию), но мне довелось услышать из первых уст историю о том, как медсёстры отделения артериальной гипертонии очень попросили, фактически потребовали, срочно освятить их отделение.

Всё началось с ночного дежурства медсестры Натальи Кучерук. Она увидела призрак женщины, прошедшей мимо дверей комнаты для персонала. Потом призрак прошёл в дежурную часть и вышел в открытую дверь, как в другую реальность, -исчез.

Над рассказом Натальи её коллеги-девчонки - медсёстры, санитарочки - посмеивались и просто по-обывательски перевели разговор во всякую бывальщину: «А вот у нас в деревне рассказывают...» или «Одна женщина у мамы на работе тоже рассказывала...» В общем, заболтали ту историю.

Примерно через две недели после того, как женщину-призрак видела медсестра Наталья Кучерук, во время дежурства медсестры Марины Самодуровой произошло нечто подобное, но здесь смеяться оснований уже не было. Во-первых, если Кучерук видела «нечто» только мгновение и, видимо, не смогла внятно, убедительно рассказать, то Самодурова уже видела призрак с трёх шагов и долгих десять-двенадцать секунд. Во-вторых, Марину Самодурову, 28-летнюю мать двоих детей и вполне рациональную женщину, знают как человека далёкого от девичьих экзальтаций. Она человек не робкий и, ко всему прочему, увидела призрак не как Кучерук - в комнате отдыха (где можно допустить полусонное или, по меньшей мере, отвлечённое состояние), Марина увидела все на дежурном посту. Впрочем, лучше дать возможность рассказать ей всё самой.

- Я сидела на посту за столом дежурной, - рассказывает Марина. - Напротив, в дальнем конце освещённого коридора, пост отделения срочной кардиологии, где я видела таких же, как я, сидящих дежурных. Только что от телефонного автомата, что находится между отделениями в коридоре, ушёл дед,

разговаривавший со своей бабкой. Я даже помню, что он звонил куда-то в Усть-Цилемский район. Для удобства я сидела к столу вполоборота. Хотела достать вязание. И тут в трёх шагах от меня из воздуха появилась женщина с капюшоном на голове. Лицо её я тоже видела, но нечётко. Оно было как бы в полутени от капюшона и приглушённого света в правом крыле отделения. Женщина смотрела мимо меня, но как-то было понятно, что она видит меня. Просто ей нет до меня дела. Потом она повернула голову всем профилем ко мне и смотрела уже в стену, точнее, в косяк стенной перегородки, которая выступает из стены на полметра. В этот косяк, стекло и стену она и ушла. Время было, по нашим дежурным меркам, совсем ещё не позднее, может, полпервого ночи. В это время ещё и курильщики шастают, и наши девчонки ещё не отдыхают, бывает, чай пьют... Я почти не испугалась, но внутри как цокнуло: «Это та, о которой говорила Кучерук!»

На следующий день на летучке Марина Самодурова обратилась к заведующей отделением врачу Людмиле Юльевне Турковой с пожеланием: «Может, всё-таки, Людмила Юльевна, пригласим батюшку да освятим отделение? Я сегодня на дежурстве видела то, что недавно видела Наташа Кучерук...» И Марина рассказала подробно о явлении в ночи. К удивлению Марины, тут прорвало других медсестёр и санитарок. Теперь уже без ухмылок и без праздного любопытства они начали говорить...

Оказалось, что за две недели с призрачной незнакомкой сталкивались почти все. Врач побледнела и без рассуждений согласилась: «Я хоть человек не верующий в Бога, но параллельные миры... Да-да, параллельные миры. Мы о них ничего не знаем».

Медперсонал облегчённо вздохнул. Как рассказывает Самодурова, все подумали: «Какая разница, хоть ты параллельными мирами это называй, хоть миром невидимым, главное - батюшку пригласить...»

- Позвоните и пригласите какого-нибудь попа, - вполне серьёзно отдала распоряжение завотделением.

Вряд ли решение это было просто рациональноуправленческим (чтоб успокоить коллектив), всё-таки Людмила Юльевна, уважаемый врач с многолетним стажем, встрепенулась от явления, показавшего отсутствие границ мира видимого... Но как защититься от него? Медицина бессильна. Пригласили защитника, специалиста с оружием особым - Крестом.

Игумен Филипп, сам врач, ставший монахом, освятил отделение артериальной гипертонии, как позже освятил и весь

кардиоцентр. Теперь здесь призраки не ходят. Во всяком случае, таких ярких очевидных нашествий больше не было.

Через дорогу от кардиоцентра - старое городское кладбище. Там много неотпетых душ. А рассказы кладбищенских сторожей редко кто воспринимает всерьёз. Странные эти сторожа, водку пьют много... Кто ж их будет слушать?

Март 2008 год

Не думал, что придётся дописывать эту историю... Несколько лет спустя... Лето. Жара. Ремонт первого этажа в кардиоцентре. Том самом... Сняты рамы в окне кабинета врача, который... ну, короче, не «ухо-горло-нос», а который проверяет остроту слуха. У неё отняли кабинет - сейчас здесь будет что-то типа сервиса для родственников, посещающих больных.

Ремонт ведут нерусские - то ли армяне, то ли вперемешку армяне с какими-то ещё... Землю, кирпич и растворы таскают прямо через раскуроченные окна. Грохот перфоратора, пыль, машины на улице гудят, ослепительное солнце. И тут среди этой стройки появляется призрак. Прозрачная женщина... Армянин, оторопев, чуть сигарету не съел. Ещё двое как стояли с носилками, так и рты разинули... Женщина прошла между ними и ушла в стену и, будто вниз куда-то...

- Блят!.. Это чито било?

Никто в тот день больше не работал. А строители нерусские долго галдели и рассказывали, показывали пришедшим землякам - вот, дескать, тут она появилась, сюда пошла, а тут растворилась в стенке и в земле...

Апрель 2010 год

Медное время

У бокалов босые ноги,

У барменов босые лица,

Я сегодня похож на йога, что в себе от себя же скрылся... Соблазнял ресторан разно.

За столами люди без пола.

И они заправляются маслом -это их сексуальная школа.

А в углу человек для фингала.

Он давно не болеет собою.

На подушке хмельного зала есть глаза, что забыты тобою.

... сколько слов мельче мелкой меди -Это время медной погоды, я твоим глазам не ответил про любовь неземной породы.

Сердце моё!

Сердце моё!

Ты зачем напиталось болью?

И зачем тени прошлого рвёшь?

Или кровь по Христу не настолько насыщена солью, что без

соли уже в небеса мою душу зовёшь?

Оглянусь и увижу -дороги и храмы, и битвы,

пораженья, победы и счастье, что было в любви. Оглянулся - увидел, что слышит Всевышний молитвы и сейчас говорит: «Позови!»

Ох ты, сердце моё!

Ты зови, не стесняйся и помни, что и храм болью мира зовёт.

Сердце, сердце моё!

Ты стало настолько огромным, что теперь в нем и смерть не живёт!

Уходя, я вымыл посуду, пол подмёл, покурил у окна.

Я во всем виноват. Но больше не буду... Ты теперь с правотою одна.

Чужое фото

Отозвались далёкие слова,

Которые Вы слышать не хотели,

И как сейчас?

Как всё же Вы посмели Принять всё то, что подняла молва?

Хожу по сердцу, как в читальном зале. Так много здесь! Но гулко и темно...

Вы помните, как радостно сказали,

Что Вам «до этих философий всё равно»?

Слова живут. Я, кажется, утешен. и хорошо от эха этих слов.

Но Ваше фото (Вы там средь черешен), Как самый параллельный из миров.

Воспаление лёгких в жару

Свет белой ночи спать не даст,

Вдохнёт дрожаньем зноя стоны,

Едва остынут капельницы, нервы и тампоны,

Как ночь в бессоннице покажет власть.

Часы нашепчут тонкую тоску,

И бледный спросит дух:

«Как мысль о смерти?»

Нам ведомо, как душат, душат черти,

И в белом девушка не дремлет на посту.

Как пела Ротару

На расстрел нас поставили у обрыва,

Перебили бутылки с вином и о серый бетон раскрошили гитару.

В сердце пусто, в глазах ни слезы, ни надрыва, А в приёмнике танка что-то пела Ротару.

А в закате кричал красный свет,

Обещая и ад, и свинец, и Днестровские волны.

Мне шепнул наш водила-сосед:

«Смерти нет...
Но на всякий... Ты все рожи эти запомни...»
Нет. Не помню. Ни рож, ни команды... что было?
Был удар из орудий и крики...
И пили водяру.
... водкой той и контузией память размыло,
Но вот - надо же - помню, как пела Ротару...
Найденное недавно

Это стихотворение было написано на подсумке с автоматными рожками в марте 1992 года в Дубоссарах. Пахло весной. Татакал на плотине пулемёт, и воняли сгоревшей солярой БТРы... Потом, переписав, скверно прочитал и отдал его нашему замначальника штаба Дубоссарского территориального сводного отряда Владимиру Ефремову. После чего забыл про это стихотворение напрочь. А в ноябре 2008 прочитал в книжке «Каска-невидимка» очерк Ефремова о той войне и... вдруг ссылка на меня и мои стихи.

Не судите строго. Просто почувствуйте время...
Сколько в мире есть правд, сколько вздора!
Их тебе ли, Россия, не знать!

Вдоль Днестра с перерезанным горлом Ночь ложится, чтобы не спать.

Здесь металл мягче сердца и взгляда,
Здесь вино бродит сорта «Война».
Приднестровская наша Гренада,
Баррикадная наша страна.
«Алазань», «БТр», учат дети,
«Меседжер» учит врать и стрелять.
Правый берег румынией бредит,
Левый учится насмерть стоять.
Нет у этого берега Прута,
Есть Печора, есть Дон, есть Ока.
В Волгодонске заплачет Анюта,
Не дождавшись с Днестра казака.

Мать Россия! Судьба твоя горька, Что ни век - бродит ворог и тать,

Ты за век натерпелась уж столько, Что уже разучилась мечтать.

Сыновья рвут мосты и дороги, Жилы рвут и сердца на свинец.

... а над Кошницей плакали боги Золотыми слезами сердец.

Вдоль Днестра и туман, и обманы, Бьёт крылом белый аист страны. Чёрным хлебом мы вылечим раны, Красной чаркой Днестровской воды.

Благовещенье

День, когда в спину бьёт ветер,
И льды зимы хрустят под ногами,
Но уже благовестье весны С нами,
И светит Свет всем на свете.
И век надежды
Уже смеётся над смертью...
И сердце верных уже наполнено светом... Любовью,
Слезами
И Новым Заветом -Плачьте, радуйтесь, верьте!
Давнее
Я и тогда, я и сейчас не верю,
Словам, что падали мне ласточками в грудь. Не верил ни в находку, ни в потерю,
Ни в то, что встретимся когда-нибудь.
Сверкнуло чувство. Вечер, день и вечер. Бывает так и не бывает так.
Неромантичная любовь не обещает вечность.
Зато она не создаёт напряг.
А, видишь ли, ведь помнится так долго...
А, знаешь ли, - не пожалел о том,
Что чувство не топило нас, как Волга,
Но прозвенело чистым ручейком.

СВЯТОЙ АФОН ДЛЯ ОДНОГО И ДЛЯ ВСЕХ

Записки паломника

Как будешь искать то, чего не терял? Как будешь искать то, чего не знаешь вовсе? Но душа знает Господа и потому ищет Его.

Старец Силуан

Уранополис - «Небесный город», так переводится с греческого название городка, который стоит на границе «мира» и Христовой Республики, полуострова Святой Горы Афон. Теплоход на пирс Дафни, в Святую Землю Богородицы, выходит в 10 часов 55 минут. Мы с Валерием Власовым, моим товарищем, приехали из Салоник в Уранополис примерно в девять утра на автобусе. До отправления есть достаточно времени, но нам ещё нужно зарегистрироваться - записаться в журналах портовой полиции (номера виз - как на въезд в саму Грецию, так и номер визы на Святой Афон). Процедуру эту проходим довольно быстро: заплатили по 3000 драхм (13 долларов или около 27 тысяч рублей), расписались в журналах... В очередной раз посетовали, что в карманах осталось совсем мало денег. Надо бы обменять валюту - доллары (и иены у Валеры). Но по иронии судьбы - видно, так было Богу угодно - именно в это утро меняльные конторы не передали курс валют. Во всяком случае, их не передавали ровно до отплытия теплохода.

В очереди на регистрацию мы услышали русскую речь... Вместе с нами ехал на Афон Вадим с сыном Виталием и тестем

(имени его и фамилии не спрашивали) из Симферополя. Разговорились. Оказалось, что у Вадима на Афоне родственник, дядя - монах иаков, который здесь уже двадцать лет (живёт не в монастыре), а в разговоре с Вадимом мы ещё раз услышали, что на Святую Гору Афон в сутки допускаются не более десяти иностранцев.

Позже, по моим наблюдениям, выходило, что допускается и больше, но в целом, видимо, это число греческой полицией выдерживается. правда и то, что на Святой Афон уже тысячу лет не ступала нога женщины. В уголовном положении Греции, оказывается, есть даже статья, по которой за одну только попытку проникнуть на Афон представительницы прекрасного пола могут получить до трёх лет тюрьмы.

...За несколько дней до этого мы с Валерой, побывав в Афинах, в пирее и на острове Крит, потратив деньги и немного помотав нервы на его бесконечных деловых встречах, уже тогда почувствовали странное состояние: вот ходим по историческим местам античной цивилизации, купаемся в море, беседуем с богатейшими людьми туристического бизнеса Европы, а голова, все мысли и чувства будто говорят: «Ну ладно, это всё хорошо, это важно, интересно... Но впереди, даст Бог, нас ждёт Афон. Афон, Афон...»

Здесь же, в порту Уранополис, мы встретили первых русских монахов и игумена Ермолая (мы только поняли, что они русские, но ещё не узнали ни имён, ни чина). иеромонах Корнелий сел за руль «КамАЗа» и загнал его на борт теплохода. Дождавшись посадки, мы тоже взошли на борт, заплатив за билеты то ли по 600, то ли по 700 драхм (2,5-3 доллара).

- Где начинается Афон? - спросил я у Вадима, который ехал, по его словам, к дяде-монаху уже в третий раз. Мы только-только отошли от берега.

- Где начинается? А, наверное, где-то вот здесь, где заканчиваются тропки-дорожки и последние строения Уранополиса, - ответил Вадим.

Заканчивался Уранополис у небольшой зёленой горы, которая мысом выходит в море, и, обогнув который, уже сам понимаешь: эти горы, камни, этот берег - это уже другая земля. Чувствуешь этот переход, наверное, метрах в 500-700 от порта.

Как описать свои ощущения? С Божьей помощью, попробую отыскать слова или сравнения, которые хоть немного передадут чувства.

...Въезжаешь в другую среду - в другой воздух, в другую воду,

в другую плотность мыслей, дыхания, в другую скорость жизни. Будто раздвигаешь плечом другое измерение. Или, лучше сказать, будто кто-то размыкает тебе тысячи замков и замочков. Начинаешь чувствовать полотно, из которого сотканы небо, солнечный свет, и... как летит к тебе изображение гор, лесов и монастырей, трансформируется в глазах, проникает в тебя и словно будит ото сна.

Само ощущение всего происходящего - уже чудо! Если эти мои записки будут читать люди, знающие вспышки озарения, ощущение тонкого-тонкого коридора ТУДА, то пусть они вспомнят в себе это же ощущение, только без внутреннего оцепенения, без внутренней оторопи и боязни потерять вспышку. Ощущение человека, вылетевшего по тонким коридорам в солнечную бесконечность, где озарение - пульсирующее и постоянное твоё состояние.

Я стоял на верхней палубе, смотрел на монастыри, у которых мы причаливали - румынский, греческий, болгарский; на полуразрушенную башню, которая слышала, наверное, визги сарацинов и пиратов, прятала за своими стенами безмолвных монахов, а теперь по праву патриарха стоит на скалистом берегу и смотрит на молодые 200-300-летние монастыри, которые живут всё той же жизнью, сохранённой братией в молитвах в этой башне.

Теплоход подходил к большому мысу.

- Следующий монастырь - русский! - кричат мне с нижней палубы Вадим и Валера.

Обходим мыс. Захватывает дух. «Пресвятая Богородица, я в твоих пределах... Я не знаю, за что и как ты привела меня сюда, - думал я, вглядываясь в открывающиеся виды русского монастыря св.Пантелеймона. - Прости меня, маловерного, не может же быть, коль это промысел Твой, чтоб в этот час и в этот миг не дала бы Ты мне знак. Дабы уверовал дурень глу-помудрствующий, что видишь и слышишь Ты мысли мои и завалы сомнений, знаний и прочих лукавых вещей, утомивших душу и дышать не дающих, и на мир по-детски смотреть не позволяющих...»

Я мысль свою ухватить не успел, как в чистом небе одно из двух маленьких-маленьких облачков вдруг потянулось и как бы растеклось светло-розовым потёком... «Что это значит?» - недоуменно глядел я в небо. Теплоход причаливал к каменному пирсу у святого Пантелеймонова монастыря. Сейчас я сделаю шаг, а ждущие на берегу паломники взойдут на теплоход. Это всё произойдёт сейчас, но пожилой грек на берегу... упал и умер. «Господи! О чём говоришь мне?!» - я оторопел.

Впрочем, оторопел я только на несколько мгновений. Потому

что смерти нет! Я никогда раньше не видел и никогда, наверное, больше не увижу, как смыкается жизнь, как расставлено здесь всё по удостоверению Господню. Ибо вышли мы на берег, а паломники с берега зашли. Голландец (он оказался врачом) взялся, как и должно врачу, вдохнуть жизнь, растолкать сердце упавшего грека. Сошедшие с нами с корабля православные монахи из Афин (совсем молодые - лет по шестнадцать) прочитали молитвы, перекрестили отдавшего душу и пошли Богу молиться. Кто из паломников положил посох, перекрестился и тоже пошёл... Нами здесь планида не доношена, а кому пора - что же, значит, пора. Кто из православных не мечтал вот так, как этот грек, в пределах Богоматери помолиться, выйти на берег и умереть? и зависти не было. потому что грешно и стыдно завидовать. Но я хотел бы в последний свой час ждать «белокрылый корабль» так же, как этот грек. Упокой, Господи, душу его (и прости меня за мечтания нескромные).

Ещё на теплоходе гордостью и счастьем наполняется сердце: из всех монастырей, мимо которых мы проплыли, русский монастырь самый красивый! Самый напоённый несказанной внутренней энергией и светом! Зеленеют купола, как клевер весной. Золотятся кресты. Махина каменных стен, строений с нависшими балконами, укреплённая каменным барьером дорога к монастырю - всё основательно, навечно!..

Позже, в одной из бесед, иеромонах Филарет сказал: «Когда придёт время, и Сатана в Салониках дела свои тёмные творить будет, и тогда здесь не дрогнет никто. и молитва Богу будет так же, как положено... Не ступить сюда лукавому во веки веков. Так старцы сказывали, так Богородица говорила. Так будет!»

Так будет. Нет у меня сомнений. Пока поступь двадцати веков от Рождества Христова подтверждает великую миссию Святой Горы Афон. Где ещё есть место на планете, на каком клочке земли, где монастырская жизнь - денное и нощное служение Богу - не прекращалась бы с апостольских времён? Нет, кроме Афона, такого места на Земле.

Стёрты с лица земли первые монастыри в Египте и Сирии, в Палестине и в Иудее, на Кипре и в Турции. К III-IV веку «горчичное зерно» Веры Христовой по несколько раз истреблялось до щебня, до пыли, до праха. Но вставала вера из праха, ибо смерти нет. Росли новые монастыри, колупались новые пещеры... и рос терновник на венцы мученикам. А на Афоне горели свечи. И звучали молитвы. Даже тогда, когда в осаждённых башнях на молитву хватало сил одному, быть может, последнему, осипшему от жажды и горя иноку.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий! Помилуй мя грешного!

Да не остави ны во грехе. Да будет воля Твоя, бессмертна Слава Твоя, да приидет Царствие Твоё, и да очисти ны от скверны, от отчаянья Раба твоего!..»

Есть, говорят, на Афоне одна необычная икона Богоматери с младенцем Христом (Боже, что я говорю: здесь половина икон чудотворные, летающие и невидимые, лечащие и говорящие...). Необычная - имеется в виду её необычность по композиции. Младенец Христос поднял руку, словно закрывает уста Богоматери. А история этой иконы такова.

В середине века (дату этой истории я не сподобился уточнить), в одно из обычных утр, монах поднялся к престолу за ключами от наружных ворот. Пора было их открывать, а ясное утро и покой везде не предвещали ничего особенного. Ключи от ворот лежали на столике у иконы. Когда же монах подошёл за ними, то услышал женский голос.

- Не открывай ворота! Пираты рядом...

Монах решил, что это просто наваждение, что, может быть, спросонья что-то почудилось. Он протёр глаза, перекрестился, взял ключи и уже во второй раз услышал голос Богоматери:

- Не открывай ворота! За воротами пираты...

Но тогда он подумал, что мерещится ему, что нездоров он или испытывает его сила нечистая. Схватил он ключи и побежал к выходу. И на самом выходе обернулся-таки. Тут увидел он, что рассерженный маленький Христос закрывает ладошкой рот Матери: дескать, этот маловерный инок сам свою судьбу снискал. А Богородица, печалясь о своём уделе, о монахе Святой Горы и этого монастыря, всё-таки взяла ручку Христа, отвела и сказала в третий раз:

- Не открывай ворота! Пираты!

Монастырь был спасён. В память о той истории была начертана икона, где Богородица отодвигает руку Христа спасения монахов ради...

Кстати, стоит подчеркнуть для скептиков и умников, считающих такие истории идеологическим мифотворчеством церкви, что монахи говорят вполне определённо: той иконы, которая говорила, они теперь не знают. Она была когда-то потеряна среди других икон. Они так и говорят: «Эта икона в память о событии». Но есть иконы, которые чтятся как непосредственные участники явлений. Например, чудотворная икона Ивер-ской Божьей Матери, пришедшая на Афон по морю в столбе огня и разбудившая схимника Гавриила, который пошёл за ней в море «аки посуху». Или чудотворная икона Святого великомученика и целителя Пантелеймона, именем которого назван монастырь, где мы с Валерой Власовым поселились в

комнате №7, на втором этаже архинарика, окошком к Эгейскому морю (до воды 20-30 шагов). Два топчана в той комнатке, две иконы, керосиновая лампа, высокий белёный потолок и Божья благодать.

Впрочем, надо бы, наверное, всё описать по порядку и с более тщательным вниманием. Но я пишу так, как пишется, боюсь за деталями потерять состояние... Даже не потерять его боюсь, а боюсь неправильно его донести до читателя.

В сам монастырь мы войдём чуть позже, через ворота, а пока - в 12.20 по европейскому времени (и в 15.20 по византийскому), сойдя на берег, мы поднимаемся по каменистой широкой дороге к строениям монастыря. Пахнет разопревшей не греческой, а русской землёй. Так пахнет летом в деревнях на Выми и, наверно, так пахнет в Рязани или в Костроме. Это русская истома земли. И только вместо кузнечиков слышны цикады.

В запахах я не ошибся. Иеромонах Филарет рассказал нам, что сюда паломники по пригоршне везут землю из России. Она здесь из разных русских земель.

Наш грех - не привезли. Ума не хватило. За мной долг, Афон...

В архинарике-гостинице нас встречает улыбчивый и, как мне показалось, стеснительный иеромонах Сидор (говорят, что правильно «Исидор», но я уж как услышал, так и записал). Он предложил нам всем (высадившихся на Пантелеймоновом причале было человек 12-15) кофе, воды и попросил записаться в журнале регистрации, где, кроме фамилий, указываются ещё номера паспортов, виз и подданство - из какой страны прибыл.

Полистав журнал от первой страницы (начало журнала -конец января-начало февраля), мы с Валерой с удивлением обнаружили, что в графе «откуда» слово «Россия» пишем первыми. Не было здесь в этом году паломников-россиян. Потом мы выясним, что, конечно, были в этот период приезжавшие из России, но либо по линии сугубо церковной, либо из подворья Афонского монастыря в Москве, опять же по церковным делам.

Трагедия для русского человека, россиянина, что не может он приехать и поклониться святыням: даже имея большие деньги, сюда трудно попасть. В июне, ровно за месяц до нашего приезда, в трёхстах метрах от берега стоял корабль со ста пятьюдесятью русскими паломниками, ехавшими из Одессы через Афон в Иерусалим. Греческая полиция выйти на берег им не разрешила. Корабль взывал к совести греческих властей, взывал к небу: люди плакали и стояли на коленях, глядя с моря на кресты монастыря, но на берег им сойти так и не было суждено. Ни по пути в Иерусалим, ни на обратном пути.

Монахи сели тогда в лодки, взяв с собой ковчеги со святыми мощами, поднялись на борт судна - только так состоялась встреча паломников со святынями.

Почему-то из моей памяти совершенно вылетело обстоятельство знакомства с отцом Филаретом. Напрочь. Не помню и всё. Будто сразу начались наши беседы, будто он вошёл в мою жизнь, как свежий ветер в комнату из-за неколыхнувшей-ся занавески.

Помню первый благоговейный шок. В храме св.Пантелеймона стоит передо мной отец Филарет с серебряным ковчежцем в руках, протягивает его мне и говорит:

- Голова святого Пантелеймона...

У меня ноги и подкосились. Приложились мы к мощам святого, обошли храм. Поднялись на третий (или четвёртый) этаж другого здания к престолу Покрова Богородицы.

- Голова старца Силуана, - новый ковчежец протягивает нам, тихо улыбаясь, отец Филарет. А потом... На втором этаже открыл он для нас комнатку, где поклонились и приложились мы к святыням, которым есть ли равные в христианском мире -не знаю. Я перечислю то, что мне назвал отец Филарет, но, как я понял, назвал он далеко не всё...

Головы преподобных мучеников Евфимия, Акакия, Игнатия. Часть камня, с которого молился Серафим Саровский, часть рубашки, мантии, волосы, часть от креста. Голова младенца мученика Кирика (3 года) и матери его Иулиты (день памяти которых был назавтра - 28 июля). Головы бессребреников Козьмы и Демиана. Голова (большая часть) Святого

Апостола евангелиста Луки. Частички мощей Василия Великого, большая часть головы Григория Богослова, Иоанна Русского. Часть ноги Андрея Первозванного. Часть головы Иоанна - архиепископа Константинопольского. Частица Николая Мирликийского-чудотворца. Часть мощей Иоанна Крестителя Господня. Частицы мощей мучеников Евгения, Акакия, Ореста, Арсентия, Мардария. Часть мощей св.Маманта. Нетленная рука св.Евфимия. Голова новомученика св.Стефана. Голова священномученицы Параскевы. Голова мученика Амфима...

Трудно описать ощущения свои, когда стоишь в храме Покрова Богородицы на бдении и в молитве по равноапостольным князьям Владимиру и Ольге, когда горят одни свечи (электричества здесь нет), а в двух шагах от тебя (вон - рукой дотянуться можно) среди икон на постаменте на уровне плеча твоего - голова святого старца Силуана.

Ещё когда я стоял на всенощной (здесь она идёт более пяти часов, может быть, даже ещё больше, не могу утверждать -

совершенно потерялся во времени и перестал понимать, где московское, где европейское и где византийское время), подумал: «Чей это голос так велико звучит, хоть и негромко, но как-то необычно мягко, проникающе?» Потом я заметил этого человека, когда уже вне алтаря он читал псалмы.

Это был духовник отец Макарий. На утренней службе я исповедался ему и причастился.

Исповедуются здесь на коленях. Причём, колени на порожке, выше ступеней. Отец Макарий стоит на коленях рядом. Больно стоять. Больно. Исповедь свою я начал как-то глупо, сумбурно, смущаясь, что ли. А потом говорил то, что хотел сказать. Как много, оказывается, накопилось, И как безнадёжно, прости Господи, как долго мне придётся говорить... Потом говорил медленно, искал слова... Отец Макарий вдруг заплакал. И у меня ком в горле встал...

когда поднялся с колен и отошёл, ноги гудели так, что, казалось, рокот крови и ощущение невесомости слышат и видят все. Рокот прошёл через пять минут. Невесомость осталась надолго.

А-фон... по гречески «не звук», т.е. ТИШИНА, Святая ТИШИНА. Христос, как известно - Царь Тишины...

Ещё в первый же день иеромонах Филарет (он отвечает за встречу паломников) провёл с нами что-то вроде небольшой экскурсии по Пантелеймонову монастырю. Он рассказал, что здесь, в монастыре святого великомученика и целителя Пантелеймона, двадцать престолов. Однако служба ведётся только в двух - Покрова Богородицы (одну неделю), другую неделю - у престола св.Пантелеймона. В лучшие годы здесь подвизалось до трёх тысяч монахов, а нынче их сорок. В последние годы несколько улучшилось сообщение и связи с Афонским подворьем в Москве, приехали молодые послушники. Даст Бог, в ближайшее время число братии монастырской увеличится.

часы на башне трапезной, наверно, немногим меньше, чем часы на Спасской башне кремля. Здесь же второй по величине колокол после колокола Ивана Великого - 818 пудов, более 13 тонн.

Показал нам отец Филарет миндальное дерево, взращённое от семян того, которое много веков назад посадил св.Пантелеймон. Дерево это в 60-х годах нынешнего столетия тоже явило чудо. Тогда горели леса на Афоне. Говорят, что пожары были страшные. Загорелись и постройки монастыря св.Пантелеймона.

- Посмотрите, - показывал нам отец Филарет, - вот стена и

окна, которые горели. А вот здесь был дровяник, который вспыхнул от жара аж на расстоянии. Погорело всё, а деревце средь огня невозможного стояло. И теперь стоит. И семена даёт. Вот и всё.

Такая присказка у отца Филарета: «вот и всё!» - она звучит из его уст часто и утверждающе. Например: «Вы думаете, шутки, что ли, всякие там пляски и роки, и зрелища всякие? Бесы достанут, так на колени рухнете. Поститься, молиться, бдеть -Христа нашего исповедовать. Так надобно. Вот и всё!»

...С ремонтом после пожарища 60-х годов дело затянулось. Из Москвы подмоги монастырь не дождался. Что смогли, восстановили с Божьей помощью сами. В последние два-три года объявилась с деньгами и поддержкой греческая организация «ЮНО» (возможно, «УНО» или как-то похоже зовётся; дело в том, что про эту организацию отец Филарет упомянул скороговоркой и на ходу, я забыл переспросить и записать). Эта «ЮНО» получает от ЮНЕСКО и от разных европейских фондов деньги на поддержание памятников архитектуры, истории и действующих религиозных очагов. К чести греков будет сказано: притом, что много невосстановленных и неотремонтиро-ванных своих скитов и монастырей, они выделили существенные средства на ремонт русского храма в Старом Руссике (это в полутора часах ходьбы в горы от монастыря св.Пантелеймона), а также на косметический ремонт с некоторыми капитальными работами в самом монастыре св.Пантелеймона. Так, например, были уложены камнем крыши части зданий, покрашены несколько куполов, основательно восстановлены балконы.

Обойдя монастырь с северо-западной стороны, мы снова входим за его стены. Иеромонах Филарет ведёт нас в усыпальницу. Здесь около трёх с половиной тысяч черепов усопших монахов. «Кто умер сто лет назад и кто десять - они сейчас здесь все вместе, - рассказывает отец Филарет. - Мы здесь убирались да перекладывали всё. Кто знает, где «молодые» головы, где «старые»? Вон имя лишь написано да когда почил. Вот и всё». - Он крестится. Черепов с именами много, но всё же, как мне показалось, гораздо меньше, чем без имён. Кстати, здесь не говорят слово «череп», говорят «голова»... Звучит как-то живей и добрее, что ли. В слове «череп» есть что-то зловещее и сумрачное. А «голова» - слово белое.

- Хороним мы без гробов. В рясе или в полотне, - рассказывает далее отец Филарет. - Над головой, чтобы на лицо не бросать землю, в три ряда через промежуток, один на один укладываем камни. Плиточные. Вот и всё. А через три года обычно выкапываем. Вон головы чистые, белые.

Крупные кости рук и ног тоже сохраняются. Остальное земля за три года принимает. Если, конечно, душа человека Богу угодна. Белая или чуть желтоватая голова - значит, праведно жил, исповедался, покаялся во всех грехах, не утаил в сердце греха. А если чёрная голова или коричневая, или тёмная такая, рыхлая, то, стало быть, спрятал что-то человек на сердце, не покаялся, слукавил... Вот, видите?

- Да, я заметил коричневый крупный череп. Он стоял среди других голов. Кстати, есть тут один зелёный.

- Это ничего. Просто в земле где-то рядом, видно, медь была, - поясняет иеромонах. И в его коротком пояснении показалась мне глубоко спрятанная усмешка. Добрая усмешка: дескать, не думайте, милые, что мы тут химию не знаем и, что кроме духовных причин, не видим материальных явлений.

Валера Власов всё это снимал на видео (кстати, никто из монахов против съёмок ничего не говорил; лишь предостерегали нас: смотрите, ребята, греческая полиция рыщет по сумкам, так что можете неприятности заработать и... «Храни вас, Господи!» - улыбались и кланялись монахи). Усыпальница маленькая. Наверное, метра четыре на четыре. Образ Спасителя над головами трёх с половиной тысяч усопших. «Но не все из земли подняты», - пояснил отец Филарет. Почему? Мы не спросили, так как в этот момент почувствовали - не нужно задавать этот вопрос. Что-то мелькнуло в интонациях иеромонаха, за которыми почувствовалось нежелание касаться этой темы.

От усыпальницы отец Филарет повёл нас между зданиями храма св.Пантелеймона и какого-то ещё здания, назначение которого я не понял. Оно было закрыто все четыре дня, пока мы были на Афоне. Впрочем, речь не о нём, а о почерневших камнях на одной из стен его. Шириною в стоящего человека, камни почернели от земли до самой крыши. Причём, чернота этих камней не внешнего налёта, а словно выступившая изнутри.

Вот какую историю рассказал нам иеромонах Филарет.

- Я когда приехал сюда в 1976 году, застал среди братии ещё тех, кто старца Силуана живым видел и молился вместе. Так вот, они мне сказывали, а я эту бывальщину сказываю вам. когда строили тот архинарик, в котором вы поселились, тогда случилось игумену монастыря надолго отлучиться. Выехал он куда-то в Салоники или чуть не в сами Афины. Долго его не было. А когда приехал, то увидел, что эконом монастыря распорядился фундамент здания развернуть не так, как по плану и по согласию всё было. Поссорились игумен с экономом. Да так сильно поссорились, что до конца жизни в контрах были.

И вот много лет спустя занемог игумен, смерть почуял.

Позвал всех проститься, прощенья попросить. (Проститься - это ведь и есть «попросить прощенья».) И эконома тоже позвал, чтобы извиниться за обиды. А он возьми и не приди к умирающему. Умер игумен. Похоронили. Через три года выкопали -голова белёшенька, кости чисты. Приняла земля тело. Царство ему Небесное. Через некоторое время умер эконом. Вот здесь-то его, под стеной этого здания, и похоронили. Через три года разрыли могилу, а его взять нельзя - как студень, как холодец... Прости, Господи. Тогда братия зарыла его снова. Шесть лет всем монастырём молились о его душе. Но и через шесть лет, когда снова откопали, тело всё также нечисто было. Уж тогда (тут отец Филарет говорит почти шёпотом) его выкопали и где-то в горах похоронили. А стена... стена, говорят, в одну ночь черна стала. Как раз у могилы. Тут кто-то однажды засомневался: говорит, что эта чернота может быть от водостока с крыши. Но вы сами посудите - может такое быть или нет?.. Вот камни эти чёрные остались братии монастырской как напоминание о первой силе христианской. Сила эта в прощении. Прощать надобно. Прощать... Вот и всё. Прости, Господи, разговорился что-то...

Мы смотрим на стену и крышу внимательно.

Подтверждаем: чёрные камни явно не от водостока. Широк карниз крыши. Если уж где и мог быть водосток, так это в некоторых других местах здания. Но там камни белые, а здесь чернота какая-то внутренняя. Даже, я сказал бы, не «внутренняя», а проступающая изнутри. Чёрная сыпь на камне...

«Вы, поди, на жаре-то уже устали ходить. Отдохнуть хочется?» - очень вовремя спрашивает нас отец Филарет. Мы, действительно, устали и словно задыхались - и от напряжения утренних переездов, регистрации, ожиданий, и от осеняющего множества святынь, и от экскурсии, от... самих себя, явно смущённых многим незнанием ряда элементарных правил православного монашеского бытия вообще и афонского, в частности.

«После вечерней службы приходите ко мне в келью. Это можно. У меня чаю попьём, поговорим, если вам что-нибудь спросить надобно. Хорошо? Ну и хорошо. Отдыхайте пока. Храни вас, Господи!» Где его келья, мы уже знали - отец Филарет нам показывал (келья находилась на третьем этаже, если со двора монастыря, - под коридорчиком четвёртого этажа к престолу Покрова Богородицы).

Мы пошли отдыхать в наш архинарик, где на третьем этаже висят в коридорчике портреты Государей Императоров Николая II (его здесь с начала века не снимали), Александра III и Александра II, портрет какого-то священнослужителя без подписи, картина,

на которой изображён святой Серафим Саровский, подкармливающий медведя. Есть тут ещё две картины с изображением монастыря св.Пантелеймона, написанные, видимо, в первой четверти XX века, так как на картинах изображены пароходы с лопастными колёсами, а подписи под картинами - в дореволюционной орфографии.

В углу у входа стоит умывальник каких-то забытых форм, какие встречаются только в старых фильмах. Рядом - столик, здесь две-три заправленные керосиновые лампы, чистые стаканы и, кажется, больше ничего нет.

В своей комнате на втором этаже мы с Валерой только-то и смогли, что помолиться, поклониться иконам, с восторженной благодарностью и радостью посмотреть друг на друга: «Валер, мы на Афоне», «Гриш, мы на Афоне... Неужели?» Мы растянулись на топчанах.

- У-у-у, - засыпая, едва прикоснувшись к худенькой подушке, ещё раз восторгаюсь я. - Подушка-то, кажись, набита комкой...

- Что это? - слышу вопрос Валеры.

- Похоже на морскую траву...

И снится мне сон. Сразу и ярко. Табун лошадей. Большие. Игреневые, пегие, соловые, гнедые... Гроза. А лошади добрые-добрые. И я во сне смеюсь и удивляюсь тому, что они, такие большие дурашки, бегут ко мне, маленькому, будто я их могу спасти... Они пробегают, будто сквозь, и я вижу, что гонит их не гроза, а огонь, взрывы, пуляют куда ни попадя яркие-яркие пулемётные очереди... А потом один из взрывов превращается в громадную красную луну. Такая луна была, когда мы отплывали от Крита. А потом, тогда, на Крите, произошло землетрясение... Я, кажется, закричал во сне матерные слова и, закричав, вспомнил, что это сон. «Прости, Господи», - извинялся я за мат. И проснулся раздражённым, но тут же облегчённо вздохнул... Лежал минут десять, смотрел в белый потолок, перебирал какие-то незнакомые мысли (это состояние тоже ярко запомнилось) и тогда уже уснул тихо и глубоко.

Проснулся от звона колокольчика. Дежурный по архинари-ку монах шёл по коридору и зазывал на вечернюю службу.

В конце июля вечерняя служба начинается и заканчивается в светлое время. Тишина. Даже морской прибой был слышен в первый вечер. За стенами монастыря его ещё можно услышать, но когда проходишь ворота, то там, кроме цикад, шума листвы и пения в церкви, не слышно ничего.

Вечерняя служба шла в храме Покрова Богородицы. Вообще же здесь тоже два престола, но служба идёт у престола Покрова. Вдоль стен и посреди зала, у колонн, высокие кресла с высокими

подлокотниками. Во время долгих молитв и бдений монахи могут присесть или опереться на подлокотники (конечно, не во время литургии и не при открытых вратах алтаря). После недолгой вечерней службы (она шла 27 июля около двух часов) был небольшой перерыв; тогда почти в кромешной тьме, по звуку малого колокола на башне трапезной, монахи поднимались в храм Покрова Богородицы на всенощную по равноапостольным Владимиру и Ольге.

Но прежде, между вечерней службой и бдением, мы по приглашению отца Филарета пришли в его келью.

- Почему паломниками занимаюсь и туристами? кто меня поставил? Монастырский совет. Он собирается один раз в год и назначает послушание: этому трапезу готовить, этому строительством заниматься, этому на бахче... Мне вот назначили туристов встречать. Да, туристов и паломников. И объяснять им «что» да «как», - отец Филарет накрывает нам стол. Мясных блюд нет, но стол, прямо сказать, не бедный: салат, макароны, рыба, орешки, пряники, варенье, хлебцы разные, кофе и чай на выбор. Так положено ему встречать гостей и вести с ними беседы. Может, так... да не так. Самое главное ведь не стол, а то, как заботливо все дни, не только в этот вечер, справлялся отец Филарет и о моём здоровье (я сильно простыл), и о желаниях сходить куда-либо, и помыться, и... даже покурить. Отец Филарет выводил меня на задний дворик, гремя ключами, открывал какую-то хозяйственную дверь и добродушно ворчал:

- Вот приедешь в следующий раз, а мы тебя спросим: с сигаретками приехал или нет? Если с сигаретками, то мы тебя не пустим. Бросить надо. Вот и всё.

Я ему говорил, что лет через пять-семь, когда мои сыновья подрастут, привезу их обязательно на Афон. «Разорюсь, но привезу», - говорил я. А иеромонах мне улыбался: «Ты хоти-хоти. А всё как Бог даст. Хотят многие, а Богородица в свои пределы не пускает... Ты сигаретку-то хорошо затопчи. Сухое всё. Запалишь обитель, не приведи Господи».

В тот первый вечер мы в гостях втроём: Валерий, я и голландец-врач (он чуть-чуть говорит по-русски и вполне сносно по-английски). Голландец с Валерой на двух языках вполне нормально объяснялись. Мне же мой немецкий на Афоне пригодился лишь однажды (но об этом позже).

Отец Филарет рассказал по нашей просьбе о себе. Родился и вырос он в деревне под Соликамском Пермской области, служил в погранвойсках в Эстонии, после демобилизации (в конце 60-х годов) ушёл в Псково-Печерский монастырь. В 1976 году его направили на Афон... Здесь подвизается уже 18 лет. Три года

назад приезжал в Россию, ездил домой в Пермскую область. Привёз на Афон берёзку. «Тяжело ей здесь. Жарко. Поливать приходится. Но ничего, растёт...»

...Бросили между собой апостолы жребий. Кому куда идти Христа исповедовать. А Богоматери, которая была среди них, выпала Ивера. На жребий никто не роптал ни мыслью, ни словом. Но Пресвятая Дева Мария попросила:

- Прежде чем отплыву в дальнюю Иверу, позвольте заехать на Кипр - проститься с епископом Лазарем.

Это был тот самый Лазарь, которого воскресил Христос и который на Кипре Христа исповедовал. И позволили апостолы. И отплыла Богоматерь на Кипр.

Но заштормило море, и небо покрылось тучами, и высокая волна носила корабль с Богородицей три дня и три ночи. Когда же увидели просвет в тучах и солнце, осветлившее волны, открылась пред ними земля и горы, на которых стояли каменные и бронзовые идолы. А на самой высокой горе стоял Аполлон.

- Что это за земля? - спросила Богоматерь.

- Это Гора Афонская, - ответили люди на корабле.

- Пусть благословенна будет эта земля. Пред очами Господа нашего заступлюсь я за неё и защищу до Конца Времён. И не сделает здесь Тёмный даже шагу...

А в это время закричали и заговорили идолы в горах. И повернулся на Горе идол Аполлон, и все они разом говорили людям: «Идите! На ваш берег сходит Мать Бога Истинного, Мать Бога Всевышнего и Бога Живого!» И пошли люди. И пали на лице пред очами Богородицы. Дивно им было, радостно... И плакала Богородица вместе с людьми слезами светлыми...

(Из записок в афонском блокноте.) «Мы стали плохими Боговидцами, но святые апостолы, Богоматерь и Бог нас видят не хуже, чем 2000 лет назад. Попытки женщин искушать судьбу -в наше время проникнуть на Афон - заканчивались печально: видениями, болезнями, арестами и другими житейскими катастрофами.

Бог бесконечно милосерден, но только через исполнение Закона. Бог бесконечно милостив, но только тогда, когда не попирают святыни (то есть когда сами человеки милостивы к миру).

Любой родитель начинается родителем для своего ребёнка со слов «Можно» и «Нельзя». Мы ведь говорим слово «нельзя» не от прихоти нашей, а тогда, когда знаем, что за содержанием слова «нельзя» - смертельная для ребёнка опасность.

«Нельзя! Не лезь в колодец!» «Нельзя! Не пей эту жидкость: это не вода, не вино. Это уксус!»

Не Бог наказывает нарушивших Закон. И не Богородица сводит женщин с ума. Люди наказывают себя сами отказом от Слов Родителя.

Сколько несчастных улетело в бездну за детское упрямство и «самостоятельность»! Сколько несчастных лишь за минуту до смерти в слезах успело обернуться!..

В пятидесятых годах, сказывают, был случай, о котором на самом Афоне тогда не узнали, а много позже получили письмо от женщины, от монашки православного монастыря. Женщина рассказала в письме, как ступила она на берег Афона в одеждах мужчины, как разверзлись перед нею и земля, и небеса, и увидела она Богоматерь, которая попросила её вернуться на корабль. Ни угроз, ни упрёка, ни силы со стороны Богородицы не было. На корабль женщина вернулась с чувством неутихающего стыда и вины. А через некоторое время ушла в монастырь.

Монахи шутят. У нас преимущественно бытует мнение, что монах - это человек сосредоточенный, печальный (с оттенками от мизантропии до шизофрении), что люди эти либо беспросветные чудаки, либо высокого-высокого духовного состояния, понимаемого в миру как-то уж слишком абстрактно...

Во-первых, начнём с главного. Монахи - это люди. И они такие же разные, как и мы с вами. Только мы, в миру, распыляемся на службы - от Бога до мамоны, от семьи до партии или производства, а монах пытается отказаться от всего, кроме Бога. Конечно, они, по сравнению с нами, премного преуспели в сражении с грехом, со злом - они светлы, добры, улыбчивы, они не скажут лишних и глупых слов, слов злых и хитрых от них я тоже не слышал... Это, во-вторых. А в-Главных...

«Будьте просты, как дети, - учил Христос. - Будьте кротки, как голуби, и мудры, как змии». Монахи, вся их жизнь и душа суть стремление к этому идеалу.

...В келью к отцу Филарету постучали. Филарет открыл дверь:

- Отче, дай бутылочку, - слышим мы голос монаха.

- Какую ещё бутылочку? - настораживается отец Филарет.

- А какая есть?

- А какую тебе надо?

- Хорошую...

- Хм. Проходи.

В келью заходит иеромонах Николай. Высокий, красивый (на службе в храме его выправка показалась военной), умный. Ему лет 30-35. Мой ровесник. Позже он расспрашивал меня про Север, про духовную жизнь у нас, в Коми, о политике, упоминал о Стефане Пермском со знанием вопроса. Несколько фраз, которыми мы перебросились, и отрывочные разговоры позволяли

угадать в отце Николае человека с действительно Высшим образованием.

- Такая бутылочка тебе сгодится? - выходит из хозяйственной комнатки отец Филарет и выносит полуторалитровую капроновую пустую бутылку, в каких у нас продают подсолнечное масло.

- Хорошая бутылочка. Храни тебя Господи, отче. Но, может, ты помоешь её, а?

Отец Филарет опять хмыкает и спрашивает:

А куда ты с бутылочкой собрался?

- В Уранополис.

- А благословения у игумена попросил?

- Попросил. Да он не дал благословения...

- А как же ты пойдёшь?! Соблазны будут. Вот точно я тебе говорю: соблазны будут. Попадёшься в соблазны - и всё! - кипятится о.Филарет.

- А я сейчас пойду благословения у святого Пантелеймона попрошу...

- А игумен на что?

Иеромонах Николай смотрит на нас (так, чтобы не видел Филарет) строгим лицом и брызжущими от смеха глазами.

- Может, ты благословишь, отче? А? - но о.Филарет уже угадал шутки иеромонаха Николая и теперь подыгрывает ему.

- Ага. Раз такое дело - я тебе пробку от бутылочки не дам. С благословением вернёшься, а там как раз бутылочка подсохнет, - он устанавливает бутылочку кверху дном, и в интонациях его проявляются нотки кота Матроскина из мультика «Каникулы в Простоквашино». - А нет, так проси пробочку тоже у святого Пантелеймона...

Шутки монахов случаются вольные и невольные. Порою сама ситуация бывает комической в силу бытовых недоразумений или несовпадений. Но специально монахи не хохмят. Это грех. Другое дело, хохма как проявившаяся радость, как многогранность виденья бытия.

...Таскаем посуду и сундуки с утварью и одеждой. Несколько послушников, иеромонах и я берём ящики и - по ступенькам в монастырь. Не тяжело, но по жаре хождение туда-сюда не самое приятное. Каждый раз, когда возвращаешься к ящикам, в голове мысль: «Сейчас вернусь, а там братия уже последние подняла... » В наказание за такие мысли как раз последний сундук и последний ящик выпадает мне и одному из послушников. Сундук можно тащить только вдвоём, взяв за ручки с кованых боков. Один-единственный неполный ящичек тоже оставлять не резон. Ставим ящик на сундук, одной рукой придерживаем с разных сторон, другой - поднимаем сундук. Тащим враскорячку.

Неудобно ужасно.

Прямо у ворот в монастырь на нас выскакивает здоровенный послушник. С радостной улыбкой: дескать, вот, а мне уже ящичка не досталось. Как-то он, бедный, не заметил, что мы-то прём поклажу в два этажа! Мы же от радости, понятно, тоже не молчим.

- Помоги, Христа ради! А то ведь посуду, не дай Бог, побьём...

В одну секунду на лице здоровяка-послушника состоялось несколько спектаклей: шекспировские страсти - от досады, трагедии и ужаса до благоговейного смирения и печали... (о нас).

- Храни вас Господи, - говорит он нам. - Даст Бог, донесёте. Совсем чуток осталось...

Мы загибаемся от смеха. Он, кажется, тоже; мелко семенит, удаляясь от нас, и крестится...

В русском кунаке (представительстве) в карее - административной столице Афона - отец Иаков занимался отбором каких-то хозяйственно необходимых вещей для монастыря св.Пантелеймона. Ждала машина.

Подошёл пожилой монах с тремя молодыми монахами. Попросил о. Иакова оказией подбросить их на машине до какой-то горной развилки. Отец Иаков согласился. Погоди, говорит, немного, через полчаса поедем...

Мы не поехали ни через полчаса, ни через час, ни через три часа. Печально и смиренно подходит этот пожилой монах (кстати, по тяжести походки и какой-то вздутости одежд мне показалось, что под одеждами надеты вериги). Подходит и говорит о.Иакову:

- Отче! Что же ты?! Мы же изнемогли. Ты не едешь и не едешь... Может, мы уж лучше пойдём?

Иеромонах Иаков, человек сосредоточенный и по-крестьянски тщательный в делах и в сборах на дорогу (родом он из Донбасса, бывший шахтёр), сокрушённо говорит:

- Планида твоя сегодня такая - сиди и жди. Я же не сказал тебе: сиди на солнце... Вот, в тенёчек сядь. Помолись, чтобы я тут не забыл ничего...

- Да ну, Господь с тобой, Иаков. Мы пойдём, с Богом...

- Ну, тогда иди. Храни тебя, Господи. Не серчай. Вишь, как получилось...

- Обиделся, - сказал, глядя в спину уходившему монаху, один из послушников.

- Он не обиделся. Он опечалился. Этот бардак с вещами не я ведь придумал. Прости, Господи, - прокомментировал ситуацию о.Иаков, весь в поту от хозяйственного хождения, таскания вещей и, видимо, чувства неловкости. В русском кунаке шёл капитальный восстановительный ремонт.

Сказанное здесь о «планиде» и о «бардаке» вроде бы шутка, но и не шутка - порядок заданности. Если посмотреть нашими мирскими глазами, те четверо монахов могли помочь о. Иакову, но сидели на солнце и в молитвах изнемогали, - это была, действительно, их планида в этот час. Разобраться по-хозяйски в порядке вещей (в бардаке) - это планида о.Иакова. Помощь друг другу - только через молитву. А если что-то не получается - на то воля Божья. Не правда ли, за внешне комической и нелепой ситуацией видно очень чёткое «Пироги печь пирожнику, сапоги тачать сапожнику». Повторюсь - внешне сценка длиною в три часа видится смешной и даже немножко издевательской.

В келье иеромонаха Филарета в первый вечер нашего знакомства он, чтобы занять нас, предложил посмотреть альбомы, которые стояли на столике. К слову будет сказано: видимо, в силу того, что послушание о.Филарета - это встречи и провожания паломников, его келья изрядно отличается от других, виденных мною. Состоит она из двух комнаток, коридора, кухоньки и ещё какого-то закуточка. Всё это, конечно, очень маленькое, в целом не превышающее размеры, например, двух комнат типичных сыктывкарских студенческих общежитий.

Так вот, на столе около тридцати альбомов. Я не успел перелистать все, но, сидя в сумраке, в свете керосиновой лампы, я подивился необычности подбора картинок, фотографий и видов. Здесь маленькие репродукции картин русских художников, портреты святых старцев, фотографии и картины храмов и монастырей Русской Православной Церкви. Альбомы - это увлечение о.Филарета. Но согласитесь - какое странное увлечение! Это так не похоже на коллекционирование или на собирание семейных альбомов. Не похоже это ни на каталог, ни на хронографию. А за каждой страницей видится тихий и глубокий русский патриот, сын земли русской - любящий, помнящий её и гордящийся Родиной - Россией.

Здесь есть и грустные картинки, и лица великих старцев, покинувших этот мир, есть берёзовые пейзажи. И есть фотографии, сделанные на самом Афоне. А ещё... Ещё есть одна добрая и великая тайна в таких альбомах: они воспитывают нас, каждого паломника, оторвавшегося от мира и от Родины. они заставляют взглянуть на мир и на Россию как бы вне времени, на других высотах, по основам основ...

Привычные репродукции привычных, знакомых картин -Боже, как по-новому это здесь видится!

- Вот, смотрите, какая есть у меня фотография. И скажите, кто здесь? - о.Филарет показывает нам пальцем на женскую фигуру, которая на старенькой фотографии словно из стены

входит в стену. - Эта фотография сделана в начале века у нас... Вы знаете, ведь у нас своя фотомастерская была. И кузница была, и столярные мастерские...

- Так здесь же женщина! - говорим мы в один голос. - как она может быть?

- А вот и все говорят: как она может быть, если женщин здесь тыщу лет не было? Всякие фотографические комбинации никто делать тогда не мог. А женщина на фотографии откуда ни возмись выступила. как из воздуха. Братия говорила: «Никак Богоматерь среди нас прошла...» Фотоаппарат заметил то, что телесные глаза не видели.

В связи с фотографией, на которой проступила (по мнению многих людей) сама Богородица, мне хочется написать про случай, который был со мною в Афинах в канун приезда на Святую Землю, который вспоминался на самом Афоне и который странным образом светло и загадочно встаёт иногда перед глазами и сегодня.

...Мы спешили на автобус. Впереди бежали Власов и сопровождающий нас грек (от фирмы, с которой Валера устанавливал деловые связи). Мы должны были по всем меркам на автобус опоздать. Фактически мы уже опоздали. Я хромал. Внутренне очень нервничал и психовал из-за нелепости ситуации, из-за боли в ноге, из-за жары, из-за жжения загара, из-за того, что теряю из виду бегущих впереди меня компаньонов, из-за тяжёлой сумки, из-за толпы, которая мешала двигаться быстрее. В общем, дурацкое взвинченное состояние.

Вдруг перед самым носом, из-за фигур впереди идущих людей, на маленьком открытом пятачке асфальта я увидел страшного нищего. Без ног, с культяпками рук без пальцев; кожа его была изъедена язвами. Он сидел на каких-то тряпках и тянулся обрубками к людям. У меня даже мысль мелькнула: «Прокажённый. Что он здесь делает?» Кажется, он даже не говорил, а мычал что-то, рвался к солнцу, взывал. Один глаз (второй, со сморщенным стянутым веком, был закрыт) взирал на людей с мольбой и был... ясным-ясным.

У меня в карманах оставались буквально гроши. Позже пришлось занимать деньжат у Валеры. Однако (не знаю даже, почему) я залез в карман, нащупал монету в 100 драхм и положил на изуродованную руку нищему. Ушёл я, не оглядываясь -спешил. А в спину будто кто-то тепло и ласково толкнул.

Днями позже мне этот нищий неожиданно приснился. Причём приснился не он, а приснился симпатичный молодой мужчина лет тридцати со светлым-светлым лицом, улыбающийся, весь будто в лучах. На того нищего он совершенно не был похож,

я лишь по каким-то неведомым чертам узнал во сне калеку. Про этот сон и про сам случай с нищим я вспоминаю почему-то уже сейчас, здесь - в Сыктывкаре. Всплывает в памяти, улыбается и смотрит на меня тот светлый парень из сна, тот нищий. Я знаю точно, что лицо это мне знакомо. Знакомо -и всё тут! И не могу вспомнить - где я видел его? Я знаю, что когда-нибудь обязательно вспомню, узнаю, восстановлю в памяти.

Это даже похоже на игру - он чётко встаёт в памяти в лучах со своей улыбкой и ясными глазами и будто спрашивает: «Неужели не вспомнил? Узнаёшь?!» Я не узнаю. Но мурашки по спине. И в сердце тепло. Хотя, казалось бы, разве мало нищих встречалось?

...А на автобус мы успели.

...Листаю альбомы о.Филарета. Будто другими глазами смотрю на Россию. Будто всё то же, да не то - угол зрения другой. Может, это Святая Гора Афон открывает мне тот высокий и Высший взгляд на мир и МИР? Дивно. Сам себе дивлюсь - как в душе правое уходит вправо, а левое - влево. И страшно. И горько. И радостно. И чудно.

Словно невидимая мне доселе какая-то параллельная русская цивилизация чрез Христово поле, чрез уроки его жила и выжила, и живёт. Слава тебе, Господи! Слава! Чудны и велики дела Твои! Прости, Господи, что и слов-то достойных найти мне в тщетах моих пока не суждено.

Спасибо за ту великую толику, что дал увидеть в зерцалах Твоих...

В беседах с иеромонахом Филаретом коснулись вопроса о целительстве, о чудесах.

- «Вера твоя спасла тебя». Так ведь сам Христос говорил, когда людей излечивал. Зачахнуть можно от самой жизни, если она в безверии, в цинизме, в кривляниях... А чудеса? Здесь я вот уже 18 лет, но особых чудес, крупных таких, не видал. Излечиваться - да, излечивались. Кто с верой - к иконам, на Бога в молитвах полагается, тому и воля Божья в организме и в душе всё в порядок вещей приводит. В правильный порядок вещей... Вот и всё. Смотри-ка, разве не чудо, что нет у нас больных монахов? Страдают, бывает, болью в ногах, в пояснице, но это особое дело. Россия служит Богу на ногах, а не сидя (как в других странах)... Зуб, бывает, заболит - такое случается. Зрение от старости плохое бывает. Вот и всё. Каких-то других болезней я или не знаю, или их просто нет... - так рассуждал вслух о.Филарет.

- У меня в детстве был учитель... Не школьный, а учитель по жизни - духовный, что ли, - рассказываю я о.Филарету про себя и свою Родину. - Звали его Иван Иванович Ценгери. Вот я в бумаге «за упокой» написал этого Ивана. Он был грек. Из политических

«зеков». Отсидел в наших коми лагерях с 1943го по 1956-й, потом освободился на поселение. Был ещё некоторое время «поражён в правах»: не мог участвовать в выборах и что-то там ещё... Впрочем, он не особо-то переживал по этому поводу. Иван Иванович был человеком православным; я знаю, что он молился, постился, бдел и исполнял Закон Божий в меру своих сил. С двумя высшими образованиями и знанием шести языков, он закончил свою карьеру бухгалтером на маленьком механическом заводе в моём посёлке княжпогост (это ещё севернее Сыктывкара). Там у нас сплошные лагеря были. Когда-то давным-давно, когда я был совсем мальчишкой и бегал к нему играть в шахматы, Иван Иванович как-то в беседе (я уж не помню, о чём ему болтал) сказал мне: «Я тебе дам три завета. Ты запомни их. Подрастёшь, может быть, станешь умнее этих заветов, но пока помни хотя бы эти три. Никогда не скажи, что Бога нет. Ты сейчас пионер, потом в комсомолию вступишь. Можешь верить или не верить. Тут дело такое... Пусть другие болтают, что хотят. Но ты никогда не скажи, что Бога нет. Самое трудное на свете - Богу молиться и родителей кормить. Всё остальное приложится. Запомнил? Спать вечером ложишься - вспомни прожитый день. Каждую встречу и каждое дело. И если обидел кого-нибудь, обманул или случайно что-то не получилось, то хотя бы мысленно попроси прощения».

- Знаете, отче, жизнь потом замотала что-то: где-то наперекосяк шла, где-то снова выравнивалась. Заветы помнил, а исполнять - не всегда исполнял. Иногда годами они словно выпадали из памяти. Вот, смотрите-ка. Вам рассказываю -значит, помню.

Иеромонах улыбается, волнуясь или немного смущаясь, почему-то пальцем трёт клеёнку на столе.

- А знаешь, Григорий, все эти три завета я тоже в детстве слышал. От бабушки и от матери. Да-да, самое трудное - Богу молиться и родителей кормить... Да-да. А за что ж посадили-то твоего учителя? Иль не знаешь?

- В 1943 году в Харькове, «под немцами», он организовал общество садоводов и огородников. Что-то типа кооператива, я так понимаю. Война. Голодуха. Хотел себе и людям помочь сообща выжить. Наши освободили Харьков, а Ивана Иваныча арестовали как укреплявшего фашистскую власть. Был организатором производства? Был. По приговору он получил 15 лет лагерей, пять поселения и пять с поражением в правах -всего 25... Знаете, я когда из армии в отпуск приходил, зашёл в больницу. Иван Иваныч тогда уже совсем лежачий был. кровь носом и горлом шла. Было это в 1979 году осенью. Он

обрадовался, даже сесть пытался. О многом тогда мы тоже говорили. О лагере он рассказывал. Что из их этапа (сто два человека) живыми освободились лишь двое... Тогда же я ему сказал, что заветы помню. Он не переспрашивал. Только долго-долго смотрел на меня.

На второй или третий вечер получился у меня с иеромонахом Филаретом большой разговор. До этого всё как-то складывалось, что говорили об истории, политике, быте на Афоне -всё разговор не один на один. Всё разговор, но не беседа.

Я занёс отцу Филарету книжку «Ульяновский монастырь у зырян» (автор Арсеньев). Специально для монахов её передала давняя знакомая моей семьи Наталья Петренко. Я так и рассказал отцу Филарету обо всём: кто передал книжку, что за монастырь и как его сейчас восстанавливают. О.Филарет живо интересовался, спрашивал о коми республике (правда, от слова «республика» он словно отворачивался, хотя худого не сказал), о людях коми земли, о том, сильна ли вера. «Наверное, в ваших лагерях много новомучеников смерть приняло?» «Много...» - ответил я ему, а он крестился, что-то шептали его губы. Наверное, молитву.

Наконец, выбрав удобную паузу в разговоре, я задал вопрос, который меня очень интересовал. Просили задать этот вопрос

и многие люди, знавшие, что я еду на Афон.

- Отче, сейчас в России сильны упаднические настроения. Много разговоров о Конце Света. Я не знаю, как к ним относиться, потому что, судя по историческим книгам, у нас в России всегда так - только жизнь тряхнёт, как тут же вопли начинаются: вот, дескать, гибнем, вот, дескать, Конец Света пришёл... Насколько эти разговоры похожи на правду?

Я задал вопрос, и наступила пауза. Она короткой была по времени, но почему-то именно за эту короткую паузу я подумал: «Вот я задаю вопрос православному иеромонаху, как цыганке на базаре. Что было? Что будет? Чем сердце успокоится? А ведь слева от меня, за двумя стенками, ковчежец с головой Апостола евангелиста Луки, а рядом мощи Иоанна Крестителя Господня, мощи Андрея Первозванного... Здесь вопрос мой звучит как шелест опавших листьев. Под ноги Вечной Жизни, под ноги Великим Учителям...»

иеромонах Филарет ответил спокойно.

- Когда будет Конец Света, никто не знает. По многому же видно приближение его. Однако же, Господь может приблизить его ради праведников или отдалить ради грешников. Никто не знает, когда будет Конец Света, кроме Господа нашего иисуса Христа. Но вот всё, что старцы сказали, всё сбыться должно из открытого им. Всё сбывалось, сбывается и должно сбыться...

«Китай Челябинск возьмёт, но дальше не пройдёт. А прежде русские Константинополь возьмут, и крови будет по копыта. и службы запоют по-славянски. А Россия станет снова маленькой». Она ж маленькой была, Русь-то... Когда будет -Бог ведает. Уж ясно, что раньше Конца Света. Чему должно исполниться, то ещё исполнится. А число Зверя уже находит руки человеческие...

Отец Филарет помолчал немного и добавил:

- Унывать нельзя. Грех это. Молиться надо. Каждому ведь своё на небесах начертано. Господь же всё видит - волосы на голове сосчитаны... Ты ж и сам знаешь.

Тогда я отцу Филарету не задал вопрос о том, где искать её, эту духовную опору? Как в миру быть с моим бесконечным «умничаньем» и сомнением: дескать, отцы и деды молились, а ни покоя, ни мира, ни любви, ни земли, ни денег, ни славы -ничего не нажили. С саблей рождались, с саблей помирали. Но ответ сам выплыл и в душе моей, и в сознании. «Что ты знаешь о жизни и о душе своих отцов и дедов? - спрашивал я сам себя. - Как ты можешь мерить их любовь и чаянья, их землю и деньги, которые пришли и ушли? Что ты знаешь об их чувствовании мира и об их мере покоя? Ни-че-го! И вообще, кто право-то тебе дал? Зачем самому себе представлять о предках трагедию и скорбь, а потом якобы решать смысл этой самой придуманной трагедии и скорби? Бред создал и сам в бреду своём заблудился?»

С келиотом отцом Виталием меня познакомил Вадим из Симферополя. Он со своим сынишкой (тоже Виталием) позвал меня сходить к роднику у причала. Здесь очень вкусная, холодная и прозрачная водица льёт из скалы днём и ночью. В виде арки (или пещерки) в человеческий рост сделана выемка к струе, и с двух сторон стоят скамеечки. Мимо поднимается дорога к монастырю св. Пантелеймона. Над родником икона...

Уж не знаю, по какой причине оказался здесь иеромонах Виталий. Вообще же он служит Богу, молится и живёт один в келье св. Дмитрия, что стоит в ущелье за Свято-Пантелеймоновым монастырём примерно в 30-40 минутах ходьбы. Может быть, он приходил помочь монастырской братии, так как монахи готовились к празднику святого великомученика и целителя Пантелеймона (9 августа), поговаривали о том, что приедут большие гости и, кажется, даже архиепископ константинопольский. (Возможно, что-то я запомнил неточно, но всё-таки подготовка к празднику была заметной.)

Вадим поздоровался с отцом Виталием, я тоже, конечно. Человек он могучий, ростом, наверное, под метр девяносто. Широкоплечий. Черноволосый. Густая чёрная борода и усы, красивая белозубая улыбка, крупные чёрные глаза. Его можно

было бы одновременно принять за грузина и за румына, за болгарина и за турка, за таджика (это единственная нация арийцев в Средней Азии) и за черноморского казака-атамана. Библейский антропологический эталон. Вадим и иеромонах разговорились. Я понял, что они уже немного знакомы. Меня представили отцу Виталию: «Человек из России, из коми республики. Это крайний Север. Зовут Григорием».

Отец Виталий улыбался, глаза его смотрели удивлённо и радостно, немного изучающе. Он спросил меня (так многие здесь спрашивают): «какой народ коми? Много ли православных церквей в Коми крае? Наверное, у вас много новомуче-ников в лагерях погибло?» В жизни Русской Православной Церкви и в сердцах чад её XX век и Русский Север останутся «адресом катастрофы» - временем и местом гонений христиан и гибели их. Надолго. До конца времён...

Пока Вадим разговаривал с иеромонахом, мы с канадцем, рыжеволосым весельчаком Майклом, попив воды, сидели, пытаясь объясняться... Прелюбопытное было зрелище: он говорит по-английски, я пытаюсь по-немецки. У обоих ощущение, что вполне понимаем друг друга, разговор долгий, а встали со скамеек и... вспомнить нечего.

Кроме самого факта: вот, был разговор. Так, наверное, в миру мы встречаемся, разговариваем, а захочешь вспомнить, о чём - и вспомнить нечего. Часто даже факт разговора забывается, не только содержание...

- Вы, Григорий, много курите. Ни телу, ни душе дым не нужен. Зачем вы курите? - печально и сочувственно посмотрел на меня иеромонах Виталий.

- А Бог его знает, - ответил я. Подумал: «Надо же! Стоит, разговаривает с Вадимом, а небось, несколько моих сигарет сосчитал. Я, пожалуй, своим курением тут многих в смущение душевное ввожу». - А, вот, кстати, отче, как вы думаете: на кодирование или на иголки православному человеку можно идти? Или это от лукавого? Ну, например, от пьянства или от курева... Бывает ведь, как запью, - никакого удержу нет. Такой разгуляй, что потом не знаешь, куда глаза девать...

- А что такое «на иголки»? - спрашивает о.Виталий. Рассказываю ему про «тибетскую медицину», иглоукалывание, что вставляют тоненькие-тоненькие серебряные иголочки в уши, подавляют нервные окончания, рефлексы.

- Про кодирование мне трудно сказать, я не знаю, - пожал плечами иеромонах, - а вот иголки, я думаю, это же в точки, которые на человеке от Бога... К врачам надо ходить, надо. Их медицинская наука - дело благое, спасающее человека. Но прежде

молитва должна быть. Сам врач ведь тоже человек. Он тоже может ошибиться. Помолись, чтоб Господь и мысль его, и взгляд, и руку наставил, Господь! А не бесовские нервные помыслы... Курить-то бросай. Детки твои на тебя смотрят. Ты ж не хочешь, чтоб они курили... Ну, вот.

В последний день, когда встретился с келиотом иеромонахом о.Виталием ещё раз, спрашивал я его, как жить. Зачем мне жить? Понятно, что нужно детей вырастить, что нужно прожить достойно. Но что есть достойно? И главное - зачем? Тогда я слушал его и... не слышал. Кое-что из сказанного им я записал в блокнот. А теперь, переписывая из блокнота, поражаюсь исходной точке видения келиота. От самой первой буквы...

- В последние времена, так старцы говорят, не будет для людей больших наставников и авторитетов. А спасать душу человек сможет через чтение святых отцов, Писания и Евангелия, через тех, кто раньше был. Ищи...

Когда пусто в душе - это не пусто. Это маета. А пусто, когда становится страшно от пустоты. Старец Силуан говорил: «Не вера от страха, а страх от веры». Это я прочту уже дома. Домыслю в дороге. И за очерк сяду с установкой: напишу как Бог даст.

На Афоне я часто ловил себя на мысли-сожалении, что и этого не знаю, и то не читал... Фактически, кроме очерка Бориса Зайцева, написанного в 1928 году в эмиграции, о Святой Горе Афон не читал ничегошеньки. Впрочем, я свой материал спешу написать, так и не читая чужих впечатлений. Единственное дополнение к знанию об Афоне - книжка «Старец Силуан», прочитанная ещё не до конца. Думаю, может, оно и к лучшему, что пишу так, как увидел, не путаясь в чужих впечатлениях? Уж прости, читатель, если где-то по-мирски слишком много уделил внимания быту или с какими-то «советскими» мерками на монахов посмотрел. Обидеть я никого не хотел, только чувствую некоторую досаду оттого, что несказанное Нечто, глубокое, как печаль и боль в глазах иеромонаха Николая (даже тогда, когда он шутил и улыбался), это Нечто не получается облечь в словесную форму.

Когда я уже уезжал, в том коротком разговоре с келиотом о.Виталием он мне сказал: «Господь сам разберётся, что тебе сказать, а что нет. Какое слово для себя вынесешь, какое ещё для кого одного, а какое для тысяч... » Убереги, Господи, от лукавых измышлений.

Упомянул о.Филарет о монастырской библиотеке. И сказал, что игумен не дал благословения открывать её для посторонних.

Дело в том, что несколько лет назад работал в библиотеке молодой учёный-поляк. О.Филарет говорит, что доверие тому

человеку было, и усерден он был и вроде бы благонравен. Да вот спёр парень редкую книжку. И ведь через таможню как-то провёз... Книжку в Польше нашли (правда, в монастырь до сих пор почему-то не вернули), а вот парень где-то до сих пор от полиции бегает. Бог ему судья, но вот жаль, что в библиотеку мы не попали.

Говорят, что здесь уникальные труды Ефрема Сирина, Григория Паламы, Григория Синаита и многих других великих писателей, духовных проводников, Совершенных. Зарубежные учёные и высокие священные чины католической церкви удивляются тому, что эти книги читают простые монахи. «У нас эти книги читают профессора!» - говорят они.

Однажды очень достойно по этому поводу заметил старец Силуан: «Многие наши монахи не токмо читают, но и смогли бы написать об этом же. Если б уже не было написано...»

Когда я прочитал эти слова старца Силуана, то подумал: «Зачем пишу то, что уже написано?» Мои произведения, как и произведения моих старших коллег, сродни обжитому и тёплому мелководью. По большому счёту, для читателей, для национального и человеческого опыта, в них нет тайны (или почти нет). Настоящий читатель ищет, где глубже. Через мои книжки пробегают, как через многие другие, суетливые, тщеславные, ненаучающие. Забудут их - и правильно сделают. Стало быть, туда им и дорога. Лишь бы то, что уже напечатал, вреда не принесло.

Вот и весь сказ «О библиотеке», в которую мы не попали. (И никогда не попадём...)

Дорога на Старый Руссик от монастыря св. Пантелеймона начинается крутым подъёмом с поворотами по кромке ущелья, на противоположной стороне которого виден скит. Белый, с ярко-красной черепичной крышей, он кажется обычной южной хаткой, каких немало где-нибудь под Запорожьем или в Карпатах.

Машина ревёт на подъёмах, пылит, вписываясь в повороты, а мы в кузове чувствуем пыль на губах. Когда я читал очерк Б. Зайцева об Афоне, то мало задумывался и отмечал географию полуострова. Поэтому, наверное, увидев в горах вынырнувшие словно из-под земли здания, спросил у послушника, сидевшего рядом: «Это что за храмина?» «Это старый Руссик», -сказал он. «А-а-а», - только и оставалось мне обрадованно откликнуться.

Вообще-то мы выехали из Пантелеймоновой обители в Карею - административный центр Святого Афона. И вот, на многое не рассчитывая, довелось побывать ещё и в Старом Руссике.

Валера Власов оказался образованнее и просвещённее в истории и географии Афона: наша остановка в Старом Рус-сике

для него не была неожиданностью. Он здесь снимал на видео. Не уставал поражаться его выносливости, скрупулёзному отношению к протекающей жизни - от дел в бизнесе до внимательности к духовному строительству себя. Он - генеральный директор Национального негосударственного пенсионного фонда металлургов. Мой ровесник в такой должности -это, конечно, уже о многом говорит, но даже не это главное. Главное, что Валера - трудяга.

Совершенно по-разному провели мы четыре дня и три ночи на Афоне. Он успел обойти пять монастырей (именно обойти: шагал через горы, по лесным дорожкам в несусветную жару).

А я «гонял лодыря» и хотя немного преувеличиваю насчёт «лодыря», но все эти дни и ночи на Афоне ходил, смотрел, беседовал с монахами, слушал биение молитв, ритм монастырской жизни. Мне бы ещё денька два-три. Ещё бы хоть пару ночей и, как мне кажется, я сумел бы завершить какую-то картину в себе, какое-то представление с началом и концом, верхом и низом... А так лишь восхищение чужим трудом, ощущение не-дописанного «сердечного этюда» («сердечного» не в смысле претензий на чувственность, а в смысле проникновенности в чувства).

... В Старом Руссике - два крупных здания, сразу видно, какое древнее, какое помоложе. Мы идём в древнее. Монах Иона ведёт нас на третий этаж по пыльным лестницам (здесь бригада греков вовсю делает ремонт и, по разговору, вроде бы собирается восстанавливать балконы на внешней части храма). Здесь, на третьем этаже, - престол святой великомученицы Варвары. Заходим. Приложились к святым мощам великомучениц Варвары и Катерины, Параскевы и мученицы Александры. Монах помолился, мы, перекрестившись и помолившись, постояли.

На втором этаже - престол сорока двух Амарейских мучеников.

- Очень редкий престол, - говорит монах Иона. - Я даже не знаю, где у нас в России такие престолы есть. Они, конечно, есть, но очень-очень редко встречаются... Сорок два воеводы почти шестнадцать веков назад приняли мученическую смерть во имя Христово в Амарейской пустыне... Есть престол сорока Севастийских мучеников, а это сорока двух Амарейских. Другой случай... Вы уж не перепутайте, - монах смотрит на меня и на мой блокнот.

«Отец Иона похож на Аввакума, каким его рисуют иногда в книгах или на картинках», - подумал я. Действительно, он говорил и смотрел как-то истово, молился истово, а каждое слово из его уст я ощущал физически, как глоток пищи,

проваливающийся через сознание в сердце. Как печать или, вернее, как крестик миропомазания во время соборования. Слово летело в меня, печатало... А я слушал и слушал, боясь прервать монаха, боясь громким вздохом сбить ритм его речи. Я уже ничего не записывал и привожу фрагменты его монолога по памяти.

- Меня в партию однажды пригласили. А мать сказала: «Уйдёшь, прокляну! Лучше пусть не будет у меня сына. Отрекусь!» Я дивился тогда. Думаю: как же так, мама? Как ты можешь отречься от меня? Мы с матушкой, как одна душа, жили... А матери виднее было. Смерти нет. Душа, если спасётся, наследует Царство Божие. А вот в партию - там дорога только туда, в геенну. Молитвами материнскими Бог хранил меня. Подумайте только: я служил радистом в авиаполку бомбардировщиков стратегического назначения на Сахалине. Дело было в шестидесятых годах. Или уж начало семидесятых?.. Не помню. - Он перекрестился. - Так вот, в те-е-е времена, в те страшные времена, когда КГБ, политотделы и всякие другие «разведчики» следили за нами-то, рядовыми и сержантами, тогда, в те времена, наш командир полка, - и иеромонах с горящими глазами поднимает вверх руку с двумя перстами, - был верующим человеком! Православным! Нашёл он нас нескольких - трёх или четырёх человек, и, бывало, молились вместе! Господи! Чудо-то какое!

- В такой должности он наверняка был коммунистом, - говорю я о.Ионе.

- Не знаю, не спрашивал. Моё какое дело? Господь знает, где своих людей расставить, Ему виднее. И мне знающие люди говорили, да я и сам убедился, - Его люди, по Его промыслу везде стоят: и в КГБ, и в Центральном Комитете стояли, и в прокуратурах... Всякая власть от Бога, но многие люди власти не от Него. Придёт Страшный Суд, и будут люди, что избраны Богом, стоящие сейчас среди тьмы у горнила власти, будут они ещё и нас судить! И заступаться за нас перед Господом, и отворачиваться от нас. Вот какие люди есть у власти...

О.Иона крестится, гремит ключами, целует иконы и ведёт нас к выходу. С печалью и испугом оборачивается на образа:

- Прости, Господи, наболтал тут лишнего... Прости, Господи, да не во вред сказанное будет.

Иеромонах ещё наверху, у престола святой великомученицы Варвары, а потом в коридорах и на лестнице, с перерывами рассказывал нам историю пострижения сына сербского царя. Было это в самом начале биографии самого монастыря Старый Руссик.

Прискакали как-то под вечер к стенам храма два всадника: один молодой совсем, второй - слуга - постарше немного. Молодой человек представился сначала просто - Руссик. А чуть попозже (видно, после беседы со слугой-товарищем) признался, что вечером или к ночи за ним может прискакать погоня. Признался и в том, что он не просто отрок, а сын царя, что хочет уйти от отцовского беззакония и вообще от власти.

Монахи насторожились. Игумен задумался. Башню и ворота заперли. И тут, в сумерках, появился отряд воинов. Они были уставшими, а потому, наверное, в меру ретивыми - расположились вокруг монастыря и стали ждать утра.

А игумен возьми да и спусти им на верёвках бочку вина: дескать, пейте, люди добрые, но до утра я вас в монастырь всё равно не пущу. Ну, и на том спасибо. Перепились добры молодцы и спят вповалку.

Когда же утром встало солнышко, выглянул в окошко молодой монах и крикнул воинам: «Братья! Вы за Руссиком приехали, но я уже не Руссик. Я - инок Савва!» - и бросил им в окошко прядь своих волос от пострижения.

Так был пострижен в монахи Савва Сербский - святой святитель сербов, человек, с именем которого связано движение православия на Запад. Человек, с именем которого и сегодня сражаются сербы в Боснии и Герцеговине против наступления ислама и хорватского псевдокатолицизма, смешанного с шальной политикой, грязными деньгами и сомнительным «миротворчеством» ООН.

...Мы ходили по коридорам и лестницам. Иеромонах рассказывал об иноке Савве: рассказывал так просто, истово и вдохновенно, что не исчезало ощущение: вот сейчас он нас с Саввой познакомит... Вот Савва вышел куда-то, но, может, мы его встретим на улице... Вот в одно из этих окошек он крикнул тогда, тысячу лет назад: «Я уже не Руссик!» Да, Боже, была ли эта тысяча?! Мы же сами придумали деление времени на часах и календарях. Времени нет - есть Вечность. Савва действительно где-то здесь, ходит вместе с нами, просто мы не видим его из мер нашей плотской жизни.

Отрицание привычного времени я наблюдал и ощущал на каждом шагу: и в монастыре св.Пантелеймона, и на Старом Руссике, и в Карее. Есть грех и есть борьба с ним. Есть человек Ветхого Завета и есть рождение Новозаветных Людей. Какие здесь могут быть минуты или часы? Они здесь, как лепестки, собраны в бутон Сосредоточенного Цветка, в огонь единой Лампады Афона пред лицом Божьим. Под покровом Богоматери (от стуж мирских, от ветров ересей) горит эта Лампада Афона, ждёт Утра Христова

Цветок. Раскроется Он, распрямятся тогда те минуты и часы, и встанут мёртвые, а грешники в то Утро не будут узнавать друг друга...

Когда о.Иона рассказывал нам о «новом» храме Старого Руссика и говорил о гордыне молодёжи, не слушавшей стариков, тогда я не сразу понял, что молодёжь... уже умерла. Речь шла о тех молодых монахах, которые не послушались стариков - не дали старцы благословения на строительство нового храма (было это в начале века).

- Мы ж пока молоды, как думаем: а, что там старики понимают! Их время, дескать, уже ушло. Так и братия в начале века -решила строиться наперекор старикам. Ещё бы, здесь до революции стали появляться люди с большими деньгами. Всем же хочется душу спасти, а на то нет разумения, что спасать надо не ретивостью, но смирением, не гордынею, но умностью сердечной, молитвою, - рассказывает о.Иона. - Старикам, видать, открыто было, что времена идут смутные, что это строительство - труды одни. Не дали они благословения. И что же? Храм вот отгрохали. Красивый, правда? А службы идут раз в год. Служить некому. В 1991 году совершили литургию, а до этого 45 лет службы в нём вообще не было. Вот те и на! Здесь ведь всё на месте - заходи и служи. А вот как получается... -он крестится и шепчет.

- В монастыре вы видели чудотворную икону святого. Целителя Пантелеймона. Помните? - риторически спрашивает о.Иона. - А вы знаете, что она здесь была? Да. Она была здесь. Когда собрались строить новый монастырь, тогда старые монахи тоже говорили: «Не стройте у моря. Стройте здесь, в горах, подальше от любопытных глаз». Давно это было. (В 1770-х годах - авт.) И тогда ведь молодёжь слушала и не слушалась. Взялись и построили у моря. Нарекли Свято-Пантелеймоновым. Икону перенесли из Руссика... А она три раза сама от них уходила. Было такое чудо. Сначала монахи думали, что кто-то из ревности её унёс обратно. А потом дважды запирали её и сторожей сажали. Утром идут на службу, а её нет! Она в Руссике. И уж только тогда, когда всем монастырём всенощную отстояли да каялись, да просили Пантелеймона остаться, только тогда икона осталась навсегда...

За этой историей мне вспомнились слова иеромонаха Филарета из монастыря св.Пантелеймона: «Христос уже судить придёт, а молодёжь и люди вообще будут пререкаться ещё. Так ведь и тогда народ будет спрашивать: почему? А воспрошения уж и смысла иметь не будут!.. »

Пытаясь постичь, что же происходит и что действует в мире, люди спешат обозначить не суть, а фрагменты сути, отражение

явлений, следы опровержений мирской заданности. Это от маловерия, и маловерие от этого.

Думаю, что нашлись бы чудаки, которые, побывав на Афоне, объяснили афонские чудеса гравитацией и антигравитацией, полтергейстом и гипнозом, экстрасенсорикой или ещё какой-нибудь чепухой. Почему это чепуха? Потому что есть слова и... нет смысла за ними. Нет постижения сути этих слов -«полтергейст», «гравитация»... Есть бесконечная путаница и самоослепление шелухой беззаконного гордяческого внедрения в тайну. Внедрения без труда. Без духовного бдения, без стяжания Духа Святого, который выше и чище любых энергий, любых факиров и любых плотностей, с которыми сталкиваются экстрасенсы.

От Старого Руссика до Кареи уже совсем близко. Здесь дорога под гору. За одним из поворотов сразу открываются Андреевский скит и вся Карея. Далеко виден монастырь Вато-пед.

О.Иаков стучит по крыше кабины: дескать, остановись! Это он для Валеры делает остановку, зная, что тот сейчас будет снимать на видео (что Валера и стал делать). В это время мы с двумя послушниками потрясли айву у дороги, поели и даже немного с собой взяли.

В Карее, покрутившись по узким улочкам, мы с первого раза так и не смогли подъехать к русскому представительству - то встречные машины мешали, то шофёр, о чем-то поговорив с греками, дал задний ход и остановился на большой брусчатой площади. (Асфальта на Афоне я не видел, но зацементированные пространства есть: видимо, по суше завезти горячий асфальт невозможно, а своего заводика нет.)

На площади мы с Валерой расстались. О.Иаков посадил его в джип «Генерал», где шоферил грек, иммигрировавший из Коканда, свободно говоривший по-русски. Власов отъезжал на Халендар, а потом собирался пройти к Иверскому (бывшему Грузинскому) монастырю. Несколько раз спрашивал, далеко ли Климентова пристань? (Это место, где Богородица сошла на берег с корабля после шторма.)

Я же, как уже писал, на Афоне не стремился путешествовать. Мне хотелось беседовать, смотреть; я физически чувствовал, будто останавливаюсь и начинаю жить в каких-то медленных и глубоких, неведомых мне ритмах. Эти ритмы мне были важны. Ни в Сыктывкаре, ни в Княжпогосте, ни в деревне на Верхней Выми - нигде не помню, чтобы я так медленно жил...

У поэта Надежды Мирошниченко есть строчка: «Я медленно лежу на нашей крыше...» Некоторым редакторам был непонятен образ, смеялись: как, дескать, это - «медленно лежать»? Так вот, я

на Афоне медленно дышал, думал, спал, молился, смотрел, слушал - медленно, медленно, медленно...

О чём я всерьёз пожалел, так это о том, что не сходил до Иверского монастыря. Там ведь та знаменитая чудотворная икона Иверской Божьей Матери. О.Иаков говорил, что мы через полчаса поедем обратно... Знать бы, что задержимся на несколько часов, успел бы сходить туда и обратно. Видно, не суждено было. На всё воля Божья.

Зато мы с о.Иаковом зашли в храм Успения Богоматери и поклонились другой чудотворной иконе. О.Иаков был сосредоточен и молчалив, а когда выходил, сказал мне, подняв к небу палец: «Бо-ольшая святыня!» К стыду своему, не обнаружил я в своём блокноте записи о том, что за икона была. Боюсь ошибиться, но, кажется, о.Иаков говорил об иконе «Достойно есть».

Русский кунак. Здание из двух этажей. Год постройки -1858-й. Ремонт идёт вовсю. Здесь маленькая церковь, престол св.Георгия. Иеромонах в кунаке запомнился тем, что внимательно спрашивал меня, есть ли сейчас политические ссыльные в Коми, что представляет собой Воркута и шахтёрские претензии к правительству, как и насколько сохранились коми (как православный народ), как возрождается церковь в Коми крае.

И ещё. Здесь, в кунаке, я неожиданно для себя решил застарелый писательский вопрос, ряд серьёзных неясностей, которые уже не просто мешали мне творить, но, я бы сказал даже, становились тем «якорем», не подняв который, смог ли бы я работать в литературе дальше? В беседах с о. Филаретом, с духовником о. Макарием на исповеди, а ещё раньше - с писателем Владимиром Крупиным, главным редактором журнала «Москва», на многих других встречах, в различных беседах мне вроде бы и встречались дельные советы, но были они «либо-либо»: либо касаемые меня, либо касаемые литературы. Откровения о «мостике» между литературой и мной не было. А тут, в кунаке, в коридорчике, куда мы вошли прямо из помещения церковки св.Георгия, за длинным столом я сидел в полном одиночестве. Ожидание не тянулось, а словно зрело. И в этот момент (не верю я в случайные совпадения) из нескольких книг «Журнала Московской Патриархии», лежавших на столе, я взял одну. Не глядя. И открыл тоже не глядя. Передо мной была статья «Гоголь и монашество». Прочитав её здесь, я получил ответы на все мои внутренние претензии и вопросы. На все. Наверное, я был похож на придурочного, потому что около часа ходил по двору и кунаку, не помня себя. Клубки сомнений, запутанностей, установок разматывались стремительно, как стремительно оживает человек,

вдруг и резко избавившийся от застарелой боли, мешавшей дышать.

Конечно, я понимаю: та статья кому-то может показаться обычной, но для меня она необычна. У меня обычная обувь. Но ведь кому-то она может натереть мозоли, быть великоватой или показаться уродливой. Мне же она «как раз». Ту статью кто-то написал, будто беседуя со мной и собрав все мои предыдущие разговоры в формулу.

На самом юге полуострова Афон стоит древнейшая лавра святого Афанасия Афонского. Самые же северные монастыри -по восточному побережью Халендар, по западному - румынский монастырь (названия которого я не знаю). Монастырь св.Пантелеймона находится на западном побережье, примерно на трети пути от румынского монастыря к лавре св.Афанасия. С берега через залив виден параллельный Афону полуостров Лонгос.

Чтобы по-настоящему познакомиться с историей и жизнью двадцати монастырей и множества скитов, калиб, пещер, потребовалось бы, наверное, лет десять упорного и тщательного хождения и моления. Впрочем, я ошибаюсь: с Афоном нельзя познакомиться до конца, как нельзя познакомиться с Жизнью. Чем больше живёшь, тем больше понимаешь загадочность её. Она учит только тому, что ничему не учит. Требуется постоянно научаться ею, а научаясь - уметь обрадоваться и славить жизнь. Как Божий подарок. Как сказку и загадку её в самой себе.

Монахи тоже паломничают. Они ходят друг к другу в гости.

Греки - к сербам, сербы - к румынам, румыны - к болгарам, к русским... Кто куда хочет, тот туда (с благословения своего игумена) идёт. Многие, почти все, монахи знают по несколько языков. Как правило, знают греческий, болгарский, русский, английский. И, конечно, церковнославянский.

В те дни, когда я жил в русском монастыре св.Пантелеймона, здесь служили и выполняли послушание четверо юношей-монахов (православные поляки) из монастыря в Афинах и двое монахов-греков из Халендара, а также другие работники и послушники из России.

«В чужой монастырь со своим уставом не ходят» - эту истину я видел в наглядном исполнении. Греки выполняли всё, что наказал игумен Ермолай - настоятель русского монастыря. А монахи-поляки ушли из монастыря дальше по Афону только с его благословения.

В русском монастыре мясо не едят круглый год; масла, молока, яиц в меню тоже нет. А в монастырях греческих мясо едят (кроме времени постов, конечно), едят и масло, и яйца, только

молока не пьют. Во всяком случае, так мне рассказывали. Говорят, что в греческих монастырях можно встретить даже курящих монахов.

По монастырским русским уставам в Великую Схиму (отшельничество) постригают только в возрасте старше двадцати пяти лет. Греки же, бывает, постригаются и в юношестве. (Великая Схима - более аскетическое монашеское бытие. «Постричься в схиму» и «постричься в монахи» не одно и то же.) Русские монахи шепчут: «Как же так! Молодые ведь совсем, а стригут их в Великую Схиму! Сколько их не выдерживает... Это ж погибель!» А греки удивляются русской монашеской традиции постригаться в монахи как подряжаться на строительство монастыря или церкви: дескать, что это за монах, если главная его забота - стройка? При этом греки «забывают», что святой Афанасий Афонский тоже был таким монахом-строителем. Он был и организатором, и политиком, и дипломатом. В X веке, в период непримиримой тяжбы, в спорах и ересях между Римом и Константинополем, он умудрился получить благословение одного «крыла» церкви Христовой и защиту с финансированием другого «крыла». Сам Афанасий - в молодости воин, кулачный боец и центурион (по-нашему, офицер) - был здоровенным мужиком, работавшим за троих и по тем временам как бы «не вполне» соблюдавшим каноны.

Однажды за трапезой, когда св.Афанасий уплетал уже третью порцию, он поймал взгляд-упрёк собрата монаха.

- Не кори меня, брат! - сказал св.Афанасий. - Я большой, мне больше надо. А по завету Богородицы (она являлась ему -авт.) я должен столько успеть, что, боюсь, мне и жизни-то не хватит... И тело, как планида, лопнет, не выдержав.

Святой Афанасий Афонский успел выполнить всё. И Богу молился. И лавра на утёсах Афона была построена.

Задний двор русского кунака в Карее выходит прямо к подножию горы. Там, наверху, идёт дорога на Старый Руссик, на Дафни, на монастырь св.Пантелеймона.

Здесь тихо. Старенькое-престаренькое крыльцо со скамеечкой. Над ней - хмель вьётся на крышу. В ожидании работы и выезда машины обратно к монастырю св.Пантелеймона я сидел на этой скамеечке, обрадованный прочитанной статьёй, смотрел на лабиринты узоров пола в коридоре (он виден в открытую дверь), дивился игрой этих лабиринтов, как когда-то удивлялся психологическим игровым ответам на семинарах в университете.

Отсюда начиналась моя дорога домой - в Россию, в Сыктывкар. Ещё сутки я проведу в монастыре. На обратном пути, в Салониках, в жесточайшем цейтноте мы с Валерой успеем-таки

найти храм святого Григория Паламы, пробиться через суету венчаний (две свадьбы - тьма народу), найти какого-то парня-мордоворота... Он откроет нам маленькую комнатку, где в сумеречном свете увидим гроб со стеклянной крышкой.

- Святой Палама? - спрошу я у парня не потому, что не знаю, кто там, в гробу, а потому, что сам не верил себе: я здесь, у тела великого Паламы, к которому обращался в минуты сомнений и отчаянья и чудным образом находил ответы, чувствовал его присутствие в своей жизни. Иногда он словно стоял за моей спиной.

По дню рождения мои святые - князья-братья Борис и Глеб. Я чту их, но сам не знаю, как и когда так получилось, но узнал я о Паламе, потом почувствовал мистическую связь, потом проверил её...

Я поклонился гробу до земли. Встал около него и замер. Лежит Святитель - Великий Учитель Сергия Радонежского, Андрея Рублёва, Святителя Стефана Пермского. Чёрный. Нетленный. С XIV века лежит. Без мавзолеев и бальзамирований.

«Здравствуй, отче! Вот ты какой. Ужель я рядом с тобою?» Не знаю, сколько стоял я и шептал у гроба. Был я один (получилось, что заходили мы с Валерой в комнату по очереди). Может быть, я как-то не так, странно вёл себя, но, когда обернулся, увидел доброе сияющее лицо того парня-македонца, который отворил нам эту святыню. «Лицо-то какое радостное, -подумал я. - Никакой он не мордоворот. Прости, Господи, за худые мысли... »

Всё это будет потом, через два дня. А здесь, на пороге кунака, я сидел и вспоминал цепь «случайностей», которые привели меня на Святую Гору Афон.

...Цепь событий можно описать коротко. Наверное, правильно будет и написать коротко. Иначе можно раствориться в догадках и эмоциях, имеющих лишь опосредованное отношение к факту.

Апрель. Ночь. Сыновей уложил спать. Жена в Петербурге по аспирантским делам. Сижу у телевизора и не вижу телевизора. Мысли: «Как уже «достало» это бесконечное хождение по кругу: выборы - политика - иллюзия перемен - выборы -новые иллюзии... Все блекло. Да, знаю, что даже «хождение по кругу» - тоже иллюзия. Любой телефонный звонок, встреча на улице могут оказаться поворотными в судьбе. Разве в моей жизни не случалось такого?» Так я думал. Через несколько минут в дверь позвонили...

На пороге стоял мой старый школьный товарищ Володя Беляков (нынче он живёт в Москве и занимается бизнесом), а рядом с ним высокий и подтянутый молодой человек в очках. Это и был Валера Власов. Они заехали ко мне сугубо по делам своего бизнеса. Об этом мы поговорили быстро. А потом заговорили о

прошлом, о судьбе, о Боге, о староверах, о святынях... Валерий сказал: «Слушайте, давайте я попробую связаться со своими бывшими однокурсниками - они сейчас работают в Госкомтуризме: может, удастся нам выехать в Грецию, на Афон?» Пожелание повисло в воздухе...

Начало июня. Через два-три дня должна была состояться инаугурация на пост главы Республики Коми Юрия Спиридонова, моего нынешнего шефа, а дальше - сессия Верховного Совета, где на повестке принятие герба и гимна республики. В мой кабинет №206, в котором до меня, говорят, сидела женщина-экстрасенс, постучали. Зашёл старый знакомый. Спросил: «Можно ли остановить принятие герба?» Я ответил, что вряд ли: маховик дел и документации, прошедшей через разные комиссии, был раскручен давно. Тогда он передал слова человека, которому было дано Божье Откровение. Прозвучали они так: «Эта птичка на гербе склюёт республику». Знакомый мой пояснил, что тот человек говорил: дескать, ныне живущие увидят исчезновение республики как политико-административной единицы. В это время раздался междугородний звонок: «Ну, Гриша, поздравляю: поездка на Афон, кажется, получается», - сообщил Валера Власов.

Герб Республики Коми, в котором не нашлось места христианским символам, на сессии был принят. Птичка-зверь распростёрла крылья над Землёй Коми...

...Полтора месяца мы перезванивались с Валерой. Поездка срывалась несколько раз. Были моменты, когда казалось, что она вообще не удастся. А потом мне приснился какой-то незнакомый старичок, который показывал церковный календарь... Утром я нашёл в календаре единственную связанную напрямую с Афоном дату - 18 июля, день преподобного Афанасия Афонского, Сергия Радонежского и мученицы Анны. Из Сыктывкара в Москву я вылетел, конечно, 18 июля.

Цепь событий можно было бы продолжить и дальше, приводя убедительные факты (вплоть до знака Богородицы, данного нам на подступах к Святой Афонской Горе, о котором я уже писал). Но сейчас хочу сделать отступление. Оно важно не только для меня, но, надеюсь, и для читателя, который может оказаться человеком экзальтированным и падким на мистику, с развитым художественным мышлением или, наоборот, «сухарём», пытающимся логикой проверить гармонию. Дело в том, что в увлечении мистикой меня упрекнут наверняка: «А, он писатель - пиши, Емеля. Навоображать можно многое». Я же прошу обратить внимание на то, что любой факт, событие, описанное мною, можно превратить в рассказ, в повесть. Это такое поле для творчества, что только бери и пиши. Стремлюсь же я только к

факту. «Не измышляй», - советовал мне о.Андрей, настоятель Свято-Казанского храма в Сыктывкаре. Я следую совету: не измышляю, лишь излагаю. Конечно, и тут найдутся оппоненты, которые упрекнут в подгонке фактов, но думаю, что оппоненты найдутся всегда, даже если бы они прошли со мной весь путь и при этом списывали мои мысли.

Не я пришёл на Афон - меня привело туда Божье Провидение, Воля Его. И хочется мне, чтобы текст был достоин этой Воли - не стилем, не жанром, не законами литературы, но Его Высшим Законом.

Зачем? Не знаю. Может, вы знаете? Коль уж удосужились, не поленились дочитать до этой строчки...

Мой поклон Вам, читатель.

У русского кунака в Карее я сидел и думал: «В чём она, разница между созерцанием и глазением? Между любопытством и жаждой познания? Между мудростью ума и мудростью сердца? Как снятся нам сны: образы ли чувств? Лёгкость ли сердечных мышц и нервной системы выбрасывают образы? Или происходит считка тех Великих и Светлых Энергий, о которых писал Григорий Палама? Как отличить «фотоплёнку» памяти от трансляции Образа? Как отличить «архив подкорки» от «ретрансляторов» боковых (мирских) энергий и как отличить их обоих от того далёкого и близкого маяка? Святый Боже, Свя-тый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас!»

В мыслях я столько наломал дров, столько нагрешил, что не знаю, успею ли отмолить. Но именно здесь, у кунака, мне стало приходить какое-то новое, другое ощущение собственного греха. И греха человека вообще. Даже смысл борьбы с грехом и методология её начинали видеться иначе. Уберечь бы это видение. Дай мне, Боже, не заблудиться.

...Когда старец Силуан в молении, в бдении, в посту и в послушании дошёл до высоких границ сверхчувствования (сверхчувство по-латыни extrasensora, но экстрасенсам, наверное, и не снилась «экстрасенсорика» Силуана), когда среди ночи его келья полыхнула нестерпимо ярким светом, и дивился старец тому, что видит свои внутренности, что разбегаются от света демоны, что мир преображается пред глазами его, тогда спасло его только призрение Божье, крёстное знамение и Иисусова молитва, жившая в сердце и подсказывавшая: «Силуан! Берегись!» Встал Силуан перед образами для поклона и увидел тогда, что между икон стоит большой бес. И ждал бес поклона Силуанова. И не дождался. Закроет глаза старец. Молится, молится, молится... Встанет перед образами - и тут же из стены выходит бес. И опять старец молится. А поклониться образам Божьим не может. Когда

же иссякли силы старца, когда заплакало сердце от Богооставленности и, казалось, что вот-вот наступит погибель, тогда крикнул Силуан:

- Где же ты, Господи! Векую оставил мя еси?! Ты видишь, что я хочу молиться Тебе чистым умом, но бесы не дают мне. Научи меня, что должен я делать, чтобы они не мешали мне?

И был ответ ему в душе: «Гордые всегда так страдают от бесов».

- Господи, - говорит Силуан, - научи меня, что должен делать, чтобы смирилась моя душа!

И снова в сердце ответ от Бога: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся».

Мой страх в новом его наполнении появился после Афона как раз от простой мысли: «А я-то успею хоть крикнуть? И вякнуть ведь не успею, не то что совет Божий услышать».

В холодном ужасе подступает смысл слов Пимена Великого: «Где сатана, там и я буду». Все спасутся - один я не спасусь.

Но Афон же заставил отступить отчаянье. «Ищи!» - сказал мне келиот иеромонах Виталий. Ищу... Новый смысл привычных слов и неожиданных чувств.

Когда мы с Валерой расставались на площади в Карее, то договорились так: если он к 12-ти часам по европейскому времени не успеет вернуться в монастырь св.Пантелеймона, то, возможно, он вышел на Дафни, и тогда я должен выйти к причалу и с его вещами тоже; уже с причала Дафни Валера на катере подойдёт к монастырю, и вместе погрузимся.

На следующий день, после утренней службы, я зашёл в келью к о.Филарету. Он, видимо, уже догадавшись о нашем безденежье, пообещал мне «кое-что дать». Это «кое-что» оказалось бесценным богатством. Он освятил на великих мощах более тридцати бумажных икон. Когда протянул их мне, первой, самой верхней, оказалась маленькая икона св.Афанасия Афонского. Я её оставил себе. Вместе с иконами о.Филарет дал священного масла в маленьких бутылочках, освятил печати для просфор, которые я купил в лавке архинарика, а также, по моей просьбе, дал и три свечи из храма св.Пантелеймона.

На пороге храма он благословил на дорогу, пообещал ответить на письмо. Уже собирая сумку, я вспомнил, что старосте православной общины Княжпогоста Евгении Ивановне Филипповой обещал привести камень с Афона. «Хоть камешек оттуда привези...» - говорила она мне. Собрал я и камешки в дорогу.

Ещё оставалось время. Я ходил по монастырю и вокруг него. Всё не мог насмотреться, надышаться. Появилось щемящее

чувство, какое бывает при расставании с близкими и родными людьми. Удастся ли когда-нибудь сюда приехать ещё хоть один раз? Хочу привести сыновей, но мало ли чего хочу я. Сюда формально и документально попасть вроде бы просто, а реально «почему-то» далеко не всем удаётся.

- Как живёшь, отче? - спросил в беседе с о.Николаем иеромонах Филарет.

- Живу. Хожу по земле, аки по небу...

Где я был? На земле ли? На небесах ли? Будто в детство уезжал. Разве можно туда уехать? Несколько раз в моём детстве в Княжпогосте были такие великие и странные минуты... Бегу из школы мимо забора механического завода и на том месте, где рядом с кислородной станцией начинается спуск, вдруг, словно в каком-то солнечном потоке, становлюсь невесомым. И кажется мне, что пойду я сейчас прямо по воздуху туда, за железную дорогу, за мост, за реку. Во-он туда, в то белое облако, которое похоже на крыло. И звук. Какой звук! Он похож на песню гобоя или английского рожка. Ангелы, что ли, трубили?

Родина. Что это такое? Просто ли место на земле? Деревня, город, район, область, страна? Какая реальная площадь в сердце - Родина? Почему человек бессознательно к ней стремится?

Это не просто место рождения. Это те места детства, где снизошла на человека благодать Божия, познакомила его с МИРОМ. Именно дети чаще всего испытывают посещение Духа Святого.

«Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих, - учил Христос. - Ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного».

Уходит всё. Куда? Как? С ненужными «знаниями», с грехом, с глупомудрствованием и со спешкою... На спешке и Господь застанет. «На чём застану, на том и судить буду».

Однажды, когда писал рассказ (кажется, «Метель»), будто лопнуло и потекло сердце. Однажды увидел Время. В объёме. И качалось оно у меня перед лицом то ли как глобус, то ли как капля, то ли как слеза... Однажды, когда вернулся с войны в Приднестровье, был огонь. Когда читал о старце Силуане - об огне в келье, осветившем внутренности и гнавшем демонов, тогда волосы вставали дыбом. Я видел это! (И тогда наивно гордился своим видением.) Я видел людей, горящих, как свечки, и видел огарки тоже. Видел души умерших и слышал их плач. И было это долго. Казалось, что схожу с ума. Пока в одно из утр, когда ещё сидел на кровати, вдруг будто раскрылось пространство слева над моей головой, и ударил, облил меня золотой-золотой сноп света. Я плакал и не мог остановиться. Не видя Богородицу, я точно

знал, что это она.

Где я был? По земле ходил или по небу? Прощаясь с монастырём, я поднялся по лестнице на второй этаж и - так получилось! - в третий раз вместе с группой греков-паломников приложился к святым мощам. В третий раз. За что мне это было дозволено? Говорили мне люди из Симферополя, бывшие вместе с нами, что и один-то раз мощи не всем паломникам открывают. А мне трижды было открыто.

...Я шёл среди мощей чудотворных, среди духа Совершенных и Святых, и не покидал меня этот вопрос, как крик стучал в горле: за что мне такая честь?! Подскажи, Господи! Или планида мне уготована страшная, и Ты укрепляешь меня? Или настолько я в пропасти грехов, что ты спасения ради дал мне последний шанс? Или гора трудов нечеловеческих ждёт меня впереди? Тогда как мне взять эту гору?

Все вместе или ничего из спрошенного? Неведом мне Промысел Божий.

...Я бережно обнял ладонями ковчег с головой Апостола Луки, хотел поднять и поцеловать голову, но всё-таки, не отрывая от стола, наклонился и поцеловал... Правильно сделал. Был мне на то ещё один добрый знак.

Не помню, кто уж мне сказал, чтобы сходил я за благословением на дорогу к игумену Ермолаю.

Игумен пилил с послушником дрова на заднем дворе. О.Ермолай уже в серьёзных годах - ему за семьдесят, но бензопилой управлял легко и умело. Я ждал.

- Отче, благословите на дорогу да на дела в миру, - попросил я, когда он заглушил пилу и снял защитные очки.

Игумен несколько удивлённо и строго (наверное, от неожиданности) посмотрел на меня, а потом лицо его преобразилось, стало светлым и ясным.

- Вы русский? А откуда? - спросил он.

В который уж раз понимаю, что меня с моей черноволосой головой да ещё и в затемнённых очках принимают за грека.

- Из России. Из Коми - это ближе к Северному Уралу. Европейская часть. Русский Север, в общем.

- А-а, - улыбался он. - Далеко вы доехали. Храни вас Господи!

Он благословил меня. Я почему-то смущался так, что не узнавал сам себя. Послушник-здоровяк тоже улыбался:

«Храни вас Господи! Поклон России».

Сижу в келье. Надо уже выходить на причал. Валеры всё нет. Собрал и его сумку. Что ещё? Кажется, что должен был успеть сделать, то сделал. Заказал о.Филарету молитву во здравие о.Андрея, о.Владимира, игумена Трифона с братией,

родственников да друзей.

За упокой почивших родственников и знакомых квиточек тоже оставил.

что ещё?

Перекрестился на образа. Поклонился и вышел.

Валера появился на пирсе за пять минут до прихода катера. Тёмный от пыли, усталый, с чётками на руке (подарок игумена Иверского монастыря), пышущий тёплой усталой энергией.

- Слушай, ты успел хоть с отцом Филаретом проститься? -с упрёком накинулся я на него.

- Всё успел, Гриша. Всё, - он так улыбался, что и у меня рот до ушей растянулся.

Приближался катер. Волны почти не было. Плеск не слышен. Приближался катер, который нас увезёт в мир.

«Вернусь. Обязательно приеду хотя бы один ещё раз, привезу сыновей. Не прощаюсь, Афон. - Я лихорадочно глядел на отворяющийся к причалу трап катера. - Спасибо тебе, Богоматерь, за приют под твоим покровом. Спасибо всем... Не говори «прощай». Не говори «прощай». Скажи «до свидания»...

Я крестился, глядя в небо, как тогда, когда на пути к Афону обращался ввысь, к Богородице. Она ответила мне, приближающемуся гостю, набежавшим, растянувшимся по небу розовым облачком. Обернулся я на монастырь, поклонился. Рядом со мной стоял Валера. Лицо его неузнаваемо изменилось. Он пытался сосредоточиться, шептал молитву и крестился... медленно. Он пытался остановиться! Он пытался остановиться, как это делал я все четыре дня и три ночи! И он мучительно - по лицу было видно - собирал в душе те единственные слова благодарности, которые можно крикнуть в небо просто взглядом.

И тут мы, не сговариваясь, увешанные сумками, одновременно и, так уж получилось, как по команде встали на правые колена и, перекрестившись, тронули правой рукой землю Афона.

- Прощай! - крикнул я с тихим ужасом от мысли, что хотел сказать «до свиданья».

- Прощай! - кто-то во мне сильнее меня крикнул второй раз.

Мы встали тоже одновременно и, уже поднимаясь по трапу, с некоторым смущением и досадой заметили, что на нас смотрят все: и на катере, и провожающие, и те, кто поднимался вместе по трапу.

- Вы, наверное, офицеры? - спросил улыбчивый иеродиакон Ианикий, с которым мы только здесь, на катере, познакомились.

Представители таможни на катере, видимо, тоже по-своему отреагировали на наше прощание: меня перепотрошили с ног до

головы, сумку чуть ли не наизнанку выворачивали. Не знаю, как обошлось у Валеры...

Всё обошлось. Таможня ничего не нашла. Вот уж воистину - перед их глазами проплыли видеокассеты с записями, а они их не заметили. «Господь разберётся, что ты отсюда вывезешь для себя, что ещё для одного кого-то, а что для тысяч людей», -вспомнил я слова келиота о.Виталия.

Вы прочтёте очерк, наверно, за час. Писал я его несколько вечеров. Вспомню что-нибудь и запишу. Захочется дописать более тщательно - сажусь и дописываю.

Для меня важны два обстоятельства.

Во-первых, может, с исторической или богословской точки зрения, а может, просто «по ослышке» что-то я записал неправильно. Может быть, где-то оговорился или неточно выразил мысль. Прости, ради Бога, читатель, ибо мне было важно донести настроение, интонации, стиль отношений монахов, меня (в себе), контрастность «мира» и МИРА. Удалось ли? Судить вам да Богу. Приехав на Афон со многими писательскими вопросами, пишу об Афоне совсем не как писатель.

Во-вторых, важно помнить, что Святая Гора Афон - это Мировая Лампада перед лицом Бога. В России сейчас увлекаются йогой и Рерихами, головы повёрнуты в сторону Тибета. Зато на «Русский Тибет» - в Афон - на месяцы и годы вперёд планируют и заказывают поездки люди из лютеранской Германии и католической Испании, из атеистических США и Канады, не иссякает поток православных греков, сербов, болгар... Учёные, богословы, писатели, художники с замиранием, с детской стыдливостью и смущением осторожно прикасаются к тайнам Афона и... плачут. Немец-фотохудожник, бородатый сорокалетний гигант, не мог сдержать слёз, когда стоял на причале. Я провожал его. Он уезжал на сутки раньше нас. (Это тот самый случай, когда мне пригодилось хоть какое-то знание немецкого.) Лицо немца было похоже на лицо ребёнка, который вот-вот разревётся, потому что: «Куда ушла Мама? В какой «мир» я возвращаюсь? Господи! Я же люблю Тебя!»

«Не вера от страха, а страх от веры», - говорил старец Силуан. «Вера есть Любовь», - учил Христос. Чем больше любишь Мир и людей, тем больше заселяется в сердце твоём Страх Божий: в каком безумии мы живём! Как я-то живу ещё до сих пор? Как спасти себя и людей? Страх смерти - это пыль перед Страхом Божьим. Ибо что может быть страшнее Вечной Смерти, превращения в «Ниже, чем Ничто»?

Тайны Афона. Прикосновение... Есть ряд фактов, событий, явлений, которые я хотел бы описать, но не получается, не

хватает меры и веса простых человеческих слов. Но даже не это главное. Главное - правда ощущений. А они заключаются в том, что в душе существуют запреты. Первый запрет: ЭТО дано было тебе. Для покаяния. Для движения к Мудрости. Для спасения. Сказав ЭТО, ты теряешь ЭТО.

Запрет второй: не уподобляйся Хаму. Не показывай и не рассказывай всего, что ты случайно увидел в Доме Отца Твоего.

Повинуясь этим запретам, а также по причинам другим, в силу неохватности Афона умом и сердцем, я не написал многого, но записал так, как сподобилось, пытаясь сохранить МИР в душе. Желаю и вам Мира в ваших сердцах.

Господи, храни чад Церкви твоей, храни Россию!

1994 год

СВЯТАЯ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦА ВАРВАРА ЗАЩИТНИЦА ОТ ЗЛЫХ СЛУЧАЙНОСТЕЙ

С 17 декабря 1977 года моя жизнь могла пойти совсем-совсем в другом русле и другом направлении. Возможно, она бы уже и закончилась. В тот день, быть может, впервые мне было дано понять, что за каждое деяние отвечать придётся по полному счёту. И впервые дано было узнать, что такое заступничество невидимых сил, творящих чудо.

Всё было по-хулигански просто. Накануне подрался на танцах. Один из моих ударов попал в подглазной нерв моему сопернику Витьке, тот ослеп на оба глаза. Врач, ко всему прочему, ставил диагноз «контузия». Отец того парня был «большой человек» в нашем районе. К исходу первых же суток стало понятно, что от суда и тюрьмы мне не отвертеться. Колючая проволока замаячила перед глазами самой что ни на есть прямой перспективой. Но это было не самое страшное. Я думал: «Отсижу года два-три, а Витька на всю жизнь останется слепым. Он уже не выйдет правым нападающим в футбольной команде. И на лодке больше не сможет кататься, как катались прошлой весной».

Солнечное морозное 17 декабря лопнуло передо мной, как стекло, и увидел я словно сквозь треснутые воздух, солнце, жизнь и родной дом, что там, дальше, открывается бездна. Бездна, расколотая моим хуком с правой. Отвлечься от неё я не мог, наоборот, она расширялась с каждым новым моим вопросом. Как же я буду жить в том же городке, где Витька не видит солнца, где рядом со мной по улице будет ходить его мама? Как будут теперь жить мои родители, люди хоть и «небольшие», но уважаемые? Отец-фронтовик будет прятать глаза от заводчан.

Как-то особенно было больно из-за того, что я не мог вспомнить, почему мы подрались. Какая-то ерунда вспоминалась, но не суть. Сути конфликта просто не было. Бесовщина какая-то. И это тоже давило на сердце.

Хрустел снег под ногами. Как в сказке, запорошённый снегом стоял наш дом. Выбежала встречать меня наша собака. Но всё это было расколото пополам моим ударом с правой.

Тогда, помнится, закричало сердце куда-то в небо. А кричало оно так: «Небо! Солнце! Жизнь моя! Если есть за всем этим солнечным днём такая чёрная бездна, значит, есть и другое. И тоже за этим солнечным днём! Значит, есть что-то бездонно светлое и великое. Ведь не может же по ту сторону жизни, и

солнышка, и дома, и собаки быть пропасть только в одну сторону. Если есть пропасть, значит, есть Великая Гора, которую я не знаю, но которую чувствую».

Я вспомнил Бога, иконы. Нет, неправильно говорю. Меня будто пронзило: «Так ведь в другой стороне от бездны и есть Любовь. Это и есть то, о чём была икона у бабушки». Там, на иконе, сквозь небо лицом к лицу смотрели на нас ангелы.

Как когда-то в детстве, я услышал в тот момент трубу. Этот звук нельзя перепутать ни с чем. Он нигде и везде. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, у меня мурашки по спине.

Я остановился как вкопанный. «Я хочу туда! - была одна всепроникающая мысль. - Туда, где труба, а не где бездна». Что-то происходило с сердцем. Оно сокрушилось и дышало, жило будто отдельно от меня.

Труба стихла, и бездна замкнулась. То, что происходило в последующие шесть часов, было сплошным чудом. Я пошёл просить прощения у Витьки и его отца (они оба были дома). Витя встретил меня, сверкая одним глазом, - одним он уже видел! Отец его даже не ругал меня, а просто ворчал на нас обоих. Говорил, что полно серьёзных дел, а он вынужден общаться с милицией, врачами и двумя безмозглыми идиотами.

Мы с Витей разговаривали часа четыре. А когда я стал уходить, у него начал видеть второй глаз. События вокруг той драки так же стремительно и благополучно разрешались, как трагически и дико начались.

Но 17 декабря 1977 года я запомнил на всю жизнь.

Летом 1994 года на Святой горе Афон - на Великой христианской горе мира - в монастыре Старый Руссик иеромонах Иона привёл меня с товарищем к престолу святой великомученицы Варвары. Это был самый маленький престол, который я когда-либо видел. Полочка в уголку комнатки, которая сама-то мал-мала, примерно метра два на четыре. Полочка задёрнута завесой - это и есть престол. Но в 1994 году та комнатка была мне уже очень понятна. Она была, быть может, самой-самой моей из всех комнаток, дворцов, отелей и квартир, которые были в моей жизни.

К 1994 году, уже воцерковленный, я знал, что 17 декабря - день памяти святой великомученицы Варвары. И вот я на Святой горе Афон, у её престола. Иеромонах Иона рассказывал нам с товарищем, как она много лет провела в башне, почти не общаясь с людьми, но открыла там Бога, а также поведал о.Иона о её подвиге... Но я тогда слушал его, оцепеневший от одного странного (как тогда мне показалось) совпадения.

Когда-то 17 веков назад девица Варвара из комнатки, в

которой была заперта отцом-язычником, глядя на море, синее небо, землю в цветах и деревьях, своим ясным девичьим умом и чистым сердцем задалась вопросом: кто может родить такую красоту?

Из бездны своей темницы она узрела Творца. Не так ли и я, увидев разбитый моим ударом мир сквозь хруст снега, сквозь солнышко и нашу собаку-лаечку, сквозь морозный мерцающий воздух, увидел бездну Тьмы и догадался о Бездне Света. А как только догадался, так и сердце сокрушилось, и труба Ангела Света стала слышна (сколько слов, но как трудно объяснить самое простое).

В 1996 году в Республике Коми широко отмечалось 600-летие успения святителя Стефана Великопермского - просветителя зырян. Подъём был общий, хотелось что-то сделать для утверждения православия на нашей земле. До этого в разговорах с иеромонахом Михаилом (Ветошкиным) мы проговаривали возможность строительства небольшой часовенки во имя святой великомученицы Варвары. Отец Михаил тогда готовился к строительству монастыря в Важкурье, там и решено было поставить часовню. Сразу после празднеств, посвящённых святителю Стефану, я привёз в Важкурью сруб и стройматериалы. Даже время помню - 16 мая. А через две недели я попадаю в отделение экстренной наркологической и психиатрической помощи с жутчайшим медикаментозным отравлением. Понятное дело, никогда наркоманом я не был, а в психиатрию до этого обращался только из журналистского любопытства. Но в том мае меня доставили в 9-е отделение в горизонтальном положении и в полнейшем бреду. Таблетки от хронической усталости со снотворным эффектом оказались коварной штучкой. Две на меня не подействовали - выпил четыре. А потом, когда голова уже не работала, оказалось, я выпил ещё штук пятнадцать.

В состоянии бреда произошло нечто выходящее из бреда. Галлюцинации и сумрак ума оказались в какой-то момент рассечены Другой Реальностью.

Из облака вышла женщина, встала надо мной и заплакала: «Григорий, ты ведь погибаешь!» Плакала и молилась. Слева и справа от неё, как на разрезанном экране, продолжался бред. Она разорвала его своей молитвой и своим стоянием надо мной. А потом экран опять сомкнулся в огне. По времени так продолжалось, оказывается, около трёх суток.

Когда очнулся, я точно знал, кто эта женщина. Это была святая Варвара. К ней православный мир обращается в молитвах о помощи и спасении от глупой, нечаянной, неосторожной смерти, о даровании возможности прежде конца исповедоваться и

причаститься - принять смерть по-христиански.

В строительстве часовни святой великомученицы Варвары я участия не принимал, но сруб и стройматериалы пригодились. Часть пошла на часовенку Варвары, часть - на церковь святого целителя-великомученика Пантелеймона.

Знакомый мужчина однажды рассказывал, как работал в молодости в студенческом стройотряде в Важкурье: «Я был ещё неженат. Приехали мы в 1984 году со студентами в это село из Питера. Строили, кажется, коровник или сарай для МТС. Не помню теперь уж. Помню другое - момент ясновидения. Сидим, значит, как-то на перекуре. Жара. Уставшие, потные. Мысли о том, где б перекусить, выпить и сходить искупаться. Так себе мысли, в общем. И в какой-то момент словно облачко какое или ветерок налетел. Я вижу женщину с девочкой, которую по улице большого города ведёт за руку та женщина. А я думаю, глядя на всё это: «Вот жена и дочь моя Варвара». Почему Варвара? Почему жена? (У меня тогда и подруги-то не было.) Где это всё? Вижу-то я их будто не наяву, а где-то в глубине ума. Через несколько лет так всё и случилось, как увиделось. Только вот от кого узнал я о своей будущей дочери Варваре в Важкурье? Ниоткуда узнал - вдруг, с воздуха, с небес. А теперь вот услышал, что там храмовая часовня стоит. Думаю, что святая Варвара это село часто посещала и прежде. Святый Дух ведь бродит, где хощет. Только мы часто ли слышим Его?»

Мы ли находим святых угодников Божьих, или святые угодники находят нас? Почему присутствие некоторых из них становится так явно в нашей жизни? Мы не знаем точного ответа, потому что «ответ ума» здесь не подходит. Подходит только ответ нашего безумия - голос сердца.

Позже я заказал иконописцу икону великомученицы Варвары и подарил в небольшую церковную общину. И начал узнавать, что святая великомученица Варвара в жизни многих православных людей у нас, в Коми, сыграла какую-то роль. Во всяком случае, она не «одна из многих святых», а находится в неведомом близком присутствии и в Сыктывкаре, и в Печоре, и в Воркуте. Можно гадать, то ли новомученики Российские в период ГУЛАГа как-то особенно молились Варваре, то ли она, заступница небесная, глядя на нелепые, страшные и нехристианские смерти от Котласа до Воркуты, ходила по шпалам и лагерям и вымаливала у Бога тех редких и верных, которые были способны распяться за Христа до смерти. Но она - святая великомученица Варвара - здесь, рядом, этой земле и её судьбе Богом поставлена. Не чувствовать это невозможно.

В начале марта 2004 года я выехал на семинар,

организованный в Киеве украинским представительством одной знаменитой американской корпорации. В программе были серьёзные учебные консультации с миллионерами Европы и Австралии и финансовыми мудрецами мира.

Но это было фоном. Во Владимирском соборе Киева хранятся мощи святой великомученицы Варвары, приложиться к которым, конечно, было важнее для меня всех программ семинара.

Первый день. В Киеве холодно, как в Сыктывкаре. Так как у меня не было украинской валюты - гривен, за чужой счёт я добрался до места на маршрутке-«газели». До открытия семинара в Спорт-Палаце, громаднейшем Дворце спорта, оставалось ещё минут сорок. Решил поменять рубли на гривны в ближайшем валютном пункте. Почему-то мне встретился самый грабительский обменник во всём Киеве. Такого дурацкого курса я потом не встречал за все дни пребывания на Украине.

Возвращаюсь к Спорт-Палацу.

На оживлённом перекрёстке, как раз в тот момент, когда для пешеходов зажёгся зелёный свет, чихая и треща, останавливается прямо передо мной зелёный «Жигулёнок». И ни туда и ни сюда! Я открываю боковую дверцу, чтобы шутя сказать: мол, ты б, мужик, куда-нибудь уж тронулся, а? Но вместо этого произношу: «До Владимирского собора довезёшь? Сколько будет стоить?»

- Пятнадцать гривен! Садись, - мужичонка, надо сказать, был какой-то «некиевский». Всклоченная борода, зимняя шапка набекрень, будто дело происходит не в центре украинской столицы среди неоновых огней, машин и рекламы, а где-то в отдалённом леспромхозе. Я забыл про миллионеров, глобализацию, бизнес и про то, что опаздываю. Сел в машину. Через десять минут вошёл во Владимирский собор и сразу понял, где лежит она - Варвара.

Подходил к её мощам и прикладывался три раза. Пока не остановилось время где-то внутри меня. Тогда я просто стоял у её мощей и не хотел никуда уходить. Было спокойно и вечно в душе.

Удивительное дело, но при том, что в храме стояло человек сто-сто пятьдесят, к мощам святой великомученицы никто не подходил. Люди просто слонялись, глазели. Светленькая женщина с печальным, но ясным лицом сосредоточенно молилась у иконы Спаса Нерукотворного, потом к ней подошла и, будто за компанию, сочувственно встала ещё одна.

А ведь здесь, во Владимирском соборе, есть ещё одна великая святыня - Смоленская икона Божьей Матери, подаренная в 1812 году казаками атамана Платова фельдмаршалу Кутузову. Владимирскому собору эту икону передал маршал Георгий Константинович Жуков после освобождения Киева от фашистов в

1943-м. Но я всё это узнаю только на следующий день, когда приеду во Владимирский собор снова. А пока я стою у мощей святой Варвары, и оторопевшее сердце благодарит её за всё и спрашивает: «Я до тебя дошёл. Я знал, что дойду. Почему ты, как немая, лежишь и молчишь, будто не знаешь, что я хочу услышать тебя? Ты принимаешь меня? Или я по дерзости и по мыслеумию припёрся, не спросясь, и что-то мню сам в себе. Может, мне вообще всё придумалось? Дай же знак, что ты слышишь меня, что мне можно к тебе».

Горела в руке свеча. Ходили вокруг люди. Я стоял, стоял, уже и не думая ни о чём.

Откуда-то от церковной лавки прошёл к алтарю молодой священник. По пути обнял мальчика лет семи за плечи, провёл его с собой до амвона, что-то тихо говорил ему на ушко. Потом обернулся в глубину храма и, показав пальцем на меня, сказал: «Проходьте сюда, проходьте».

Я миновал канаты, отгораживавшие, как в музее, алтарную часть от остальной части храма.

- Вон там, - сказал священник, - мощи великомученицы Варвары, - и показал пальцем.

- Да. Я уже приложился, - кивнул я, понимая, что он этого не видел.

- Хотите, я их вам открою? - спросил иерей, глядя мне в бороду, а точнее, будто куда-то за меня. А мне уже было понятно, кто говорит через него. Я был ошеломлён. Полон храм людей -и молодых, и старых, а священник зовёт почему-то именно меня. Зовёт, чтобы сказать не о чем-нибудь, а о Варваре. И не о Варваре просто, а чтобы открыть мне её мощи.

«Ты что-нибудь понимаешь, маловерный? - говорил я себе. - Варвара, у меня нет слов и сердце моё скудно и немощно, чтобы как-то можно было сказать, вымолвить, поблагодарить тебя и оставить само сердце на твоих мощах. Но это тебе не нужно. Спасение наше нужно тебе, а я так далёк от него». Стоял в храме, но был я словно вне времени и не на земле.

Пока священник по моей просьбе освящал на мощах мой нательный крестик, я смотрел на икону, лежавшую в головах мощей. Голова девицы Варвары скорбно склонена на бок, тонкая шея: «Как же тебе было больно! Как же они рвали тебя железом, такую красивую и тихую? Сколько же боли, веры и любви сконцентрировала в себе твоя плоть, лежащая семнадцать веков, а теперь под этим покрывалом. И сколько вместила Душа в молениях за нас, грешных!..»

что-то в молитве моей и в состоянии моём было больше храма, больше этого Владимирского собора. Будто какие-то соки

жизни стекались извне и слетались в тот момент сюда -к пространству между мной и святой великомученицей Варварой. Не знаю, сколько я простоял. На бизнес-семинар опоздал, конечно. Когда приехал в Спорт-Палац, на сцене выступал австралийский миллионер Вадо Джеймс - мой ровесник, проживший совсем непохожую на мою, другую жизнь где-то в Венгрии, а потом в Австралии. Он говорил правильные слова. О законах Больших чисел и законах Средних Величин. Там была «правда пифагорейской школы мудрости» с её «теориями куба» и веерными преумножениями пирамид... Скучно пересказывать.

Лучше вернусь на несколько лет назад. Праздник Покрова Богородицы в 1998 году был дождливым. Даже в Ульяновском Троице-Стефановском монастыре, где на Покров всегда выпадает снег, в 1998 году он выпал только в ночь на 15-е октября. Будто опоздал на сутки.

Небо поливало нас прощальным осенним дождём - ледяным и звонким. Ветер гулял в колокольне и посвистывал в проводах. А мы с иеромонахом Гавриилом стояли на выходе из храма Зосимы и Савватия и вели беседы о знаках Божьих и странностях человеческих судеб.

- Понимаете, Григорий, - рассуждал отец Г авриил, - Христос в Евангелии, если вы внимательно читали, чаще, чем «любите», говорит «не бойтесь». Наши страхи очень дорого стоят. Очень дорого. И в материальном смысле, и в смысле здоровья, а в конечном счёте, и в достижении бессмертия. Даже в жизни христиан, людей любящих, страхи делают судьбу порою больше, чем любовь. Это так печально. Должно стремиться только к одному страху - страху Божию. А что это такое? Как его отличить от других? Я бы привёл такой пример. Представьте себе - играют два мудреца в шахматы у ног Царя. Сложная партия. Шахматы, они ведь персами придуманы, как философия жизни. Так вот, сложная идёт партия. А у кого жизнь несложная? Играли-играли, один победил, другой проиграл. Но кто победил? Совсем не обязательно тот, кто выиграл на доске (читай - в миру). А тот, кто всю игру помнил, у чьих ног он сидит и частью чьей партии он сам является. Такая память и есть страх Божий.

В киевском Спорт-Палаце под грохот бодрой приветственной музыки я почему-то вспомнил тот разговор, пытаясь понять здесь, на этом «съезде победителей», много ли тех, кто помнит о том, у Чьих ног мы играем в финансовые шахматы. Не осуждаю никого, только молюсь. Не приведи, Господи, забыть о Тебе - Кто всё рождает, Кто нас терпит и Чьё присутствие, Чью красоту ум человеческий вместить не может. Но может Ими наполниться, подобно той девушке из башни, которая лёгким шагом пересекла

столетия и всегда рядом с теми, кто страждет и тоскует о красоте.

Я сидел остекленевший, смотрел на трибуны, на восторженные лица, и я был не здесь. Мой партнёр по бизнесу Лена Исакова, волнуясь, пробралась ко мне по ряду и спросила: «Мы беспокоились. Ты где был?» - «У святой Варвары во Владимирском соборе», - ответил я. Лена взглянула мне в глаза, улыбнулась и сказала: «Ты и сейчас там. Всё понятно».

ДВЕРИ ИЗ ЕГИПТА

Архангел Михаил

В детстве я никогда не мечтал и не думал побывать в настоящем географическом Египте. Чужая и непонятная цивилизация не манила меня ни экзотикой, ни пирамидами, ни легендами. Другое дело - Древняя Греция, триста спартанцев, гладиаторы и Диоген в бочке. В Греции я впервые побывал в 1994-м. И надо же было такому случиться, что меня не интересовали (или почти не интересовали) античные постройки, место битвы и памятник трёмстам спартанцам, пирейская морская ярмарка и прочее. Тогда я рвался на Святой Афон, и всё остальное просто померкло перед Афоном. Разве могут надгробные памятники быть интереснее живого человека? Веру в Бога Живого и свет этой веры, сохранённый и несомый монахами Святой Горы, невозможно даже сравнить с античным прахом.

И, кажется, именно там, на Афоне, я впервые в своей жизни узнал, что первые христианские монастыри появились в Египте. Что первыми людьми, показавшими монашеский путь, были святые Антоний Великий, Игнатий Великий, Макарий Великий... Иное слово, кроме «Великий», к ним не подходит, потому что именно ими начат Великий путь самоотречения Христа ради. И начат неповторимо высоко - и по состоянию духа, и по смирению плоти. В песках Восточной Сахары начала свой путь Мария Египетская. Для иудеев Египет был царством смерти, исход из которого они поминают несколько тысяч лет в праздник Песах. Мы же празднуем Пасху, которая положила начало возвращению верных в Египет, только теперь уже победителями. Смерть, где твоё жало?

В конце третьей недели Великого поста наш чартерный рейс завершился посадкой в аэропорту Хургада - молодом курортном городе Египта. Путёвка у меня (как и у моей семьи) была, конечно, туристической. Какой она ещё может быть у провинциального журналиста, не работающего по МИДовским, нефтяным или другим торгово-представительским программам? Когда мы вылетели из Москвы, в белокаменной было семь градусов мороза. А в пасмурном Египте нас встретили 28 градусов жары.

Это была суббота. А уже 7 апреля, после утренней пробежки и купания в Красном море, мы всей семьёй поехали в Дахар (Даун-таун. Нижняя часть Хургады). Хотелось найти местных христиан, ведь в Дахаре, как нам сказали, есть всё: «Если не найдёте,

значит, плохо искали».

В Египте голосовать на дорогах не надо. Здесь, если ты просто стоишь у дороги или идёшь вдоль неё, проезжающий автобус или машина обязательно остановятся, а шофёр предложит свои услуги. Микроавтобусом, который остановился в то утро возле нас, управлял... христианин-копт! Надо же такому случиться! После этого ни разу при общении с арабами в Хургаде и Каире я не встречал христиан. (Если, конечно, не считать тех, с кем общался непосредственно в церкви.)

Наш копт по-русски совсем-совсем не понимал. С горем пополам мой сын Коля объяснил ему по-английски, что мы ищем христианскую церковь. Шофёр очень обрадовался. Именно в этот момент он и вытащил из-за пазухи крестик и, тыча в себя пальцем, говорил: «Кристи. Ортодокс. Копт кристи». Мы тоже обрадованно кивали головами и показывали свои кресты: «Ра-шен Ортодокс Кристи... Рашен Норд».

Имя у нашего шофёра оказалось настолько сложным, что даже в сокращённом варианте воспроизвести его мы не смогли. Тогда он перевёл на англо-русский вариант: «Ми - Майкл». -«Миша? Михаил?» - переспросили мы. «Миша, йес, йес». «Архангел» Михаил привёз нас прямо к воротам церкви в Да-харе.

Первые впечатления

По пути в церковь мы увидели двух колоритных автоматчиков-полицейских. Они приветливо улыбались, пройти мимо них и не поздороваться было невозможно. Что они здесь делают, рядом с храмом? Может, дело в большой автомобильной стоянке неподалёку? А может, и нет. Коптские погромы в Египте - обыденность.

В храм мы вошли во время евхаристии. Как нам объяснили, церковь в Хургаде названа в честь апостола Иуды: конечно, не того, который предал Христа, а брата Иаковлева, который проповедовал Христа на территории Египта и в Африке. Вокруг храма трёхметровый глухой каменный забор. Двое ворот к церкви - с юга и запада. Сама церковь широкая, приземистая, с небольшим куполом, похожа на окаменевший раскинутый шатёр. Венчает её каменный крест.

Особо, наверное, надо рассказать о коптских крестах. Они без нижней скошенной перекладины, как у нас, а верхняя часть у них часто венчается кольцом. Коптские кресты очень похожи на ключи бессмертия фараонов, живших задолго до Христа. Халдейские премудрости жрецов Египта передавали ключи от тайн (власти, времени, здоровья, «телефонной линии» с богами, тайны силы и, в конечном счёте, вечности). Народная мысль, коллективный разум египтян страдания Христа, его гибель и

воскрешение восприняли как ключ учения, как те самые «узкие врата», через которые должен идти христианин. Впрочем, на самом храме апостола Иуды в Хургаде стоит обычный крест, без кольца.

Первое, что бросается в глаза внутри, - отсутствие иконостаса. Над алтарными вратами большая картина Тайной вечери. Справа от врат - образ Христа, слева - Богородицы. Сами алтарные врата очень большие, арочные, закрываются только завесой тёмно-малинового цвета с вышитым посередине крестом. Весь храм уставлен ровными рядами скамеек. По моему представлению, здесь может уместиться не менее пятисот человек. Но 7 апреля, в праздник Благовещения, на службе было 30-40 прихожан. В основном, это люди молодые, не старше 40 лет. Совсем пожилых и старых было всего трое - две бабушки и крепкий старичок. Во время евхаристии все стоят.

Священник - человек пожилой: весь седой, сухой, очень серьёзный и сосредоточенный. Евхаристия - она и в Африке евхаристия. Благодарение не может быть иначе как серьёзным и сосредоточенным. В этот момент и ангелы замирают. Поэтому удивило поведение части людей, ровно такое же, как и у нас в России. По храму шарахаются больше нашего, громко разговаривают у входа.

Наш Михаил-копт, показывая на мой фотоаппарат, говорит: «Ноу проблем...» Дескать, можешь снимать. Я, конечно, фотографировал, но чуть-чуть попозже... Сам Михаил прошёл вдоль стен, целуя пальцы, как в воздушном поцелуе, и прикладывая их к иконам. Надо отметить, что чистотой храм коптов не блещет. Нет такого благоговения, что есть в русских храмах. Почему-то мне вспомнились наши бабушки, которые и подсвечники, и иконки протрут. Причём ненавязчиво, не отрываясь от молитвы.

В левой части амвона, там, где у нас исповедуются, я увидел большой мощевик. Над ним две иконы. Одна попроще и поновее - святых Козьмы и Дамиана. Вторая, явно не египетская, не местного письма, затемнённая. Разобрать надпись не мог. На амвон, дабы приложиться к мощам, входят, сняв обувь. Приложился и я. К сожалению, впечатления от первого посещения этим и исчерпываются. Добавить можно только ещё одно наблюдение: ни иконы, ни мощи по-русски здесь не целуют. Целуют пальцы и прикладываются пальцами. Такая южная традиция. Иконописная школа (если это вообще школа) неестественно яркая. На одной из икон глаза Богородицы и Иисуса отделаны слюдой. В итоге от образов веет какой-то горячностью и страстностью.

«Совсем белые»

Второй раз в церковь мы поехали вдвоём с моим шестилетним сыном Фаддеем. После первого посещения, когда ни с кем не удалось поговорить и немного мешал суетливый шофёр Миша, мне хотелось хоть немного почувствовать отношения между христианами. Какими заботами живёт священник? Разбегаются ли после службы так же, как у нас, или жизнь общины продолжается во дворе - в беседах, трудах, обучении? Как складываются отношения с мусульманами?

В Египте всего 12 процентов христиан. Коптов и того меньше. Англичане и французы, уйдя из колонии, оставили здесь присутствие Католической Церкви. Кроме того, на севере Египта с первых веков христианства утвердилась Александрийская - греческая Церковь.

В среду, 10 апреля, в храме св.апостола Иуды тихо и пустынно. Службы не было. Зато нас встретил приветливый араб-христианин, который немного понимал по-русски и по-немецки. Во всяком случае, моего знания немецкого языка хватило, чтобы кое в чём разобраться. Во-первых, мы снова пошли к мощам бессребреников Козьмы и Дамиана. Рядом с ними стояли две девушки. Одна назвалась Марией, а другая - именем Нургасор. Девушки очень удивились и почему-то очень обрадовались, что мы из России (переводчиком был встретивший нас араб). Наверное, они обрадовались самому факту знакомства, особенно с Фаддеем. «Совсем белые», -был смысл их слов. Араб сказал девушкам, что мы не просто из России, а с севера, что у нас ещё снег и что мы тоже ортодоксы. Это их умилило.

- Чьи мощи здесь? - спрашиваю, указывая на второй мощевик. И ещё показал на икону: «Кто это?»

- Святой Игнатий Великий, - объяснил наш переводчик, -здесь его рука. А тут мощи... руки Козьмы и Дамиана.

Я снова помолился и приложился к мощам. Заметил, что девушки посерьёзнели, замолчали. Возможно, они почувствовали себя неловко из-за того, что расспросами сбивают мой внутренний настрой. Впрочем, может быть, и другое - я уже написал о том, что по-русски здесь ни иконы, ни мощи не целуют. Мои действия их удивляли.

Поскольку в храме было пустынно, нам позволили более внимательно рассмотреть его убранство. В целом, оно довольно скромное. Возле ящичка для пожертвований висит икона св.мученицы Мины. Нам рассказали, что эта святая - египтянка и жила недалеко от этих мест. Я вспомнил, что в православном календаре встречается имя святой мученицы Мины. «Значит, она из первохристиан», - сделал я вывод. Как известно, мученики

первых веков христианства чтятся всеми христианами мира - во всяком случае, Апостольскими Церквями.

Потом мы с Федей прошли в церковный магазинчик, расположенный во дворе. Он такой же, как у нас: книги, иконы, крестики, медальоны. Много книг местного епископа Макария. Однако одну существенную разницу я всё-таки обнаружил. Приобрёл я в том магазине аудиозапись арабских песнопений акафиста св.Антония Великого, несколько медальонов и коптских крестиков. И вдруг - что меня неприятно удивило -продавец мне предложил медальон с изображением Папы Римского Иоанна II. А потом среди купленных крестиков оказался один, который я поначалу принял за коптский. И надпись вязью показалась мне арабской. К досаде, надпись была английской: «God love уои» («Бог любит тебя»).

Два шага от храма - и уже действуют законы торговли: если это покупают, значит, араб будет продавать и Папу Римского, и прочие побрякушки, к его вере отношения не имеющие. К счастью, в наших русских храмах это пока невозможно. Хотя и у нас встречаются порой иконы явно «ренессансного» гуманистического стиля, очеловечивающего Господа. Арабам я, конечно, ничего не сказал.

Под одной крышей

Ещё через сутки мы были в Каире, где ровно на середине пути, между мечетью Мохаммеда Али и пирамидами в Гизе, наш гид предложил группе обратить внимание на скромный и строгий микрорайон. Все невзрачные двух-трёхэтажные дома сделаны из красно-бордового кирпича. Некоторые дома кажутся недоделанными: сваи торчат над этажами.

- Здесь живут христиане-феллахи, - пояснил гид. - Они пользуются большим уважением среди жителей Каира, потому что живут очень аскетично и дружно. Хотя среди них есть руководители большого бизнеса, они ничем не выделяются среди своих собратьев. Жилища у них такие же. Кстати, торчащие сваи - это задел на будущее, ждут часа, когда подрастут дети, для которых поставят новые дома. В строительстве жилища феллахи помогают друг другу.

Мимолётная картинка и рассказ гида врезались в память. Понять, кого мы видели, мне так и не удалось, ведь феллах - это крестьянин из числа коренных египтян (не арабов). Потом так начали называть крестьян-коптов, принявших ислам. А тут - христиане. Возможно, это копты, которых взяли под своё

покровительство феллахи-мусульмане. Не знаю. Для того, чтобы стать одним народом, египтянам нужно внутренне примириться с тем, что они разные. Мне показалось, что это у них получилось, но это ошибочное впечатление. Стычки между коптами и арабами время от времени перерастают в уличные бои.

Кого я в Египте не видел ни разу, так это неверующих.

Прячутся, что ли? В каюте катера во время прогулки к коралловым островам мы разговорились с Рамаданом - парнем, окончившим филфак Каирского государственного университета. Рамадан свободно говорил по-русски. Собирает деньги для стажировки в России.

- Рамадан, а сколько у вас атеистов? - спросили мы у него.

- А кто это такие? - не понял он.

- Которые ни в кого не верят?

Рамадан заулыбался, принимая наш вопрос за шутку: «Русские такие шутники». Но когда понял, что мы не шутим, посерьёзнел и ответил:

- Так не бывает. Я таких не знаю. Больные, может быть...

Он пожал плечами. «Больные...» Конечно, больные. Вон как болеет Россия.

Исход

При замечательном отдыхе, изумительном сервисе и прочих радостях курортной жизни трудно помнить о Великом посте. Но всё-таки в меру сил мы старались искать не только загар и толчею восточных базаров, не только ласковые волны моря...

После нашего с Фаддеем второго посещения храма и прикладывания к мощам мой младший сын впервые в жизни прямо столкнулся с опытом борьбы с бесом. Произошло следующее.

Фаддей не мог заснуть. О чём-то шептался с мамой. Утром они мне ничего не сказали, а уже вечером, после ужина, когда мы возвращались в отель, Фаддей вдруг заплакал. «Ты чего это?» - спрашиваем у него. Он попросил пошептаться с мамой. Они пошептались.

- Я не знаю, что делать, - растерянно сказала мне жена. И, обратившись к Феде, предложила: «Расскажи папе!»

Фаддей рассказал. Второй вечер подряд на него нападает «ругачка на Бога».

- И я не могу отвязаться, - плакал от бессилия мой сын. - А Бог ведь обидится!

Ребёнок уловил природу мыслей, чуждую ему стихию мира невидимого и необъяснимого. Прямо на улице я учил его читать Иисусову молитву, не отвлекаясь. Подтвердил: «Федя, это тебе только кажется, что ты ругаешься. На самом деле тебе шепчет на

ухо... Ты сам знаешь, кто. Но ты же знаешь, что он боится креста».

Федя шёл с нами по аллее, крестился и молился. Сосредоточенно, напряжённо и крепко. Но тут перед ним, «как специально», стал танцевать и выкручиваться брат Коля. Федя не выдержал сосредоточенности и опять заплакал. Я же удивился необычной для Коли природе танца, да и дразнится обычно Коля совсем не так. Еле уловимая связь между необычной природой мысли одного сына и необычной природой кривляний другого была столь обличительна, что я прямо воскликнул: «Стоп!» И попытался объяснить детям, в чём тут дело: «Ты, Федя, начал молиться Иисусовой молитвой, и бес не перенёс духа молитвы - и перекинулся на тебя, Коля, чтобы ты мешал Феде молиться... » Дети оторопели, столь явно было всё происходящее. Уже через минуты Федя воскликнул: «Я победил, ругачка ушла!»

Но на этом искушения не кончились. Успокоенные, мы зашли в кафе, потом в регистратуру, а потом пошли обратно по аллее к нашему корпусу. Тут у меня ещё раз глаза полезли на лоб. Федя, шедший впереди нас, вдруг начал танцевать тот самый танец, который только что перед ним танцевал здесь Коля. Теперь мы начали молиться все вместе.

И вечер был тихим. Словно обнимая, с иконы-складеня смотрели на нас лики Господа и Пресвятой Богородицы. Уснули дети спокойно. С первым жизненным уроком - «не спать духовно».

«Христос Воскресе!» - поздравляем мы друг друга каждую Пасху. И как-то притупляется, забывается эта радость в течение года - долгой зимы, когда ещё Великим постом в наших краях лежат бескрайние снега. Но Христос воскрес раз и навсегда, поправ смертию смерть. Везде - и на Кипре, и в Воркуте.

Только не забывай, только позови Его - и отступают, бегут прочь бесы. Всегда: и ныне и присно и во веки веков. Везде - и в Коми, и в Египте.

2002 год

Египет. Древнейшие монастыри

Вред туристических экскурсий я в полной мере познал, как ни странно, не там, где они проводились, а совсем в другом месте... Но лучше по порядку.

В прайс-листе туристических достопримечательностей Египта мы с женой увидели поездку в монастыри «св.Ан-тония и св.Павла». Гид наш Эмад, между прочим, оказался христианин-копт, но он так и не смог нам ответить на вопрос: «Неужели это монастырь того самого Антония Великого - отца всех христианских монастырей мира?» Он нашёлся только в одном: «Там есть люди, которые тысячу лет лежат, и они не мумии. Они, как мумии, но они не мумии.»

- Святые мощи? - спрашиваю я у него?

- Нет. Я знаю, что такое мощи. Это не мощи - это святые лежат, - пытается объяснить Эмад.

Но мощи святых есть и в церкви самой Хургады. Я там был на службе в храме семь лет назад и помню, что там есть мощи святого Игнатия Великого и великомученика Мины. Про себя я с сомнением подумал, что, пожалуй, это типичная туристическая «замануха». Откуда появилась такая мысль? Я только потом - гораздо позже - пойму, что, когда читал Житие Антония Великого, я проникся его интонацией, которая была такова: как бы подразумевалось, что все описываемое было очень-очень давно, что это в тех временах и тех местах, которые сокрыты от нас толщей веков, тысячелетий и «заиеруса-лимским путём в страны бусурманские». Вот я про себя и думал, что это поездка «по местам преданий», где для туристов выстроен маршрут, цель которого коммерческая и не иначе.

Вспоминалась поездка в Греции в монастыри Метеоры, которая оказалась поездкой, по сути, в музей, а не в живой монастырь. На Метеорах в толпах туристов, которым позавидовала бы и московская Красная площадь, со сплошной «шопинго-вой программой», нехристианский дух пробивал нас везде: во всех этих бесконечных остановках у каждой лавочки, где вперемежку стоит Христос рядом с гераклами, минотаврами и фавнами, а Матерь Божья среди магнитиков, вин, коньяков и оливкового масла. Где русская женщина-гид, под восторги и бесконечные благодарности автобуса, несла околесицу об утехах Зевса и интрижках Аполлона, а о монастыре зачастую рассказывала больше в том смысле, сколько здесь монахов сорвалось со скал и погибло, и, кажется, ни слова о том, сколько

спаслось и молитвенно спасало христианский мир. Там я был заражён раздражением на гидов и сарказмом на «религиозные путешествия»... Этот скепсис поехал теперь со мной тёмной египетской ночью в горы Красного моря, к пещере святого Антония в скалах, до которой идти сквозь облака 1400 ступенек и... мёрзнуть от ветра и неожиданного холода (плюс 8). Где? В Африке!

Первое, на что мы с женой, удивившись, обратили внимание, и чему ничуть не удивился ещё один египетский сопровождающий, - в автобусе было всего четырнадцать человек. Это из десятков отелей, из сотен туристических групп. А с сопровождающим нам очень повезло. Он был тоже христианином, и звали его Мина.

Что такое 1400 ступенек? Если один этаж - это 16-18 ступенек, то мы поднялись на высоту примерно 80-го этажа. На самом деле, гораздо больше, потому что идёшь ведь не только по ступенькам, но и участкам горы, где ступенек нет совсем. А ещё не везде есть перила.

Ноги отказывали, дыхание сбивалось, и колотило сердце где-то в ушах, но каждый из нас шёл, наверное, с молитвой. Во всяком случае, мы с женой шли точно с молитвой. Все идущие в гору из нашего автобуса - русские, украинцы и литовцы -были людьми верующими, поэтому я думаю, что они тоже шли и молились.

На середине пути, там, где мы вошли в первое облако, как раз стоит часовенка и есть примерно пятидесятиметровая площадка. Можно перевести дыхание. Но мы не перевели - из облаков раздался смех, гогот и визгливые крики. «Бесы, не иначе, - перекинулись мы взглядами. - Даже если это люди, разве это нормальные звуки для этого места?» Визжащими и кричащими оказались арабские старшеклассники (не пишу «египетские», потому что точно сказать не могу, экскурсанты здесь бывают ведь и из Сирии, Иордании и других стран). У самой пещеры святого Антония Великого они вели себя так же, как на переменке в школе. Шутили, толкались, подтрунивали друг над другом. Пещера меня разочаровала, конечно. Ни тебе света, ни унитаза, ни дверей, ни телефона, ни холодильника. А если серьёзно, то пещера - это узкая-узкая щель в монолитную скалу, а внутри кромешная мгла, освещаемая пока только нашими телефонами и зажигалками. Голос изнутри настаивает, чтоб не толпились, проходили быстрее. Снисходительно кто-то для нас зажигает свечу. Совсем в глубину пещеры я уже не заходил, но жена моя, Наташа, пошла с арабчатами дальше и дальше. С ней, кажется, и женщины из нашего автобуса и несколько иностранок.

Впечатлило её «маленькое чудо». Обладательница голоса во тьме, потрогав её за голову в платке, произнесла: «Russian? Put your head on the rock. (Русская? Положи свою голову на камень). Наташа положила, быстро уступив место следующему, но голос остановил. Невидимые руки взяли её голову и повторили: «Two minutes. Russian? Two minutes... (Русская? Две минуты)». Дело в том, что в самом низу пещеры все проходили мимо топчана святого Антония и его скального молитвенного столика. На топчан можно было присесть и даже прилечь. Для «рашен вумен», то есть для русской женщины, невидимый человек сказал, что ей можно две минуты. Не мгновение, не символические 3-4 секунды, а «ту минутс, рашен вумен, ту минутс.». Слишком далёк путь из России, и та арабка-христианка, наверно, по-своему оценила дальних паломников.

Я стоял наверху, смотрел с площадки вниз - в долину - и пытался себе представить, как тут жилось Антонию. И почему-то фантазий моих не хватало. Жёлтое безмолвие, серое безмолвие, палящее солнце, ночью звёздное небо своим бесконечным шатром. И молитва. Только внутренний мир, и диалог с Богом. Точно ведь «заживо погребённый».

Антоний Великий знаменит тем, что христианское монашество и первые общежительные монастыри начинал он. Это был второй-третий век от Рождества Христова. Антоний тогда уходил в пустыню и не думал создавать монастыри. Он просто раздал нищим всё своё немалое богатство, потому что был христианином, видел смерти молодых и богатых вокруг себя и глубоко проникся евангельским призывом Христа оставить всё и следовать Ему. Антоний хотел быть совершенным перед Богом.

Сначала он жил в пригороде Каира, этого ему казалось достаточным. Но однажды у его хижины женщины стирали бельё и разделись донага. Антоний сказал им, чтоб уходили и не смущали его. Но одна из женщин весело и беззлобно сказала ему: «Это тебе ведь надо... Ты нас не смущаешь, почему мы должны уходить? Хочешь жить отшельником и без плотских утех - иди в пустыню.» Антоний услышал в этой подсказке голос Бога.

Он первые годы был в пустыне один. Но всё чаще приходили люди, пытались жить и спасаться, молиться и уходить от мира. Многие не выдерживали. Антоний с горы видел, как то один пустынник не выдержит и, повредив душе, возвращается в мир, то другой умрёт без помощи от ран или простой болезни. Тогда ангел сказал Антонию, что этих разрозненных отшельников надо всё-таки организовать во взаимопомощи и укреплении друг друга. Так появился монастырь без стен. Отшельники один раз в неделю собирались на общую молитву, вместе трапезничали,

делились хлебом и водой, а потом расходились опять по своим пещерам. Потом они построят храм прямо в скалах. Ещё через пару десятилетий, когда братии станет много, когда появятся и новые угрозы: то бедуины-разбойники, то пираты, то римские торговцы с вооружённой охраной караванов - решит Антоний, что пора строить и стены, а также скрытые пещеры.

Внизу, прижавшись монастырской известняковой щекой к горам, стоит семнадцать веков обитель Антония Великого, родоначальница монашеского опыта Христа ради и для спасения душ человеческих.

Но поначалу я не верил, что это та самая обитель. Мне всё казалось (особенно по тщательно отремонтированным внешним стенам монастыря), что всё это новодел для туристов, своего рода мемориал ушедшей христианской культуре Египта. Заходим под аркой в монастырь, перекрестясь, и тут же. лавочка. В смысле, не просто церковная лавочка, а в ней пирамиды, египетские кошечки, маски Тутанхамона и открытки. Всё это рядом с иконами святого Антония, ну, и, конечно, Христа и Божьей Матери. Где-то я всё подобное уже видел. Метеоры в Греции - сплошная торговля. «Я так и знал!» - с чувством глубокой досады я, почти ничего не разглядывая и больше почти ничем не интересуясь, выхожу из лавки. А тут ещё и старый-престарый монах с густой седой бородой и седыми усами выходит на крыльцо лавочки, как-то слишком театрально призывает нас всех ближе и начинает знакомство: «Я - монах Раис, я вас всех люблю.» Ага. аллилуйа. Сарказму моему нет предела. Ещё бы нас, таких дебильных покупателей всего и вся, не любить! Счас мы у вас закупимся по самое не могу.

Монах раис рассказывает о том, что в обители 118 монахов, из них человек 15 - это люди с научными степенями, есть несколько врачей, а потому обитель эта своего рода что-то типа нашего МЧС на всю округу - и спасатели, и кормильцы, и лекари. По тому, как наш сопровождающий Мина обращался к Раису, стало понятно, что они знакомы не первый год. Впрочем, Мина (на вид этому парню года 22-23) скоро и сам всё пояснил. Он рассказал, что. его воспитал Раис, что, сколько он себя помнит, Раис всегда был таким - седовласым старцем. Воспитал он его не в фигуральном смысле - то есть не на каком-то повороте судьбы, а с детства: и кормил, и одевал, и читать учил. Мы постеснялись спросить у Мины, что же случилось с его семьёй и родителями. Однако стали замечать, что и здесь, в монастыре святого Антония, и потом в монастыре святого Павла этот худенький паренёк ведёт себя не как гид, приехавший с туристами, а как послушник. И вино поможет принести, и пол подметёт за всеми, и

под руку поможет старым монахам подняться на ступени. Он был здесь как дома. Он в духе здесь - он христианин.

.А Раис продолжал рассказывать и водил нас по монастырю. Вот две башни, построенные в шестом веке по приказу императора Юлиана. Одна глухая, с маленькими-маленькими окошками, а вторая, рядом, построена только для того, чтоб через неё, поднявшись на верхние этажи, можно было по мостику перейти в первую башню. А потом мостик поднимался, и монахи оставались в закупоренной башне, как в консервной банке. Там монахи сидели порою месяцами, спасаясь от налетевших разбойников, со скудным пайком и непрестанной молитвой. Ни поджечь их было нельзя, ни залезть через маленькие окошки. В монастыре святого Павла, куда мы переедем за шестьдесят километров, будет точно такая же башня, но второй уже нет, она наполовину разрушена. И опять с уважением гид будет рассказывать про императора Юлиана, приказы о строительстве башен которого спасли, по сути, египетское монашество (спас, конечно, Бог, но императорские приказы не иначе как были Его промыслом).

- Неужели это тот Юлиан-Отступник? - спрашиваю я, пытаясь сопоставить называемые даты строительства. «Нет-нет... » - почти по-детски пытаются «заступиться» за императора наши русские женщины из группы.

- Да. Это тот самый Юлиан-Отступник, который потом предал веру Христову, - на удивление, на «шок» нашим женщинам кивает головой монах. Но спокойно поясняет: - Мы молимся о нём пятнадцать веков, потому что вот он - его дело, полезное для спасения, важное для развития всего монашества, а стало быть, мера его добродетелей не исчерпана до сих пор.

И в самом деле - чего тут скажешь? Но вернёмся к монастырю святого Антония.

Мы у престола, под которым могила самого Антония Великого. Храм построен был в четвёртом веке, но тот, старый, не сохранился совсем. Нынешние стены, в основном, 12-17-го века. Раис показывает нам место, где Антоний захоронен, и говорит, что Антоний боялся поклонения ему и просил спрятать его могилу так, чтоб она не мешала молиться Богу. А тут, стоя у престола, конечно, молишься Богу, нет искушения отвлечься на какие-то особые почитания святого угодника.

Раис по-арабски читает первую строчку «Отче наш». Женщины просят его прочитать молитву полностью. Он же печально говорит женщинам: «Может, вы перед престолом прочтёте по-русски?.. А я по-арабски. Вот Господа и порадуем.» Он поворачивается от нас лицом к престолу и начинает. И тут мы

совсем неожиданно для нас самих, для немецкой группы, которая шла рядом с нами, вдруг ка-а-ак грянули стройно и слажено «Отче наш», и так звук полетел под свод храма, в вечность, в нашу общую христианскую память и историю, что когда мы закончили, Раис обернулся со слезами на глазах. Он явно не ожидал силы и русской слаженности. (Мы сами не ожидали.) Нечасто, наверно, здесь туристы так поют. Немцы же вообще смотрели на нас и, наверно, думали, что мы единая команда. Мы, православные, - «единая команда»? Я тоже задаюсь этим вопросом.

Далее иеромонах Раис повёл нас к мощам святых: здесь, в монастыре, хранятся мощи святого Юстиса (умер в 1928 году) - исихаста-молчальника, который, судя по непрямому пересказу нашего гида Мины, принял перед смертью ещё и подвиг юродства. Нас здесь помазали елеем, благословили, а имя второго святого, архиепископа коптской церкви 19-го века я, к сожалению, не запомнил. Здесь есть престол Архангела Михаила.

Нас кормили монастырским тёплым хлебом, и мы ели его так, будто проголодались на страшной каторжной работе.

По дороге к воротам мы видим арабские семьи, которые выходят из монастырских закоулков, в дверях построек их провожают невидимые нами до этого монахи, благословляют отцов семейств и детей. По дороге Мина что-то шепчет Раису и передаёт ему записочки, много записочек, - наверно, вёз из Хургады, от друзей и знакомых. Скорее всего, и от мусульман тоже, потому что он рассказывал нам, что живёт среди них и живут они дружно.

Когда Раис прощался с нами у ворот, он рассказал ещё одну примечательность этого монастыря.

- Эти ворота прорублены лишь в 1929 году, до этого людей поднимали вот в этот люк над вашими головами. Подходил человек к стене, кричал, звонил в колокол, дёргая вот за эту верёвочку, и если монахи узнавали, что человек пришёл с миром, то его поднимали. Такая вот была простая защита и суровая жизнь. Всего одно поколение назад.

В небольшом поселении через дорогу от монастыря тоже есть церковная лавка, в которой мы набрали уже чисто христианские сувениры, купили монастырского вина. Я пытался торговаться, как это принято везде в арабском мире. И тут были реакции, которые я тоже сначала неправильно понял. На меня смотрели и не понимали - как это я хочу дешевле, чем сказано и написано? Здесь всё стоит столько, сколько написано. В посёлке живут христиане. Это совсем другой характер людей. Они не делают барыши, они не живут шопингом и «наваром» от туристов. Они по своей «торговой психологии» точно такие же, как в сельпо где-

нибудь в Коряжме или Усть-Куломе. Они даже немного с грустью смотрели на меня. А я, уже в окно автобуса, печально смотрел на них и на монастырь, который не сразу услышал и понял. Не открыл сердце своими подозрениями, не услышал духа живого, и только в конце Господь будто открыл духовное зрение, и увиделось всё естественно и просто. Вот это - для туриста, вот это для фотографий внешний вид, а вот тут посмотри - хлеб насущный, такие же «русские огородики» под пальмами, как и в твоём родном Княжпогосте, вот тебе святые, их могилы и башни. Вот четвёртый век, вот 17-й, вот 21-й. И вечный старец Раис с печальными глазами и неведомым возрастом. Он как-то перед расставанием даже горемычно махнул на меня рукой. Наверно, чуял: этот русский, как Фома неверующий, всё ходит с кривой улыбкой и корчит из себя шибко понимающего.

Досада осталась в моём сердце по сегодняшний день. Досада на себя. Святогорцы на Святом Афоне учили: «Лучше ошибаться, чем не доверять». Я забыл, что «лучше». А ведь так и есть. Ошибка - она, в любом случае, целостна для души, даже если отдаётся печальным уроком. Недоверие же - это ежесекундное разрушение и неспокойствие сердца. Вот это я и «заработал» в монастыре святого Антония. Поклон тебе, монастырь. Научил.

Мы едем от монастыря святого Антония к монастырю святого Павла за шестьдесят вёрст. Когда-то этот путь Антоний Великий проделал по пустыне пешком. Место это - граница ливийской пустыни и Большой пустыни Красного моря.

Когда святому Антонию было уже более девяноста лет, молился он, славил Бога, радуясь тому, что удалось наладить монастырскую жизнь, и благодарил Бога за то, что дал Он ему жизнь необычную начинателя монашеского дела. Но тут пришёл к нему ангел и сказал: «А ты не первый.» «Ка-ак? -удивился Антоний. - Я же за девяносто лет не слышал и не встречал здесь никого, кто был до меня.». И тогда повёл его ангел в пустыню и привёл в укромное место, где вышел навстречу Антонию старец - борода до земли, одетый в паутину пальмовых волокон и листьев, чёрный от солнца и седой от молитв. Это был святой Павел. К этому моменту Антоний уже был готов увидеть нечто необычное, потому что ангел сказал: «Сейчас ты увидишь человека, ступни которого земля недостойна.»

Павел, или как его зовут копты - Паоло - пришёл в пустыню, как оказалось, лет на десять-пятнадцать раньше Антония. Он тоже был родом из богатой александрийской семьи. У него умер отец. Павел с братом не могли поделить наследство. Конфликт с братом зашёл так далеко, что они пошли в суд. А по дороге Павел увидел похороны молодого богатого человека. Наверно, они с

братом даже были знакомы с этим своим ровесником. А Паола посетила уже принятая им во христианстве евангельская истина: не собирай ничего на земле, не судись с братом своим. И Павел сказал брату: «Прости. Не пойдём мы в суд. Забирай всё».

Павел прожил в пустыне без малого сто лет. Они сидели и беседовали с Антонием, и тут Антоний увидел, как ворон принёс Павлу лепёшку. Чудо да и только. Но чудо было и дальше. Павел рассказал, что ворон носит ему уже шестьдесят с лишним лет пол-лепёшки, а он, грешный и слабоумный, понять не мог, что рядом появился кто-то, кто ест вторые пол-лепёшки (это он говорил об Антонии и появившейся монастырской братии - ведь они уже стояли в пустыне шестьдесят с лишним лет). Павел рассказывал о своей жизни, о помощи ему животных и птиц, о том, как приходят ангелы и как Бог зрит на землю всенощно и вседенно.

В день, когда они встретились, полную лепёшку ворон принёс впервые. Павел радовался встрече и ещё, видимо, по одной причине. Святой угодник встречу с себе подобным принял как знак Божий, что его путь на земле закончен. Святой Павел попросил Антония принести ему полотно, чтоб укрыть свою наготу. И, конечно, эта просьба была безвременной - оба они понимали, что просто так «шляться» по пустыне по шестьдесят вёрст - это не душеполезно. Наверно, подразумевалось, что как Бог даст. Но на обратном пути духом Антоний просветился и понял, что Павел не одежду попросил у него, а саван. Впервые за почти семьдесят лет своего монашества спешил девяностолетний Антоний туда и обратно. И уложился по меркам того пути и по своему возрасту очень быстро. Но не успел.

Когда он пришёл, то увидел картину, от которой упал: Павла хоронили.. .львы. И львы выли и плакали. «Слёзы человеческие катились из глаз бессловесных животных», - так говорится в Житии Павла. Антоний сам пал ниц от такого чуда и молился Богу.

Вот где меня Господь посетил и прибил уж окончательно -так это тут, у престола святого Павла, у плиты над могилой его. Без слов, среди людской толчеи и, в общем-то, не совсем благоговейного гомона паломников-туристов произошёл обратный процесс: «очима зрил и видел, ушима слышал и слышал.» (в псалме по грехам нашим «очима зриши и не виде-ши, ушима слышишь и не слышиши»).

Здесь, в храме святого Павла, тоже три престола. Самый древний, конечно, престол святого Павла: он построен в третьем веке, сам храм был построен ещё при жизни прямых учеников святого Антония. В храм надо спускаться на глубину примерно в

два-три метра - так глубоко ушла земля (впрочем, возможно, я не всё услышал, возможно, так строились «от злых глаз» первые храмы). И вход был в другом месте. Тут вот было это самое «очима видел и видел». О том, что вход был в другом месте, нам скажут гораздо позже, а мне почему-то духом сразу открылось - вот он, древний ход: вот здесь ходили люди и вот здесь были великие стояния и моления. Второе чудо «видения» - это внятное, живое (совсем не фантазийное) понимание, что Павел лежит вон там: не прямо под гробницей, а чуть левее и глубже. И незримо стоит он тут же. Ну, может, не совсем правильно сказать, что стоит он тут, но дух его не у гробницы, а у престола - между престолом и гробницей. Как когда-то в святилище монастыря св.Пантелеймона на Святом Афоне, как у мощей Григория Паламы в Салониках, так и здесь у входа в алтарь святого Павла я стоял, молился, дышал и не мог настояться, не мог напиться, намолиться, не мог насытиться Правдой Жизни и Света. Какого-то невидимого, умом непонятного, но так всем нам, православным, известного.

Рядом алтарь, который был построен в 17-м веке. Именно тогда произошла перестройка храма, его расширили и вход сделали с другой стороны. И третий алтарь тут же. Они в ряд, но приделами не называются. Один из престолов Рождества Христова. Второй, к сожалению, мы не запомнили. Вроде бы, Вознесения Христова. Третий - святого Павла. Росписи храма, в основном, первой половины 17-го века. И стиль чувствуется тот же, что и в храмах монастыря святого Антония. На некоторых фресках даже даты видны: 1624, 1627.

Здесь экскурсию для нас проводит иеромонах Фома. Он закончил Каирский университет, по основному своему образованию биохимик, но получил и богословское образование. Очень улыбчивый и постоянно будто к чему-то невидимому прислушивающийся человек. Как-то было слишком очевидно, что он потянулся к нам с Наташей. Сначала он вообще спросил меня, не монах ли я? Не думаю, что это было только потому, что я был с бородой. Потом, когда узнал, что мы муж и жена, расспрашивал про детей и про нашу работу, а в конце призвал нас, читал над нами какие-то молитвы и сфотографировал нас себе на память. Чем-то мы его тронули.

Как я уже сказал, башня спасения монахов здесь одна. Вторая, с которой монахи при Юлиане-Отступнике переходили в другую, уже разрушена наполовину, и на её основании, как раз под нею, и построен третий престол (над остатками башни просто крыша). Монастырь святого Павла внешне меньше и беднее, он какой-то плотный, хотя снаружи арки и галереи строений создают

ощущение, что он громадный. Здесь восемьдесят монахов, святой источник, штук сорок кошек, которые любят только одного инока и питаются только из его рук. В монастыре очень много паломников-арабов, громадное дерево жожоба посреди монастырского двора (плоды его показались мне похожими по вкусу на что-то среднее между боярышником и абрикосами-жердельками). Здесь так же угощают изумительными лепёшками и чаем. Иеромонах Фома ведёт нас от престолов в трапезную. Она очень похожа на трапезную монастыря святого Пантелеймона на Святом Афоне, но меньше и без росписей по стенам.

Здесь на совместную трапезу собираются один раз в неделю. Так повелось со времён Антония Великого. И в монастыре святого Павла, как в монастыре святого Антония, монашеский куколь будто сшит из двух половинок. Это дань памяти тому, как однажды в молитвенной и противоискусительной схватке с дьяволом на голове святого Антония от напряжения лопнул этот самый куколь-капюшон.

Посты в Египте строже. Гораздо строже. Наш гид Мина, гордясь за монахов, рассказывает нам об «особости» коптской церкви, но мы с нашими русскими тётями усмиряем его: поживика парень, в наших льдах, где солнца в двадцать раз меньше, чем в твоём Египте, где финики и олива не растёт. А чтоб испечь хлеб и создать тепло в храме, надо дров заготовить на морозе, привезти, наколоть, да встать ни свет ни заря, чтоб храм протопить. На жаре плоть солнцем питается, а в стуже мороз питается плотью.

Ворота монастыря тоже появились в 1929 году, реставрации и ремонты по-серьёзному начались здесь лишь в 1950-х. Внутри монастыря всё по-домашнему тихо и как-то нетронутовечно. Так же, наверно, и во времена, когда гремела Османская Империя, когда заходил в Египет и выходил из него Наполеон, когда шумели политические бури двадцатого века. Стоял здесь вот у лампадки в стене какой-то монашек и молил Господа о спасении души. Горел от американских бомбардировок Дрезден, налетала на Испанию мрачная ночь фашистской диктатуры, а тут всё так же, всё так же горела свеча и уходила в небеса молитва о «мире и мире, о братьях-православных, о том, что Христос Воскресе и смерти нет.»

Мы уходим из монастыря к автобусам, оборачиваемся поклониться ему, и на нас смотрят с удивлением многочисленные копты (тут, как на восточном базаре, - приезжают-уезжают, в том числе и туристические автобусы). Русских тут нет, и потому мы заметны. «Раше, раше.» Только русские кладут на себя крёстное знамение, как делаем это мы - от края плеча до края. Только

русские поясные поклоны кладут, как положено -земли коснувшись и разгибаясь не спеша.

.И ещё нам несут хлеб напоследок. И ещё хлеб. И ещё. Как Христа. Как символ Единства веры.

В автобусе мы едем обратно со странным ощущением, будто побывали на родине, где-то в забытых с детства краях, а сейчас вот опять - в огни отелей, музыки «опа-гопа», в негу шезлонгов, обжорства и синевы бассейнов. Только видится всё это теперь иначе.

В номере отеля мы делаем с женой и ещё кое-какие выводы. О том, как можно навредить душе «старой» туристической поездкой, как полтора года назад в Метеоры (Греция), когда вместо святости и православия погружаешься в мир торговли, трепотни и иллюзий, что «такое православие и есть». А потом это представление переносишь в действительно святое место, и нет сил открыть сердце. Второе открытие в том, что теперь, после монастырей святого Антония и святого Павла, как-то крепче веришь в то, что монашеское спасение и монашеские молитвы держат мир, и Бог рядом. По-другому, со светлой надеждой смотришь и на наши маленькие северные монастыри. Степень их труда в своём скромном величии становится понятнее.

Канонически Коптская православная церковь ближе всех к Русской православной церкви. В журнале «Русский паломник» как-то на вопрос, у кого можно причащаться русскому православному человеку, если, например, нет церкви нашей рядом, а опасность уже смертельная или совсем невмоготу, ответ там давался такой: если нет уж совсем прямых единоверцев сербов, греков, болгар, то самые близкие - копты (Египет), затем - армянская церковь, затем - Антиохийская, а далее - все остальные.

2009 год

ЦАРЬ ТИШИНЫ

Во многих молитвах Господь Иисус Христос называется Царём Тишины, а также Свете Тихий. Это совсем не значит, что во тьме Бога нет. Это не значит также, что Господь всегда говорит тихо...

Многие городские люди живут в сплошном звуке и в сплошной мельтешащей линии неонового света, электронных пушек телевизоров и компьютеров. Звуки города, отсутствие видимого горизонта, а значит, и видимых рассветов и закатов - большей частью искусственный свет. Но невидимый Свет Божий всегда окружает нас, даже когда мы спим. Мы не слышим главную Тишину и не имеем духовных талантов увидеть фаворский Свет, потому что слишком возбуждена кора головного мозга, слишком ненормальна кипящая в ритмах цивилизации наша кровь и слишком огрубело тело.

Но есть у этого и свои сомнительные преимущества. Где шума и электричества слишком много, не слышишь и не видишь Бога, но бесы тоже становятся неразличимы, почти не пугают. Стоит, однако, приехать горожанину в глухомань или просто в отдалённую деревеньку - и начинается...

Выросшая в деревне, но прожившая до пенсии в городе, Зинаида С. зачастила под старость лет в деревенский дом.

Милое красивое место на берегу древней зырянской реки Вымь. Дом уж сто лет простоял, только чуть подгнили нижние венцы. Огород восстановила в первую же весну, сей год и дом подремонтировала. Мужиков наняла - ей даже летнюю баньку поставили. Жить теперь Зинаида без этого дома не может. Но начиналось всё не так-то просто.

- В первый раз когда приехала, весь день хлопотала по дому, прибиралась, - рассказывает Зинаида. - А как спать стала ложиться, охватило меня беспокойство. Вроде бы и ночи-то уже были белые, и каждый уголок дома, каждый гвоздь знаком, но... смотрит на меня кто-то из этих углов. Не один - много! Минут двадцать всего-то и поворочалась я на кровати, а потом охватил меня страх. Страх лютый! Я бегом к бабке-соседке. Рассказать-то ей стыдно, что своего дома боюсь. Думаю, расскажет людям, и поднимет меня на смех вся деревня.

Я той бабке что-то соврала: печка, дескать, дымит, и матрац отсырел - спать невозможно. Мне показалось тогда, что старушка и не прислушивалась к моим россказням. «Хочешь переночевать? Проходи - места хватит». Всё по-деревенски просто.

К вечеру второго дня я уже с тревогой ждала сумерек. что будет? Пришли сумерки и... пришли они!

...Надо пояснить, что Зинаида - коммунистка с тридцатилетним стажем, в Бога не верит. «что-то есть невидимое, нами не знаемое - в это верю. Кто-то нас видит...» - оговаривается она и поясняет, что в её жизни было несколько чудес, привидений и «странных совпадений». Признаёт это Зинаида, но с Богом это не связывает, как, впрочем, и с чертовщиной тоже.

- Ум мой не хотел подчиняться. Ещё днём я смеялась над своими страхами и говорила себе: ну, вот подумай, Зина, как с этого угла на тебя могли смотреть пять-семь человек (так казалось ночью), а на деле здесь в темноте даже один подросток не уместится. Это всё фантазии, воображение... А почему воображение не рождает цветов или птиц, почему не мерещится корова, например, или герой кинофильма? В общем, во второй вечер я тоже не выдержала - убежала. Этот второй вечер отличался ещё от первого тем, что среди смотревших на меня я узнала несколько своих предков - бабушку, дядьку... прадеда, которого не знала и никогда не видела, но поняла, что это он. Ужас был ещё более леденящий... Переночевала у той же бабки, а утром уехала в город. Как обьяснять-то, что в своём доме ночевать не могу?

...Тогда Зинаида ещё не знала, что в их маленькой деревеньке каждый из шести оставшихся жителей смог бы поведать о множестве подобных историй.

Например, в доме напротив Зинаиды живёт единственный на всю деревню дед Гаврила. Однажды ночью он прибежал к своей соседке. «Галина, открой! Не могу больше. Все они пришли и смотрят на меня», - стучал бедный Гаврила в окно и плакал. Галина же даже не переспрашивала у него, о ком он говорит, не охала, а только успокаивала. Она говорила с Гаврилой о тех невидимых, как если бы он рассказал, что в избу налетели комары и не дают спать.

«Два дня назад меня беспокоили, теперь к тебе пришли? - сокрушалась Галина. - Рыбьи головы есть? Брось у порога да помолись, - советовала она Гавриле. «Отче наш» читай и крестись. Они уйдут», - простодушно предложила соседка.

Надо отметить, что Галине сразу стало понятно, кто такие «они». Потому что «они» приходили ко всем... Все видели одно и то же - мёртвых деревенских людей, знакомых и незнакомых (но в видении было понятно, что незнакомые тоже из этой деревни. Только, может быть, из дальних времён).

Каждый по отдельности, столкнувшись с миром невидимым, находил и способы, как справиться со страхом. Слава Богу,

предки оставили нам «Отче наш» и знание о силе крёстного знамения. Кажется, до сих пор этого хватало, чтобы не сойти с ума. А у меня, право слово, напрашивается комментарий о конце времён, когда некоторое время живые будут видеть и общаться с мёртвыми. Так говорит Апокалипсис.

Однако, кроме столкновений с духами один на один, случались в этой деревне истории, которые объяснить сложнее.

Было не менее трёх случаев, когда, не сговариваясь, бабушки выходили ночью на площадь посреди деревни. Играла невидимая гармонь. А потом скрип множества телег и невидимый плач женщин...

«Так мужиков нашей деревни уводили на войну в 41-м, - рассказывает Зинаида. - А теперь будто где-то на небесах, на какой-то невидимой магнитофонной плёнке записались звуки тех проводов на войну, и вот уже несколько раз ночью гармонь играла так явственно, что старухи просыпались и приходили на площадь. Они говорят, что зимой тоже такой случай был».

Когда сталкиваешься с подобными историями (особенно когда рассказывают их люди, которым доверяешь всецело), то невольно теряешься. Мы живём в мире, который нам кажется относительно понятным и знакомым. Но вдруг будто оказываешься в чужой стране и не знаешь, кто здесь друг, а кто враг. Какое действие опасно, а какое действие тебя не касается (а может, оно полезно тебе)?

Верующие люди знают, что почти всегда за личиной умерших родственников, особенно умерших давно, стоят бесы. Крестом, постом и молитвою православный человек избавлялся прежде от этой напасти. Но деревня сегодня, которая не живёт церковной общиной и где даже православные не ходят в церковь, оказывается, почти беззащитна перед нечистыми духами.

Физическая сторона вопроса худо-бедно понятна. Не всё, что именуем тишиной, ею является. человеческое ухо слышит звуки в частотах от 20 до 16000 герц. А что выше или ниже?

Если выше, то это контузия, лопаются сосуды, а вот ниже... Частоты звука в 6-7 герц способны вызывать в человеке состояние необъяснимого ужаса, видения образов, которые на самом деле спрятаны где-то в «архивах» памяти.

Что вьётся вокруг огонька свечи? Тьма и мошка. Какой самый тёмный час? Самый тёмный час перед рассветом - гласит народная мудрость. Тишина. Можно ли её классифицировать? Можно. Есть звенящая тишина, страшная тишина, благодатная тишина, ложная.

А побеждаема эта ложная тишина только Тишиной подлинной. Той, за которой открывается другой мир и другой

Свет, Царём которой является Отец наш Небесный.

2005 год

ОТКУДА КНЯЗЬЯ ПРИШЛИ НА ВЫМЬ?

очерк-эссе

В первой половине пятнадцатого века (1410 - 1442 гг.) на Руси была смута. После битвы на поле Куликовом (1380), где русским княжествам удалось одолеть хана Мамая лишь потому, что впервые за долгие годы они объединились в борьбе против иноплеменников, князья опять забыли заветы дедов и отцов. Они опять стали враждовать между собой, делить власть, предательски резать родных братьев. Не могла их помирить даже Церковь. Но всё-таки ближе к середине века, уставшие от междуусобиц князья стали объединяться вокруг набравшего силу Василия Тёмного. Однажды ему выкололи глаза слуги родного брата. За это он получил прозвище Тёмный, что означало Слепой. Невиданное зверство и коварство, до которого докатились князья в борьбе за власть и богатство, вызвало протест как среди простых людей в среде воинства, монахов, так и среди умных и честных князей. Они стали вставать на сторону Василия Тёмного. Одними из самых первых и самых верных были князья из Ростова Великого, дальние родственники Василия Тёмного - князья Верейские.

Воин, старший сын громадного рода Ермолай Верейский поддержал Тёмного и дружиной, и деньгами, и провиантом. Когда власть Василия Тёмного укрепилась, он наградил Ер-молая Верейского вотчиной на Вычегде реке. В 1447 году Ермолай приехал в своё новообразованное княжество в село Слобода (Эжва). Некоторые учёные считают, что это слобода в безымянном смысле, т.е. это не обязательно Эжва-Слобода.

В 1450 году, когда князь с дружиной был в отлучке, на земли Вычегды и Выми напали вятичи, которые в то время поддерживали и подчинялись новгородскому князю Шемяке. Их нападение было жутким. Настолько жутким, что его вряд ли можно сравнить с каким-либо ещё в истории Вымского края. Вятичи пожгли и пограбили все деревни, которые попались им на пути, людей сгоняли в избы и жгли живьём, детей сажали на кол... Спаслись немногие, успевшие скрыться в лесах.

В 1464 году для защиты северных вотчин Московского государства к Ермолаю приехал сын Василий. В те времена было принято, чтобы сыновья получали свои самостоятельные наделы, развивались с семьями, челядью и местным населением. Поэтому

Ермолай предложил сыну обустроиться на Выми, земли которой тоже входили в его княжество. К тому времени Вымская земля была всё ещё уязвима со стороны Мезени, которую строптивые новгородцы контролировали и пытались удержать за собой. Так что Василий приехал не напрасно.

От Усть-Выми, то есть от устья Выми, до села Турья два дня пути на лодьях. Ровно один день пути - до местечка Вис по стремнинному и водоворотному течению. Перед Висом уставшие лодейщики в сумерках, как правило, предпочитали не рисковать и, вытащив суда на берег, шли пешком к ближайшему жилью, или устраивались на ночлег прямо у реки, разжигая костры. После того как Вис стал местом гостевания на путях от Усть-Выми до Турьи, там появился постоялый гостиный двор князя Верейского Василия, или, как говорили люди, -«княжий погост». Постепенно так стали именовать уже и сам Вис, забыв его старинное имя. При этом деревеньки, входившие в него: Ёртом, Удор, Вейпом - как называли прежде, так и называют. После того как там построили церковь (без церкви -деревня, с церковью - село или погост), Княжий Погост закрепился окончательно. Во всяком случае, в дозорной грамоте Великого князя Ивана III-го от 1490 года упоминается «Он-дрюшка из Княжеского погоста», что сено незаконно забрал с чужих угодий, «и пусть ево вернёт и впредь на тех местах не берёт».

Кстати, не тот ли это деятельный Ондрюшка, чьим именем сегодня называется Онежье? Ведь Онь эжа по-коми - это Андреева пожня, то есть место, где косит Андрей.

Но это так - к слову. что же происходит с князьями верейскими дальше? За Василием на Вымь приезжают его сыновья, внуки Ермолая, Пётр и Фёдор. Что им здесь делать? Ну, во-первых, в те времена люди в столицы не рвались, как сейчас. «Где есть престол - там и моё сердце, моя столица», - сказал один из святых подвижников того периода. Во-вторых, Турья была... пограничным селом. Здесь заканчивалась власть московского князя и начиналась власть «белых царей» самояди (ненцев), вогулов и угры (манси). В Турье проходили большие торги: сюда везли с севера рухлядь (пушнину), оленину, полные оленьи упряжки мороженой белорыбицы и сёмги, а увозили к Холодному морю клинки, ткани, диковинную посуду (по сути, просто надёжные чугунные котлы), иногда порох. Уже в конце ХГУ - начале XV веков в Турье имелась пушка. Факт очень значимый. Ведь пушки, порох, мушкеты с подставками под стрельбу с плеча на Руси ещё видели немногие. Они только-только появляются. А если пушку завезли в приграничную Турью, то это значит, что Великий Князь придавал серьёзное значение этому селу.

Василий в середине 70-х годов пятнадцатого столетия приехал с дружиной в Турью с претензией: якобы село недоплатило в казну налогов. Ходили по дворам, куражились, неуважительно вели себя со стариками и женщинами. Вечером, сильно подвыпив, разошлись окончательно, и турьинские восстали. Людям князя Василия намяли бока, а самого его убили.

Кто и как был наказан, история умалчивает (нет серьёзных документов). Возможно, бунтовщики ушли в тайгу или на север, что в те времена было явлением распространённым. Но, скорее всего, сыновья князя Пётр и Фёдор не стали мстить, чтобы окончательно не испортить отношений с Турьей. Им было просто не до этого. Как показали последующие события, у них имелись планы выхода к морю-окияну. Нужна была дружина, которую собрали, в основном, из турьинцев, княжпо-гостцев, онежцев. На Север двинулся караван из полутора сотен «вымичи со жёны и детьми». Империя двинула на Север, оставив Турью в глубине государства.

В низовьях Печоры вымичей будет со временем прибывать. В 1491-м несколько десятков семей взял с собой из наших краёв на север рудознатец Ивашка Ластка. Этот родовитый ростовчанин (по мнению некоторых учёных, он также состоял в дальнем родстве с Верейскими, а по отцовской линии был дальним родственником Ивана Третьего) шёл на Печору искать злато-серебро для казны Великого Князя. Ивашка Ластка нашёл серебро в низовьях Печоры, недалеко от современной Усть-Цильмы. Первые монеты средневековой Руси печатались из этого серебра.

Тут сделаем небольшое примечание. В газетах и журналах иногда ошибочно сообщают, что на устьцилемском серебре печатались первые деньги Руси. На самом деле, первые деньги рубились из полос серебра (отсюда и слово «рубль»), и серебро тех «рублей» и гривен могло быть какого угодно происхождения. А вот первые монеты - это серебро Усть-Цильмы. Вторая ошибка, которая встречается даже в официальных изданиях и юбилейных альбомах, - это мнение, что первые медные копейки были из устьцилемских же рудников. Это, конечно, не так: меди на Цильме почти нет. Во всяком случае, её никогда не находили в промышленных объёмах, а уж на деньги не использовали тем более.

Большущая по тем временам дружина князей Петра и Фёдора Верейских спустилась по Печоре, оставила жён и детей, часть мужчин в районе дельты - там, где позже появится Пу-стозерский острог, - и «пошла воевать Мангазею». По морю-окияну на лодьях достигли Ямала, вошли в Обь, побили воинственных в то время ненцев-долганов, а двух их предводителей пленили и доставили в

Москву. В одном из боёв был ранен Пётр. Похоже, это его и доконало: в 1503-м, по возвращении на Печору, он умер на руках у брата. Фёдор пережил Петра на четыре года, на этом и пресёкся род вымских князей.

Вымское княжество, таким образом, исторически просуществовало очень недолго - с 1464 по 1490-е годы. Но оно стало как бы плацдармом, с которого устремления московских князей в расширении Московии на Север получили развитие. А сегодня жители Княжпогоста почему-то считают, что слово «погост» означает «кладбище», хотя достаточно открыть словари Ожегова или Даля и прочитать: «Погост - это...»

Кто-то разносит мифы о существовании коми князей. Надо, видимо, понимать, что любой авторитет того времени тут же автоматически записывался в «князья»? На самом деле, местный народ был скромен и не воинственен. Даже силач Сима (отсюда название речки Симва), живший в гордом одиночестве на озере Симадор (Синдор) и побивший, по преданию, пятерых братьев из Княжпогоста, зимой пришёл к ним с гостинцами: замирялся он рыбой, дичью. Правда, и тут они опять боролись. И опять он их всех поборол. Медведь был, а не человек. Но это уже другая история...

Голод, исходы и другое

Каждые десять лет на Выми случался страшный голод. Так было вплоть до времён Екатерины Великой. Строго говоря, голод случался чаще, чем раз в десять лет. Статистика говорит, что каждое десятилетие было четыре голодных года, два -очень голодных, три - позволяющих прокормиться от осени до весны, и лишь один год из десяти был урожайным и сытым.

В летописях остались упоминания и об очень страшных годах. Таковыми были, например, 1638 и 1640 годы, 1676-й... В 1640 году, например, в Онежье оставалось живых три человека - «бобыль (т.е. вдовец или безлошадный - слово использовалось в широком и в узком смыслах, но суть одна -«несамообеспеченный крестьянин») с отроком и младенцем». Остальных «мор от неяденья побил да на Чердынь ушли, да на Удору». Население Турьи в 1638-1640 годах уменьшилось почти в пять раз, с 563 человек до 117. То же происходило в Княжпогосте, в Половниках, на Отлах.

На столетие раньше, во времена Иоанна Грозного, голод был не меньшим, исходили из мест семьями и целыми деревнями - на Урал, на верхнюю Вычегду, иногда - на Печору. С радостью уходили во казаки, рекрутировались на службу в стрельцы - почитали за честь и везение.

Век Ивана Грозного знаменит ещё и, как сейчас сказали бы,

глобальным похолоданием. В 1547 году по Чёрному морю на санях доезжали до Стамбула. В 60-х годах того же столетия Печора однажды вскрылась лишь в начале июля. «Овёс не вызрел, ячмень колос не набрал - как траву и поели». Учёный-этнограф Ю. Гагарин проследил смену фамилий на Выми, Мезени, Сысоле в 16-18 веках. За 40 лет порою менялись до 80% фамилий! Тяжело было приживаться и выживать на Севере.

В 1573 году сын сибирского хана Маметкул «Чердынь и Кайгород пожегл», прошёл до Усть-Выми, но почему-то дальше по Выми и Вычегде не пошёл - повернул назад и уходил стремительно. Может быть, всё объясняется просто - грипп. Лихоманка трясучая валила и людей, и лошадей. А может, ещё проще: Маметкул вошёл в... зону голода. Какая уж тут война? Как бы самого вместе с лошадьми не съели. Любопытно ещё одно «совпадение» событий. За Маметкулом через зиму за Урал пошёл атаман Ермак. «И ушли со Ермаком во казаки Трошевы из Шошки, Габовы братья, Пудовы, Подоровы, Со-керины и ещё пятьнадесят вымичи, сто лузцы, сто вычегжаны, столь же сысольцы». Эта страница истории Выми сохранилась даже... на прялках. В коми республиканском краеведческом музее храниться прялка из деревни Козловка, на которой изображена лодья с людьми и надписью «Ермак». Орнамент на прялке вымский, т.е. создана она была местным резчиком для своей жены или дочери.

Из тех, кто уходил, многие возвращались. Началась даже путаница в фамилиях и происхождениях. Так в дозорной книге Яренского уезда 1608 года только Онежских Щановых записывалось в нескольких вариантах - Чанов, Тчанов, Щанов, Шчанов. Дуркины и Туркины на Печоре зачастую были одним и тем же семейством, по-разному записанным полуграмотными (или глухими) переписчиками. Кстати, на местном устьцилемском диалекте «дурка» или «турка» - это глухарь. То есть фамилия Туркин-Дуркин - это Глухарёв.

Есть основания полагать, что Подоров - это Фёдоров в коми звучании, т.к. в коми языке нет звука «фэ». А Габов - это Гаврилов. Ведь и сегодня Гавриилов в коми деревнях называют Габ или Габелей.

Не только фамилии, но и названия целых деревень сегодня воспринимаются неверно по сути. Например, на месте нынешней деревни Козловка (в полутора километрах от Онежья) были... две вымершие деревни. У обеих деревень были русские названия. Впрочем, Козловка - это тоже русское название, и отнюдь не от слова «коза», а от «козлы» - т.е. скамьи для распиловки брёвен. Предполагаю, что избы от Онежья и до Княжпогоста были построены из брёвен, которые распиливались на козлах сосновых

и лиственничных боров между Жигановским мысом и самой Козловкой. Ведь весь этот берег был в борах: на месте Катыдпома, Козловки, Жигановки, на месте совхозных полей и сенокосных угодий Онежья и Турьи 450 лет назад были отборные «корабельные» леса. Больших бригад по заготовке леса крестьяне 16-17 века собрать не могли. Работали по два-четыре человека. Обычно отец с сыновьями. Лошадей не имел почти никто, да и невыгодна лошадиная вывозка, когда есть река. Сверху, с идеально крутого берега оставалось только столкнуть эти брёвна в воду и ловить их потом тому, кто сделал на бревне свои отметки. Впрочем, по той же книги переписи Яренского уезда 1608 года можно узнать, что к Покровам, т. е. к 14 октября того года в Козловке, что за Онежским погостом, проживает Иван Козлов - бобыль с отроком двенадцати лет. Больше в деревне никого не было. «Ни мужеского, ни женского полу. Ни коня, ни овчи». Здесь есть одна странность: в книге Козловка уже называется Козловкой, а по другим документам она появится только... в 1747 году. Вывод напрашивается такой: либо в ходу было несколько названий одного и того же места (как Вис, Княжпогост и вместе с ними Вейпом, Ерос, Удор), либо где-то в более поздние времена произошла путаница с документами. Формирование фамилий происходило от прозвищ, места жительства, названия прихода, зримых внешних черт или уродства. (Чувьюров - птичья голова, Изъюров - каменная голова; а у русских Сухоруковы,

Носовы, Щербаковы и т. п.) И появлялись фамилии именно в этот период переписей. Совпадение довольно очевидно. А через фамилию (тем более всего один житель) неожиданно всплыло «рабочее» название деревни - Козлов, значит, и Козловка.

В документах 16-17 веков часто встречаются бобыли и гораздо реже вдовы. Женская доля на севере была страшной и короткой. В 15-17 лет выходили замуж, до 30-35-ти через год рожали детей. Из 12-15 ребятишек выживали 4-6, а то и меньше. И к сорока годам от простуд, женских болезней и травм в лесу, а также и от мужниных побоев умирали три женщины из пяти. Продолжительность жизни была около сорока лет. А если по современной статистике, то так называемая «средняя продолжительность жизни» с учётом умирающих младенцев составляла и вовсе лет 25, не более... Вплоть до 20 века во время родов или осложнений, связанных с родами, умирала каждая десятая женщина. Может, потому в начале 17-го века и «жил Иван Козлов бобыль с отроком. Ни коня, ни овчи»...

...Обь - великая сибирская река. Сильная, как бог, рыбная, богатая в своих прибрежных лесах дичью и зверем. «Об» - по-коми

«тётка». Коми уходили на «тёткины» земли, как племянники, - на время, но часто оставались навсегда. Так появлялись сибирские коми.

Лёгкий на подъём, кочевой народ коми. Оседло ведь живут лет двести-триста, не более. Большая часть народа шарахалась по континенту, вместе с русскими расширяя Империю. А, может, об Империи и не думала, а просто искала лучшей доли, добрых земель да просто спасалась от голода. С Ермаком, с Семёном Дежневым, на заводах Демидовых и Строгановых, с яицкими казаками селились в северном Казахстане... В одной из книг встречалось мне утверждение, что из казнённых Петром Первым стрельцов (помните картину Василия Сурикова «Утро стрелецкой казни»?) каждый третий - зырянин, «чудь да чухонь белоглазая». Похоже на правду, надо сказать. Если уж зыряне служили, то отличались верностью беспредельной. Присягнули царице Софье - за присягу и погибли. Раскланявшись, как положено, перед казнью: «Простите, люди добрые! Служили честно, слово не посрамили, веру не предали... »

Где воевали вымичи?

Известно по летописям, по учётным и дозорным книгам, по рекрутским записям уездных воевод, что вымичи воевали в походах Ермака против сибирского хана Кучума, в Крымской кампании с князем Галицким перенесли все тяготы и разгром от хана Гирея, а также помирали в солончаковых приазовских и херсонских степях от голода и жажды; строили такие города, как Старый Оскол, Воронеж, поселения на Хопре и Дону. Участвовали во всех войнах Петра Первого и с той поры - в каждой войне Государства Российского без исключения. На строительство Петербурга ушло не менее тридцати мужиков из сёл Шошка, Раковицы, Княжпогост, Отлы, Гортшор. Известны фамилии Манов, Трошев, Сокерин, Каракчиев, Пудов, Щанов...

Среди защитников Севастополя, а значит, где-то рядом с молодым графом Л. Толстым, с адмиралом Нахимовым и гениальным фортификатором Тотлебеном были наши земляки. «Из Шошки взято 14 душ, из Турьи 19 да из Княжпогоста, из Отлинского погоста, из Онежья по шесть мужиков с лошадьми и подводами, из Серёгово 22...» На войну с Наполеоном снаряжено было не менее ста вымичей. Как после каждой войны возвращались? Бог знает... Нет такой традиции - описывать возвращение выживших на войне: ни в русском летописании, ни в делопроизводстве. Пришёл живой? Слава тебе, Господи! Сгинул? Ну, пусть земля тебе будет пухом... Помяни их, Господи, во Царствии твоём. (А поле Бородинское мы здесь на земле помянем...)

Вернувшиеся, покалеченные, но бывалые, рассказывали всю оставшуюся жизнь о дальних землях, о легендарных героях, о чудных порядках и невиданных красотах в южных землях. Через эти рассказы воспитывался патриотизм. Удивительно было и другое - воевали наши земляки с винтовками и пушками, а приезжали домой и охотились с помощью луков, ножей и рогатин. Считанные семьи имели шомпольные ружья (это такие ружья, которые заряжались через ствол). Невероятно, но с луком охотились даже в годы Великой Отечественной войны.

В Турье в начале 80-х годов в одной из этнографических экспедиций мне довелось услышать историю-предание о том, как решались охотничьи споры. Они были чрезвычайно редкими. Решались по совести. Но случались и кровавые разборки, таинственные исчезновения (по-видимому, убийства) тех, кто нарушал правила слишком нагло и явно, несмотря на многократные предупреждения.

Не таинственная история - это история охотничей дуэли. Стрелялись мужик из Куавицы с охотником из Онежья. В ссоре дошли до прилюдных оскорблений. Но это их же и спасло. Люди, которые были свидетелями скандала, предложили стрелкам выйти на лесной «квадрат» (условленную лесную площадь 100 на 100 метров), взять по пять патронов и стреляться до первой крови. Несмотря на ярость противников, патроны, заряженные пулями, у них отняли. Оставили только с дробью. Итог дуэли - ранены оба, один остался с изувеченным лицом.

Мужики, которые рассказывали эту историю, расходились во мнении, когда это было. Один утверждал, что в середине 60-х годов, другой, - что сразу после войны, третий говорил, что история совсем недавняя - чуть ли не в середине 70-х годов была та дуэль.

Очень распространена была охота ловушками и силками. В голодные военные годы жители Выми мяса съели из ловушек гораздо больше, чем полученного по продовольственным пайкам и за «палочки» трудодней. (Нынешнему поколению, наверно, надо отдельно пояснить, что «палочка» - это отметка напротив фамилии работающего в колхозе, означающая один трудодень. При активной работе и перевыполнении плана можно было заработать две палочки или полторы.)

Рябчик, куропатка, заяц - это кормёжка из леса. Мык, гор-лян, пескарь, плотва, ёрш - из рек и речушек. Сёмгу тоже ели. Но втихаря. Солили бочками вплоть до 1944 года. А потом война перебила мужиков, способных промышлять её в серьёзных объёмах, а из-за сплава древесины её в Выми стало всё меньше и меньше. К слову, наверно, даже коми люди забыли, что

«кылтовка» произошло от «кылтым-ю» или «кылтым -ва» (т.е. «сплавная речка). Есть ачимская кылтовка, ещё у мехза-вода, и ещё штук тридцать вдоль магистрали Котлас-Воркута. Все эти сплавные дела из рек сделали конвейер. А на конвейерах, как известно, и воробьи не живут.

2008 год

ИЗБУШКИ И ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ

Быль и легенда Лесные люди

Кто же эти лесные люди и яг-морты, с кем сталкивались и русские люди, и северные народы - коми, чухонь, ижора? Бог их знает, да только кое-что и нам известно.

Вот, например, один из рассказов.

В Козловке близ Княжпогоста жила Пилип Онь гетыр, бабушка, которой было далеко за 90 лет, ещё когда я был маленьким. В своей книжке «Шатун» я рассказал о ней в миниатюре «Отражение»: о том, как ругала она нас за то, что мы корчим рожи отражению в окне. «Ночь может унести твоё лицо, и потом ночь и сама жизнь будет корчить тебе рожи. Ведь ты не знаешь, где та граница, где отразится твоё лицо», - так рассуждала Пилип Онь гетыр. Она была поэтом, о чём не догадывалась.

И вот что рассказывала нам старуха о яг-мортах:

- Тогда я была ещё девицей. Наверно, мне было лет шестнадцать... (Это значит, что где-то в 1885-87 годах - авт.) Мы с девками и парнями пошли за ягодой. Далеко ходили, но болото всё равно не перейдёшь. Его нельзя перейти. Никто не перешёл - дураков нет по болоту ходить. (Даже зимой там охотники попадают на воду. Мочат лыжи, ноги и насилу выбираются обратно. Там нет птицы никакой. Зачем туда ходить? Но ведь чудное дело - если белка уходит, то она уходит куда-то туда...) Там-то и дерева нет. Но там ходит большой лось, Царь-лось. Мой отец рассказывал, что этот лось однажды вынес раненого охотника. Тот охотник, как ребёнок в люльке, сидел в одном ковше рога - вот такой лось большой. Может, сказки нам батя рассказывал? Но мы ему верили, он нас не обманывал. И про сёмгу, что больше лодки была, и про щуку, что от злости на берег за детьми, как собака, выскочила... А может, батю самого кто обманул. Но то, что я вам сказываю, то, что мы с девками увидели, - чистая правда. Это я сама видела.

Мы тогда далеко зашли. Лето сухое было. Морошка есть, но идти за ней надо было вглубь болота. Тяжело ходили. А там сухостой есть и небольшой лесок. И вот видим мы, как из этого лесочка люди уходят. Мы к лесочку идём - думаем, это кто-то, может, из катыдпомских или гортшерских, а ближе подошли - и видим... Ох, чёрные люди с длинными волосами идут от нас в лес. И один, и два, и десять... Мы испугались. Даже парни испугались. Но потом видим - и дети среди них есть. В шкурах

все, лохматые. Мужчины ихние зачем-то длинные жерди несли. Парни потом спорили, что это копья. Но старики наши объясняли нам, когда мы, перепуганные, в деревню пришли, что жерди эти люди носят с собой, чтобы по болотам ходить. Но копья у них и правда есть. Луки-стрелы тоже. Взрослые люди на нас не смотрели, будто нас и нет вовсе. Можно было подумать, что всё это нам причудилось, ведь они ещё и тихо шли. Совсем тихо. Звуков вообще не помню. Но вот их детишки («Кагаяс-тай, кагаяс, - Пилип Онь гетыр, вспоминая, умильно хлопала себя по бёдрам, будто говорила о милых медвежатах. - Дзёля пи...») на нас уставились, и взрослые их тащили прямо волоком. Помню у одного ребёнка красную-красную ленту в волосах. Как чиган-тай!

Всего сто двадцать лет назад происходит то, что рассказала Пилип Онь гетыр. И об этих лесных людях знали старики того времени. Ведь Пилип Онь гетыр говорит, что старики объясняли им про лесных людей, про жерди, а не копья - значит, для стариков «лесные люди» не были новостью.

Кто они, эти лесные люди? Параллельная цепь человеческой цивилизации? Или странным образом забредавшие в наши края лесные ненцы? Может быть, и манси из-за Урала? В восемнадцатом веке даже по переписи тех времён встречаются ссылки на то, что на Мезени есть поселение вогулов (манси). Но то всё-таки поселение. (Можно сравнить с оседлыми цыганами.) А люди, о которых рассказывают старики, скрываются в лесах, будто не хотят видеть этот мир и идут по своим лесным тропам, ведомым только им, перпендикулярно всем известным дорогам и вопреки понятиям «по воде или посуху», «легко - тяжело», «твердь или болото».

Наверное, не всегда мирными были встречи с лесными людьми. Наверное, и девушку могли похитить, как в легенде о яг-морте, и ребёнка.

Избушки на курьих ножках

Охотничьи лесные баньки не всегда были такими, какими мы их представляем сейчас. Ещё в 1930-40 годах у вымских охотников в некоторых лесных избушках продовольствия хранилось столько, что можно было прожить зиму без голода. Тут тебе и вяленая рыба, и копчёная лосятина с медвежатиной, и крупа, и соль, и запас снастей для охоты и рыбалки. Более того, в лесных избах зимний сезон могли коротать некоторые члены семьи, меняться через месяц-два. Но избы-то без дымохода. Закопчённые и замороженные, даже молодые тётки могли показаться Бабами Ягами. Не случайно в русских народных сказках говорится о том, что волшебные русские бани омолаживали. Из пара - да в студёную прорубь нырни, морду

вымой - вот и молодой. Это вам любой подтвердит (особенно кто в армии служил).

Были охотничьи избушки, которые ставили не на землю, а на большие пни. Были избушки, которые возводили на 3-4 столбах (особенно на заболоченных местах или местах пойменных, где весной вода могла подтопить избушку). Чтоб столбы не гнили, их перед закапыванием либо обжигали, либо немного окуривали. Кстати, для окуривания использовали тлеющую метлу можжевельника (вот тебе и бабка на метле). Окуривали не только «ножки», но и пространство вокруг избы - от муравьёв и мошек всяких. Внутри изба окуривалась как бы сама собой, потому что топилась по-чёрному. Замечательное средство дезинфекции - других-то не было. Может быть, именно потому, что на Руси были курные избы, чума, которая покосила в 16 веке пол-Европы, Русь почти не тронула. Закопчённые мы были - защищённые.

Бывало, что такие охотничьи избушки разоряли росомахи или медведи. Поэтому охотники старались делать избушки «без окон, без дверей». Только через лаз (иногда потаённый) можно было попасть в такое жилище.

С приходом в Коми лагерей ГУЛАГа, с увеличением численности людей, бродящих по лесу и ухудшением их нравов (впрочем, как судить голодного беглого зэка?), охотники перестали оставлять в избушках провизию. В 1940 году было даже издано распоряжение Совнаркома Коми АССР, согласно которому, все избушки были взяты на учёт, в них запрещалось хранить спирт, керосин, бензин, соль, йод и т.п. (будучи студентом, в своё время с любопытством читал это документ, но сейчас не помню всего. При желании, его можно запросить в государственном архиве Республики Коми).

К поимке беглых заключённых, особо опасных, привлекались и охотники. «К поимке» - это мягко сказано... Охотник приносил палец правой руки убитого зэка, за что получал полпуда сахара, пуд крупы, порох. Много или мало было таких случаев, история не расскажет никогда: кто ж такими делами хвастает, но известно как минимум два случая и у нас, на Вымской земле. Случаи эти, наверное, не зафиксированы в документах, но людская молва приписывала «охоту на людей» вполне реальным охотникам (оба уже ушли в мир иной).

Очень болезненно и ревниво защищали охотники свои угодья в 20-40-х годах. Широко известны были ловушки и самострелы для непрошеных гостей. Открыл дверь - стрела в горло. Стал снимать чужую ловушку - загнутая ветвь, как копьё, выстрелит, или бревно с подвески прилетит... И ямы, и порошки мухомора в оставленной крупе - всё бывало и шло в ход. Отсюда и загадочные

истории, когда, например, находили сбежавших и замёрзших зэков с выражением ужаса на лицах. Мухоморчика попили, и вот в сознании уже другая реальность. И нет избушки, а есть погоня, злые чудовища и снег цвета крови...

Наверное, было и другое, причём куда чаще, ведь коми - добрый народ. Только скрывали это куда тщательней, чем злодейство. Доброта в те годы была уголовно наказуема.

2008 год

ПРОСТРАНСТВО ПРАЗДНИКА

Есть гениальные произведения искусства. Есть гений, проявленный в механике, оптике, в философии, психологии... Может ли быть гениальность в такой сфере человеческой деятельности, как гастрономия? Мне кажется, что есть вещи, блюда, изобретения в пище, которые вполне могут претендовать на это...

Задумался я об этом недавно. Мой друг Володя Григорян угостил бастурмой. реальной - такой, какой делают её в непромышленных масштабах на Кавказе. И я подумал: такую вещь мог придумать гений или коллективный гений тысяч людей... Сами рассудите: как рождался этот законсервированный шедевр, спасший от голода тысячи крепостей и людей в походах? Но при этом уникальный по вкусу!

Или слоёное тесто. Кому-то ведь не лень было замачивать его в 4-градусной воде, потом раскатывать и складывать 200 раз!!! Чтоб получилось это чудо... Видел в Египте ещё и «медовое гнездо» - тонкое, филигранное. Из теста и мёда. Эх, любил тот человек людей, если так хотел их порадовать. А пахлава! Это ж супер! А сахарные пудры-напыления в штруд-лях немцев? Впрочем, сами штрудли - это тоже шедевр национального кулинарного гения. Ведь ради чего всё это делается безымянной хозяйкой? Чтоб на долю мгновения увидеть в глазах угощающегося изумление и восторг... То есть от желания радости для людей рождаются все гастрономические изыски.

А ещё борщ. Эту «свалку» продукта, эту «вавилонскую башню», от которой отнимается язык, делали ведь не вдруг... Борщ формируется как букет. Икебана вкуса. Сколько хозяек - столько и борщей...

С домашней кухней как-то всё более-менее понятно. А где, как и откуда появились предприятия общественного питания? Если трактиры, таверны с их незатейливой кухней (ведь цель - всего лишь накормить путешествующего) известны с античных времён, то ресторан - это уже нечто другое... Название «Ресторан» было впервые использовано французским продавцом супов по имени Буланже (Boulanger) примерно в 1765 году. Он разместил над входом в своё парижское заведение вывеску на латыни: «Venite ad me omnes, qui stomacho laboratis et ego restaurabo vos» - «Придите ко мне все страждущие желудком, и я вас восстановлю». Это потом бульоны на птице назовут «еврейским аспирином», незаметно произойдёт приписывание блюда еврейским харчевням

вообще. А поначалу было все проще: ресторан - это свежие бульоны. То есть замысел был в том, что еду подадут самую свежую и даже на заказ.

В Москве первый ресторан «Славянский базар» открылся в 1872-73 годах. Справочники утверждают, что «он отличался от трактира тем, что там были не половые, а официанты. Их облачили во фраки, белые перчатки и стали называть «люди». Кстати, именно там произошла встреча основателей МХАТа Станиславского и Немировича-Данченко».

А в наших краях, в Республике Коми, когда и где родилось это явление? Именно не придорожных питейных заведений или рабочих столовых, а ресторанов с европейским уровнем культуры?

О европейском уровне чуть позже, а вот мало-мальски приличные ресторации появляться стали только в 1950-х годах прошлого столетия. Считается, что первым рестораном было заведение, открытое в Усть-Сысольске в 1908 году, но поскольку о нём известно только, что официант был один и что пол подметали прямо при посетителях, то, наверное, уровень ресторана представить можно. «И буфете при нём...» - вот что известно ещё. Похоже, что ресторан был при буфете, а не наоборот...

Но в 40-х появляется ресторация при Речфлоте, при офицерской столовой (на углу нынешних улиц Советской и Коммунистической - там, где сейчас Торговый Центр «Звёздный»). В Инте появляется ресторан «Инта» в конце 40-х. Отметим, что даже в Емве (тогда пос.Железнодорожный) при железнодорожной станции был совсем маленький ресторанчик, в котором столики по вечерам были с накрахмаленными салфетками, а две официантки бегали в фартучках и кокошниках, точь-в-точь похожих на костюмы девушек из кинофильма «Карнавальная ночь», где Гурченко поёт свои знаменитые «Пять минут».

Медвежий угол ГУЛАГа, край лагерей и больших километров между городами, край жестяных фонарей и лая собак со сторожевых периметров лагерей, край каторжного труда леспромхозов ещё долго не узнал бы блеска паркетов, звона хрусталя и атмосферы гардеробов с запахом духов от женских шубок, смешивающегося с запахом гуталина на офицерских сверкающих сапогах, если бы не острый взгляд нескольких старших офицеров «Воркутлага» и не творческая инициатива одного немолодого уже еврея, приехавшего из Ленинграда по линии снабжения МВД.

Аркадий (Сруль) Израелевич Коган оставил в жизни нашего края неизгладимый след. И, увы, при этом он почти неизвестен не

только широкой общественности, но и профессиональному сообществу рестораторов. Умер он в 2012 году в Нью-Йорке в возрасте 101 года. Но зато как благодаря Когану менялась жизнь в Воркуте в конце 50-х - начале 60-х годов прошлого века, в конечном счёте, отразившись и в нынешнем времени!

Итак - 50-е годы: вот сидят в столовой при Воркутинском механическом заводе два механика и два шахтёра. Знатно так кушают: борщ, котлеты, по два салата, компоты... В отпуск собираются. И кушают. Долго так кушают - и час, и два, только лица краснеют, и котлеты уже без гарнира заказывают... И подходит к ним Сю Яо Тин, китаец - завпроизводством. В Воркуте 50-х годов китайцев было много.

- Ребята, да не прячьте вы уже пятую бутылку водки... Давайте я вам графин вынесу...

Или вот собираются в кино полковник N с красавицей женой, и не он её торопит, а она...

- Дорогая, так до сеанса-то ещё целых сорок минут...

- Да, но потом выключат свет, и больше никто не увидит моё платье. Дай хоть в вестибюле двадцать минут блеснуть...

При том, что шкафы были забиты неплохими вещами, военным и шахтёрам (заработки уже в 50-х были весьма приличными) выйти в свет было фактически некуда. Щегольнуть зимней одеждой - это сколько угодно, а вот летнюю в Воркуте одиннадцать месяцев в году демонстрировать можно было изредка и мимоходом...

И вот Аркадий Коган внимательно слушает обиды воркутинских красавиц, смотрит, как в столовых шахтёрских посёлков и даже в центре города с приличными деньгами в кармане их некуда потратить и негде провести время. И в голове немолодого еврея рождается красивый план. Думаю, что этот план стоял на не менее красивом протесте в сердце. Как же так - в краю тяжёлого шахтёрского труда, где зимы беспросветны и почти бесконечны, но зато собрались с разных концов страны замечательные люди с хорошим вкусом, негде посидеть в красивой компании? Это же просто безобразие! Для начала, по задумке Аркадия Израилевича, начали по вечерам преображаться столовые... Днём - столовая, а вечером кафе, ресторанчик. Появляются официанты, попытки удивить оригинальным блюдом... «Индейку с черносливом не желаете?» - мило улыбаясь, спросит девушка с фартучком пока что без фирменных вензелей ресторана. «Не может быть... Прямтаки индейка? И прям с черносливом?! Да чтоб я так жил!..» Шёл 1956-й год. А уже через два года появились рестораны первой наценочной категории - «Север», «Русь», «Москва», «Воркута», «Юбилейный»...

Лафетные рюмочки, мельхиоровые приборы (мельхиор и только мельхиор!), накрахмаленные скатерти и салфетки, официанты с бабочками и с полотенцами, по три-четыре варианта освещения - настольное, боковое, верхнее малое и верхнее «полный свет»... Свечи тогда были не в моде, но суп на подносе в супницах, а пекинскую утку могли поджечь на сухом спирте, добавив в него, для запаха, коньяка... Вдобавок бесплатное душистое мыло в туалетах, освежители воздуха и... н-да, первая туалетная бумага (совсем не такая, как сейчас, а нарезанная), да ещё по нескольку малых зеркал и столиков в женской части туалета... И портьеры. О! А ламбрекены, такие можно было прежде увидеть только в кино о старинной графской жизни!.. Дамы после выхода с мужьями в рестораны порою подолгу обсуждали не только блюда, но и сервировку, обстановку, зеркала в рамах и кружева... «Люся, ну, помнишь, такие - в угловой части под занавесочкою?.. »

Воркута за километрами подземной выработки и метельных дорог получила наконец-то квадратные метры европейского стандарта и уютного блеска, зеркала от пола до потолка и паркеты, равные столичным. За всем этим стоял не только творческий порыв Аркадия Когана, но и железная дисциплина, которую он ввёл, и, конечно, его незаурядный организаторский талант.

Несколько позже, в начале 1960-х, Аркадий Израилевич привёз в Воркуту мастеров-кондитеров из Ленинграда. Настоящих мастеров - не по квалификационной записи, а по их титулам победителей ряда серьёзных Всесоюзных конкурсов. А молодой тогда Павел Васильевич Пасечник занялся организацией «Лакомки». Человек, который сам не ел сладкого (Пасечник был диабетиком) создал кондитерское производство, которое стало легендой.

Торты и пирожные Воркуты в 60-80-е годы славились на всю республику. «Привези мне эклерчиков... А мне торт «Полярное Сияние», с фигурным желе...» - человек из Сыктывкара или Ухты уезжал в командировку в Воркуту обременённый заказами коллег и родственников. Воркута удивляла и была примером на фронте сладостей и праздничного оформления столов. Причём - хоть для ресторанов, хоть для производственных банкетов, хоть для семейных торжеств. Десятки свидетельств тому, как из «Лакомки» гости Воркуты уходили со стопками тортов, вызывали такси...

И всё-таки именно эклеры останутся символом той эпохи, когда сладость на столах была как бы «для детей», как бы «декорацией избытка». А тут эклер - простой, тёплый, доступный и главное - массовый! Понятное дело - до этого изделия

додумалась не Воркута, а какие-нибудь безымянные кондитеры из Фонтенбло во времена Людовика XIV, но у жителей нашей республики эклер надолго был связан в памяти с кондитерским изобилием Заполярного города. И, конечно, ягодные желе… Пожалуй, и они начали своё шествие по праздничным столам республики из творческих цехов Воркуты.

Ленинградские мастера поставили кондитерское производство и научили молодых. Эстонские художники создали дизайн с зимним садом в детском кафе и торговым комплексом внизу. «Лакомка» шокировала. Иногда она шокировала уже одними запахами почти за квартал.

Павел Пасечник вообще был мастер открытия чего-либо нового. Аркадий Израилевич Коган заприметил в нем этот талант и бросал молодого менеджера на организацию… Первым директором и «Воркуты», и ресторана «Москва» был именно Пасечник. Говорят, что восторга от оформления зала и атмосферы на открытии ресторана «Москва» не скрывал сам Коган. На празднование Нового года в «Москве» записывались в… сентябре! Иначе в октябре можно было остаться без свободного столика. Молодым поварёнком, пришедшим в 1975 году, был будущий директор этого ресторана (а позже и замруководителя администрации главы Республики Коми) Александр Борисович Сердитов.

- Когда я впервые в 1975 году зашёл в ресторан «Москва», я просто обалдел. Будто выпал из города Полярной ночи в какую-то другую реальность. Всё сверкало: хрусталь, мельхиор, белоснежные салфетки под светом матовых люстр в бронзе… На кухне только в холодном цехе было шесть поваров! Отдельно на острые блюда, отдельно на салаты, отдельно на рыбные… Между прочим, Пасечник запомнился ещё и фокусом с разделкой селёдки. Так больше не мог никто: он брал рыбу двумя пальцами у головы, проводил от нижнего плавника ногтем по брюшку и - фьють!.. В полторы секунды филе лежало готовое к тому, чтобы попасть на блюдо.

Александр Сердитов пять лет работал только на заливных, муссах, галантинах… Несколько уникальных рецептов он вспомнил и для моего эссе. Не утверждает, но говорит, что часть из них - это заслуга Веры Николаевны Полюшко, ведущего технолога объединения общественного питания УРСа «Воркутауголь».

Напиток «Москва»: 30 граммов вина «Кагор», 150 граммов яблочного сока, 10 граммов сахара и вишенка. Остудить… Это на стакан. Если вы захотели сделать такого напитка, например, целое ведро, то, конечно, умножайте в пропорциях.

Салат «Москва»: свёкла отварная нарезается кубиками, горошек, зелёный лук, солёный огурец мелко, белое мясо курицы, отварное яйцо, чуть чеснока, натёртый грецкий орех, майонез. Выкладывается на лист салата. Сбоку - ленты филе, четвертинка яйца и лента сладкого перца.

...Справедливости ради, мы не будем зацикливаться только на ресторанных шедеврах Воркуты - начали с неё лишь по одной причине: до Аркадия Когана Коми край не знал культуры ресторанов первой и высокой наценочных категорий... Разве сыктывкарские рестораны «Центральный» или «Вычегда» (появившийся, кстати, лишь в 1964-м) можно было сравнить с воркутинским шиком? Нет... «Центральный» от котлет и грибных супов только к 70-м годам «дорастёт» до чохохбили и купат, а в кондитерских цехах «Вычегды» при всем мастерстве отдельных кондитеров всё ж воровство будет портить пирожные и торты. Портвейн вместо украденного коньяка и не-доложенный сахар - каждая «мелочь» не по рецепту - будут портить впечатление и снижать качество ресторанного уровня. Между тем, именно дисциплина и честное исполнение рецептов без всяких заменителей - вот что сделало Воркутинскую «Лакомку» легендой.

Это сейчас, в 2000-х, новый генеральный директор ресторанного объединения «Вычегда» Наталия Олейник, создавая сеть кофеен «Кофейный дворик», вывела и дизайн, и технологическую дисциплину, и внимание к свежести и разнообразию продукта на должный уровень. И в начале 2000-х именно «Кофейные дворики» с их блинчиками, штрудлями, тарталетками с икрой и жюльенами подарили Сыктывкару чуточку настоящего столичного лоска.

Строганина из оленины - это не только, конечно, местное блюдо: от Аляски до Тикси и Осло и по всему северному побережью России это блюдо есть. В московских ресторанах оно, кстати, тоже не редкость. Это просто мороженое мясо оленя, которое строгают на семисантиметровые ленточки (ширина - дюйм) и подают, как, например, сало, в холодном виде. Перчат его уже по своему усмотрению.

Но я расскажу вам историю, которую наблюдали знакомые альпинисты в чуме недалеко от Инты. Там оленя разделали и мясо стали мять на... шерстяной части шкуры этого же оленя. Зачем? Ведь шерсть попадёт в мясо! - удивлялись городские туристы. Однако готовили его не для них. Оказывается, так мясо доводят ненцы для стимулирования работы стенок желудка. Мелкие ворсинки покалывают желудок и заставляют сугубо мясной рацион перерабатываться искусственно вызванным

желудочным соком (когда весной заканчиваются запасы ягоды, ненцу нечем «кислить» желудок, а слишком много мяса в питании забьёт пищевой тракт).

Такое блюдо на столах ресторанов вы, конечно, не встретите. Но оно тоже национальное, как и мясо, сваренное с ивовой корой. Вы не знаете, что весенняя ивовая кора - кладезь ацетилсалициловой кислоты? Ну вот - теперь знаете.

А сколько взрослому мужчине нужно мяса ежесуточно, представляете? Строго говоря... нисколько. Есть серьёзные исследования учёных, которые утверждают, что в год достаточно четырёх приёмов мяса! То есть все шиворот-навыворот: не четыре поста в год по православному календарю, а всего-то четыре приёма мяса в год - и организму этого хватает. А вот без этого худо. Оказывается, есть группа микроэлементов, которую человеческий организм сам и одновременно добрать не в состоянии - только через концентрат, собранный уже в мясе животного. Эволюционно так сложилось. Грех такой за человеком... Причём из этих приёмов мяса два рекомендованы на осень, один на зиму, и один на позднюю весну. Все остальное человек вполне способен добрать в пище рыбной, в яйцах птицы, через овощи и фрукты. И даже Солнце - солнечный свет - это тоже не только форма пополнения организма энергией света, но и, буквально, питание. Потому что солнечный свет, насыщенность продуктов фотонами, даёт совершенно другие эффекты усваиваемости и концентрации витаминов.

Но мы живём на Севере. А часть людей и вовсе - на Крайнем Севере. А на Крайнем Севере есть шахты, и солнца там нет ни до, ни после - ни внизу, ни вверху. Здесь лета человек может не увидеть, потому что шахтёр его проведёт на смене (такое оно короткое). Здесь продолжительностью жизни не отличаются, а большие деньги платят потому, что труд всё равно дороже тех денег, и здоровье потом не купишь. Воркута... Хельмер-Ю... Воргашор...

Был на Воргашоре ресторан «Юбилейный». Знатненький такой ресторан. Если бы какой-нибудь старик Хоттабыч перенёс его в Санкт-Петербург, например, и поставил бы где-нибудь на Фонтанке, то я вас уверяю - Фонтанка бы гордилась тем рестораном...

А в знатненьком «Юбилейном» были и знатненькие блюда -да ещё какие! Мясо в мясе. Ещё бы - надо ведь было кормить мужиков, которые из подземелья вылезали в Подлунье... в смысле - под Луну...

Жаркое по-воргашорски. Говядину, нарезанную по два куска на порцию, толщиной от 1 сантиметра до дюйма, отбивали и в

серединку этого отбитого куска укладывали фарш. (В говядину - свинину. Реже наоборот. Бывало, в свинину - индейку или курицу, но это слабее.) Сворачивается это в трубочку, обжаривается с обеих сторон. Потом закладывается в горшочек. Туда же в горшочек нарезали лук репчатый, обжаренный с чесноком картофель, морковь, томатную пасту (столовая ложечка на одно блюдо), огурцы солёные и бульон. Тушат до готовности. Это минут 40-50. Фарш, конечно, тоже не «лысый» -с яйцом, мелким луком, иногда с мелко нарубленным сваренным яйцом.

Сильная это вещь, ребята... Не случайно шахтёры могли под такое блюдо выпить по бутылочке водки «Столичной» и даже не вспотеть. Так - лёгкий румянец, и пошли играть на бильярде...

В воркутинских ресторанах играли не только на бильярде: здесь играли и замечательные музыканты, и в карты играли тоже. Но все-же остановимся на музыкантах (карты безлики). В «Севере» играл Саша Зеленин - он сложнейшие соло-композиции из «Deep perple» или из «Атомного петуха» (был такой популярный ансамбль в начале 70-х в США, как и «Ночь трёх собак» из Австралии - ныне забытые группы) мог сыграть, держа гитару за спиной или лёжа. Помните музыкальную выходку главного героя в фильме «Назад в будущее»? Вспомнили? Зеленин мог круче... Запросто. Я с Зелениным познакомился, когда он отбывал срок «на химии», то есть на исправительных работах в Княжпогосте. Что-то Саня «нахимичил» за Полярным кругом, его сослали южнее... В Княжпо-госте Зеленин шокировал публику на вечерах танцев в старом Доме Культуры и в ресторане «Вымь». Его неплохо поддержал руководитель местного ВИА Витя Лютер (сейчас настройщик фортепиано и клавесинов в Берлине). А Зеленин играет теперь в Москве...

Широко известный в своё время Пётр Наумов, ударник из ансамбля «Надежда», известного на весь СССР, тоже играл в воркутинском ресторане «Москва». Из старого состава ансамбля «Сябры» в Воркуте оказался Торбочкин...

Жаль, что в лихие 90-е воркутинская ресторанная культура сошла на уровень некой стандартной, без «дворцового колорита». И даже неплохие рестораны с неплохой кухней - «Шан-грила» (осетинский ресторан) или «Пингвин» - были всего лишь просто хорошими, без лоска. Ресторан «Север», пережив бойню-расстрел посетителей, как-то сразу после этого сник и забыл про кухню... В ресторане «Воркута», который до 1993 года возглавлял А.Б.Сердитов, всё чаще по утрам приходилось читать заявления работников об увольнении и милицейские протоколы... «Невесело, знаете ли, рабочий день начинать с рассматривания пулевых отверстий в стенах и совсем не гастрономических,

совсем не производственных вопросов», -рассказывает Александр Борисович. Уволились, уехали многие. Где-то в Сыктывкаре стала специалистом по парфюмерии одна из лучших технологов-пищевиков Антонина Миллер. Уже упоминавшаяся Вера Полюшко живёт в Брянске, Аркадий Коган похоронен в Нью-Йорке, Павел Пасечник - в Кременчуге, китаец-завпроизводством столовой «Воркутинского механического завода Сю Яо Тин и не менее известный в 60-х Сун Кун Лу похоронены в Воркуте. Гурманы-китайцы, между прочим, так и остались в чём-то верны пристрастиям своей национальной кухни - они любили и готовили для себя пельмени с капустой. А в столовой этого блюда не было...

Сыктывкар жил другими стандартами. Когда-то в начале 60-х годов, когда «Сысола» открылась как гостиница для партхозактива, и в только что открывшейся гостинице «Центральной» фактически старались лишь дотянуться до стандартов «Сысолы», это блюдо было шиком, поражающим всех приезжих, - сёмга с луком и картофель, сваренный в мундире... Вы не поняли? Подаётся, конечно, не по отдельности. Картофель чистился, сёмга с луком вываливалась в кастрюли, которые тряслись поварами до состояния лёгкой мятости. И все это розово-бело-желтое явление сваливалось на тарелку - «Сёмга по-вычегодски». Вся суть в пропорциях. Сёмги всегда здесь было больше половины от общего веса... А потом вам обязательно предложили бы и чай по-ижемски. Это уж для людей с крепкими нервами и вестибулярным аппаратом: крутая заварка пополам с водкой. Точно - и пусть весь мир подождёт!.. Слово «коктейль» слышали тогда только в кино (да и то - чаще про боевой «коктейль Молотова»).

Но наступит 1980-й... Осень. Только что в Москве отшумела 0лимпиада-80, и только сейчас пошли массово домой первые дембеля из Афганистана. Ни город, ни страна ещё не знали, что стоят на пороге «пятилетки пышных похорон», когда генеральных секретарей КПСС будут хоронить чаще, чем Алла Пугачева менять хиты. Пока ещё «Всё напоминает о тебе, а ты нигде.» Пока ещё «Сколько, сколько, сколько может это длиться, длиться, длиться», - кричит в микрофон Юрий Антонов, и Андрей Макаревич утверждает: «Вот он - поворот!», но ещё впереди «андроповские» рейды по кинотеатрам, ещё не выстроились папахи и каракули за лафетом, на котором «дорогой Леонид Ильич» поедет к Кремлёвской стене, а бытовая культурная перестройка уже начала своё шествие...

Появились бары... И бармены, конечно. Появились фарцовщики, тусившие в ресторанах, и декоративное оформление

баров доморощенным световым дизайном, иностранными бутылочками «Jeem Bim» с подкрашенным чаем (для антуража). Появился дефицит, и буженину теперь можно было увидеть только в ресторане, копчёную колбасу тоже, а сёмгу только на Нижней Печоре в гостях у браконьеров. Появились коктейли...

В гостинице «Сыктывкар», в столовой (не в ресторане) был отгорожен закуток, а-ля бар, в котором молодой тогда бармен Володя Мальцев творил чудеса на фоне цветомузыки. они с братом щеголяли югославскими батниками, усами-щёточками и фокусами с барными блестящими смесителями. И был у

Мальцева рецепт убойного коктейля, с помощью которого он «выносил из помещения» любого загулявшего «быка». Коктейль назывался «Олимпийский». С пенкой он был... Пенку помнили те, кто выпивал по две порции. Если заказывали три -не помнили ни пенки, ни отчества... Секрет, конечно, за Мальцевым так и остался. А рядом в кафе «Океан» живописный и жизнестойкий бармен Володя Крулик из самых дерибасовских ингредиентов создавал шедевры, перебивая запахи шмурдяка лимонадной эссенцией и концентратом крем-соды. Но Крулик был мастер атмосферы - с ним всегда можно было найти пару тем для беседы (от патриотической грусти по поводу потерь в русско-японской войне до обсуждения травмы Сергея Бубки -олимпийского прыгуна с шестом). А ещё Володя всегда «бонусом» давал конфеточку... Даже если ты уныло с бодуна просто совершенно неэстетично жрёшь водку. А ещё Круль(ик) в случае «аварийной ситуации» - ну, например, с суммой за заказ ты не рассчитал - великодушно поверит тебе: «Ничего, принесёшь завтра или послезавтра...» Крулика не обманывали. Дружбой с ним дорожили.

Общежитие Сыктывкарского государственного университета находится прямо напротив гостиницы «Сыктывкар» и, конечно же, ресторана «Сыктывкар», который когда-то давно, в конце 70-х годов так и планировался - как единый комплекс. Скоро уже сорок лет этому архитектурно-кулинарному явлению, где обкаталась и одна из первых в республике цветомузыкальных систем, и первое варьете, загремевшее дружно по тюрьмам во второй половине 80-х (варьете превратилось в наркопритон; фарцовка дефицитными в те советские времена кроссовками, джинсами и батниками здесь тоже шла вовсю), и даже чуток казино. Играли в карты не часто, но бывало. Чаще делали это в кафе «Океан» по соседству. Надёжным рефери в конфликтах был всё тот же Владимир Григорьевич Крулик -мастер спорта по боксу, с идеальной осанкой и надёжными шестью центнерами и с левой и с правой. Иногда игра шла с заряженными ружьями на

коленях. А все остальные любители «покера» не имели права подходить к столу ближе пяти шагов. Знаю про ставки размером в автомобиль «Волга». В 1986 году это 15 тысяч рублей, стоимость хорошей двухкомнатной квартиры в Сыктывкаре или не очень хорошей трёхкомнатной. А поскольку ставка часто удваивалась... А поскольку колоды свежих карт покупались только в магазине «Сувениры» на Советской (были подозрения, что в ЦУМе и в магазине у железнодорожного вокзала карты под заказ кропят)... А поскольку с наличностью таких масштабов ходить по ночным улицам (и даже ездить) в те времена было слишком уж смело, постольку ружья на коленях были вполне к месту...

Теперь о блюдах. И об атмосфере. В ресторане «Сыктывкар» некоторое время работал замечательный кондитер и бард Витя Вайкум. Он делал на заказ и часто через «чёрный ход» потрясающие торты «Шоколадный ёж» на коньячной основе. Молва о его ежах шла от правительственных кругов до студенческих, и песни его звучали на фестивалях от Питера до Воркуты и Новосибирска. Но запомнились из блюд ресторана «Сыктывкар» не только «шоколадные ежи».

Например, рулет «Сыктывкарский» - это две вырезки, слегка прихваченные обжаркой с двух сторон, между ними тонкий слой грудинки и омлет с луком и сыром, всё это заворачивается в рулет, перетягивается шпагатом и дожаривается в жарочном шкафу. На выносе, конечно, шпагат снимают. Поливают маслом. Подают без гарнира, но с дольками лимона и маслинами...

Рыба жареная с овощным грилем запомнилась тоже. Может быть, потому, что удалось попробовать четыре варианта... Вариант первый: несколько мелких рыбёшек, развёрнутых, с изъятыми костями, прожаренные со стороны спинки и боков. Политые соком лимона овощи гриль с фасолью. Вариант второй: крупная рыба, обжаренная так же со стороны спины, но не поливается соком лимона, а подаётся с аджикой или томатным соусом. Овощи гриль без фасоли, зачем-то капуста... впрочем, она не портит блюдо. Вариант третий: крупный кусок рыбы, развёрнутый (не стейк, т.к. кости не вынимаются), обжарен с двух сторон - спинка до хрустящего состояния. Овощи-гриль и подливка из пассированной моркови с луком и фасолью. Вариант четвёртый: рыбу принесли на решёточке, стоящей прямо в блюде. Рядом только укроп и сельдерей. Овощи-гриль подаются в отдельной тарелке.

Почему-то официант рекомендовал к блюду чесночный хлеб (горячий и политый сливочным растопленным маслом с чесноком). На мой взгляд, решение спорное. Хотя, возможно, это так - мои прибабахи... Но я и сегодня помню и блюдо, и того

официанта.

Игорь Торлопов - один из старейших служителей серебряных подносов Сыктывкара. Начинал в «Центральном» ещё в конце 70-х, потом в «Сыктывкаре» (времён тех самых грилей и варьете), нынче он в «Вычегде»... Он помнит всех «записных гуляк» и мастеров кухни, контрасты пустых полок магазинов и... две палки салями на смену по норме! (Это для поддержания респектабельности меню.) «И порою ведь даже две палки за пятничный вечер не уходили... Не было посетителей... Всяко бывало». Это о странных и лихих перестроечных временах, когда неплатежи в бюджетной сфере доходили до 8-10 месяцев... Какой с пустыми карманами ресторан?!

Когда-то в середине 90-х годов на базе кафе «Северянка» в Сыктывкаре появилась новая «Северянка». И старая была очень даже неплохая - со стеклянными стенами от пола до потолка. С «честными котлетами» и капустой с брусникой, жареной мойвой и треской, с ухой из нашей речной рыбы, «Северянка» придавала свой шарм центру города. Помню, однажды сюда завалилась художественная самодеятельность из Ижмы, все в национальных одеждах. Классно. Хлопок двери и... ты улетел на 60 лет в прошлое.

Я в этом кафе в 1983 году написал половину курсовой работы под коньячок, именно здесь познакомился с будущим народным поэтом коми Виктором Кушмановым и замечательным актёром театра драмы Ваней Витовичем. Здесь лабал на гитаре, подрабатывая к своей студенческой стипендии будущий генеральный директор КРТК Геннадий Левицкий. Новая «Северянка» была неузнаваема... Это было другое кафе не только по оформлению под «охотничий домик», но и по набору очень специфических блюд. Только здесь можно было поесть тушёные лёгкие лося с луком и морковью. Только здесь имелась копчёная ленточками струганина из медвежатины с перцем (чем-то похожая на бастурму). Только здесь дичь с брусникой и... жареная капуста под сметаной с брусникой. Фантазии поваров потрясали. Но это были не выдумки «новой кухни» - всё это авторам этих строк когда-то приходилось есть в реальных крестьянских семьях. Например, лёгкие лося с тушёной морковью и луком - в Турье (Княжпогостский район), струганную копчёную медвежатину - в Усть-Цилемском и всё том же Княжпогостском районах, дичь с брусникой под сметаной - в Жешарте (Усть-Вымский район). Надо отдать должное поварам с философией той «Северянки» - они свой край реально любят. Из любви и только из любви к кулинарному искусству и к своему краю собирала в 70-80-х по сёлам рецепты национальной кухни Раиса Васильевна Сергеева,

технолог ресторана «Центральный». Такие люди и создали гурманскую гастрономическую карту региона. Сможет ли ещё какой-нибудь ресторан повторить все это?

А теперь позвольте нам побыть немножко субъективными, рассказывая о таком напитке, как морс... Морсы и кисели из наших северных ягод часто, почти всегда, были на столах и в ресторанах и в леспромхозовских столовых. Разница, казалось бы, небольшая - всего лишь в концентрации, в густоте. Однако, почему же какие-то морсы помнятся и сорок лет спустя, а какие-то забыты и не докопаешься в памяти? Наверное, потому, что в варении этого напитка (не запивки, как считают некоторые, а настоящего блюда) есть свои секреты.

Потрясающие морсы брали банками в заводской столовой Княжпогостского механического завода, гости, проезжающие посёлок Железнодорожный (ныне г. Емва). И непонятен был секрет - почему этот морс имеет гамму вкуса с каким-то «эхом» барбарисок или слегка жжёной карамели.

Своя находка в морсоварении произошла в первый год работы студенческого кафе «Калевала» в Сыктывкаре. К сожалению, это мало кто помнит, потому что было время, когда вдруг дефицитом стали... стаканы! А смаковать напиток в банке из-под майонеза - так действительно разливали - эстетам не к лицу.

Зато горячие кисели с цедрой от кафе «Сысола» и кафе «Чудесница» запомнились наверняка многим.

В начале 1980-х годов в среде сыктывкарских студентов появилась вдруг мода «ходить на бризоль». Кто эту традицию зародил, сейчас уже и не вспомнить. И просуществовала она недолго - может быть, всего-то один год (кажется, это было тогда, когда вышел на экраны фильм «Самая обаятельная и привлекательная» с Муравьевой и Абдуловым в главных ролях. Значит, это был 1985-й). Уж не помню - звучит ли в фильме это блюдо, но как-то так совпало...

К выходу «на бризоль» в ресторан «Вычегда» готовились иногда целую неделю. Собиралась компания по 6-8 человек. Празднично одевались - ресторан всё-таки! И даже, если поход был дневной, почему-то «фишечкой» считалось именно сходить торжественно. Наверное, это придавало бризоли особый вкус.

Четверть века спустя я в «Вычегде» заказал её снова. Хорошая. Слов нет... Но без щенячьих студенческих восторгов -совсем не то.

Бризоль от «Вычегды» - это отбитое мясо в очень плотном омлете (плотном из-за больших добавок муки). Бризоли всегда делались пышными, и особой фишкой было нерастаявшее сливочное масло внутри. Понятное дело - зелень, огурцы,

помидоры - всё это было рядом, а не внутри. Но мы же не знали, что самые распространённые «классические» бризоли подразумевают, что зелень должна заворачиваться внутрь шедевра. Нам и без этого было хорошо, было вкусно, было не по-студенчески шикарно, когда даже пара стопок водочки совсем не казались излишеством к такому блюду...

В период тотального дефицита я увидел изобретение всё той же «Вычегды» - бризоль с... рыбным фаршем! А вот он-то как раз хорошо заправлялся зелёным луком и чесноком, сельдереем - и... всё то же ледяное масло за 10 секунд до подачи на стол! Надо же... в этом что-то есть. Будете в «Вычегде» - бризоль пробуйте. Точно вам говорю - пробуйте бризоль! Этой эстафете уже больше четверти века, а значит, можно говорить, что шедевр востребован...

В начале 1980-х годов только в одном кафе Сыктывкара можно было поесть настоящих «цыплят табака». Правда, кухня кафе халтурить начала уже через несколько месяцев, однако знатоки предупреждали официантов: «Нам реальных цыплят табака, чтоб пропёкшиеся и с хрустом...»

Происхождение этого блюда совсем не местное, но в колорит приготовления птицы, а значит, и дичи оно внесло свой смак. Родина блюда - Кавказ. «Цицила тапака» - это от названия грузинской сковороды, в которой его готовят. Вообще же, tapha - «сковорода», возможно, происходит от арабского слова tabbaq - «блюдо», «поднос», «тарелка». Распространённое название блюда в Армении «тапакац хав» - дословно «жареная курица» или «сплющенная курица». Разрезанная пополам курица отбивается или плющится, прожаривается под прессом. Либо грузом, либо винтом крышка прижимает птицу к сковороде.

Благодаря чесночку и томатному соусу, с луком и маслом цыплёнок приобретает сочный, пропечённый, прожаренный вкус.

Надо сказать, что цыплята табака (именно так называлось кафе у Музыкального театра, нынче Театра оперы и балета -«Цыплята Табака») - стали не просто приятной новинкой в ресторанном меню республики. Именно с них пошла мода на большие плоские тарелки. Не удивляйтесь - ещё в 70-х они использовались разве что как вспомогательные, под первые блюда. Но цыплята требовали особой подачи, и оказалось, что большая плоская тарелка - это стильно и удобно.

Добавим, что до цыплят табака дичь в коми сёлах, как и в северных русских, ели в супах. Жареная и печёная почти не встречается. Разве что утка или гусь на праздничный стол, да и то их чаще тушили. Были ещё шти (не путать со щами. Шти и щи - разные блюда). Шти («попал, как кур во шти») - это рубленая дичь

(может быть, конечно, и другое мясо), сложенная в горшочек или чугунок с крупой, луком и картошкой и поставленная в угол печи, в которой дрова прогорели, но жар остался. Там чугунок томится порою по несколько часов, иногда с вечера до утра. Не правда ли - должно получиться что-то похожее на чахохбили? Но шти - это блюдо покруче будет. Птица, попавшая в них, съедается даже с костями - они распариваются до мягкого состояния. Так вот, цыплята табака, поразившие воображение студенческой и творческой среды

Сыктывкара, подтолкнули мысль поваров в новом направлении. Стали появляться свои - коми - блюда, где под прессом пропекалась уже и дичь и вообще любая птица. Мне довелось, например, в столовой Спаспоруба (Прилузский район) в конце 80-х пробовать рубленую курицу, жареную с морковью под прессом. Правда, местные хозяйки утверждали, что это их местное блюдо, но что точно «родилось» от фантазий цыплят табака - так это дичь, запечённая в твороге со сметаной. Творог там чесночный и солёный, как брынза. Румяные куски курицы, как мясо в запеканке... А уж морковь, зелень - это всё по вкусу. Такую курицу встречал я в кафе «Туйвеж» на федеральной трассе в селе Вогваздино и в кафе «Лесная сказка» в Эжве в 90-х. Сочетание посетителям явно нравится, хотя цена «кусалась». В связи с этим вспоминается, что в московской «Царской охоте» подают же печёных голубей под мёдом с ... горчицей. И, знаете, это одно из самых вкусных блюд, что мне довелось отведать.

А теперь, если уж речь зашла о вариантах национальных блюд из птицы, предложу вам рецепт от кафе «Дружба», которое за двадцать последних лет становилось уже и «Алексом», и «Зарни Ёль», а теперь рестораном «Спасский». Блюдо «Цыплята-Плакия». О названии не спрашивайте - не знаю я, почему они так называются. Но оцените...

Сначала готовится томатный маринад - пассеруют нашинкованные морковь, лук, томат-пюре. Добавляют муку, специи, чеснок, мясной бульон и проваривают. Цыплёнка, разделанного на 2-3 крупных куска, обжаривают в сковородке, смазанной маслом, потом заливают тем самым маринадом и допекают-таки в жарочном шкафу. Подавая на стол, можно слегка украсить ломтиками лимона и веточками зелени... Вот, я вам скажу, не надо себе делать нервы - вино не подходит. Коньяк не подходит тоже. Только пиво или водка. Вы говорите про соки? Да не смешите мне голову... Вы же ж устанете все это запивать.

О ресторане-вернисаже «Спасский» скажем особо: это заведение недооценено гурманами и недооценено вниманием прессы. Достойное меню с хорошим выбором национальных блюд

народов Севера - само собой, но есть кое-что и для глаз: фотовыставка старого Усть-Сысольска, колоритные чучела медведя и птиц. Обслуживание удобное, вполне приличное музыкальное сопровождение (увы, с некоторым засильем шансона - впрочем, возможно, это мне просто не повезло).

Шеф-повара и вообще мастера кулинарии в Республике Коми не прославлены. А жаль. Уж точно в первую десятку мастеров вошли бы и мастерицы из Конторы общественного питания УКСа Объединения «Коминефть». Чудес, вытворяемых на гастрономической ниве, на их счету предостаточно, но я приведу пример, возможно, и не самый яркий, но зато наш -по-северному специфический. Рождение этого блюда произошло в Ухте - именно в столовой конторы общественного питания «Коминефть». Это кебабчета... Вам она встречалась в Греции? В Турции? Неправда. Внешняя похожесть? Может быть. Но смотрите на процесс.

Мясо нарезают на куски, солят, ставят на час на холод. Потом холодным пропускают через мясорубку. Фарш ставится на холод ещё на 6 часов. И в эту массу, температура которой около двух градусов (и фарш еле мнётся), набивается мелко нарезанный лук, специи. Формируют колбаски: толщина 2,5 см, длина 6-7 см. Жарят с обеих сторон, но главное потом: доводится такая колбаска в жарочном шкафу, а на выносе поливается топленым маслом. Присыпать можно и сыром, и укропом. На гарнир подходит все, кроме макарон.

В селе Турья Княжпогостского района нас, забредших на огонёк археологов, в 80-х годах потчевали такими колбасками из мяса лося местные тётушки из пекарни. Как называли они это блюдо, я не помню. Но в Ухте название вот нашли...

Филе «Вычегда» в самом ресторане «Вычегда» я никогда не ел. Ну, не повезло мне... Зато я ел его в ресторане «Чибью», где авторство его честно было указано - в меню было записано: «филе «Вычегда». Вот бы так бережно относились к авторству в сфере писательской или музыкальной. А то читаешь свои очерки целыми кусками в научных трудах некоторых товарищей - и ни слова ни полслова о том, кто это на самом деле написал. (Это я так - пользуясь случаем, напоминаю о честности некоторым научным сотрудникам.)

Так вот. «Чибью». Ухта. Смеркалось... Классический холодный августовский вечер. Скука. Не играет музыка в ресторане. Посетителей трое - я и двое чрезвычайно таинственных мужчин шепчутся в дальнем углу. Видимо, так скучно, что одурел даже официант. Увидев выражение моего лица, он несколько оживился и самоуверенно произнёс:

- Уважаемый, я вам могу посоветовать блюдо, после которого вам вечер покажется веселее...

«Давай», - безнадёжно киваю я. Мне кажется, что настроение не исправит даже стакан водки с горчицей...

И он приносит это филе...

Два говяжьих филе отбиты. Обжарены. Но дело не в этом. Внутри пассированные грибочки с луком и морковью. Видимо, в пассировку чуток добавлена томатная паста. Каждый кусок свернут в рулетик, а сам рулетик в льезоне доведён до совершенства букета. Вот и зелень сбоку. Вот и помидоры тонкой нарезкой. и лук тоже тонко-тонко... Волшебство подействовало. Августовский вечер больше не был скучным. А где-то ближе к 10 часам вечера я привёл на это блюдо двух приехавших вместе со мной командировочных коллег. В отличие от тех таинственных мужичков, мы уже не шептались -мы нахваливали кухню «Чибью».

В интинское кафе «Уголёк» вот уже несколько лет подряд заглядывают не только для того, чтобы перекусить. Тут появилось блюдо, которое для путешественников-гурманов стало своего рода визиткой Инты - лангет из оленины с грибным сметанным соусом. Причём гостей Инты предупреждают: «Возьмите обязательно на гарнир рис... Просто рис...»

Мы испробовали это блюдо, по достоинству оценив простоту его изготовления и оригинальность вкуса. Такой лангет приемлем после любого «первого». Он респектабелен под любые напитки - от пива до коньяков. В соседство ему противопоказана разве что рыба, потому что соседство даже мандаринов он выдерживает с лёгкостью. А вкус с цитрусовыми становится даже оригинальнее.

В ресторане «Инта» (который, конечно, в одноимённом городе) был придуман «Рябиновый чай». Возможно, он остался бы незамеченным, как и морковные чаи «Калевалы» в Сыктывкаре, но «рябиновый чай» пришёл во времена «сухого закона» 1985-88 годов. И оказался очень кстати именно как напиток, в котором скрывались эффекты веселья «безалкогольных свадеб», навязываемых пропагандой того времени. Рябиновый чай вообще-то подаётся горячим, потому что весь эффект его вкуса в том, что ягоды рябины запаривались крутым кипятком и настаивались. А потом снова доводились до кипения примерно так, как доводиться до пузырей кофе по-восточному... Ну и представьте себе жидкость с температурой в 90 градусов, в которую долили 50 граммов водки или коньяка... Конечно, свадьба становилась веселей. «Чаёвничали» уставшие шахтёры в ресторане «Инта» и с утра. Иногда очень сильно «чаёвничали»...

Но рябиновый чай запомнился, конечно, не только по причине алкогольных композиций. У него есть ещё один эффект -

любая привычная выпечка с рябиновым чаем приобретает новую «мелодию».

Острый голубец и сладкий морковный соус - эта красота подавалась в таверне «Флинт» города Сыктывкара в начале века. Причём был (или мне показалось) какой-то оптический обман - голубец всегда был ГРОМАДНЫМ! И он всегда был на тарелке один...

Если приезжали в Сыктывкар гости из столиц, и принимающая сторона улавливала, что гости - гурманы, можно было, не опасаясь конфуза и гастрономических банальностей, вести людей во «Флинт». Обстановка была в той таверне курортноюжная (аквариумы, стилизация интерьера под сильно дол-банутую шхуну, одежды официантов - нечто среднее между пиратским нарядом и одеждой испанских матросов времён республики Франко), а блюда были с упором на рыбку. Но это только казалось... На самом деле, мясных и довольно качественных блюд в том заведении было предостаточно. Минус у таверны «Флинт» был только один - там так и не смогли разобраться с отоплением и вентиляцией. Зимой было прохладно на уровне «поужинали-сматываемся», а запахи печёной рыбы, доносящейся с кухни, мягко говоря, не совсем подходили к абсолютному большинству мороженого и пирожных.

Так вот - ГОЛУБЕЦ! Ради того голубца я приводил в таверну «Флинт» несколько компаний. Критерий того, что я не ошибся в оценке: один чиновник из администрации Санкт-Петербурга, топ-менеджеры крупных сетевых компаний, приехавшие в Сыктывкар с перерывом в полтора-два года, выбирая вечером, куда пойти на ужин, вспомнили тот гигантский голубец и специфический соус таверны «Флинт». И мы пошли снова. И снова «Флинт» не разочаровал... Попробуем объяснить ингредиенты. Вернее, пропорции. Голубец по своим масштабам - это примерно 2,5 обычных голубца. Мясом он заправляется уже тушёным (может быть, даже слегка обжаренным) и тушится вместе с рисом и морковью ещё раз. Густо перчён, видимо, не только внутри, но и снаружи. Припекается на сковородке до плоского состояния и румяности. Морковный соус, как я догадываюсь, делается на подслащённом сиропе из каких-то ягод. Не пассировка, но как? Повара найдут способ... Подают голубец и с нарезанными кубиками ананаса, но это уж совсем не обязательно.

Конечно, было бы странно, рассказывая о находках северной кухни, не сказать о пельменях, которые по своему происхождению - явно финно-угорское изобретение: «пель» - ухо, «нянь» - хлеб - в русифицированном варианте стали «пельменями». Их заготавливали и морозили порою целыми мешками. В

знаменитых по сказкам «избушках на курьих ножках», т.е. охотничьих баньках, без окон и дверей, ставленых на столбах (защита от мелкого грызуна и муравьев), их хранили, чтоб вечером измотанный порою дальним переходом охотник мог быстро воспользоваться полуфабрикатом, сварив себе пару пригоршней пельменей.

А вспомним классику: в произведении «Угрюм-река» Вячеслава Яковлевича Шишкина есть такая сцена. Три сибирячки вечером собираются попить чаю... Попили. Три самовара и «чулок» пельменей. Чулок - это мешок килограмма на четыре... Любили перекусить и поболтать скучными зимними вечерами одинокие северные женщины. Крестьянского «фитнеса» хватало с избытком, и поэтому комплексов по поводу состояния фигур у них не было.

Шаньги и рыбники (черинянь), которые по сути есть рыбные расстегаи, - это блюда не ресторанные, поэтому я на их описании не останавливался. Хотя надо отметить, что в кулинарии ресторана «Вычегда» венгерские ватрушки получались такие, что венгры, приехавшие на Финно-угорский Конгресс в Сыктывкаре в 1985 году, отметили их качество: «О! Мы и не знали, что они могут быть такими особыми». Так же и с шаньгами: коми люди, помнящие праздничные шаньги наших бабушек, отмечали национальную выпечку «Вычегды». И вправду -шаньги здесь настоящие, коми. Сделано с любовью - к своему краю, к традициям кулинарных изысков. Одно я никак в толк не возьму: крупяные шаньги - это ж было основой шанег, а крупяные делают нынче в разы меньше, чем картофельные.

Конечно, в своём небольшом эссе я охватил далеко не все достойные внимания блюда, далеко не всю историю ресторанного дела в Коми, но я пока и не ставил такую задачу. Ведь легко было бы упомянуть ещё о десятке необычных баров и ресторанов. Чего стоит, например, первый пивной бар, который появился на улице Морозова напротив железнодорожного вокзала в Сыктывкаре в конце 80-х годов, когда ослаб «сухой закон». Неплохой был бар. Но создал кучу проблем для жителей соседних домов. Или как не упомянуть кавказскую кухню - особенно рестораны «Гурман» и азербайджанский ресторан на мясокомбинате, куда на блюда специально выезжали, чтоб распробовать истинный колорит солнечного Кавказа. Кафе «Азия» на въезде в Сыктывкар с южной стороны, ставшее предметом высоких оценок заехавших однажды в столицу республики высоких экспертов из Москвы и Питера... Но всё-таки это не наши явления, не северные, не выбивающиеся из общефедеральной культуры и наступательного тренда ресторанной культуры. «Лица необщее выражение» - вот что

должно быть интересно. Но этого всё меньше... Легче ещё раз упомянуть тот же «Океан», который оформлен был, кстати, на шаг впереди своего времени - в стиле техно... Тогда и стиль-то ещё только зарождался (во Франции, между прочим), а неизвестный дизайнер сделал интерьер «Океана» из ребристой нержавейки, из перемежающихся сверкающих пластин стали и хромированных труб... А ведь это начало 70-х.

Жаль разрушенного интерьера ресторана «Вымь» (г.Емва, он же Княжпогост) - громадные мозаики с изображением сцен жизни северных рыбаков и охотников: на одной стене старик с сыновьями выносит из лодки громадную рыбу, на другой стене фреска-мозаика - бородатый охотник с рогатиной крутит самокрутку, сидя на туше убитого медведя. Одна только обстановка, одно только художественное оформление залов настраивало на праздник. Ещё в начале 70-х в такой ресторанный зал дамы постеснялись бы зайти даже в хороших сапожках (в туфельки переобувались в гардеробе). В конце 70-х уже не стеснялись. В 80-е интерьер разрушили посетители в верхней одежде и в спецодежде. В 90-е пошла стрельба... Прощай, ресторан. Кабак - это отражение состояния культуры вообще, а не питейное заведение...

Примечание вместо заключения

Это не рекламная статья (если вы не поняли). Ни за один рецепт, ни за одно упоминание ни автор, ни автору не заплачено ни пирожка, ни чашки кофе и уж тем более ни рюмки коньяка. Это материал-мемориал. Дань памяти мастерам особой сферы, о которой стеснительно писали в советские времена, негативно - в буржуазно-коммерческие, но это сфера, которая отражается на нашей жизни ежедневно, как и наша жизнь отражается в ней.

В последние годы я не ищу музыку в ресторанах и кафе. Я не ищу друзей и собутыльников - их нет. Одни на кладбищах, другие в столицах и заграницах, третьи ходят в рестораны уже с другими людьми. Если ещё ходят...

Но рестораны и своеобразную атмосферу «общего ужина» я люблю. Чаще всего вы меня увидите в «Чарли». Нравится мне это кафе, интерьер которого в английском неоколониаль-ном стиле, где можно курить, и даже молодой борзый официант соображает, что холодный жюльен в тарталетке - это моветон. В «Чарли» нет ничего национального, и даже суши (этот японский идиотизм) здесь не кажется японским, а просто «унаги-маги под рюмаги». Но в «Чарли» есть праздник уюта, праздник другой реальности, ведь ресторан - это, в первую очередь, Другой мир...

Рестораны. Мир не виртуальный, не обманывающий, но в чём-то кого-то объединяющий, кого-то утешающий и

настраивающий. В ресторанах подводят итоги и обдумывают планы, ругают правительства и шепчутся о сделках, признаются в любви и делают предложения руки и сердца. В ресторанах поминают и помнят… И вы не забудьте об этом.

2013 год

УЛЕТНОЕ ВРЕМЯ

Ко всяким глупым юбилеям республики

У современного популярного писателя Михаила Веллера есть рассказ «Время, назад!», в котором он в свойственной ему игровой манере рассмотрел историю Москвы, как бы запустив плёнку времени задом наперёд.

Я тоже пытаюсь иногда это сделать. Вы помните пейджеры? Они уже пять лет как вышли из моды вообще. Боже, о чём я говорю! - они в моду и не успели войти. Знакомый семь лет назад уехал в Германию. Приехал в гости. Стеснялся достать сотовый телефон, наивно полагая, что будет выглядеть «буржуем». Уже в сыктывкарском аэропорту был в шоке - среди встречающих стояли две девчушки и трещали по телефону с теми, кто выходил: «О! Я тебя уже вижу!» И княжпогостские таксисты, которые везли его на родину, явно не считали минутки сотовой связи, обсуждая с жёнами меню ужина и планы на вечернюю баню с друзьями. «Да у них у всех аппараты, даже у сопливых пацанов!..» - успокоился эмигрант.

Когда Лев Смоленцев привёз в Сыктывкар «новость» об

Интернете и пытался раскрутить её через республиканские газеты, больше половины работников правительственных зданий на Стефановской площади вежливо и искренне считали, что компьютер - это что-то типа более продвинутого калькулятора с преферансом и другими играми для заполнения трудных пауз в работе.

В это время задержки по зарплате составляли от 2 до 8 месяцев, и среди учителей считалось неприличным хвастаться «а нам выдали зарплату за март...» (в июне).

Тринадцать лет назад в Сыктывкаре стреляли из автоматов в окна и взрывали машины, а «смотрящих» хоронили как заслуженных работников и героев невидимого фронта. Вы видели колонну венков от братков? По цене двух таких венков профсоюзы, тогда, в 94-м, собирали республиканские конференции.

Четырнадцать лет назад (и даже позже) по бартеру пропадали вагоны угля и мазута, шахтёры пытались покорить Правительство, а их самих покоряли «авторитеты» приватизации. Тогда видеосистемы в доме рассматривались как «особые новые возможности». А понятие «новые русские» так и не смогли внятно перевести ни в «Коми му», ни в «The Financal Times».

Двадцать лет назад микрорайон «Орбита» в Сыктывкаре и

Пионер-гора в Ухте застраивались буквально на глазах. Воркутинские шахты из года в год отмечали выполнение годовых планов задолго до нового года, сыпались ордена, и Воркута была, пожалуй, единственным городом в Коми, где талоны были только на некоторые продукты питания (во всей остальной республике они были на все - от сахара и круп до водки и масла).

Но как в это время строились дороги! Асфальт доползал до каждой деревушки - сотни и сотни километров асфальта сделали тогда республику мобильной. Автобусные маршруты открывались в иные месяцы еженедельно. В Сыктывкаре вынуждены были строить отдельный «Автопавильон» на южное и восточное направления. На трассе Сыктывкар - Ухта ещё целый десяток вёрст у Чинья-Ворыка абсолютно не проходим легковыми автомобилями, здесь только КАМАЗы и сумасшедшие «уазики» пытаются победить пространство с помощью веры в себя и просто удачи.

Хор баптистов в Сыктывкаре и первую бесплатную раздачу Библии в ДК «Металлист» обсуждали от правительственных коридоров до школьных. Тогда Рождество праздновали ещё «как показывают по телевизору» - а там показывали католическое - 25 декабря, но мало кто понимал разницу... За шестьдесят лет страна забыла свои старые праздники и традиции.

Тридцать и сорок лет назад республика пережила «золотые десятилетия», она из сельской превращалась в индустриальную с появлением заводов древесно-волокнистых плит в Княжпогосте, фанерного комбината в Жешарте, а ещё раньше -43 года назад - Сыктывкарского лесопромышленного комплекса в Сыктывкаре. В 70-х годах появляется новый город Усинск и новые железнодорожные ветки - на запад от Микуни (в Удорском районе пилят лес болгары), на восток - к Троицко-Печорску и на север - от Сыни к Усинску.

Это было время, когда в лесные посёлки ездили... за дефицитом. Там были высокие заработки и финские спортивные костюмы, там после бани можно было попить бутылочное пиво и даже венгерский ром. СССР нужен был лес - он рождал города, в которых стройматериалы были хроническим дефицитом, лес был нужен дозарезу.

В Сыктывкаре появляется университет, а в Ухте индустриальный институт. Республика гремит на весь мир именами первых олимпийских чемпионов. Появляется Сыктывкарская студия телевидения.

Ещё будущий Октябрьский проспект в Сыктывкаре называется (до 1967 года) «ул.Гагарина», и строятся жёлтые пятиэтажки, а пространство до железнодорожного вокзала и вокруг него - это

серое поле с ивняком и разнолесьем.

Пятьдесят лет назад происходило рождение десятков новых леспромхозов, в которые ехали на работу по комсомольским путёвкам, а также вербованные из разорённых и голодных краёв от Буга до Терека. Политические освобождённые из лагерей обогатили Коми «декадансом» ленинградских и московских интеллигентских кругов, а заодно въедливой уголовной эстетикой, от которой не только республика, но и вся страна не в состоянии избавиться до сих пор.

В это время мальчишки играют в войну с реальными планшетами фронтовиков, ходят в школу в телогреечках и делают ножи из напильников и рваных канистр с выпуклыми буквами «wermacht».

В это время уже работают Микуньское и Сосногорское депо. Уже собираются первые выезды к морю первых пионерских лагерей из школьников Коми АССР.

Шестьдесят лет назад появляются ремонтно-механические заводы - Сыктывкарский (СМЗ), Княжпогостский и Ухтинский. А ещё раньше отменяют карточки на хлеб. В деревнях, недосчитавшихся более 200 тысяч мужиков, не вернувшихся с войны, мечтают уехать на воркутинские шахты, о заработках на них ходят легенды. Открыт кооперативный техникум в Сыктывкаре, в училищах на трактористов учат с 14 лет... Самая шикарная офицерская столовая (в Сыктывкаре) находится на том месте, где сегодня Торговый Центр «Звёздный». Из Выльгорта на работу в Сыктывкар ходят пешком. Из Гарьи и Максаковки тоже... Строится ДК «Строитель» и барачный (плюс две двухэтажки) микрорайон строителей вокруг него. Начинает вставать на ноги строительная отрасль города и республики.

В 1941-м открывается новое здание драмтеатра - такое, каким его сейчас восстановили по старым чертежам.

Семьдесят лет назад (в сентябре 1937-го) прошли первые поезда на перегонах Микунь - Княжпогост - Ракпас. Осенью того же года под Ракпасом расстреляны 200 заключённых, и дорога пошла дальше на Печору. Через четыре года пойдут первые поезда с углём для осаждённого Ленинграда, на Усе будут работать 40 водолазов-смертников, пытающихся вести дноуглубительные работы (за десять лет после работ поумирали все).

Республика ещё только-только справилась с девятым валом раскулаченных переселенцев (похоронив каждого третьего), в общем-то, она и республикой стала только-только (в 1936-м). Волна заключённых и строительство лагерей создают специфическую инфраструктуру республики. Жестяные фонари,

вышки и лай совсем не охотничьих собак зажигают огни большого ГУЛАГа... В Сыктывкаре появляется первенец коми индустрии Лесозавод. В 1934 пущен первый городской автобусный маршрут, который ходил как раз от Лесозавода до нынешнего Центрального стадиона, где на пятачке был рынок.

Под Ухтой рванули первые столбы нефти. В Кремле одетые уже во френчи в предчувствии Большой войны догадываются, что наступила другая - нефтяная эпоха... Кто об этом пока не догадывается - десятки тысячи заключённых, жизнями которых оплачено вхождение страны в Новый карбюраторный мир и в большую Победу.

Восемьдесят лет назад Коми автономная область пытается освоить молодцовский алфавит и создаёт свою литературу, журналистику, театр, многим грезится идея возрождения коми нации.

Товарищества по совместной обработке земли мало были похожи на нэпмановские бизнес-структуры, они стали предтечами тех колхозов, которые совсем скоро - через пяток лет -появятся в каждой деревне.

Девяносто лет назад в сёлах появляются озверевшие и вшивые солдаты с фронтов I-й мировой войны, собирающие для «толкования» мужиков. Уже театрально рвутся царские портреты и закапываются штыки в землю (чтоб потом откопать их и приспособить для хозяйства). В Княжпогосте кронштадтский матрос Люосев подбил братьев Мановых, и вместе, набив морду уряднику из Айкино, они торжественно выкинули ростовой портрет Императора из пристройки к местной школе, где раньше земское начальство отчитывалось по налогам и собирало их тоже...

Зимой впервые караван торговцев на Вятку уйдёт в уполовиненном составе (крестьяне приберегали для себя ячмень, впрок коптили дичь). А потом здесь загуляет банда Орлова и Лыткина... А потом придут «кровавые комиссары» Мориц и Мандельбаум. И под пулемётом кронштадтского матроса Люосева падёт под селом Летка капитан Орлов... На Чове (неслыханное дело!) расстреляют за контрреволюционную агитацию бабку Кузьбожеву, заговорит народ о трагедии и подвиге молодой девушки Домны Каликовой...

Сто лет назад на Троицкой улице Усть-Сысольска (ныне ул. Орджоникидзе) появляется первая в Коми крае типография. А на улице Спасской (ныне Советская) загорается первая лампочка - заметим, что в этот же год лампочка зажглась и в деревне Козловская (на Выми) на сплавных стапелях купца П. Н. Козлова. В 1900-1903 годах в крестьянских домах вычегжан, ижемцев,

вымичей появляются первые новогодние ёлки. До векового юбилея (1900 год) такой традиции - наряжать ёлку -на Коми земле не было. Только в редких купеческих домах и далеко не на каждый новый год ставились ёлочки... По осени пацаны из Кокулькара и Кируля ходят на рябчика с луками и с пращами-закидками...

Мы можем только думать, что знаем историю. Мы её пред-став-ляем...

КИЛЬДИМ

Никто не помнит, когда этой пивной дали кликуху «кильдим». Что такое кильдим, тоже никто не знает, а вот прилипло. Кличка - это вроде как что-то серьёзное, особенно в наших тёмных краях. А кликуха - это так себе. В общем -кильдим.

Кильдим-пивная еле видна из-за чёрного жилого барака, который стоит-то всего в тридцати шагах от железнодорожного переезда. Когда летят поезда, то даже с переезда видно, как дрожит солнце в перекошенных окнах, а кильдим в яме за бараком почти не виден.

Здесь торговали не только пивом. Здесь бывала водочка в розлив, вино тоже. Здесь бывали печень трески, сёмга, икра, буженина, салями и прочие вкусные вещи, о которых и сегодня не знают полки многих магазинов в провинции.

Здесь торговала не только Тоня, сорокалетняя чернявая красавица. Здесь торговала пивом тётя Сима, которая умела лепить мат в девять этажей и кидать ножи. Я её плохо помню.

Однажды на День молодёжи в городском парке я увидел старуху в чёрной телогрейке. Она собирала бутылки. Тогда по татуировке на руке - двуглавый орёл Российской Империи - я узнал в этой рухляди тётю Симу. Я её плохо помню, но есть фразы, которые помнятся всю жизнь.

- Когда я с мальчиками заходила в вагоны, эшелоны стояли на цырлах! С девочкой Симой не надо спорить! - так рассказывала тётя Сима об эшелонах, которые красавица атаманша «бомбила» под Одессой, «до того как.». Потом нашёлся эшелон, который от расстрела увёз её в Княжпогост.

Не знаю, кто строил кильдим и устраивал в него продавцом тётю Симу. Может, его строил 1956 год, когда амнистия уголовников 1953 года успела вернуться на зону, а из зоны «по хрущёвскому графику» попёрла на волю «политика». Может быть, кильдим строили для того, чтобы меньше было зарезанных на «малинах» и «хазах», то есть пропавших без вести, а чтоб резались лучше здесь, на виду - и милиции меньше бумажек, и правительству меньше свидетелей, и людской памяти меньше боли.

В пятьдесят шестом, говорят, здесь любили пить молча. «Вождь народов» научил молчать даже пьяных. В пятьдесят шестом здесь любили не узнавать друг друга: конвоир - подконвойного, троцкист - монархиста и вор - «хозяина». Тогда пятьдесят восьмая статья маячила ещё слишком близко, как

пятьдесят восьмой год. Тогда можно было слышать, как худые дядечки в кирзовых сапогах легко переходят с английского на чистую «феню» и называют сроки отсидки, которые больше, чем я живу.

Здесь многие любители пива попили его в последний раз, потому что пиво развязывает язык, а слово бывает дороже жизни. Недавно я здесь увидел седого мужчину в модном «прикиде». Он меня не помнил, а я его помню. Двадцать лет назад он завалил здесь топориком двоих мужиков. Тогда он был, конечно, помоложе, и надета на нём была телогреечка. Та самая телогреечка, в которую была одета моя страна.

Приехавшие люди в форме тогда, двадцать лет назад, наставили на него пистолеты и вежливо, почти без мата, сказали, что будут стрелять. «Телогреечка» бросила топор, потому что он дешевле, чем жизнь, и в лагерях его всё равно выдают даром. Но про убитых «телогреечка» сказала:

- Они не правы!

...Сейчас около кильдима спокойно. Мужчина «в прикиде» спокойно пьёт пиво, потому что сегодня здесь не правы все. Здесь слишком часто стучат по головам банками, здесь слово стало дешевле пьяной мелочи, здесь нет тёти Симы, и никто не знает, что такое салями.

Гласность здесь была всегда. Даже когда потерялась правда, а вместо салями появилась мойва. Дядя Вася из посёлка Северный в период «застоя» обещал маршалу из Политбюро, что тот в скором времени будет «нюхать, ландыши», а сам по пьяни регулярно присваивал себе очередное воинское звание. Стал «маршалом» - маршалом и умер. Здесь обсуждали урожайность кукурузы в Турьинском отделении совхоза «Вымский» и честь по чести пили за покорителей космоса. Однажды у киль-дима пёс Шарик покусал моего дружка детства Сашку Орехова, а потом этого Шарика съели мужики с деревокомбината -местного ДОКа. Они, видимо, чувствовали надвигающуюся «продовольственную программу».

Да Боже мой, чего здесь не было! Легче сказать, чего на самом деле не было. Здесь не было света. Не было не потому, что «темнота - друг молодёжи», его не было, потому что свет здесь разливали по стаканам и кружкам. И разливать продолжают. Другого света здесь не было, потому что «чуть свет - и на работу». А без света, как известно, не виден лозунг «Мы придём к победе коммунистического труда!» Наверное, не виден.

Как колоду потрёпанных карт, тусовал людей этот пятачок земли, плацдарм скукоженных душ и растрёпанных нервов. Что поделать, если эта пивная стала ковчегом, где Россия собрала из

своего пирамидального сословного пирога выжившей «твари по паре». И в пивном свете, закусывая пиво горохом и беду рукавом, толпа время от времени видела в худом дядечке сына астраханского купца, а в спящем пьянчуге - донского атамана. Не плакала ведь ни хрена Россия, когда впору было криком кричать. Может, от того и не плакала, что оставался ещё на руке тёти Симы синий двуглавый орёл.

Здесь появляются иногда всякие «в штатском», чтобы за пивком поговорить о ситуации в Польше и сервисе штатовских Дисней-парков. Вот, дескать, а у нас вот так. И крутят головой, показывая на бардак. Что им скажешь? Разве объяснишь им, что мужик шёл сюда годами и тёмными коридорами не для того, чтобы петь. Шёл кричать от боли, потому что слишком долго его заставляли смеяться. Он был в таких ямах и видел такие переулки, что, честно говоря, и на Польшу и на Штаты плевать он хотел с порушенных российских колоколен.

...Н-да. А если по прямой? А если по улице Рабочей (теперь имени земляка-академика)? То упрёмся в забор. Вот такая она - улица Рабочая: с высоким забором в одном конце и кильди-мом - в другом. А где-то между ними - точнее между нами -потерялся свет. Может, мы его вылакали? А, мужики? Или этот свет в поездах, которые проносятся вдоль этой улицы? Но они-то пролетают, а мы остаёмся.

...Боюсь, что снесут кильдим после моего рассказа. Будто кильдим виноват, будто земля виновата, что съезжаются на этот пятачок со всей страны, чтобы купить за один рубль и тридцать две копейки три литра света.

Мы пьём пиво большими глотками. Уже холодно. Пар из пасти. Кто пьёт с похмелья, кто с охотки. Грязный клочок земли лупят первые калёные морозы. Пофигу ему морозы.Эту землю уже били морозы, страшнее которых не бывает. И холодное тяжёлое пиво заливается, как свинец, в наши глотки. И становится тепло.

Мы же любим это тепло. Этот обман. Эту отдушину. Мы так же любим телевизор, прилипаем к экрану и смотрим разные штучки, и нам кажется, что это мы живём. А жизнь, как поезд, летит куда-то и уносит свет в своих окнах.

1986 год

МЕРА ХРИСТОВА

Как-то знакомая предложила мне встретиться с хорошим человеком:

- Он такой - настоящий, профессиональный православный!..

Я с трудом удержался от смеха. Уж слишком абсурдно это прозвучало: «профессиональный православный». Но, слава Богу, засмеялась и моя собеседница, когда поняла, что сказала. А потом мы даже как-то немного взгрустнули - ведь откуда-то вырвалось это странное словосочетание. Скорее всего, по созвучию с такими выражениями, как «профессиональный медик» (врач то есть), «профессиональный спортсмен», «профессиональный военный». Что-то в этом есть, но только как повод поразмыслить.

Разве все врачи умирают здоровыми? И разве все они долгожители? Может быть, все профессиональные военные стали героями, все они защищали страну? А разве все спортсмены-профессионалы смогли достичь каких-то высоких достижений? Конечно, нет. Вспоминается мне замечательный кардиохирург Бакулев. Очень тучный был мужчина. Тысячи людей спас. Ему ли не знать, что полнота губительна для сердца, что она ведёт к преждевременной смерти?

Замечательные спортсмены рвут связки, крошат суставы, а в боксе вообще - трещат сосуды и портится характер... Симпатичные люди, удивившие мир своим мастерством, не смогли удивить Бога и самих себя. Наша система координат, в которой профессионализм находится на самых высших ступенях, ничего не значит там, «наверху». Профессионализм оказывается меркой «здешней», применимой в этом мире, в лучшем случае, к ситуации, к возможности помочь (как Бакулев) или получить помощь со стороны. А собственной жизнью эти профессионалы часто распоряжаются менее грамотно, чем простые крестьянки и простые, «непрофессиональные» христиане. Именно простые, то есть цельные в своём отношении и к Богу, и к собственной жизни. Это в человеке обычно бросается в глаза.

Как правило, у нас десятки ролей. Вот я пассажир, вот - начальник, вот - подчинённый, там я буду пациентом, а здесь клиентом, и каждый раз веду себя в зависимости от обстоятельств. Если силы духа недостаточно, ты распадаешься на сиюминутные функции, ты есть, но тебя будто и нет.

И так же распадается всё вокруг. Раньше человек просто шёл в кино или в театр, но теперь учитывает массу вещей, не

имеющих никакого отношения к искусству. Соображает, а продают ли там попкорн, кофе, престижное ли это место. То есть когда слабеет интерес к искусству как таковому, мы цепляемся за вещи второстепенные.

Возьмём образование. Родители размышляют, какая школа престижнее, лучше оборудована и прочее, часто забывая выяснить, какой там уровень преподавания и, что не менее важно, воспитания.

И до Церкви дело дошло. Если наши родители и сами мы двадцать лет назад шли в церковь как в Дом Отца, как в главный Дом своей жизни, то сейчас - как в «поликлинику души». Вот на 8.20 в среду у меня номерок к стоматологу, в 16.30 в пятницу - к парикмахеру, а по воскресеньям с 9.00 до 11.00 время приёма душеведа. В звенящей колоколами «поликлинике». И церковь незаметно вместо главного места становится сервисом, одной из функций... Это православие психотерапевтическое. И куда от него деваться? Ведь - от школы до собеса -человек сначала вынужден защищаться от агрессии, нападений на его душу, а потом защищать свои мирские права.

Сыновья у меня ребята не робкие, не хилые, постоять за себя могут. Но вот школа: то старшеклассники на тебя наехали, то несправедливость на уроке, то девчонки обзываются. А потом -на улицу, и снова надо отбиваться. Попробуй вырваться из всего этого гвалта и будь добрым, научись любить - попробуй жить так, как учит тебя Церковь. А это возможно, только если с этим миром порвать, не иметь с ним никаких контактов.

Или на работе - даже самой доброй. На врачебной стезе, например. Указами и претензиями, бумажками и графиками и тут вас приучат жить не по совести, а по отчёту и цифрам. Приучают думать о защите раньше, в нем появится необходимость. И кто? Те же люди, которых вы завтра встретите в церкви.

Что-то главное утрачено, забыто. В Парижском музее есть эталоны метра, килограмма, литра. Все эти эталоны лежат под стеклянными колпаками, в них проверено всё до тысячных и десятитысячных долей. А что такое «эталон человека», тот образец, к которому должно стремиться? Ответ вы знаете. Мы жизнь по Христу меряем, Он для нас приМЕР. Значит, и отношение к Церкви должно быть по мере, которую Он задал.

- Какое? - спросите вы.

Не найти ответа другого, кроме как жизнь по заповедям. И при этом нужно понять: не отношению к Церкви Он учил, а отношению к жизни. Две первых заповеди важнее всего - это заповеди о том, как жить, о самой жизни. У нас вывернуто наизнанку понятие «умение жить», отсюда и вся эта суета с

профессионализмом. Сейчас под «умением жить» подразумевается полное забвение вопроса о смысле жизни, и... полное вытеснение из души памяти смертной.

Сдаётся мне, что жизнь люди тем меньше понимают, чем реже сталкиваются с её границей - со смертью. У Шолохова в романе «Тихий Дон» есть описание молодых удалых казачков, которые не боятся пуль. До первого ранения. Если повезёт. Если сразу глаза не закроет, не успев удивиться, как это просто. И вот зацепит его кусок свинца, вырвет сухожилия, покрошит рёбра, и кричит он, сердечный, в небушко глядя, маму зовёт. И, наверное, сам не знает, какую маму - ту, что где-то в голодной станице осталась, или Ту, что с Небес на него смотрит. И вот тогда оно начинает приходить - это самое умение жить. Только теперь уже настоящее, без кавычек. Из этого и рождается личность, способная не мельтешить, не вертеться, а предстоять перед Богом.

Отец мой рассказывал, как однажды после войны он на костылях, с двумя вёдрами тюльки ездил в Днепропетровск, чтоб продать или обменять рыбу на хлеб. Обменял. Съесть успел полосьмушки. Подошли лихие ребята, сбили инвалида, отобрали и хлеб, и кортик, костыли в сторону откинули...

«Кипело в душе так, что я от ярости умереть мог, - рассказывал отец. - И вот сижу с разбитым носом на железнодорожной насыпи, до костылей ещё доползти надо. И тут собака подбегает бродячая и смотрит на меня... «Иди отсюда!» - кидаю в неё камнями с насыпи. А она смотрит на меня и смотрит. И вдруг тихо у меня стало на душе. Тихо-тихо... И уютно, как у Христа за пазухой. Я ведь живой. Сейчас доползу до костылей, поеду домой... И пусть дома-то нету. Зато есть сарай со старыми рыбацкими сетями. Есть море... А собака смотрит на меня, как сама Жизнь... Думаешь: разве ты жить после такой войны остался ради этих кусков хлеба? Вспомнил, что лежит у меня за пазухой слипшаяся медовая карамелька... Отдал её собаке. Заслужила».

Отец до Церкви так и не дошёл. Не всё сразу, но есть дети, внуки, в крови которых течёт его понимание - что такое жизнь. Как жить, когда жить нечем вообще, когда против тебя всё и все? И ещё - он помнил про смерть. Так крепко, что не скоро забудется. Смотрю в глаза своего младшего сына. Он тоже помнит, хотя, может, и не понимает до конца, откуда в нём это...

Можно ли «профессионально жить»? Точно так же, как быть «профессиональным православным». Жить можно православно. Наполняя любовью и добром, радостью бытия и незлобивостью каждую минуту, каждую встречу и серьёзные в своей бессмысленности отчёты перед начальством. Важно ярко радоваться всему. Ибо по ту сторону нашей системы координат

вам обрадуются и вас полюбят ровно настолько, насколько вы любили и славили жизнь по эту.

2010 год

ХЛЕБ

Известны две самые древние надписи. Обе из дошумерской эпохи, им более 7 тысяч лет. Появились они до Великого Потопа, а потом встречались во всех эпохах. Одна надпись гласит: «О Боже! Что за дети пошли непослушные...» Другая надпись: «Я голоден. Пришлите пшеницы и кунжута».

Голод и беспокойство о будущих поколениях - вот что долетело до нас из глубокой древности.

Ещё 500 лет назад, во времена Ивана Грозного, на территории нынешней Республики Коми хлеб ели пять процентов населения, да и то - преимущественно по праздникам. Основной пищей были дичь, рыба и лесная ягода. Во времена Бориса Годунова, на рубеже 16-17 веков, судя по дозорным книгам Яренского, Лоемского, Киберского уездов, хлеб сеяли в 1: 5 доле от потребности. Сеяли не всегда, потому что в четырёх годах из десяти случался неурожай, вымораживало и недозревало. Мёртвые деревни были реальностью каждые пять лет вплоть до Екатерининской эпохи, до 1776-96 годов.

Рожь и ячмень - только это было хлебом. Пшеницу на Выми, например, научились доводить и сберегать в более-менее «едомых» объёмах только к 1847 году (так указывают «Вологодские губернские ведомости» 1853 года). Основная доля хлебов всё-таки «торговалась». На Вятку и Чердынь шли караваны с пушниной и «питиряком» (так называли тушки мороженого рябчика), а оттуда - с порохом, сахаром и зерном.

В 1637-41 годах на Выми были такие неурожаи, что, например, в Онежье оставалось трое взрослых жителей (по дозорной книге 1608-го их было более 500 человек). Это не значит, что все умерли: часть ушла на верхнюю Вычегду и на Соли Камские, но большая часть людей, действительно, погибла. Похожий голод поразил Турью, Усть-Вымь, Княжпогост и Онежье в 1676 году. На Мезени после голодовки 1676 года оставались три деревушки, на Сысоле «збродили» (т.е. ушли) целыми кланами и родами - кто на Пермь, кто на Чердынь, кто, как ни странно, ушёл на Печору - на Север.

Хлеб - слово, ставшее символом победы над голодом, пришло к нам из Греции. Возможно, оно пришло в 13 веке после разгрома Константинополя крестоносцами, когда тысячи, десятки тысяч православных греков пытались найти спасение в славянских землях на востоке. Но, возможно, слово «хлеб» пришло и ещё раньше - из изобильных тех же греческих колоний Крыма и

Черноморского побережья Кавказа. «Хлибанос» -это небольшие низкие горшочки, в которых выпекался хлеб и на стол подавался часто вместе с горшками. Посуда «хлиба-нос» - нечто среднее между розеткой и глубокой тарелкой. Не правда ли - не в похожих ли формочках и сегодня выпекают хлеб?

Некоторые филологи утверждают, что слова «хлеб», «хлябь», «лепить» и «лепота» (т.е. красиво, ладно, добротно сделанное и служащее) в славянских и праславянских истоках -однокоренные слова. Однако большинство всё-таки сходятся во мнении, что слова оказались просто похожи.

На столе средней семьи Древней Руси и вплоть до Екатерининских времён хлеб был редок и представлял собою продукт, сильно отличающийся от того, что мы сегодня называем хлебом. Это были булки из муки грубого помола, перемешанные с соломою, крапивой, ягодой и пареной репой (на праздники - с морковью), где самой муки было едва ли треть. Императрице Екатерине Великой народ наш благодарен в своём преумножении не только за административные реформы, отмену смертной казни, формирование первого бюджета (до неё годовые расходы и доходы никто не считал), но и за приток с Запада её земляков-немцев, пришедших с другим уровнем земледелия и кулинарии, бытоустройства и медицины (от гигиены до аптечного дела). При Екатерине же впервые власть стала считать трудовые ресурсы россии, в ней зарождалось понимание «человеческого фактора», а, значит, борьба с голодом была борьбой за преумножение народа российского и за благосостояние людей. К слову, за век после Екатерины население россии увеличилось в шесть раз!

Двадцатый век стоит особняком в истории страны. Две мировые войны, ГУЛАГ и русская Голгофа с гонениями на христиан и крестьян (что, по сути, в россии было одним и тем же) поставили страну в положение, когда ценность хлеба несколько раз за столетие для миллионов людей была дороже золота. За голодомор 1921-го на Волге и 1933-го года на Украине мы потеряли около 10 миллионов человек. В блокадном Ленинграде только от голода погиб почти миллион человек. Причины разные, но безбрежное горе людское начиналось там, где пропадал хлеб. За него отдавали художественные и антикварные ценности; им, как единицей измерения, поверяли стоимость других вещей. Ещё в 60-х годах и даже позже можно было слышать в выступлениях чиновников и читать в газетных публикациях, что, например, «новая радиола «Волга» сопоставима в стоимости 1040 буханкам серого пшенично-ржаного хлеба», что «зарплата механика на селе равна 900 батонам» и т.д.

Чёрный хлеб - не элитный нынешний, Бородинский,

например, а настоящий тяжёлый, похожий на кусок чернозёма, в 60-х годах стоил 10-12 копеек за килограмм. Я помню, как его продавали на вес в «лагерном» магазине Княжпогоста («лагерным» магазин назывался, потому что снабжение его было по линии снабжения «УстьВымьлеса», ещё недавно - «УстьВымьлага»). Тогда так и различали хлеб - чёрный, серый и белый. То, что сегодня называют «чёрным хлебом», тогда называлось «серым». Никаких тебе Барвихинских или Баварских хлебов. Были караваи из сельских или лесопунктовских пекарен, которые пеклись побольше размером и попышнее, а потому командировочный люд на лесопунктах и в сёлах, как деликатес, покупал такой хлеб себе и знакомым по несколько буханок. Впрочем, в 60-х, конечно, с хлебом было уже несравненно легче. С ассортиментом тоже. Тогда ситуация с продовольствием и достатком людей менялась прямо на глазах. У проходных заводов в Сыктывкаре, в Ухте, у контор леспромхозов стояли вместе с «досками почёта» и доски с цифрами статистики. Выглядело это примерно так: «В 1967 году рабочие завода (или леспромхоза) купили два автомобиля - «Запорожец» и «Москвич», в минувшем 1968 - уже пять автомобилей и двенадцать мотоциклов, в том числе пять с коляской, а в нынешнем 1969 году - восемь автомобилей и 36 мотоциклов». Здесь же были цифры купленных холодильников, телевизоров, радиол, велосипедов. Сегодня это выглядело бы странно и для кого-то даже кощунственно (считают содержимое моих карманов!), но тогда это всё воспринималось как что-то обнадёживающее, как совместная победа над нищетой и как дружное планирование общих перспектив.

Ситуация менялась на глазах... Поколение родившихся в конце 60-х годов прошлого столетия хлеб как ценность понимало уже только по рассказам родителей или в силу случайного личного опыта. Опыта реального голода.

Солдатский хлеб

В начале 90-х годов, когда окончательно рухнули остатки цензуры, на российских телеканалах появились сюжеты о голодных бродягах и нищих. Но особенно потрясли страну кадры, которые показала программа «Время», - голодных, доведённых до дистрофии матросов с острова Русский (недалеко от Владивостока). Кажется, двое из них от недоедания даже погибли. «Дедовщина» в армии, проблемы неуставных взаимоотношений были названы главной причиной этого чрезвычайного происшествия. Одни журналисты и политики винили во всем демократов, разрушающих армию, другие - коммунистов и армейскую бюрократию. На мой взгляд, вторые были правы больше. Солдат недоедал всегда. Это императив его жизни.

Недоедать, недосыпать, хотеть пить, согреться или, наоборот, залезть в прохладу. Но голод, когда тело теряет по 26 килограммов в месяц и при этом должно выполнять поставленные задачи, к сожалению, так же часто бывает в армии, как и обычный недоед и недосып.

...На морозе в минус 35 с ветром мы, курсанты учебного полка Волочаевского городка (Хабаровск) рубили лопатой найденную в технической яме буханку белого хлеба. Создавали тайники с хлебом. Меняли его на сигареты и на более удобные валенки. Зима 1978-79 годов была лютой, на неё, как на минусовые максимумы, часто ссылаются в метеосводках и сегодня. Лютая зима вдвойне труднее солдату и в десять раз труднее солдату голодному. Мы терпели и мечтали: будем «дедами», наедимся! Кому-то повезло хотя бы со вторым годом службы. Я же попал в Амурскую область, в г. Свободный. Этот город сейчас знаменит тем, что там создают космодром. Тогда там ничего не создавали. Наш автобат стоял среди сопок и питался большей частью посылками из дома и ворованной картошкой из пригородных усадеб. Потому что то, что предлагала столовая, есть могли только гарнизонные свиньи. Без преувеличения. Чёрный перемороженный картофель, гнилое мясо, прогорклый до ядовитого состояния маргарин и животный жир. Деликатесом был гороховый суп, от плесени пахнущий водорослями. Осенью 1979 года автобат скосила «желтуха» (гепатит А) и дизентерия. Из более чем четырёхсот солдат свалилось триста! В это же время завшивели. Ни горячей воды, ни мыла. Спасались керосином, да и то - ворованным со складов. Трибуналы и гауптвахта уже не пугали. Гимнастёрки под утюгами трещали и расписывались кровавыми разводами... Картинка, как в гражданскую войну, не правда ли? Когда я пришёл из армии и рассказывал об этом отцу, в университете, ребятам, вернувшимся со службы в Германии и на Волге, мне никто не верил. «Ну, не до такой же степени!» - недоверчиво ухмылялись все. Дескать, солдатские байки - они, как байки рыбаков: фантазии приветствуются. Но это были не байки. Мне поверили через десять лет, когда программа «Время» рассказала об острове русский. Сколько их, таких солдатских» и матросских «островов»? Я уверен, что они есть и сегодня. Потому что всегда есть люди, имеющие власть не понимать голодного. Сытый голодного не разумеет, а уж властный и сытый - тем более.

Интернатовский хлеб

Осенью 1993 года вокруг Кунибского психоневрологического интерната (Сысольский район Республики Коми) разразился скандал. Внешне, в прессе, он почти не проявился, если не

считать одной-двух статей в «Красном знамени» и «Молодёжи Севера». Тогда умы интеллигенции, прессы и всего политически активного населения были заняты выборами в Государственную Думу, которую в начале октября расстреляли из танков, а 12 декабря её должны были выбрать без коммунистов и проголосовать на референдуме за новую Конституцию. В ней, между прочим, права личности отмечались особо... Абстрактная демократия уже шагнула далеко вперёд, а в Куниб-ском психоневрологическом интернате больные люди сидели на четырёх кусочках хлеба... в неделю! И при температуре в корпусах 8 градусов по Цельсию. Ко всему прочему, в одном из зданий шёл ремонт, а потому размещённые по соседним корпусам больные спали на сквозняках на полу.

Скандал, по сути, начался тогда, когда с проверкой приехала комиссия из Министерства по социальным вопросам, в составе комиссии был автор этих строк в ранге помощника министра и врач-психотерапевт В.Толстов. Мы увидели измученных, голодных и холодных людей, которые тихо улыбались и просили хлеба и сигарет. Серый сырой хлеб им привозили два раза в неделю, на душу выходило по два кусочка. Остальная еда разносолами тоже не баловала - пустые перловые похлёбки, картошка с консервами сайры, правда, говорят, что им часто давали конфеты-карамельки. Наверное, это было то, что удавалось урвать или выбить пожилой женщине-снабженцу. На фоне ремонтной грязи (ремонт длился уже больше года, и больные люди работали в т.ч. на стройке), холода, сквозняков и плохого освещения вся картина была страшной, какой-то военной и сумасшедшей не из-за больных людей, а из-за отсутствия совести у здоровых.

Справедливости ради надо сказать, что были, конечно, работники интерната, которые на свои деньги покупали хлеб голодным подопечным. Был предприниматель из Визинги, который оставил для больных двадцать или тридцать килограммов сушек...

...Тут сделаем логическое отступление. Я хотел следующую строчку написать так: «Но дело ведь не в благотворителях, а в государственной системе и в больном обществе, которое забыло своих убогих граждан». Однако я эту строчку из книги вычеркнул. ДЕЛО КАК РАЗ В ЭТИХ БЛАГОТВОРИТЕЛЯХ, поделившихся куском хлеба, умеющим слышать чужую боль и голод. Дело в куске хлеба, поделённом пополам. Поделённом, а потому и объединяющем народ не только в праздниках, но и в тяготах, и в трагедиях. Неизвестная сердечная работница интерната и безымянный предприниматель - все они часть общества. И народ

жив, пока есть в нём люди, умеющие делиться.

Директор интерната, которую все жители села звали «Шахиней», не получила даже выговора. И это даже после того, как мы по итогам проверки устроили совещание в Минсоце и скандал. Рука руку моет. Тогдашний министр по соцвопросам был почему-то сильно занят поездками в Германию, в Финляндию, в США (на планёрках умилялся увиденным отношением к инвалидам и социально незащищённым гражданам в тех странах), а в Кунибе изменилось только одно: тогда, в 1993-м хлеб начали привозить пять раз в неделю. Мы с врачом В.Толстовым «хлопнули дверью» - ушли из министерства.

В 1995 году газета «Вечерний Сыктывкар» сообщала цифру, которая прозвучала на одной из планёрок администрации. 176 семей Сыктывкара недоедало в тот период. «Недоедало» -это голодовало. Официальную цифру смело можно умножить, как минимум, на четыре. Даже сейчас, пятнадцать лет спустя, картина будет всё-таки другой. Но важно помнить, что смысл хлеба всё тот же. А отношение, увы, бросовое...

Мне повезло

Когда-то в молодости, когда страна Советов отказалась от советов и распадался СССР, я услышал историю одного старика-литовца, который жил у нас где-то в одном из лесных посёлков. Ему пришло письмо из Литвы, в котором сообщалось, что по реституции - по возврату незаконно отнятого во время революции и национализации в его стране имущества -государство Литва готово ему вернуть... пакгаузы и портовые дома, торговые склады где-то на побережье и даже возможность получить деньги за пароходы, которые у него были. Что-то там у его отца было и на счетах банков то ли в Австрии, то ли в Австралии. Семидесятилетний старик в то время работал пекарем, и вот в одночасье он мог стать миллионером. Наследник он был основной и один, остальные претенденты были дальние родственники.

Говорят, что, когда старику пришло письмо, он допёк хлебы своей смены, был, говорят, от нервов необычно румяный-румяный. Вечером, уже в темноте, он пошёл по глубокому снегу на кладбище и долго сидел у могилы своей жены. Долгодолго. Вечером к нему заходили соседки и видели, что он бесконечно курит трубочку, разговаривать не хотел... А утром вышел на работу. И продолжал работать всё так же - бледный и седой.

Он написал письмо туда - на родину, в Литву. Что в том письме, мы не узнаем. Но соседям объяснил просто. «Я хочу тут печь хлеб людям... Что я буду делать там? Два-три года трепать нервы с этими миллионами? Ходить с документами среди

незнакомых людей и доказывать, что я - это я? Или лежать кверху пузом совсем в незнакомых странах и пялиться на чужую жизнь? И потом умру далеко от моей Анны?.. Моя жизнь здесь, потому что я здесь пеку хлеб».

Меня потрясла простота ответа и простота чрезвычайно ёмкого образа. «Я здесь пеку хлеб - и здесь моя жизнь». В районной газете написали немножко с пафосом: «Здесь я нужен людям», - но нам неизвестно, имел ли в виду тот старик «нужность» в рабочем смысле, а вот в скрытом, внутреннем смысле точности своего служения судьбе и Богу - это он имел в виду точно. Такими поступками не обманешь. Умер он меньше чем через два года. И положили его рядом с его Анной.

Теперь уже не помню, о каком же посёлке и каком старике писали, но где-то на простом сельском кладбище лежит старик, который помог мне когда-то правильно понимать судьбу и смыслы жизни на земле. Я хочу так же. Быть на месте: где родился, там и пригодился, - не изменять судьбе и дорогам, которые дал тебе Бог. И печь свой хлеб. Причём про хлеб я долгие годы мечтал буквально. И судьба дала мне возможность поработать с хлебом: я пять лет потрудился менеджером по продажам на хлебокомбинате.

«Не мечтай, а то намечтаешь...» - есть такая саркастическая поговорка. И всё-таки здорово: я уверен, что и в последний свой год на земле испеку я-таки хлеб. И угощу соседей. По-домашнему, может быть, простенько как-то, но всё-таки...